"Искупление. Часть вторая (СИ)"

Читайте больше БЕСПЛАТНОЙ литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Григорьева Юлия

Искупление. Часть вторая

Глава 1

— Флэй.

— Что? — ровный голос моего дикаря слился с плеском волн.

— Мне скучно, — я поерзала на его плече и села.

— Полчаса назад тебе было страшно, — иронично хмыкнул он, не открывая глаз.

— За полчаса мне надоело бояться, теперь скучно, — заявила я, тяжко вздыхая.

— Что будет еще через полчаса? — поинтересовался мой мужчина.

— Откуда я знаю, полчаса еще не прошли, и мне все еще скучно, — я снова вздохнула.

— Мне снова спеть тебе? — коварно спросил Флэй, и я спешно закрыла ему рукой рот.

— Ты ужасно поешь, невыносимо, отвратительно, — сказала я, не щадя его самолюбия. — Ты и танцуешь так же. И стихи рассказывать не умеешь, как и складывать их.

Он сел и сурово посмотрел на меня.

— Я вообще что-нибудь умею хорошо делать?

Закатив глаза, я подумала и кивнула.

— Ты замечательно ловишь рыбу и стираешь, — расщедрилась я на комплимент.

— И все?! — возмутился мужчина.

— Ага, — я счастливо осклабилась.

— Ну, держись, женщина, — угрожающе рыкнул Флэй, и я с визгом и хохотом упала на дно лодки, извиваясь под его шустрыми пальцами, уже привычно игравшими на моих ребрах.

— Флэй, Флэй, хватит, — повизгивала я. — Я солгала, солгала!

Пытка тут же прекратилась, и он склонился надо мной.

— Ну?

— Ты не храпишь по ночам, — гордо сообщила я и тут же снова завизжала. — Ну, хватит! Ты во всем молодец, — хохотала я. — И рыбу ловишь, и стираешь, и не храпишь, и ножны у тебя замечательные, ты лучше всех!

Мужчина щелкнул меня по носу, поймал руку, которая уже готовилась покарать за это раздражающее действие, и ласково коснулся губами ладони. Я тут же застыла, глядя на него, а губы Флэя пропорхали до запястья, задержались на нем, лаская языком, и я задохнулась, прикрывая глаза. Он сдвинул рукав выше, и дорожка из поцелуев зазмеилась по руке, заставляя тихо постанывать от приятной неги, разливающейся по телу.

mir-knigi.org

— Флэ-эй, — протянула я.

— Да, голубка, — мужчина оторвался от своего занятия и посмотрел на меня с доброй улыбкой.

— Мне больше не скучно, мне сладко, — ответила я, приподнимаясь, чтобы поймать его губы.

— Ну, раз тебе больше не скучно, я досмотрю сон, — деловито произнес мужчина и улегся, вздохнув с чувством выполненного долга.

Я возмущенно посмотрела на него, все еще не веря, что он остановился в самом начале своих упоительных ласк. Толкнула его в плечо, сердито посопела в ухо, насупилась и села рядом, скрестив руки на груди. Тут же сбоку послышался могучий храп, и я от души шлепнула дикаря по его упругому заду. Флэй рассмеялся и снова открыл глаза, весело глядя на меня.

— Ты невозможен! — воскликнула я.

— Моя твоя не понимает, — развел руками мужчина.

Вздохнув, я собрала воедино все знания его языка, которым мы занимались во время плавания, выбрала единственное, что у меня подошло, и изрекла на наречии племени Белой Рыси:

— Флэй, ты дерево.

Мой дикарь сел и возмущенно посмотрел на меня.

— Дурак что ли? — уточнил он.

— Дерево, — повторила я.

— Оригинальный перевод слова — невозможен, — хмыкнул Флэй.

— Имей совесть! Ты учил мой язык несколько лет, я твой всего месяц, — оскорбилась я.

Мужчина положил мне руку на плечо и притянул к себе, поцеловал в висок и потерся щекой.

— Научишься, — произнес он. — У тебя выбора нет. Или научишься, или… — я подняла на него взгляд. — Насмешками изведу, — пообещал дикарь и сразу получил кулаком в бок. — Женщина, ты бьешь своего мужа? — потрясенно воскликнул мой дикарь. — Значит, я тебе готовлю, стираю, ублажаю с утра до ночи и с ночи до утра, а ты меня за это еще и бьешь?! Знаешь, что-то в нашей семье явно не так.

Нагло взглянув на него, я снова двинула локтем в бок.

— Ты мне еще не муж, — произнесла я. — Но заботишься о благородной тарганне вполне сносно для дикаря со Свободных Земель.

— Договорилась, — кивнул сам себе Флэйри, сын Годэла, и я вновь полетела на дно лодки.

Задержав на мгновение взгляд на моих глазах, он прошептал, касаясь моих губ:

— Диэр утрольг.

— Ты… — тут же перевела я начало фразы.

mir-knigi.org

— Невероятна, — произнес Флэй на таргарском и захватил мои губы в жаркий и невыразимо томительный плен.

Мои руки сплелись на его шее, зарываясь в отросшие волосы, и все исчезло. Море, небо, плеск волн, остался только он и его нежные, но такие жаркие прикосновения. С тех пор, как мой дикарь был рядом, мне казалось, я совсем не знала мужчин и не знала, как можно любить на самом деле.

— Милый мой, — задыхалась я, когда руки Флэя скользили по моему телу. — Ненаглядный, нежный, — изнывала я, чувствуя пьянящие поцелуи. — Любимый, желанный, — кричала, когда он овладевал мной, и все переставало иметь значение.

— Родная моя, — шептал этот необыкновенный мужчина, выпивая с моих губ стон за стоном. — Невероятная, солнечная, — стонал он, упиваясь моими ласками. — Любимая, единственная, — и мы взмывали в ослепляющую высь всепоглощающего счастья.

И больше ничего было не надо, ни земли, ни дома, потому что эта лодка успела стать нам домом, ни кого бы то ни было, потому что не было дня за этот месяц, когда бы мне хотелось, чтобы это вынужденное уединение было нарушено. А потом, все еще задыхаясь, мы лежали прижавшись друг к другу, и наши взгляды словно притягивало невидимым магнитом. Я не могла насмотреться на него, не могла насладиться звуками голоса и теплом прикосновений. Это была какая-то странная, необыкновенная и в чем-то болезненная потребность все время чувствовать Флэя рядом.

Как-то я проснулась, а его не было, просто не было и все. Вокруг море, лодка мерно покачивается на волнах, а я стою и чувствую подступающую панику, оттого, что он пропал. Через несколько минут он забрался на высокий борт, и я накинулась на него с кулаками. Это было настолько несвойственно мне, но даже не отрезвило осознание недостойного благородной дамы поступка. Просто мне было страшно потерять его.

Флэй тогда не стал прибегать к своему излюбленному методу моего успокоения и издеваться. Обнял и долго удерживал, пока мое дыхание не выровнялось. И тогда прозвучало его первое признание.

— Мне тоже страшно потерять тебя, — сказал он, прижимаясь щекой к моим волосам. Он понял меня без прямого объяснения моего недостойного поступка.

— Почему? — я вскинула на него заплаканные глаза.

Сын Белой Рыси осторожно стер ненужную влагу с моего лица, поцеловал в кончик носа и улыбнулся, произнеся так, словно объяснял ребенку, почему качаются деревья:

— Потому что люблю тебя, тарганночка.

Это были самые желанные слова, которые я мечтала услышать от него, но вдруг растерялась и прошептала:

— Я тебя тоже люблю.

— Я знаю, маленькая, — улыбнулся этот невыносимый мужчина и щелкнул меня по носу, чем привел в чувство.

Я замахнулась, чтобы шлепнуть его по руке, но Флэй перехватил мою ладонь и так же, как

сегодня поцеловал, затем прижал к себе и едва слышно произнес:

— Солнышко ты мое глупенькое.

— Глупенькое? — возмутилась я.

— Умненькое бы сразу заметила веревку, — и он указал на веревку, свисавшую за борт. — И поняла, что я всего лишь решил быстро искупаться.

— Ненавижу тебя, — фыркнула я.

— Врешь, — засмеялся мужчина, и я вздохнула, признаваясь:

— Вру. Бессовестно и нагло.

Это был самый необыкновенный месяц в моей жизни, наполненный множеством мелких, но событий. Для начала я научилась есть сырую рыбу, потому что готовить ее было негде. В лодке имелся гарпун, с помощью которого Флэй ловил морских обитателей. Мне так нравилось смотреть на него, когда, обнаженный по пояс, он застывал с занесенным вверх гарпуном. Мужчина мог так стоять очень долго, затем удар, и он достает трепыхающуюся рыбину. Это было такое красивое зрелище, и в то же время жалостливое. Рыбу мне всегда было жалко, но желудку требовалась пища.

Еще была сеть. Ее мой дикарь крепил к лодке на ночь, а утром доставал, пусть с небольшим, но уловом. Флэй чистил, разделывал ее, убирал кости и давал мне, сначала маленькими кусочками вкупе с провиантом, что нам передал Дьол перед отправкой в море. В мешке мы нашли хлеб, вяленое мясо, флягу с водой и еще по мелочи. Хлеб мой дикарь нарезал на тонкие полоски и высушил, объяснив, что сухари у нас сохранятся дольше. Мы ели их понемногу, сначала с мясом, но все чаще мужчина добавлял к трапезе сырую рыбу, приучая меня есть ее. Это было непривычно для нас с желудком, но мы справились. Так что, когда закончилось мясо и сухари, я уже не морщилась, принимая из рук моего мужчины дары, которое давало нам море.

Так же в лодке имелся навес, который можно было натянуть и спать под ним, а за ненадобностью убрать. Флэй рассказывал, что они с таром Аристофом достаточно поработали на этим суденышком, превращая его в более приспособленное к долгому плаванию судно, пусть и маленькое. А благодаря тому, что море было пресным, чем помыться, и что пить, у нас было. Правда, пришлось привыкать и к морской воде, пусть и пресной. В общем, жить в лодке дикаря оказалось не так уж и плохо.

Настоящей катастрофой для меня стали женские недомогания, случившиеся на вторую неделю нашего плавания. Мне было и стыдно сказать о них, ведь на тот момент мы еще не были близки, и была паника, потому что я оказалась без всяких необходимых средств. Флэй, к моему огромному стыду, заметил сам. Обозвал таргарской скромницей и отдал в мое пользование собственную рубашку, которая как раз сушилась после доступной в этих условиях стирки. Я тоже научилась стирать за это время, не привлекать же было мужчину к стирке моих панталон.

И скучно с дикарем не бывало ни минуты, даже если мы молчали. А молчали мы редко, чаще, когда он сверялся со звездами, закреплял руль, и мы, крепко обнявшись, засыпали. За все это время я не видела ни одного кошмара. А если мне снился Руэри, он всегда улыбался и одобрительно кивал. После таких снов мне было немного грустно, но недолго, потому что долго грустить рядом с несносным сыном Белой Рыси было невозможно.

Флэй много рассказывал мне о своем племени, об устройстве их жизни, о быте, легендах и поверьях. Он учил меня языку и добродушно смеялся над моим акцентом, вспоминая, как сам был в обратной ситуации. Только в Таргаре вызывали насмешки смягчения им некоторых звуков, я же, наоборот, произносила слова слишком твердо.

— Кто ты сейчас? — спрашивал дикарь.

— Алъен, — отвечала я.

— Альен, тарганночка, "ль", — талдычил он. — А должна стать?

— Своей я должна стать своей, — сердилась я, и Флэй тут же паясничал:

— Моя твоя не понимает!

— Деръес, — ворчливо ответила я.

— Дерьес. Сафи, "рь". Мягче произноси. Альен, дерьес, поняла?

— Да-а, — сопела я и снова повторяла мягкие звуки.

Альен — чужой, чужак, пришлый. Дерьес — свой, близкий. Мне нравилось слушать, когда он говорил на родном языке, но казалось, что я никогда не научусь. И все же, когда до Ледигьорда оставалось уже недолго, я могла поздороваться, назвать свое имя, назвать принадлежность к племени, но эти слова я не собиралась использовать, пока не пойму, что уже стала дерьес. И основания не торопиться у меня были.

Флэй не стал скрывать, что встретят меня настороженно, но был уверен, что быстро привыкнут и смогут полюбить.

— Тебя нельзя не любить, солнышко ты мое, — улыбался мужчина. — Мать и все остальные увидят то, что вижу я.

— А если нет? — тревожно спрашивала я.

— Главное, что у тебя есть я, — отвечал он, подмигивая. — Держись меня, тарганночка, не пропадем.

И я ему верила. Вообще доверие к этому мужчине было каким-то запредельным. Я словно растворилась в нем. Это пугало и радовало одновременно. Пугало, потому что все происходило все очень стремительно. Вроде не так давно, я еще стояла в дворцовом парке напротив вечно хмурого и неулыбчивого тарга Фрэна Грэира, уговаривая устроить мне последнюю встречу с мужем перед его казнью. И вот я уже в объятьях этого фальшивого тарга, оказавшегося дикарем со Свободных Земель, и отчаянно боюсь, что однажды эти объятья ослабнут, и я упаду в бездну.

А радовало, потому что впервые за последние почти девять лет моей жизни, мне не нужно было постоянно следить за тем, чтобы остаться собой и не потерять душу рядом с жестоким Таргарским Драконом, герцогом Найяром Грэимом, превратившего меня в свою любовницу и всеми ненавистную "Таргарскую Ведьму". Сейчас я могла быть просто женщиной. Позволить себе быть слабой, хрупкой, зависимой и любимой, потому что быть рядом с Флэйри, сыном Годэла, из племени Белой Рыси, даже слабой было приятно.

mir-knigi.org

Флэй очень рассчитывал успеть достичь Ледигьорда до начала осенних штормов. Пока нам сопутствовала удача. От самого Таргара всего несколько раз нас накрыла небольшая буря. Мой дикарь быстро убрал парус и загнал меня под навес, более-менее защищавший от ветра и холодных водных брызг. И снова я не сомневалась в том, что он вытащит нас. Вытаскивал, не забывая сыронизировать, глядя, как последняя трапеза покидает мой желудок, отправляясь прямиком за борт:

— Море дало, море взяло.

Я избавилась с ним от излишней стеснительности, потому что раздражала ироничность дикаря, захлестывавшая его, когда он глядел на мои пунцовые щеки. В конце концов, махнув рукой, я начала забывать замашки благородной дамы. Жить мне не во дворце, а в поселении, учиться разжигать печь и самой готовить. И самое главное, меня ничего из будущих обязанностей не пугало, просто хотелось ответить заботой на заботу своего мужчины.

— Все будет хорошо, — уверял меня Флэй.

— Ты же рядом, — обычно отвечала я.

— Всегда, — говорил на это дикарь, и я снова верила.

Вот так мы и прожили этот месяц. Если ссорились, то в шутку, смеялись и учились понимать друг друга с полуслова.

— Спать, неугомонная? — спросил Флэй, выпуская меня из своих объятий, чтобы плотней укутать в плащ, который я скинула, пока доставала его.

— Спать, — согласно зевнула я. — Теперь мне не страшно, не скучно и уже не сладко, но очень хорошо.

— Хвала богам и Пращурам, я умилостивил это мелкое тагарское чудовище, — засмеялся дикарь вновь прижимая меня к себе. — Спокойной ночи, голубка.

— Спокойной ночи, — ответила я и подставила губы под быстрый, но ласковый поцелуй.

* * *

С рассветом море огласили крики чаек. Флэй заворочался первым, открыл глаза и осторожно переложил меня со своей груди на палубу, подложив под голову свернутый плащ. Я тут же открыла глаза и села, следя за ним удивленным взглядом. Мужчина поднялся на ноги и широко улыбнулся.

— Земля, тарганночка.

Я тут же вскочила следом за ним и устремила взгляд на далекую темную полосу. Меня обуревали смешанные чувства. Больше всего я боялась. Боялась, что Ледигьорд может что-то изменить в наших отношениях, и что его племя не примет меня, а еще было страшно нарушить наше уединение. Я перевела взгляд на Флэя. Должно быть, он был слишком красноречивым, потому что мужчина тут же сильно прижал меня к себе.

— Ничего и никого не бойся, — сказал он. — Ты ведь все еще веришь мне?

— Как самой себе, — отозвалась я.

mir-knigi.org

— Так и продолжай делать, — улыбнулся Флэй, стискивая меня до хруста в ребрах. — Мы дома, Сафи, мы дома! — торжествующе воскликнул мой дикарь, а я промолчала.

Это был его дом, не мой, пока не мой. Я готова была завоевывать доверие, была открыта для дружбы с чужими мне людьми, только бы и они были так же открыты. Впервые за этот месяц у меня пропало настроение. Я старалась скрыть свое состояние от Флэя, сидевшего на руле и улыбавшегося своим мыслям время от времени. Его возбуждение было мне совершенно понятно. Он десять лет не был дома. Конечно, мой дикарь скучал по своим родным. И, наверное, предвкушение встречи делало его немного слепым, потому что святая вера мужчины в то, что все будет хорошо, была для меня сомнительна. Я когда-то удивилась, что он спокойно принимает меня, ту, чей народ совершал грабительские набеги на этот край, грабивший и убивавший его народ. Так почему же его соплеменники должны быть похожи на моего дикаря, узнавшего не только тех разбойников, приплывавших сюда, но и таких таргарцев, как тар Мерон, Аристоф, Берни и священник из Одрига.

Это были неприятные мысли, и очень хотелось верить в то, что Флэй знает, о чем говорит. Он перевел на меня сияющий взгляд, и блеск темно-карих глаз немного померк. Мужчина поманил меня к себе и усадил на колени. Я прижалась щекой к его щеке, сцепил руки на шее и затихла, чувствуя себя сейчас такой беззащитной, какой, кажется, еще никогда не была.

— Говори, — велел Флэйри.

— Я боюсь, — вздохнула я.

— Меня?

— Нет! — воскликнула я и посмотрела на него.

— Значит, ничего не боишься, — сказал он и погладил по лицу тыльной стороной ладони. — Хватит забивать свою головку всякими нехорошими мыслями. У тебя есть мужчина, он и будет решать проблемы, если они возникнут.

Я кивнула и улыбнулась, снова прижимаясь к нему и следя за тем, как темная полоса впереди все больше растет, превращаясь из ровной линии в ломанную. Теперь я видела гору, даже могла различить силуэты прибрежных деревьев. Сердце тоскливо замирало, и я сильней стискивала шею дорогого мне мужчины. Он не иронизировал, не издевался, не подначивал, только поглаживал по спине и время от времени коротко целовал в щеку. В какой-то момент мне показалось, что я заразила его своим дурным настроением, и стало стыдно. Он ведь домой вернулся, радовался, а тут я со своими надуманными страхами.

— Когда мне раздеваться? — спросила я, деловито поглядев на него.

— Зачем? — Флэй удивленно посмотрел на меня.

— Ты говорил в Таргаре, что вы ходите голыми, не хочу выделяться, — и я посмотрела на него честными глазами.

— Подожди немного, — тут же включился в игру дикарь.

— Чего ждать? — делано изумилась я.

— Они такие нежные, вдруг напугаешь, — ответил Флэй и рассмеялся, получив легкий подзатыльник. — Или соблазняться, — тут же исправился наглец. — Я еще мать обнять не

успел, а уже в брачные игры вступлю.

— И всего-то, — фыркнула я.

— Пожалей меня, у меня рогов нет, биться нечем, — его глаза вновь сверкнули весельем.

— Мелочи, с рогами могу помочь, — отмахнулась я. — Тебе побольше и поветвистей?

Флэй даже рот открыл от моего заявления. Некоторое время смотрел на меня, а затем перевел дыхание.

— Мне не понравилась эта шутка, — произнес он вдруг охрипшим голосом.

— Прости, — я опустила взгляд. — Ты сомневаешься во мне?

— Ни мгновения, — мотнул головой мужчина. — Но вдруг подумал… Ты ведь у меня красивая… такая… необыкновенная, — рука на моей талии сжалась чуть сильней.

Я вскинула на него взгляд и невольно расплылась в улыбке.

— Ты в себе сомневаешься?

— Мне тридцать четыре года, тебе двадцать четыре. Десять лет разницы в возрасте. Вокруг будут бродить более молодые мужчины, — немного недовольно произнес Флэй. — Я в тебе уверен, в себе тоже, но я не уверен в том, что стерплю посягательства на свою женщину.

И вот тут я расхохоталась. Он был такой милый в этот момент. Флэй что-то проворчал и дернул меня за ухо. Это меня только больше развеселило. Во-первых, кто мог сравниться с этим мужчиной, я просто не представляла, а во-вторых, он ведь действительно поверил, что на меня найдутся охотники.

— Флэй, я альен! — воскликнула я. — Я чужая и мне двадцать четыре года! Думаю, в твоем племени найдутся девушки моложе и красивей…

И вот тут осеклась я, глядя на него сузившимися глазами.

— Что? — недоуменно спросил мужчина.

— И мама тебе каждый год присматривает невесту, ты говорил, — хмуро отозвалась я.

— На то она и мама, — пожал плечами Флэй. — Стой, ты ревнуешь что ли? — глаза его вспыхнули возмущением. — Нет, ты погоди. Это я тут ревную! Ты зачем посягаешь на чужую территорию? Место уже занято!

— Флэй, — поморщилась я. — Я серьезно.

— А я не серьезно?! Тебе даже думать не стоит, что я могу глядеть на совершенно чужих мне женщин, а вот мне, пожалуй, нужно быть повнимательней к более молодым особям мужского пола. Выросли тут без меня. Глазищи сверкают, длани тянут.

— Еще никто не тянет, — усмехнулась я.

— Ключевое слово — еще, — деловито кивнул дикарь. — Смотри мне, — он погрозил мне пальцем и клацнул зубами.

Я рассмеялась и от души поцеловала его. Даже это перевел в шутку.

— Флэй, ты дерево, — повторила я на его языке уже облюбованное выражение.

— Протестую, — воскликнул он. — Йе сьон ен афид льос, — гордо произнес дикарь.

— Сын ты, сын Белой Рыси, знаю, — рассмеялась я.

Такие тренировки со случайными фразами он часто мне устраивал. Моя задача была перевести, что поняла. Это выражение я уже наизусть знала. Заслужив поощрительный поцелуй, я опять посмотрела в сторону земли. Ветер был попутным, и мы быстро приближались. Вот уже стали заметны более мелкие детали, валявшиеся на берегу, например, бревно и большой валун. Вздохнув, я потерлась кончиком носа о висок Флэя.

— Где моя смелая девочка? — спросил он с доброй улыбкой.

— Нет ее, — малодушно ответила я.

— Тогда зови ее, скоро подойдем к берегу, — меня легонько дернули за кончик косы.

Флэй споро убрал парус, вставил весла в уключины, и мощными гребками погнал нас в неизвестное и волнительное будущее. Я не смотрела на берег, смотрела на своего мужчину, набираясь сил и решимости. Он смотрел на меня, время от времени оборачиваясь и проверяя, куда идет лодка.

— Добрались, — выдохнул Флэй, когда наше суденышко ткнулась носом в песок.

Он перемахнул через борт, взял из моих рук оружие, надел на себя и протянул мне руки. До берега донес и поставил, когда под его ногами оказался песок, смешанный с галькой. После обулся, и мы направились в сторону желтых деревьев и пожухлой травы, держась за руки.

— А где твой дом? — спросила я.

Голос чуть дрожал от едва сдерживаемого волнения. Пальцы Флэя сильней сжали мою ладонь, и он указал свободной рукой:

— Видишь гору? Рыси живут за ней. Идти достаточно долго, но к ночи должны добраться.

— Ох, — выдохнула я и потрогала пылающее лицо. — Я так волнуюсь.

Мужчина поднес мою руку к губам и подмигнул, подбадривая меня. Вскоре мы вышли к роще, где мой дикарь остановился и глубоко втянул носом воздух, после широко улыбнулся.

— Хорошо-то как! — воскликнул он.

Я улыбалась, глядя на его радость, и становилось как-то легче и спокойней. Ну, чего испугалась? И здесь люди живут, значит, и я смогу. Ну, не умею я толком ничего, так научусь. Почистила же целую рыбину, пока были в море. Подумаешь, что после этого Флэй, обозвав меня разорительницей, поймал новую, но начало-то положено! Руки есть, голова тоже, желание прилагается. Справлюсь! Решительно тряхнув головой, я преисполнилась боевого духа. Флэй, бросив на меня взгляд, хмыкнул и снова посмотрел на гору, которая еще не скрылась из вида. В его глазах появилось мечтательное выражение.

— А мы сейчас не на ваших землях? — спросила я.

mir-knigi.org

— В общем-то, берег хозяина не имеет, — ответил дикарь и вдруг остановился, прислушиваясь к чему.

Затем осмотрел себя, меня и выругался.

— Что? — насторожилась я.

— Да, я так, кое-что вспомнил, — беспечно отмахнулся Флэй, — не бери в голову. Разберусь.

И до меня дошло — одежда. Мы же сейчас в одежде Таргара, альены, оба. Любой из местных обитателей примет нас за чужаков, но не идти же голыми! Что ж, остается надеется, что никто нам не встретится, а свои должны моего рыся узнать, не забыли же его за эти десять лет.

Боги! Это же сколько всего тут могло измениться за десять лет? Вновь обернувшись, я посмотрела на моего дикаря. Он теперь был более собран, больше прислушиваясь и поглядывая по сторонам. Я тоже начала озираться.

— Иди, как шла, — тут же одернул меня сын Белой Рыси. — Если за нами следят, не стоит обозначать страх.

Вот после этих слов мне стало страшно. Только что не было, а теперь стало. И чем дальше мы уходили от спасительной лодки, тем сильней становилась тревога, и все больше нарастала внутренняя дрожь, переходя во внешнюю.

— Эй, голубка, клюв выше, — воскликнул Флэй, поддевая мой нос костяшкой пальца. — Без предупреждения нападают только натты.

— Натты? — переспросила я.

— Ньосер натт, — проговорил он на родном языке. — Ночные тени. Это бродяги. Они надолго не оседают. Зиму переждут, весной и в начале лета скотину откормят и дальше. Если хотят осесть, спрашивают разрешение, если проходят через чужие земли, мнением хозяев не интересуются. Дичи в лесах много, травы еще больше, им не мешают. Не особо агрессивные, но чужаков не любят. И в войне их лучше за спиной не иметь, мародеры. Да и в спину ударить не погнушаются.

— Неприятное племя, — я передернула плечами.

— Их никто не любит, — ответил Флэй. — Остальные остановят даже чужаков, а там разберемся. Не переживай.

Кивнув, я осторожно повела глазами по сторонам, прерывисто вздохнула, и мы продолжили путь. Постепенно дорога удалялась все больше от берега, уходя все дальше в лес. Теперь я вовсе прижалась к моему дикарю, и он положи мне руку на плечо.

— Жаль, лошадей нет, — негромко произнес Флэй. — Устанешь ты у меня.

— Я тебя выдерживаю, рысик, так что расстояние — сущий пустяк, — расхрабрилась я.

— Забавно, — усмехнулся дикарь. Я вопросительно посмотрела на него. — Назвала забавно, — пояснил он. — Мне понравилось.

— Р-р-рысик, — повторила я, больше мурлыкая, чем рыча. — Только совсем не белый. Черный рысик.

— Просто меня, как следует, отмыть надо, — засмеялся Флэй. — После бани я буду блондин с голубыми глазами.

Я живо заинтересовалась новым словом. Как-то до этого не интересовалась, а он не рассказывал, где они моются. Флэй рассказал про деревянный сруб, в котором и происходит омовение.

— Куда-то идти надо? — поразилась я.

— Специально для тебя пристрою к дому, — пообещал мужчина, и я немного успокоилась на эту тему.

Мы еще какое-то время шли, молча, поглядывая по сторонам. Постепенно появлялся голод. Желудок подал голос, взвывая к совести своей хозяйки, но среагировал на это Флэй. Он огляделся, что-то выискивая взглядом, после потянул к неизвестным мне кустам, где висели гроздья черных ягод. Не мучаясь вопросом, куда собрать ягоды, мужчина просто срезал ветку и вручил мне.

— Ничего другого пока предложить не могу, — с сожалением произнес он.

— Угощайся, — щедро поделилась я, протягивая ему ветку.

Флэй сорвал пару гроздей, закинул сразу горсть ягод в рот и повел меня дальше. Ноги уже болели и хотелось отдохнуть, но сын Белой Рыси упорно вел меня вперед, стремясь добраться до горы до темноты.

— Там начинаются наши территории, — пояснил он. — Можно будет расслабиться.

— А сейчас мы на чьих? Или это тоже ничьи? — поинтересовалась я.

— Медведи, — коротко пояснил рысик. — В общем, десять лет назад мы дружили, что сейчас, не знаю.

Еще через какое-то время я остановилась и посмотрела на него умоляющими глазами.

— Что? — Флэй обернулся ко мне.

— Мне надо, — ворчливо ответила я. — Уже давно надо.

Осмотревшись, мужчина кивнул, и я юркнула в кусты, быстро справилась со своими потребностями и хотела уже выйти, когда мое внимание привлекли такие же кусты. Решив сначала сорвать еще ягод, имевших сладковатый приятный привкус, я уверенно шагнула в том направлении. Что-то зашуршало, пронзительно свистнуло, и я завизжала, взлетая вверх.

— Сафи! — Флэй выскочил ко мне, ненадолго замер, рассматривая представшую ему картину, и расхохотался.

— Ничего смешного! — истерично вскрикнула я, убирая с лица подол, собственного платья, накрывший голову, как колокол. Затем представила, как выглядит моя нижняя часть в панталонах, сейчас оказавшаяся сверху, и потребовала. — Немедленно сними меня отсюда! Дикарь!

— Таргарка, — привычно хмыкнул Флэй и поспешил мне на помощь, все еще посмеиваясь.

Он достал нож, потянулся к веревке, когда послышался тонкий свист, и в дерево вонзилась стрела. Флэй моментально перестал усмехаться, я услышала, как звякнула сталь вытаскиваемого меча, а вскоре кто-то вышел к нам. Я все еще болталась маятником, повиснув на одной ноге, потому толком не могла разглядеть хозяина ловушки. А что это был он, я даже не сомневалась… а может, и хозяева.

А потом заговорили. Я упорно пыталась вывернуться, чтобы разглядеть, кто там, сколько их, и что угрожает моему мужчине, выходило плохо, они были за моей спиной. А еще дурацкий вид панталон. Мои щеки пылали, но за Флэя я боялась больше, чем переживала за неподобающий вид. Тем временем разговор шел на языке этой земли, и я отчаянно злилась на себя, что так мало понимаю. Мне удалось уловить приветствие, его произнес мой дикарь. Второй разговаривал сухо, даже грубо. Несколько раз прозвучало такое знакомое — альен. Затем я расслышала — афид льос, Флэй представлялся. Затем снова говорил неизвестный. Теперь я опознала слово — добыча и поняла, что так именуют меня. Но мой дикарь не согласился.

— Кьан, — коротко произнес он, и в его голосе прозвучала угроза.

Я даже улыбнулась, мой рысик назвал меня женой. Это было так приятно, ведь до этого момента он называл меня так только наедине. Впрочем, если за слушателей считать рыб, то не так уж и наедине. А называть так начал после того, как впервые обладал мной. Я тут же рассердилась на себя за неуместные мысли. Мое положение вообще не предусматривало мыслей об упоительных ласках, а мне вдруг именно это в голову полезло, стоило растрогаться после одного единственного слова. Должно быть, это кровь прилила к голове, иного объяснения у меня нет.

Спор еще некоторое время продолжался, а после веревка дернулась, и я полетела на землю, вновь завизжав. Но Флэй поймал и осторожно поставил на ноги, придержав, пока я буду стоять твердо. После этого я обернулась и посмотрела на чужого дикаря. Это был молодой мужчина. Немногим ниже Флэя, широкий в кости, с пронзительными зелеными глазами. Он с интересом рассматривал меня, после произнес:

— Вайк кьан.

Флэй тут же смерил его прохладным взглядом, задвигая меня за спину, и бросил короткую фразу, после которой лицо чужого дикаря стало жестче. Он ответил сыну Белой Рыси, и теперь заметно напрягся Флэй. Он отрицательно мотнул головой. Медведь усмехнулся и свистнул. Тут же из-за деревьев вышли еще трое мужчин.

— Что происходит? — спросила я шепотом.

— Нас пытаются пригласить в гости, — усмехнулся мужчина.

Слушая нашу речь, четверо мужчин разом посуровели и достали короткие мечи.

— Фрем, — отрывисто велел "медведь". Вперед — машинально перевела я.

— Начина-ается, — протянул Флэй.

Он вновь оглядел четверых "медведей" уже иным взглядом, явно оценивая, и я схватила его за руку.

— Не надо, их больше, — взмолилась я. — А если есть еще кто-то? И что тебя так разозлило?

— Комплимент, — нехотя, ответил мой дикарь. — Он назвал тебя красивой.

— И что? — не поняла я.

— Ты для него чужая, никакое племя тебя не защищает. Это дает возможность решать твою участь на его усмотрение, — недобрый взгляд Флэя сверлил первого "медведя".

— А ты? Ты же Рысь.

— Пока он видит чужака, который уверяет, что он со Свободных Земель, — ответил мой рысь. — Пока никто не докажет обратного, со мной тоже сильно церемониться не будут. Чтоб их Черный бог загнул и… В общем, ладно. Будем все решать постепенно.

Он вложил меч в ножны, а я виновато взглянула на своего мужчину.

— Прости, — прошептала я.

Флэй обнял меня и усмехнулся:

— Что за сопли, тарганночка, они за нами уже следили, иначе так быстро бы не появились. Не сейчас, так вскоре бы остановили. Так что быстренько убери эту виноватую моську и покажи им гордую дочь своей земли.

— Флэй, ты дерево, — проворчала я на его языке.

Мой дикарь рассмеялся и что-то сказал четырем мужчинам, удивленно взглянувшим на нас. Те с неожиданным интересом посмотрели в мою сторону.

— Что ты им сказал? — спросила я.

— Сказал, что ты считаешь меня могучим, как дуб… во всем, — пояснил он.

Обдумав его слова, я вспыхнула и возмутилась:

— Дикарь!

— Не, р-р-рысик, — подмигнул наглец, по-хозяйски положил мне руку на талию, и "медведи" повели нас в свое поселение.

* * *

До поселения шли не менее часа. Ноги уже жутко гудели, но поддержка Флэя помогала легче перенести это непривычно долгое пешее путешествие. Первый "медведь" время от времени недовольно требовал помолчать, потому что мы с моим рысиком оживленно разговаривали. Флэй сухо отвечал ему что-то и продолжал посвящать меня в порядки племени, в которое нас вели. Меня очень интересовало, что может сделать с нами их Глава, потому что общее устройство племени было похоже на Рысей.

— Я не уверен, что здесь есть их Глава. — Ответил мой дикарь. — Скорей, старейшина. Пока они не выяснят, не лгу ли я, нас не тронут. Меня, потому что я могу принадлежать к Белым Рысям. Вот если племя не признает, тогда разное: от убить на месте до рабства. Но и принять в свое племя могут. А твоя участь напрямую зависит от моей. Если я Рысь и говорю, что ты моя жена, ты уже под защитой моего племени. Если же я оказываюсь чужаком, то могут сделать служанкой, могут наложницей, а могут и женой, если приглянешься кому-то. — Все это Флэй

mir-knigi.org

говорил совершенно спокойно, словно нас это не могло коснуться.

Возможное будущее мне не понравилось. Встревожено взглянув на своего мужчину, я спросила:

— Тебя могут не признать?

— Нет, не могут. Рыси своих не бросают, — Флэй улыбнулся. — Не переживай, тарганночка, выберемся.

— Подожди, ты говорил, что слуг у вас нет, — заметила я.

— У нас нет, у Медведей есть. Женщины идут в услужение, если остались без мужей, и позаботиться о них некому. Так же увечные и взятые в плен, если для них не нашлось спутника. Мужчины-калеки могут попроситься в услужение. У мужчин пленников выбор тоже есть: смерть, работа на господина или стать одним из Медведей.

— А кто этот зеленоглазый? — я указала взглядом на первого "медведя".

— Он отказался назвать себя, — мой рысик пожал плечами. — Скоро узнаем.

— Ох, — тяжело вздохнула я.

— От герцога ушли, и с Медведями справимся, — подбодрил меня Флэй. — Поверь, эти не звереют, если им отказывают, не убивают, чтобы пар выпустить и не истязают. У нас вообще пытки применяют редко и только к врагам.

Это не сильно успокоило. Вроде мы пока для них враги, но с поправкой на причастность Флэя к соседнему племени. Главное, что вселяло немного уверенности — это спокойствие моего мужчины. Он время от времени кидал косые взгляды на первого "медведя", но тот лишь ворчал, когда мы особенно расходились в разговоре на незнакомом ему языке. В остальное время шел, не глядя на нас. Это позволило исподволь разглядеть его.

Интересное лицо. Нос "медведя" явно был когда-то сломан, но попытка выправить его привела к горбинке, что делало лицо мужчины хищным. Упрямо поджатые губы, широкие скулы и пронзительные зеленые глаза делали его, если не красивым, то привлекательным. Не для меня, это была просто оценка внешности неожиданного неприятеля. Никем иным Медведи, на данный момент, не воспринимались.

Я посмотрела на Флэя и поймала его пристальный, немного напряженный взгляд. Улыбнулась, поднесла к лицу его руку и потерлась щекой, от чего мужчина немного расслабился.

— Просто рассматривала, — сказала я.

— Нравится? — немного ядовито спросил мой Рысь.

— Привлекательный, — кокетливо ответила я, вновь взглянув на "медведя".

— Покусаю, — отозвался Флэй.

— Но рыси привлекательней, — засмеялась я.

— Несильно покусаю, — смилостивился невозможный дикарь.

mir-knigi.org

— И как мне теперь получить прощение? — хмыкнула я.

— Скажи, что он дерево… Стоп! — тут же воскликнул Флэй, и я рассмеялась, вспоминая, какое пояснение мой Рысь сам дал четырем дикарям. — Ничего не говори. Обойдется.

Я рассмеялась в полный голос. Взгляды "медведей" тут же переместились на меня. В их глазах появилось подозрительность. Они не понимали, над чем я смеюсь.

— Медведь — зверь скучный, он всю зиму спит, — произнесла я. — Говорят, еще и лапу сосет.

— Хорошо, если лапу, — проворчал Флэй.

Я осеклась, глядя на невозмутимую физиономию своего дикаря, и расхохоталась совсем уж неприлично. Флэй едва заметно усмехнулся и что-то сказал хмурящемуся "медведю". Тот промолчал, но мне достался еще один пристальный взгляд. Кое-как сумела взять себя в руки и выдохнуть. Но стоило посмотреть на деловитого Рыся, уголки губ которого подрагивали от сдерживаемого смеха, и я вновь начинала смеяться. Наконец, уткнулась в него и сдавленно простонала:

— Ты не дерево, ты мерзавец, я не могу остановиться.

Флэй усмехнулся и ничего не ответил, но по его лицу видела, что он доволен, только чем, было совершенно непонятно. А вскоре показался забор из толстых высоких бревен, заостренных на конце. Сверху стояли два воина. Заметив нас, они что-то крикнули вниз, и тяжелые деревянные ворота открылись. На нас с Флэем с интересом смотрели воины с ворот и те, что стояли на деревянной стене.

За забором оказалось большое поселение, я бы сказала, что по размеру оно напоминало маленький городок в Таргаре. Улиц здесь не было, дома стояли хаотично, но так казалось на первый взгляд. Приглядевшись, я поняла, что они образуют круги, но так как стояли не строго друг за другом, то все это выглядело беспорядком, лишая возможности проложить ровные проходы, которые бы заменили улицы. Сами дома были деревянными с треугольными крышами, касавшимися своими крыльями самой земли. Серые и сумрачные жилища навели на меня тоску. Смех прекратился, даже улыбаться не хотелось, и тревога вновь подняла голову. Флэй же оставался совершенно спокойным.

Он гордо нес свою персону, не обращая внимания на внимательные, а иногда и враждебные взгляды, которые бросали на нас люди из племени Медведей. Я тоже постаралась вскинуть подбородок и с достоинством нести честь дочери Таргара. Наши конвоиры были столь же невозмутимы. Первый "медведь" вообще не реагировал на редкие реплики, которые бросали ему. Но я отметила, что в голосе людей присутствует почтительность, что заставило задуматься о статусе мужчины в племени.

Пройдя несколько кругов, мы вышли в центр поселения, где возвышался дом, похожий на дома остальных жителей, но отличался тем, что имел несколько пристроек, что увеличивало его размер в разы. Первый "медведь", бросив нам указание остановиться, вошел в этот дом, но вскоре вышел оттуда в сопровождении второго мужчины. Они были похожи, только второй оказался гораздо старше и мощней. Отец, поняла я, и Глава, раз дом в центре. А наш "медведь", выходит, сын Главы. Вот и почтительность в голосе людей.

Тем временем главный "медведь" подошел к нам, некоторое время изучал обоих взглядом, а после заговорил. Отвечал, конечно, Флэй. Да, мне по местному этикету и не позволялось лезть в мужской разговор, потому я просто стояла и слушала, почти ничего не понимая, не забыв

скромно потупить взор, чтобы прямой взгляд не выглядел неуважением и вызовом.

Неожиданно главный "медведь" широко раскинул руки и, с громким хохотом, крепко обнял моего рысика. И я, и четверо конвоиров удивленно взглянули на происходящее. Флэй так же широко улыбался и постукивал "медведя" по спине. Затем освободился из этих "медвежьих" объятий, взял меня за руку, и я подошла к нему.

— Кьан, — сказал Флэй, и я уловила в его голосе нотку гордости. — Сафи.

— Кьан? — заметно удивился Глава.

И мужчины снова заговорили. Но теперь нас уже вели в дом, где несколько женщин в свободных серых платьях споро накрывали на стол. Я ждала пояснений от своего дикаря, но он пока продолжал разговор. Мне оставалось сесть рядом с ним на скамью и уставиться на свои руки, лежавшие на коленях.

— Сейчас нас накормят, — негромко сказал Флэй, когда Глава отвлекся. — Старейшина Грут даст нам лошадей, так что до Рысей мы доберемся быстро и с удобствами.

Значит, я ошиблась, это не Глава, всего лишь старейшина.

— Ты его знаешь? — спросила я, урывая момент, пока еще можно было разговаривать.

— Да. Я тебе позже расскажу, — пообещал мой дикарь, а затем проворчал. — Нет, он меня достал.

— Кто? — я вскинула голову и успела заметить, как отвернулся сын старейшины Грута. — Чего ты нервничаешь? Тебя узнали, ты Рысь, я с тобой, ты меня представил своей женой.

— Раздражает, — произнес Флэй. — Пялиться на чужую женщину невежливо.

— Он живую иноземку видит впервые в жизни, это простое любопытство, — возразила я.

— Думаешь? — мой Рысь с сомнением посмотрел на сына старейшины. — Посмотрим.

— Р-р-рысик, — мурлыкнула я, и он тепло улыбнулся.

В этот момент вернулся старейшина. Флэй вновь переключился на него. Я бросала украдкой взгляды вокруг себя, рассматривая женщин, которые так же исподлобья рассматривали моего мужчину, не без интереса, надо заметить. Мне это не понравилось, особенно взгляд одной из женщин, которая успела и глазками стрельнуть, и даже улыбнуться. Но мой дикарь весь такой серьезный и гордый продолжал разговор со старейшиной, похоже, даже не заметив этих заигрываний, и я успокоилась.

Когда на стол было накрыто, к нам присоединился сын старейшины и еще несколько мужчин. Я заметила, что на меня смотрят с некоторым недовольством. Причину я не знала, потому отнесла на счет своей иноземности. Флэй, как бы невзначай, положил мне руку на талию, не отвлекаясь и не оборачиваясь, и мужчины перестали обращать на меня внимание, постепенно присоединяясь к беседе.

Женщины поднесли большую миску с водой, в которой мужчины по очереди ополоснули руки, Флэй сделал так же, мне пришлось последовать общему примеру. Не скажу, что такой способ мытья рук, мне пришелся по душе. Так же общим полотенцем вытерлись, и женщины исчезли.

Мой Рысь отрезал мне кусок сочного мяса, наложил в миску овощей, отломил кусок хлеба и улыбнулся:

— Есть придется руками, столовых приборов у нас нет, как и этикета поведения за столом. Приятного аппетита.

— Приятного аппетита, — ответила я со вздохом и принялась за еду.

На меня больше никто не косился, и я, отщипнув кусок мяса двумя пальчиками, положила его в рот. То ли от голода, то ли от того, что уже соскучилась по мясу, но оно мне показалось божественным. Сочное, мягкое, со вкусом дыма… Едва сдержав блаженный стон, я взялась за еду более активно.

Мужчины ели, не обращая на меня внимания, запивая ужин пенным напитком, напоминавшим таргарский эль. Разговор они не прерывали. И вдруг случилось то, что заставило меня покраснеть. Один из мужчин, выпив половину кружки своего напитка, поставил ее на стол, и звук могучей отрыжки прокатился над столом. Он даже не извинился! Моя рука замерла на полпути ко рту, но, справившись с ощущением возникшей неловкости, я все-таки донесла мясо до рта, но тут новая отрыжка еще одного сотрапезника огласила стены дома. Я поперхнулась, и Флэй поспешил постучать меня по спине. Машинально пробормотав извинения, я вновь опустила глаза. И тут финальным аккордом моему издыхающему аппетиту стала очередная отрыжка старейшины. К мясу я больше не прикасалась. С ужасом покосилась на своего рысика, но он, слава богам, не повторил за остальными мужчинами. Он бросил на меня взгляд, и я поняла, что он веселится, глядя на мое обескураженное лицо.

Хозяин дома заметил, что я не доела и, видимо, спросил у Флэя, почему я не ем. Тот что-то ответил, и меня опять перестали замечать. Впрочем, нет, кое-кто меня замечал по-прежнему. Осторожно приподняв голову, я встретилась с взглядом сына старейшины.

— Ньев ил брёод, — как-то очень ровно произнес мой дикарь, и молодой мужчина отвернулся.

Я вспомнила, что ньев — это глаза. А дальше? Брёод — ломать… Да, точно. Глаза сломаешь? Или "глаза не сломай". Да, скорей всего. Довольная собой, я обвела гордым взглядом мужчин, сидевших за столом, и тут же помянула про себя бесов, потому что такая вольность вызвала новую волну недовольства.

— Рысик, — тихо позвала я своего дикаря.

— Что, маленькая? — спросил он, чуть нагнувшись ко мне.

— Почему они так недовольны?

— Женщина за столом с мужчинами — верх неприличия, — едва заметно усмехнулся Флэй и добавил, — у Медведей. У нас женщина за стол допускается во время праздников, у Медведей никогда. Потом поговорим, родная.

Понятливо кивнув, я замолчала. Потом мужчины переместились к очагу, закурив длинные тонкие трубки. В Таргаре подобное развлечение не прижилось из-за неприятного запаха табака. Флэй тоже закурил, но закашлялся и отложил трубку. Как он потом сказал, отвык от курения трубки за столько лет. В результате, курили только "медведи", а мой рысик им рассказывал о своем бытие в Таргаре. Это я поняла потому, что говорил только он, а остальные, молча, слушали.

mir-knigi.org

Наверное, нас бы и дольше тут продержали, но мой дикарь хотел домой. Он встал где-то через полчаса, остальные поднялись следом. Провожал нас только старейшина и его сын. Грут тепло прощался с Флэем. Его сын оказался недалеко от меня и, пока рысик стоял спиной, как бы невзначай коснулся руки, проведя пальцем по тыльной стороне моей ладони. Вздрогну от неожиданности, я резко обернулась и заметила, как трепещут ноздри мужчины. Он принюхивался, как-то очень по-звериному, чуть прикрыв глаза. Я поспешила к Флэю, который приобнял меня, после бросил взгляд назад и чуть нахмурился. Я уже не оборачивалась. Мне было неловко и даже неприятно.

Нам подвели трех лошадей. Они были немного ниже и мощней лошадей на моей родине. Мне достался пегий жеребчик, флегматично фыркнувший на меня. Я его потрепала, и забралась в седло. Сын старейшины сел на третью лошадь.

— Аргат проводит нас до границы, — без энтузиазма произнес Флэй. — Чтобы больше никто не задержал.

Выслушав напутствия от старейшины, мы покинули поселение "медведей". Аргат вывел нас на утоптанную дорогу, и лошадки побежали более резво. Ехали мы молча, никто не нарушал молчание. В этом молчании чувствовалась какая-то неприятная напряженность. Сын старейшины ехал впереди, Флэй держался рядом со мной. В какой-то момент я заметила, что мой дикарь поправил меч так, чтобы рукоять оказалась у него под рукой. На мое недоумение он подмигнул с деланным весельем.

— В чем дело? — наконец, не выдержала я.

— Он не считает тебя моей женой, — ответил рысик.

— Почему? — удивилась я и посмотрела в затылок "медведя".

— Не было обряда, — коротко пояснил Флэй. — Священный огонь не соединил нас. Оттого и недопустимые взгляды на чужую женщину. И племя Рысей тебя еще не взяло под защиту. Моего слова ему мало, потому что и я еще не вернулся в племя. Для Аргата ты свободная иноземка, и он может предъявить право хозяина земли, по которой мы едем.

— Будет драка? — встревожилась я.

— А то, — усмехнулся Флэйри.

Услышав свое имя, "медведь" обернулся и скользнул по нам равнодушным взглядом.

— Но он ничего не предъявляет, — отметила я. — Может, ты зря себя накручиваешь?

— Может, — кивнул рысик. — А может, поселение еще недалеко, или мы еще проехали не всех воинов. Те расскажут старейшине о том, что его сын подрался со мной.

Напряжение нарастало все больше, и оно шло не только от моего дикаря. Я все чаще смотрела на неестественно ровную спину Аргата. Дорога свернула за огромный камень. Флэй придержал коня и поднял руку, призывая меня остановиться. Я прислушалась, но, кроме шорохов стремительно темнеющего леса, ничего не расслышала. Мой дикарь спешился, едва слышно вытащил меч и, приложив палец к губам, мягко, как крадущийся хищник, направился на другую сторону камня.

Не выдержав, я тоже спешилась и, взяв обоих коней за повод, направилась к повороту.

Осторожно, на цыпочках, я подкралась, вытянула шею, пытаясь рассмотреть, что тут делается. В этот момент один конь подтолкнул меня, и я вылетела вперед. Перед носом сверкнула сталь, я вскрикнула, и тут же рука, ухватившая меня, ослабла. Затем я увидела, как из-за спины Аргата появился Флэй, отшвырнул от меня, припечатав рукоятью меча по губам. Сын старейшины вскочил на ноги, коротко свистнул воздух, и мой дикарь успел уклониться от брошенного ножа.

— Ниген! — вскричала я. — Нет! Ниген, Аргат, ниген!

— Голубка, отлети немного, — нервно попросил Флэй, готовый встретить противника.

— Не надо, рысик, — я встала между ними, испуганно оглядываясь то на одного, то на другого.

Аргат что-то произнес, и я посмотрела на Флэя.

— Говорит, что моложе, сильней и богаче, — перевел мой дикарь. — Согласен только с моложе. Еще говорит, что не обидит, и что ты ему понравилась. Обещает оберегать и защищать.

— Ниген, — я отрицательно мотнула головой. — Аргат, ниген.

— Спрашивает, пойдешь ли в его дом, если он докажет свою силу, — усмехнулся Флэй.

— Это тебя убьет? — поняла я.

— Не обязательно, — пожал плечами рысик.

— Ниген, — решительно повторила я.

— Комьер? — это я и сама поняла. Сын старейшины спрашивал — почему?

— Ман, — я прижалась к Флэю, называя его мужем. — Ельскьер.

Любимый муж, вот почему, что за глупый вопрос?

— Я тебя тоже люблю, тарганночка, — шепнул Флэй. — А теперь отойди и дай поговорить большим мальчикам.

Я уцепилась за его руку, но мой дикарь мягко освободился, быстро поцеловал и отодвинул в сторону. Сурово велев:

— Жди.

Я нервно теребила ворот своего платья, приглядываясь к двум черным силуэтам. Мужчины разговаривали. Сухо, чуть на повышенных тонах, но оружие вернулось в ножны. Вскоре Аргат направился к своей лошади, Флэй ко мне.

— Посмотрим, как понял, — произнес рысик, подсаживая меня в седло. — От меня ни на шаг.

— Хорошо, — согласилась я, и мы снова тронулись.

Сын старейшины "медведей" вел нас еще какое-то время, но, когда впереди показался огромный силуэт горы, закрывший небо, он остановился и что-то сказав, развернул лошадь, проехал мимо нас и скрылся во тьме ночи. Флэй проводил его внимательным взглядом.

mir-knigi.org

— Вот же настырный, — проворчал он.

— Что он сказал? — спросила я.

— Сказал, что за твоим ответом приедет через пять дней, — ответил мой дикарь.

— Почему через пять? — удивилась я.

— Наверное, дает время соскучиться, — усмехнулся Флэй и обернулся к горе. — Все, любимая, приехали. Осталось немного.

— Ох, — вздохнула я.

Мужчина протянул мне руку, сжал пальчики и произнес:

— Я всегда буду защищать тебя. Ничего не бойся.

— У тебя есть пять дней не разочаровать меня, — деловито ответила я.

— Ой, кто сейчас договорится, — воскликнул Флэй.

Рассмеявшись, я потянулась к нему, и тут же губы обжег поцелуй. Как же я успела по нему соскучиться…

Глава 2

Таргар.

Камни играли, завлекали, слепили роскошью, лгали…

— Прочь!

Мужская ладонь смела драгоценности на пол. Ожерелья, перстни, серьги, браслеты, подвески разлетелись, гулко ударились об пол и застыли, продолжая оставаться такими же сверкающими и прекрасными в свете свечей. Найяр Грэим, герцог Таргарский, прошел к креслу, упал в него и сжал в ладони оплавленный медальон, висевший на его шее. Второй рукой прикрыл глаза.

— Где ты, сокровище мое, где? — наверное, уже в тысячный раз повторил он.

Ни камни, ни медальон, ни мужчина в ливрее слуги, застывший за спиной герцога, не дали ответа. Найяр убрал от лица руку и огляделся. Это были ее покои, только ее. Сюда она ушла за несколько дней до исчезновения. Все здесь осталось так же, как было при ней. Даже платья все еще заполняли гардеробную. Духи, душистое мыло, травы, которые сыпала ей в воду служанка. Все это было здесь и ждало свою хозяйку. И он ждал.

Вот уже две с небольшим недели Найяр жил в покоях своей любовницы и единственной возлюбленной, Сафиллины Тиган, пропавшей месяц назад. В ее смерть герцог упорно не желал верить. Тому были доказательства и прежде всего слова, неосторожно брошенные ее похитителем и предателем, которому его сиятельство доверял, таргом Фрэном Грэиром: "Одну забрал, вторую не отдам".

Именно воспоминания об этих словах внезапно успокоили его на берегу моря, где ему

mir-knigi.org

пытались подсунуть сгоревший труп какой-то бабы. Мысль, что это действительно была Сафи, Найяр упорно гнал от себя. Не хотел верить, не мог.

— Она живая, — твердил он, гоняя следопытов. — Ищите, — требовал герцог, и наемники врывались в каждый дом в рыбацкой деревушке, где он догнал беглецов.

Какой-то старик здорово отходил клюкой его воина, когда тот ворвался к нему в хлипкий домишко. Тот же дед без всякого страха рассказал безумствующему от горя герцогу о неком Эри, которого подобрал на берегу десять лет назад. И даже про Сафи сказал. Впрочем, вывернуться бы хрычу и не удалось, потому что его соседка, которая отдала Сафи корзинку с рыбой на глазах Найяра, трясясь и заикаясь, сразу указала на дом старика. Так же нашли брошенную лошадь и все, следы оборвались, словно проклятый вор растворился в воздухе. Хотя, какой воздух, когда море рядом.

Он ушел по морю. В этом не было никакого сомнения, взял лодку и ушел. Далеко на рыбацкой лодке не уйдешь, значит, выбрался на берег где-то неподалеку, но погоня ничего не дала. И сейчас по соседним государствам рыскали шпионы, отыскивая Грэира. Пометавшись, Найяр вернулся во дворец в столице и сразу ушел в покои своей возлюбленной, откуда не выходил всю первую неделю. Лежал на ее кровати, пытаясь отыскать ее запах на подушках, и все молил и молил богов о помощи.

Ничего не хотелось, не разговаривать, не смотреть на придворных, не слышать человеческие голоса. Только лекарь сумел прорваться к его сиятельству. Осмотрел, оставил настойку и сбежал, когда об стену, рядом с его головой, разбилась склянка с зельем. Найяр не желал успокаиваться, он хотел чувствовать свою боль. Мужчина казнил себя за то, что не смог удержать в руках Сафи, когда сумел, казалось, вернуть. Все его несдержанность и ненависть к отказам… Герцог зверел, когда слышал "нет" на свои желания. А она не просто говорила — нет, она желала ему смерти, ненавидела, презирала, брезговала и сопротивлялась.

— Несдержанный дурак! — рыкнул герцог, вскакивая с кресла.

Сначала нужно было увести, сохранить, потом выяснять отношения. Он же позволил своей натуре взять верх, потерял контроль, и предатель настиг его. Подло напал из-за спины, воспользовался слабостью его, Таргарского Дракона!

— У-у-у, — взвыл герцог, хватаясь за голову. — Грэир, тварь, ненавижу-у-у…

Его сиятельство достал из кармана смятый много раз листок бумаги. Всего несколько слов, всего несколько слов, которым он безоговорочно поверил: "Ты забрал жизнь моей женщины, я забираю жизнь твоей. Пламя укажет тебе путь к ней. Будь проклят, таргарский пес". Вот и все. Взвинченный, взбешенных Найяр метался, разыскивая свое сокровище, пока в сгустившейся темноте не увидел всполохи далекого пламени. И сорвался, помчался, боясь опоздать. Но опоздал!!!

— Сафи, — задохнулся Найяр. — Жива! — упрямо повторил он и снова упал в кресло, сжимая в руке ее медальон снятый с горелого трупа.

"Ты забрал жизнь моей женщины, я забираю жизнь твоей…" Лжец! Низкий, подлый лжец, потому что "Первую забрал, вторую не отдам". Но, бесы вас всех задери, чью жизнь он забрал? Чью?! Сколько их было за жизнь герцога? Сопротивлялась, потому сдохла, или наложила на себя руки после? Грэир не таргарец, значит, его женщину Найяр поимел не в Таргаре. На войне? С посольством? Сколько лет прошло? Больше трех, это точно, потому что последние три года герцог наслаждался своей женщиной, не считая герцогини, ее фрейлин, пары служанок и

тех баб, что он брал во время погони за своей возлюбленной. Да, он никогда не был верным телом, но душа знала и желала только одну!

— Проклятье!

Герцог снова вскочил с кресла и стремительно вошел в опочивальню. Взгляд его остановился на кровати. Найяр прикрыл глаза и вспомнил, как приходил сюда глубокой ночью, замирал в дверях и смотрел, впитывая в себя покой, который шел от спокойного лица молодой женщины, так и не узнавшей, что у ее снов был свидетель. Подойдя к ложу, он лег на спину, вытягиваясь в полный рост. "Вторую не отдам".

Грэир — мститель, очаровавшийся Сафи. Но разве могло быть иначе? Маленькая фея, такая хрупкая снаружи и такая сильная внутри. Чистая, невинная девочка, научившаяся быть стервой, научившаяся получать удовольствие, научившаяся мстить обидчикам, но оставшаяся такой же чистой. Ее ненавидели таргарцы, а она заботилась о них. Заботилась больше, чем о нем! Всегда! Лекарское училище, школы, чистые города, нищие, сироты, а он только, как средство получить разрешение и необходимые средства.

Герцог сунул руку за пазуху и вытащил миниатюрный портрет. Единственное, на что она когда-то согласилась. Найяр хотел изображение в полный рост, но Сафи согласилась лишь на эту миниатюру. Что у нее тогда было? Ах, да, она договаривалась о передаче средств на открытие нескольких школ для девочек при женских монастырях. Такая мелочь, как его желание, ее мало волновало. Даже эту миниатюру писали долго, потому что она носилась еще и с подбором персонала для своих щенков. Найяр пробежался по портрету кончиками пальцев.

— Он не сможет любить тебя сильней, чем я, Сафи. Ты мое сокровище, а для него просто женщина, — прошептал его сиятельство. — Он не даст тебе того, что давал я. Проклятье! — герцог порывисто сел и произнес в полный голос. — Ты должна была стать герцогиней Таргарской! Ты столько всего могла сделать, но предпочла наглотаться яда, только чтобы сбежать от меня!

Портрет отлетел в сторону, скользнул по краю кровати и стукнулся об пол. Найяр поднялся на ноги, обошел ложе и уставился сверху на миниатюру. "Вторую не отдам". Перед глазами встало видение, как его руки смыкаются на ее шее, как закатываются такие любимые и нужные ему серые глаза.

— Я бы остановился, я бы смог остановиться, — прошептал герцог, отгоняя мысль, что он сам почти убил ее.

Убил, как когда-то отец убил мать. Интересно, он тоже думал, что сможет остановиться, когда душил ее? Старый герцог тоже был уверен, что всего лишь учит жену покорности? О чем он думал, когда смотрел, как меркнет свет в глазах матери его сыновей?

— Я бы смог остановиться! — выкрикнул Найяр, стремительно поднимая портрет. — Я бы никогда не убил тебя, Сафи, никогда…

— Ваше сиятельство? — в дверях появился слуга.

— Вон отсюда! — заорал герцог, и мужчина поспешил покинуть покои.

Закрыв глаза, его сиятельство пытался успокоиться. Он тяжело дышал, но всеми силами пытался взять эмоции под контроль. Один, два, три… Пустой бальный зал заливает солнечный свет, а в его переплетениях танцует юная фея в синем платье… Шесть, семь, восемь… "Най,

возьми меня, Най…". Девять, десять… Синие глаза распахнулись. Их ночи, дни… Никто не умел так заводить и дарить такое наслаждение, как она.

— Нет, не сейчас, — мотнул головой герцог, чувствуя, как ожило его естество.

"Первую забрал…". Первую забрал. Так, когда это могло произойти? Его сиятельство вернулся в гостиную, налил себе вина и, сжав в пальцах кубок, вернулся в кресло, которое покинул не так давно. Сделав глоток, он вытянул ноги и посмотрел на пламя разожженного камина. Тарг Фрэн Грэир усыновил этого… Эри, пусть будет Эри, как назвал его старый хрыч, где-то четыре года назад. До этого Эри прожил у него три года, как удалось установить людям герцога. А нашел старик мерзавца десять лет назад. Говорил он на неизвестном языке, как подтвердили рыбаки, кто помнил Эри — Грэира. Вопрос. Он потерял свою женщину до появления в Грэре и после рыбацкой деревушки или до? На последней войне, когда этот ублюдок спас жизнь ему, Найяру, жизнь, он уже ненавидел герцога. Его сиятельство столько раз анализировал поведение своего начальника дворцовой стражи, что был уверен в его ненависти, как в своем желании вырвать ублюдку сердце. Значит, Эри потерял свою женщину или в течении трех лет до Грэра, или более десяти лет назад.

— Чтоб ты сдох, Эри, — проворчал герцог. — Кем бы ни была твоя баба, я понять не могу, кто она и откуда…

"В каких странах вы бывали, мой герцог?" — это вопрос Грэир задавал ему. Одно время он часто интересовался путешествиями Найяра. Чужой язык, интерес к чужим странам и тому, что там делал герцог. Не-е-ет, эта тварь прибыла в Таргар, чтобы мстить. Значит, все произошло раньше, чем десять лет назад. Но когда?!!

— Полжизни бы отдал, чтобы понять, что за идиотский акцент был у этого ублюдка, — воскликнул герцог, допивая содержимое кубка одним глотком.

После того, как просидел неделю в добровольном заточении в этих покоях, его сиятельство покинул комнаты Сафи и первым делом вызвал толмачей. Теперь они рыли землю, отыскивая языки, где имеются смягченные звуки. Было предположение, что тот, кто смягчал звуки, просто обладал дефектом речи.

— На дыбу, — пообещал его сиятельство.

— Найдем, — тут же воодушевились толмачи и теперь корпели, разбираясь в многообразии языков, наречий и акцентов множества государств, как на этом континенте, так и на других, где бывал герцог.

После заслушал сведения о том, что произошло в герцогстве и за его пределами за время отсутствия правителя, и закрылся на пару суток в пыточной. Благо дело, подданные всегда давали повод к допросу. После его завалили письмами с соболезнованиями в связи со смертью дражайшей супруги. Их Найяр сжег не читая, меньше всего он был склонен скорбеть о бриатаркской суке, не дававшей ему покоя и после своей смерти.

Стук в дверь покоев отвлек герцога от размышлений.

— Можно, — крикнул он и встал, чтобы налить себе новую порцию вина.

— Послы из Гаэлдара, ваше сиятельство, — доложил секретарь. — Просят принять их.

— Гаэлдар? — Найяр развернулся в сторону молодого мужчины. — Что им надо?

— Привезли ноту протеста от своего повелителя, — ответил секретарь. — Гаэлдарский властелин недоволен тем, что вы казнили его подданного.

— Что? — герцог пролил немного вина и вскинул глаза на секретаря. — Веди их в малый тронный зал, там приму.

Началось, понял герцог. Полетело воронье. Кого еще ждать? Бриатарк? Владыку? Кто еще из крыс зашевелится, пользуясь малейшим поводом, чтобы втянуть Таргар в неприятности? И как все не вовремя! Его сиятельство сделал глоток вина, перевел взгляд на пол, где все еще сверкали драгоценности Сафи, отставил кубок и присел, собирая их. Ничего не должно потеряться. Когда она вернется, то найдет свое добро в целости и сохранности.

Собрав украшения, которые доставал, чтобы лишний раз вспомнить, как дарил их своей возлюбленной, герцог закрыл ларец и позвал прислугу. Он по-прежнему не желал пользоваться услугами придворных, привыкнув к помощи Габи — служанки Сафи. И теперь, когда девушка исчезла из дворца, Найяр пользовался услугами наиболее понятливого и молчаливого слуги, которого выбрал сам.

— Эй, Матьен! — крикнул герцог, и дверь в покои тут же открылась.

— Я здесь, ваше сиятельство, — склонился слуга.

— Приготовь мой черный замшевый костюм, — велел Найяр.

Пока Матьен возился с его одеждой, герцог снова сел в кресло, допивая кубок. Он следил взглядом за слугой и морщился. Вроде споро, но… Надо вернуть Габи, пусть и дальше прислуживает, расторопность и понятливость девушки ему нравились. И, когда он вернет Сафи, его сокровище должна встретить знакомое ей лицо. К бесам Матьена, здесь будет Габи. Нужно узнать у Военора, куда он дел девчонку.

— Ваше сиятельство, — Матьен склонился, подавая одежду герцогу.

— Свободен, — коротко велел его сиятельство. — Сам справлюсь.

Слуга покинул покои, и Найяр взялся за пояс штанов, надетых на него. На мгновение замер, вспоминая, как проворные пальчики Сафи в порыве желания стягивали этот предмет одежды, захватывали в плен его естество, скользя от навершия до основания и обратно.

— Ох, — Найяр ощутил, как растет его мужская сила.

Неожиданно он подумал, что у него не было женщины с того самого дня, когда он потерял свое сокровище. Даже не смотрел на женщин, занятый своими переживаниями. И по прибытии во дворец морщился, замечая взгляды, полные вожделения от тех дам, что мечтали попасть в его постель. Дуры! Впрочем…

— Матьен, найди мне тарганну Сайн, — велел он, появившемуся слуге. — Пусть ждет меня в моем кабинете.

— Да, ваше сиятельство, — поклонился мужчина. — Если не найду тарганну Сайн?

— Любую. — Ответил Найяр, переодеваясь.

Перед тем, как покинуть покои, он прихватил платок, обрызганный духами своей

mir-knigi.org

возлюбленной. Теперь герцог ходил куда-то только с этим платком. Ее платок, ее духи, ее запах. Так было легче переносить вынужденную разлуку. Оглядев себя в большое напольное зеркало, его сиятельство остался доволен собственным видом. Поднес платок к лицу, вдохнул чуть сладковатый аромат и направился в кабинет, где его уже должна была ждать одна из придворных дам. В общем-то, ему было все равно, кто это будет. Сайн он выбрал только потому, что она умела доставлять удовольствие.

— Лучше бы это была ты, любимая, — шепнул Найяр, глядя на миниатюру, с которой на него смотрели печальные серые глаза. — Не смотри на меня так, — поморщился его сиятельство, сунул платок в карман и покинул покои.

* * *

Перед тем, как наведаться в свой кабинет, его сиятельство свернул к кабинету главного казначея. Военора не оказалось на месте, герцог немного нахмурился и спросил у секретаря казначея, заглянувшего в кабинет на звук открывшейся двери.

— Где тарг Военор?

— Отбыл в казначейство, ваше сиятельство, — ответил секретарь.

— Как вернется, доложить, — велел герцог и направился к себе.

Здесь его уже ждала одна из придворных дам, приобретение двора этого года. Он хотел сделать ее фрейлиной Сафи, рассчитывая на то, что юная тарганна еще не испорчена светом и понравится его сокровищу. Но стоило взглянуть в сияющие глазки девушки, как ошибка стала очевидна. Она присела в глубоком реверансе, демонстрируя ложбинку своих округлых грудей, умудряясь при этом стрелять глазками.

— Развернись, — велел Найяр.

Девушка повернулась к нему спиной. Герцог властным движением нагнул ее вперед, задрал юбки, мгновение рассматривал округлый зад, усмехнулся, наградил шлепком и вошел. Она оказалась уже влажной. Должно быть, успела многое себе представить, пока ожидала его сиятельство. Быстро избавившись от своего желания, Найяр излился на аппетитный зад, наградил новым шлепком и ушел, даже не спросив ее имени и не пытаясь его вспомнить. Возможно, позже он познакомиться с ней получше, если не забудет, кто именно сейчас так услужливо подставил свое лоно.

Покинув свой кабинет, его сиятельство, уже более собранный и спокойный, вошел в малый тронный зал. Послы из Гаэлдара, ожидавшие его появления, склонились в поклонах. Едва кивнув в ответ, Найяр занял полукруглое деревянное кресло и посмотрел на незваных гостей.

— Слушаю, — без предисловий произнес он.

— Ваше сиятельство, — начал мужчина. — Я посол его величества, властелина Гаэлдара, ассар Блавар. Наш великий король и господин велел передать свои соболезнования в связи с кончиной вашей супруги, герцогини Таргарской. Да обретет ее душа покой…

— Дальше, — раздраженно велел его сиятельство.

Ассар Блавар бросил на таргарского правителя быстрый взгляд.

mir-knigi.org

— Так же наш великий король выражает вам сочувствие в связи с потерей вашей возлюбленной. Теперь ее душа сможет соединиться с душой ее супруга, да простит ее ассар Тиган и примет в свои объятья…

— Молчать! — Найяр выкрикнул это раньше, чем успел осознать, что делает. — Сафи жива и скоро вернется в эти чертоги. — Закончил герцог и сел на свой трон. — Продолжайте.

Посол склонился в новом поклоне, но Найяр успел заметить удовлетворенный блеск его глаз и внутренне надавал себе оплеух за этот порыв.

— Так же его величество выражает недовольство и возмущение казнью подданного Гаэлдара, ассара Руэри Тигана, — возобновил свою речь посол.

— Тарг Тиган был подданным Таргара и предал своего господина, что подтверждают ваши слова, ассар Блавар, — холодно ответил Найяр.

— Возражение, ваше сиятельство, — поклонился посол. — Ассар Тиган находился в подданстве Гаэлдара уже более двух лет. И его супруга…

— Ее имя не упоминать, она не может быть связана с этим делом, — вновь не удержался герцог и внутренне выругался. Надо быть сдержанней! — Тарганна Тиган сношений с Гаэлдаром не имела, подданства не меняла, не стоит приплетать ее имя к возмущениям вашего короля.

Блавар заложил руки за спину, что уже выражало непочтительность к герцогу Таргарскому, и Найяр приготовился.

— Ассара Сафиллина Тиган, являясь супругой ассара Руэри Тигана не может быть разделима с мужем. Принимая в подданство ассара Тигана, его величество, принял и его супругу. Ассар Тиган пребывал на территории Таргара только для того, чтобы забрать ассару Сафиллину. Гаэлдару известно, что вы силой удерживали благородную ассару, ваше сиятельство. Его величество, Дантар Гаэлдарский, был крайне возмущен, что по вине вашего сиятельства Гаэлдар не может обрести двух своих новообретенных детей. Тем более его величество возмущает, что его подданный был казнен без ведома Гаэлдара и его согласия или отказа.

Герцог сжал подлокотник, чтобы не сжать кулак. Такая вопиющая наглость его взбесила. Он помнил письмо Тигана, в котором тот просил подданства и помощи от гаэлдарского государя.

— Вы лжете, — произнес Найяр, глядя в глаза посла. — Тиган не являлся подданным Гаэлдара, и у меня есть тому доказательства. Гаэлдар пытается вмешаться во внутренние дела Таргара, но у вас ничего не выйдет. Ни тарг Тиган, ни, тем более, тарганна Тиган не имели к вашему государства никакого отношения.

— Мы могли бы ознакомиться с доказательствами? — с поклоном спросил ассар Блавар.

— Да, завтра вы получите доказательства, — милостиво кивнул его сиятельство. — У вас что-то еще?

— Да, ваше сиятельство, — в позе вновь появилась почтительность. — Его величество, Дантар Гаэлдарский, велел передать, что, в случае отсутствия доказательств ваших прав на казнь чужого подданного, Гаэлдар разрывает с Таргаром все достигнутые договоренности и, в качестве возмещения ущерба, нанесенного репутации нашего королевства, которое всегда защищает своих подданных, требует остров Кайо, на котором расположен таргарский гарнизон.

Герцог закинул голову назад и расхохотался. Посол ждал, когда приступ смеха у таргарского правителя пройдет, сохраняя на лице полное спокойствие и уверенность в своей правоте. Найяр резко оборвал смех и резко нагнулся вперед, от чего ассар Блавар невольно поежился и принял решение — ничего здесь не есть без дегустатора. Глаза герцога хищно блеснули.

— Решили разыграть дохлую пешку? — угрожающе-тихо спросил он. — Можете передать вашему королю, что он просчитался. — Затем встал, и кинув, — завтра в полдень, — покинул малый тронный зал.

Когда дверь за ним захлопнулась, Найяр выхватил нож, висевший на поясе, и с силой метнул в дверь напротив.

— Ублюдки, — прошипел он. — В порошок сотру.

Он стремительно спустился вниз, подошел к пыточным камерам и здесь немного перевел дыхание.

— Тарга Финла ко мне, — велел его сиятельство, входя в камеру.

Герцог прошелся мимо пыточных инструментов, любовно погладил дыбу, поднял плеть и придирчиво осмотрел ее. Нужна новая, эта уже слишком мягкая, отбитая. Найяр любил, когда плети были свежими, еще жесткими, тогда они лучше сдирали кожу.

— Эй, кто там? — крикнул его сиятельство. — Пару новых плетей, эту выкинуть, отработала.

Страж поклонился и вышел. Найяр вольготно развалился на стуле, закинув ноги на стол. Успокаивать нервы в пыточной он начал лет в семнадцать. Тогда он в первый, и наверное, единственный раз разругался с братом так, что его трясло от нежелания Неила понять его. Дело касалось одной из служанок. Девчонка понесла после его развлечений с ней. Дурочка со смущенной улыбкой сообщила ему, что он станет отцом. Тогда Найяр, еще щенок, решил, что увлечен этой служанкой. Он даже немного ухаживал за ней, потому она решила, что юный герцог будет рад будущему отцовству.

Най рад не был. Более того, он представил, что скажет отец, который столько раз талдычил ему, что бастарды приносят только вред, и семя нужно сеять в законную почву, в чрево своей жены. И вот эта наивная дура стоит и радостно улыбается, ожидая от него вселенского счастья. Найяр психанул. Он потребовал немедленно избавиться от дитя, не привлекая к этому внимания. Девчонка заартачилась, и тогда юный герцог начал хлестать ее обвинениями в доступности, твердил, что это не его ребенок, и он никогда не будет не заботиться о нем, не помогать его матери. Девчонка заявила, что вырастит сама, потому что любит свое дитя, как любила его отца.

Тогда Найяр сменил гнев на милость, приласкал ее, попросил подождать. Она горячо закивала, а юный герцог помчался к лекарю, тогда это был еще не Лаггер. Выслушав юношу, лекарь дал ему склянку с каким-то снадобьем, сказав, что это решит все проблемы младшего Грэима. Найяр вернулся к своей любовнице и силой влил ей в рот снадобье. Утром девушку нашли мертвой. Огорчился ли юноша? Больше удивился и потребовал объяснений у лекаря. Тот признался, что дал яд, ибо срок беременности был ему неизвестен.

Найяр обо всем рассказал Неилу. Брат врезал ему по лицу. Они тогда здорово повздорили. Неил хлестал наотмашь обвинениями в безответственности и неосторожности.

— Если ты не подумал раньше, когда изливался в ее лоно, то должен был найти подход и

объяснить, уговорить, прийти ко мне, в конце концов, а не убивать девчонку, вина которой только в том, что влюбилась в такого мерзавца, как ты.

— Она отказалась избавиться от ублюдка! — воскликнул Найяр.

— Я уже сказал, что думаю по этому поводу, — ответил Неил и ушел, хлопнув дверью.

Найяра трясло, брат никогда так не разговаривал с ним. Никогда не бил, даже в детстве. Они всегда были друзьями. Ноги юного герцога сами привели его в пыточную, где отец вел допрос. Найяр принял в нем участи, и почувствовал, как его отпускает напряжение, когда свистнула плеть, и закричал узник. Отец удивленно смотрел на сына, который все с большим энтузиазмом и фантазией измывался над несчастным. Заметив, как Най перевел дыхание, герцог Таргарский понятливо хмыкнул и потрепал парня по волосам.

— Мне тоже помогает успокоиться, — сказал он. — От чего бесишься?

— Да, так, отец, уже спокоен, — ответил Найяр и покинул пыточную, уже держа себя в руках.

С Неилом они тогда неделю не разговаривали, и юноша частенько наведывался в пыточную после того, как брат игнорировал его тоскливые взгляды. Потом братья помирились, Найяр пообещал быть более ответственным и думать не только о себе, а привычка успокаивать нервы страданиями других осталась.

Дверь в пыточную камеру открылась, и к герцогу подошел невысокий полный тарг Финл. Он склонил голову и замер, ожидая вопросов своего господина.

— Что у нас есть интересненького? — спросил Найяр.

Тарг Финл, работавший в Тайном кабинете, и уже знавший, что имеет в виду его сиятельство, перебрал дела, которые вел кабинет и, вновь склонив голову, ответил:

— Особо интересного ничего, ваше сиятельство. Взятки, шантаж… — Найяр скривился и кивнул, чтобы благородный тарг продолжил. — Подозрение в шпионаже на Бриатарк…

— О-па, — герцог перевел заинтересованный взгляд на мужчину. — Почему я еще не в курсе?

— Вчера пытались доложить, ваше сиятельство, вы изволили рекомендовать секретарю свернуть донесение в трубочку и засунуть… ну, вы понимаете, ваше сиятельство, — ответил тарг Финл.

Герцог нахмурился, вспоминая, и усмехнулся. Да, визит секретаря Тайного кабинета попал на момент, когда Найяр пребывал в угрюмом состоянии.

— Ясно, надеюсь, секретарь не выполнил рекомендации? — поинтересовался Найяр.

— Тарг Валлиан подумал, что эти документы еще могут заинтересовать ваше сиятельство, испортить он их себе не позволил, — произнес мужчина, пряча ухмылку.

— Очень разумный у вас секретарь, дальновидный, — похвалил герцог и протянул руку, в которую тут же легли документы.

Найяр пробежал глазами ровные строчки, написанные четким почерком, без завитушек и лишних деталей. В бумагах говорилось, что тарг Алонс Фробэр имеет близкие сношения с послом Бриатарка, часто занимает у него крупные суммы денег, на которые содержит свою

любовницу. Так же намекал на скорые перемены в герцогстве и хвастался своей смекалкой и ловкостью. Все это сообщила любовница вышеозначенного тарга, получавшая жалование от Тайного кабинета уже не первый год.

— Умеет Фробэр выбирать любовниц, — хохотнул герцог. — Тащите сюда этого дурака, поболтаем.

Тарг Финл поклонился и вышел из пыточной. Найяр, дождавшись, пока за мужчиной закроется дверь, потянулся, хрустнув косточками, и довольно крякнул. Очень своевременное донесение. А в свете последних событий еще и полезное. Тарг Фробэр служил в министерстве внутренних дел Таргара, имел доступ к важным сведениям и документам. Кстати, о документах…

Пока произведут арест, пока притащат сюда, у его сиятельство было время потребовать принести ему письмо Тигана, то самое, в котором он просил защиты Гаэлдара. Герцог покинул застенки подземных камер и поднялся к рабочим кабинетам. Заглянув к таргу Когену, Найяр велел:

— Все по предательству Тигана мне, немедленно.

— Да, ваше сиятельство, — поклонился Тайный советник.

На Руэри Тигана предусмотрительно собиралась папка документов с допросами посольских служащих в Гаэлдаре, родственников, друзей, показания свидетелей. Сюда же было прикреплено и письмо. Найяр уселся на край стола и смотрел, как советник открывает тяжелый металлический шкаф, где хранились особо важные и секретные документы. Неожиданно движения Когена стали нервными, дерганными, и герцог нахмурился.

— Не огорчайте меня, тарг Коген, — негромко произнес его сиятельство, и советник вздрогнул.

Он продолжал рыться в своем неприступном шкафу, наконец, развернулся, бледный и взмокший.

— Исчезли, ваше сиятельство, — произнес советник. — Богами клянусь, я видел эту папку несколько дней назад. Расследование начинаю немедленно.

— Срок до полуночи, — холодно ответил герцог и поднялся со стола. Он сделал несколько шагов к двери, но вдруг развернулся и стремительно пересек кабинет, нависая над советником. — Тарг Коген, если папка не найдется до полуночи, после полуночи вы будете висеть на дыбе, и я лично займусь вами. Я был услышан?

— Да, ва… ваше сиятельство, — гулко сглотнул советник. — Из-под земли достану.

— Очень на это надеюсь, — произнес Найяр, не сводя с мужчины леденящего взгляда.

После развернулся и покинул кабинет. Тайный советник утер пот дрожащей рукой, шумно выдохнул и заорал:

— Сверг, ко мне! Живо!

Найяр уже не слышал творящейся за его спиной панической суеты, он стремительно сбегал вниз по лестнице. Придворные, попадавшиеся на его пути, спешно кланялись и убирались прочь, глядя на желваки, бешено ходящие на скулах его сиятельствах. Вот это уже был, действительно, удар. Герцог был уверен в преданности советника Когена, он не страдал

излишней доверчивостью, потому своих людей подбирал не менее тщательно, чем Сафи воспитателей для приютских выкормышей. Но разгильдяйства не терпел, и свое обещание собирался сдержать. Впрочем, он знал, что сейчас весь Тайный кабинет буде поставлен на уши, Коген свою работу знал. Если не папку, то похитителя вычислят.

Найяр уже спустился вниз, когда остановился, так и не опустив ногу с последней ступеньки, мгновение думал, а после помчался опять наверх. Он ворвался в кабинет тайного советника, где тот, багровый и злющий, орал на своих людей. Но, заметив его сиятельство, тут же оборвал свою гневную речь и склонился в поклоне.

— Как давно посольство Гаэлдара в Таргаре? — спросил герцог.

— Прибыли вчера днем, — последовал моментальный ответ.

— Почему я не в курсе?… А, — Найяр отмахнулся. — Знаю… Ну, любимая, — тихо рыкнул он. — Выяснить все передвижения посольских, посетителей, случайные встречи и не случайные. Даже о шлюхах, которых они посещали, я тоже хочу знать.

— Все столичные шлюхи в нашем ведении, — склонил голову Коген. — Вскоре сведения будут у вас.

— В этих уверены? — кивнул его сиятельство на присутствующих.

— Здесь нет никого, кто был вхож в мой кабинет и пользовался моим доверием, — ответил советник.

— Работайте, — кивнул Найяр.

Он покинул кабинет, где кипела работа, когда его остановил секретарь главного казначея.

— Ваше сиятельство, тарг Военор только что прибыл, — доложил мужчина.

Найяр на мгновение замер, пытаясь понять, что от него хочет секретарь казначея, но быстро вспомнил, кивнул и развернулся на каблуках, направляясь к таргу Военору. Тот стоял возле своего стола, что-то рассматривая в бумагах. Когда открылась дверь, он бросил резкое:

— Занят, — и продолжил свое занятие.

— Думаю, своего герцога вы примите, — усмехнулся его сиятельство.

Казначей моментально развернулся и склонил голову в приветственном поклоне.

— Доброго дня, ваше сиятельство, — произнес Эбер Военор и замер, ожидая, что скажет герцог.

— Что-то важное? — спросил Найяр, чуть прищурившись наблюдая за казначеем.

— Перечисление денег на южные верфи, — ответил тарг Военор. — Вышла заминка, разбирался. Уже разобрался.

— Хорошо, — герцог хлопнул мужчину по плечу. — Я к вам вот по каком делу, Эбер. — Его сиятельство разместился в кресле для посетителей. — Меня интересует местонахождение Габи.

mir-knigi.org

— Габи? — казначей чуть приподнял бровь. — Я разместил девушку в доме моей сестры.

— Верните назад, — Найяр сдернул со стола первый попавшийся лист бумаги и пробежал его глазами. — Хочу, чтобы она находилась в покоях Сафи, как раньше. С чего вы вообще решили убрать ее из дворца?

— Тарганна Тиган просила, — спокойно ответил казначей, не отводя глаз.

— Тарганна Тиган… — герцог откинул документ обратно и сложил пальцы домиком. — Она ведь вам нравилась, не так ли, Эбер?

— Тарганна Тиган была крайне привлекательной женщиной…

— Она ею и осталось, — оборвал Военора его сиятельство. — Или ты тоже думаешь, что она сгорела в том сарае?

— Я бы хотел, чтобы она была жива, — ответил казначей. — Тарганна Тиган заслужила жизнь.

— Она жива! — воскликнул герцог, вскакивая на ноги. — Габи жду уже сегодня.

И стремительно вышел за дверь. Военор некоторое время смотрел ему вслед, после опустился на край стола и устало потер лицо.

— Надеюсь, ты никогда ее не найдешь, — прошептал мужчина.

Когда Найяр вернулся в пыточные камеры, тарг Фробэр уже был здесь. Увидев его сиятельство, он кинулся на колени.

— Ваше сиятельство, навет, я ни в чем не виноват!

— Встаньте, друг мой, встаньте, — с мягкой улыбкой произнес герцог. — В чем вы не виноваты?

— В том, в чем меня обвиняют, — ответил уже бывший служащий министерства внутренних дел Таргара. — Меня оговорили.

— Ну, что вы, дорогой тарг Фробэр, у нас только проверенные сведения, — дружелюбно улыбнулся его сиятельство, и все с той же улыбкой кивнул стражам. — На дыбу.

Глава 3

Ледигьорд. Территория племени Белой Рыси.

И вновь тонкий предупреждающий свист. Флэй остановил коня и что-то крикнул в темноту. Зашуршала трава под приближающимися шагами. Говорил опять рысик, я молчала, вылавливая знакомые слова и пытаясь по смыслу составить разговор между моим дикарем и невидимым собеседником. Наконец, мне велели слезть с коня, и мы направились вслед за дозорным, остановившим нас.

Флэй держал меня за руку, время от времени сжимая чуть крепче, я отвечала на эти рукопожатия, это придавало уверенности и сил. Заостренные бревна, как и у "медведей" появились как-то совсем неожиданно. Вроде шли, шли, шли, и вдруг замелькали зажженные над деревянной стеной огни. Послышался голос воина, стоявшего на стене. И, услышав ответ, воин крикнул вниз, чтобы ворота открывали.

— Флэйри вернулся, — эту фразу я поняла.

Рысик резко притянул меня к себе, на мгновение вжал в свое тело, ловя губы. Затем отпусти, и я услышала, как он выдохнул.

— Тебя помнят, — шепнула я.

Он промолчал, но вновь сжал мою ладонь и шагнул в открывшиеся ворота. Я поспешила за ним, едва не клюнув носом, запнувшись в темноте. Мой дикарь тут же поймал меня и повел дальше. Я с интересом рассматривала поселение Рысей. Стоит отметить, что здесь дома располагалась ровными линиями, и ощущения Хаоса, как у "медведей" меня не посетила. Крыши были соломенными, домики выглядели ровными кубами, а на каждой улице горели огни в треногах, заменяя привычные мне фонари. В общем, первое впечатление оказалось более приятным, чем от поселения предыдущего племени.

"Флэйри вернулся" катилось по ровным улочкам подобно урагану, открывались двери, и "рыси" выбегали на улицу, с интересом разглядывая моего дикаря и недоуменно меня. Я поежилась под их взглядами. Радовало одно, Флэй их сейчас занимал гораздо больше меня. Он что-то кричал на отдельные реплики, смеялся и упорно вел меня к своему дому. Провожатый шел рядом уже просто из любопытства, это было понято по его горящему взгляду. Откуда-то послышался надрывный женский крик:

— Флэйри!

Он остановился и обернулся вправо, где, расталкивая соплеменников, появилась молодая женщина. Она замерла на мгновение, а после сорвалась с места, и рысик, отпустив меня, раскрыл ей объятья. Женщина повисла на его шее, что-то быстро говоря, то смеясь, то плача. Я стояла, скромно потупившись, и ожидая, когда про меня вспомнят. Женщина схватила моего дикаря и потащила за собой в том же направлении, что он шел сам. Рысик остановил ее, обернулся ко мне и поманил за собой. Дождавшись, когда я и оба коня поравняемся с ним и женщиной, Флэй забрал повод, и немного виновато посмотрел на меня.

— Сестра, — шепнул он.

Я улыбнулась. Обижаться было не на что. Его здесь десять лет не видели, и он столько же никого не видел. Понятна была и радость, и растерянность. Спасибо, что меня не забывал. Женщина скользнула по мне взглядом, чуть нахмурилась и спросила:

— Кто? — это я сама поняла.

— Невеста, — ответил Флэй.

— Пришлая? — изумилась сестра моего дикаря.

— Любимая, — произнес рысик и мягко подтолкнул женщину дальше.

Тем временем мы приблизились к дому, где в дверях стояла женщина, чьи волосы украшала проседь. У нее были мудрые каре-зеленые глаза, чей взгляд сейчас не сходил с моего дикаря.

— Мать! — воскликнул Флэй, отпуская коня.

— Флэй, — выдохнула она и протянула к сыну руки.

mir-knigi.org

Рысик опустился перед ней на колени, склонил голову, и женщина положила на его затылок ладонь, словно благословляя. Она что-то коротко произнесла, Флэй поднялся и крепко обнял свою матушку. Я все так же скромно стояла в стороне и наблюдала за тем, как мать жадно разглядывает сына. К ним подскочила сестра, пробились еще двое мужчин, один из которых немного напоминал Флэя, но был старше. Братья, поняла я. Их объятья с рысиком были более сдержанными, но на губах играла улыбка. Затем подошел седобородый старец в длинном платье. Еще мгновение, и я неожиданно оказалась оттеснена к соседнему дому.

Растерянно глядя, как мой дикарь оказывается все дальше от меня, я все-таки не решилась ни подойти, ни окрикнуть. Толпа начала смещаться в сторону дома. Мимо пробежала молоденькая девушка, задела, и я упала на четвереньки. Вот теперь стало обидно. Вроде не на что, а слезы навернулись. Просто вдруг почувствовала себя одинокой и никому ненужной.

— Сафи! — крик рысика пробился сквозь общий гомон. — Лети сюда, голубка.

— Я бы рада, — проворчала я, глядя на плотную стену из тел "рысей".

На меня обернулись последние "рыси", нахмурились, словно пытаясь сообразить, кто я и откуда тут взялась. Мне стало совсем неуютно, и я сосредоточилась на своих руках, пытаясь стряхнуть с них пыль. Кожа оказалась содрана, это заставило незаметно хлюпнуть носом. Правда, в этот момент я ощущала себя маленькой потерянной девочкой.

— Тарганночка, что ты тут стену подпираешь? — передо мной возник Флэй. — Дом крепкий, не развалится.

Он взял меня за руку, и я невольно зашипела. Рысик тут же посмотрел на мою руку, затем изумленно на меня.

— Когда? Как? Ты же пять минут назад целая была.

— Рыси крайне импульсивны, — ответила я.

— Они удивлены, что я вообще вернулся, — усмехнулся Флэй, поцеловал мою ссадину и повел, сквозь расступившуюся толпу.

Теперь взгляды соплеменников моего Рыся сосредоточились на мне. Гомон утих, стало неприятно от этого пристального внимания. Если бы не Флэй, я бы, наверное, либо убежала, либо закрылась в себе. Но тепло, шедшее от его взгляда, удерживало на грани паники. Он подвел меня к своей матери. Женщина оглядела меня цепким колючим взглядом и вопросительно взглянула на сына. Рысик улыбнулся и заговорил, я уловила свое имя, Таргар, невеста. Он сказал гораздо больше, но я ничего не поняла.

Мать моего дикаря, едва заметно приподняла бровь, продолжая буравить меня взглядом. Лицо ее было непроницаемым и, казалось, невозможно понять, что она думает о том, что говорит ей Флэй. Единственное, что она сделала, это кивнула мне и указала взглядом на дом.

— Иди, — шепнул рысик. — Я сейчас подойду.

— Я без тебя не пойду, — малодушно ответила я.

Он едва заметно покачал головой и подтолкнул меня к дому своей матери.

— Возьми себя в руки, — тихо произнес мужчина. — Я быстро, обещаю.

Вздохнув, я последовала за пожилой женщиной и вошла в дом.

— Хей, — поздоровалась я.

— Хей, — ответила она и кивнула на скамью.

Она заговорила со мной, но я виновата улыбнулась.

— Я плохо говорю на язык Рысь, — смогла я составить корявую фразу. — Я учись.

Она вновь вцепилась в меня взглядом и покачала головой.

— Альен, — вздохнула женщина.

— Я стать своей, — откликнулась я.

— Пришлая, — повторила женщина. — Не жена моему сыну.

Это я смогла понять, женщина упростила предложение. И тут мне стало страшно. Флэй, конечно, поклялся, но ведь вода камень точит. Уважение к матери, осознание себя дома, что еще может стать толчком к охлаждению ко мне? И что мне тогда делать? Идти к медведям? Невольно передернув плечами, я покосилась на женщину и поняла, что от нее не укрылся мой жест. О, боги, пошлите мне силу. Смогла же выжить во дворце, и тут выживу. Нужно скорей учить их язык и быт.

Пока я все это обдумывала, вошел рысик. Он подошел ко мне первым делом, обнял за плечи и поднял со скамьи.

— Сейчас баню протопят. Вместе мы пока не можем туда войти, но ты ведь разберешься, как нужно мыться самостоятельно, — подмигнул он. — Сестра даст тебе свою одежду. Завтра своим начнем обживаться, хорошо, голубка? Если тебе нужна помощь, я попрошу Рахану…

— Нет, я справлюсь, — поспешно ответила я.

— Умничка моя, — рысик поцеловал меня в висок и повел на выход. — Потом перекусишь и спать.

Благодарно улыбнувшись, я потерлась щекой о его плечо и позволила отвести меня к низкому домику, из которого уже шел пар.

— О, как быстро братья натопили, — усмехнулся Флэй. — Ничего не бойся, я рядом.

Он открыл низкую дверцу, ввел меня внутрь, показав деревянную бочку с водой, такой же таз, указал на небольшой металлический таз, от которого шел пар. Дав последние наставления, рысик вышел, но тут же вернулся, укладывая на лавку одежду и кусок полотна, которым мне следовало вытереться.

— Люблю тебя, — улыбнулся мой дикарь и, подарив мне еще один поцелуй, вышел, оставив меня одну.

Некоторое время я стояла растерянно глядя вокруг себя. Затем сердито тряхнула головой и начала раздеваться. Что я, в самом деле. Вот горячая вода, о которой я уже даже не мечтала, довольствуясь холодным морем, вот чистая одежда. Там ждет горячая еда, любимый мужчина, а к остальному я привыкну.

mir-knigi.org

С этими мыслями я взялась за ковш, и вместе с грязью уходило ощущение одиночества, растерянность и неожиданная обида. Из бани я выходила уже более уверенной в себе. Но на пороге дома задержалась, слушая голос моего дикаря, что-то ожесточенно чеканящего тем, кто находился в доме. Я уловила свое имя, и сразу уверенность дала трещину. После я подумала, что меня могут увидеть подслушивающей, и толкнула дверь. Голоса тут же смолкли.

Флэй, стоявший ко мне спиной, обернулся и ласково улыбнулся, поманив меня к себе. Сделав вид, что я ничего не слышала, я подошла к нему, и рука моего мужчины опустилась мне на плечо. Он перевел взгляд с матери на сестру, затем на братьев, а после еще на одного мужчину, которого я до этого не увидела.

— Ты чудесно выглядишь, — сказал мне рысик на таргарском. — Сейчас будем есть.

— Ты хотел помыться, — ответила я, стараясь не реагировать на пристальные взгляды.

— Успею, — отмахнулся мой дикарь. — Садись за стол.

— Может, мне стоит помочь твоей матери? — осторожно спросила я.

— Завтра со всем разберемся, тарганночка.

Поздний ужин проходил под негромкий разговор Флэя с братьями. Они и незнакомый мужчина, сели с нами за стол. Братья поглядывали на меня с любопытством, незнакомец тоже, но его интерес, скорей, был изучающим. Мать моего дикаря подавала на стол, сестра ей помогала, но вскоре убежала, оставив нашу компанию. Кое-как втолкнув в себя то, что было предложено, я застыла с опущенными глазами.

Флэй поднялся из-за стола и увлек меня в соседнюю комнату, их в доме оказалось две. В общем, и не комната, скорей закуток, где имелось ложе, застеленное льняным бельем. Рысик привлек меня к себе, обнял лицо ладонями и прошептал:

— Чтобы ты не думала, я с тобой.

— Ох, Флэй, — невольно всхлипнула я.

— Завтра сходим в Волгару, чтобы он соединил нас. Одним вопросом будет меньше. Не переживай. От герцога ушли, море переплыли, от "медведя" отделались, неужели с "рысями" не разберемся? — он подмигнул мне и коротко поцеловал.

— Только не отказывайся от меня, — прошептала я. — Иначе лучше мне было наглотаться яда.

— В который раз вспоминаю мудрого Мерона, — рысик сокрушенно покачал головой. — Зачем бабе ум, если она им не думает? Не откажусь, не отдам, не отпущу.

— Спасибо, — я уткнулась ему в грудь.

— Глупышка ты моя, — добродушно усмехнулся мой дикарь и ненадолго завладел моими губами.

Когда он укрыл меня мягкой шкурой вместо одеяла и еще раз поцеловал, я была опять почти спокойна, давая себе слово не сомневаться в своем мужчине и дальше, как не сомневалась все это время. А вскоре сон меня все-таки победил.

* * *

Флэй застыл на пороге закутка, глядя на молоденькую женщину, мирно посапывающую во сне. С нежностью улыбнувшись, он повернулся и заметил взгляд матери. Вздохнув, он направился к ней и, в свойственной лишь ему манере, забывать обо всех установленных правилах и условностях, обнял изборожденное морщинами лицо ладонями и с нежностью взглянул в уже блеклые каре-зеленые глаза. Женщина невольно улыбнулась.

Она уже успела отвыкнуть от собственного сына и его открытого нрава. Женщина потрепала мужчину за щеку и обняла его, прижимаясь к широкой груди. Руки Флэя оплели плечи матери, и он прижался щекой к ее макушке.

— Только сейчас понимаю, как мне не хватало тебя, сын, — тихо произнесла женщина.

— Я вернулся, теперь будем вместе, — ответил он. — Ты, я и моя голубка. Придет время, и моих детей возьмешь на руки.

Женщина отстранилась и села на скамью, стоявшую у длинного стола. Мужчина растянулся на скамье, положив голову на материнские колени, как делал это в детстве и юности, и сухие женские пальцы зарылись в его волосы.

— И все же, сын, — осторожно начала женщина. — Зачем тебе пришлая?

Флэйри, сын Годэла, поднял на мать глаза, но промолчал, давая ей высказаться.

— Тебе нужна жена, но зачем дочь народа, который забрал твою жену и моего мужа, твоего отца? Она наш враг. В племени много молодых сильных девушек, которые будут счастливы стать тебе женой. Если не нравятся наши, в других поселениях невест, слава Пращурам, много.

Мужчина, внимательно слушавший мать, пока она говорила, сел на скамью и пристально взглянул на нее. Женщина невольно потупилась под проницательным взглядом карих глаз своего сына.

— Скажи мне, мудрая мать, Сафи вонзила меч в отца?

— Нет, но…

— Или она насиловала Золи?

Женщина хмуро взглянула на сына.

— А может, ты достоверно знаешь, что она пришла сюда уничтожать? — продолжал Флэй. — С каких пор Рыси лишились своей хваленой гостеприимности и терпимости? Скажи мне, мать, я ведь не знаю, что здесь происходило за десять лет.

— Рыси всегда рады друзьям, — ответила женщина. — Но пришлая не друг.

— Но и не враг, и это главное, мать, — мужчина устало вздохнул и прикрыл глаза. — Она несчастная, одинокая женщина, у которой отняли мужа, не дав познать с ним ни радостей, ни горя, ни родить детей. Пес удерживал ее в своем плену несколько лет.

— Тогда почему на ее могиле еще не цветут мертвы, — неожиданно зло воскликнула старая "рысь", вскакивая со скамейки. — Твоя жена умерла, защищая свою честь, а эта спит сладко…

— Пращуры готовили мне подарок, — не менее резко ответил сын, так же вставая. — Эта женщина — мой дар, мать. Мы с ней заслужили свое счастье, выплакали, выстрадали, и я буду

mir-knigi.org

всегда на ее стороне. Если "Рыси" не примут ее, мы уйдем. Вместе.

— Ты предашь свой народ? — вскинулась мать.

— Чем? Тем что буду любить женщину, разбудившую меня после долгого сна смерти? — усмехнулся Флэй. — Ты так легко бросаешься словами, мать. Успеваешь ли ты сама услышать их смысл?

Она вновь села на скамью, взглянула на сына исподлобья и произнесла:

— Ты предал Золи, сын. Она плачет в садах Пращуров, узнав, что ее муж заменил ее на дочь народа, забравшего ее юный огонь.

Флэйри резко развернулся и некоторое время смотрел на мать, словно видел ее в первый раз. Затем приблизился и присел на корточки, сжав сухие руки в ладони. И вновь она почувствовала себя неуютно под проницательным взглядом сына.

— Помнишь, когда я был маленьким, ты учила видеть в людях не только плохое? Даже врагов ты учила понимать. Почему же сейчас ты не желаешь понимать своего сына? Зачем говоришь о том, во что сама не веришь? Золи погибла страшной смертью, и часть ее огня навсегда соединился с моим в Священном Пламени. Даже Погребальный Огонь не выжиг из моего сердца ту радость, что дарила мне эта девушка. И так будет всегда. Золи знает это. Но сейчас я встретил другой огонь, жар которого опалил меня и разбудил, вновь возрождая угасшее пламя моей жизни. Я исполнил клятву, теперь я свободен и открыт для того, чтобы снова начать дышать полной грудью. Ты просто не знаешь мою голубку. У нее доброе сердце и открытая душа. Не отталкивай, помоги ей, научи всему, что должна знать женщина нашего племени, я помогу. Сафи учит наш язык, она хочет быть частью нашего племени, и, главное, она уже часть меня. Я построю дом, и мы уйдем, но пока мне и Сафи нужна твоя помощь, мудрая мать. Неужели ты откажешь своему Флэйри? — мужчина обезоруживающе улыбнулся, и старая "рысь" не смогла удержать ответной улыбки.

— Я услышала тебя сын, — кивнула она. — Я попробую примириться с пришлой.

— Сафи, мать, — поморщился Флэй.

— И имя чужое, — упрямо ответила она. — Я буду учить ее быть "рысью".

— Ты мудра, мать, — мужчина склонил голову. — В Священном Пламени ее имени сменится и больше не будет чужим. Даиль — нареку я свою женщину. Нежная голубка, так будут звать ее. — Он поцеловал руки матери и направился за перегородку под мрачноватым взглядом женщины.

Флэйри, сын Годэла, всегда верил своей матери. Десять лет вдали от нее ничего не изменили. Он ведь ее сын и точно знал, что не станет называть человека врагом, пока он не поднимет оружие против него. Мужчина верил в свою мать и верил в свою женщину, зная, что она может расположить к себе любого, кто хоть немного удосужиться узнать ее получше.

Сейчас ему было дико, что когда-то он верил, что за милым личиком и хрупкой фигуркой скрывается змеиное сердце. Несколько лет была любовницей пса, Флэй неоднократно видел, как они весело смеялись, как целовались в дворцовом парке, и все это при наличии законной супруги рядом с ними. Что еще оставалось думать?

Впрочем, даже тогда Флэйри не был уверен, что сможет убить беззащитную женщину,

подобное было противно его натуре. Тогда-то дикарь из Ледигьорда и замыслил похищение. Что делать с любовницей герцога, он так и не мог решить. Клятва требовала ее смерти, душа противилась убийству. Должно быть, помотав таргарского пса и насладившись его страданиями, он бы просто отпустил женщину. Сложность была только в том, что к ней невозможно было приблизиться.

Мужчина браковал вариант за вариантом, пока не решил просто ждать, уверенный, что возможность представится. За это время он успел познакомиться и подружиться с умным, добродушным весельчаком и пьяницей, отцом Сэчэри. Тот рассказал о подземном ходе, и Флэй занялся его поисками. Ощущение окончания ожидания появилось за полгода до того момента, когда Сафи сама подошла к нему. Это была странная уверенность, которая придала новых сил.

Единственный раз мужчина испугался, что упустил момент, когда тарганна Тиган, потрепанная и напряженная покинула дворец. Он не успел понять, что произошло, как герцог, распугивая всех горящим взглядом, умчался из дворца, на ночь глядя. И когда через два дня отряд вернулся с добычей, Флэй почувствовал облегчение и первый укол сомнения в природе отношений пса и его любовницы. Слишком потерянным был взгляд, когда она смотрела на дворец, подъезжая к нему. Это длилось мгновение, но начальник дворцовой стражи заметил.

А потом события понеслись. Угрозы Аквинтина, герцог, спешно увозящий свою любимую женщину и выдворяющий герцогиню. И вновь Флэйри не стал торопить события, зная, что вернутся. Отсюда путь был уже продуман до мелочей, кидаться в погоню за герцогом и его любовницей, пытаясь выкрасть ее, было глупо. Потому оставалось просто ждать, и он ждал.

После возвращения пса и Сафи, события набрали и вовсе неимоверную скорость. Теперь-то Флэй знал, что послужило причиной охлаждения между любовниками. То, что рассказала Сафи, ужаснуло мужчину, но он сделал вид, что просто принял к сведению, чтобы она не уходила в свое горе. Но тогда он просто наблюдал, не зная причин происходящего.

Далее смерть герцогини и казнь мужа Сафи. Как бы там ни было, но пес сам отправил свою возлюбленную в руки Флэя. Устраивая ей допрос, он уже знал, что согласится. Но ему так хотелось понять эту женщину, которая внешне привлекала его, наверное, с первого дня, как он увидел ее. И отталкивала своим внутренним содержанием, о котором он в тот момент все еще ничего не знал.

Когда же искра ее огня коснулась его души? Наверное, в черной карете, когда она лежала на его руках, потрясенная встречей с мужем. Не могла та, в которой отражалась душа герцога, так убиваться по обманутому ею супругу. Да, именно в тот момент он принял ее. Пламя в душе дикаря из Ледигьорда, казалось, угасшее и подернувшееся пеплом, неожиданно проснулось.

А то спокойствие, с которым она восприняла свое похищение и охотное следование за ним, окончательно расставило последние точки в осознании, как же он был несправедлив к жертве герцогской страсти. И когда Флэйри прикасался к ней, это уже была не игра, ему просто хотелось обнять ее, приласкать, ощутить тепло тела, хоть ему еще на тот момент казалось, что это ради давней клятвы. Всего три дня вместе, и он уже просто хотел скорей закончить так сильно затянувшееся дело. Забрать ее и увезти с собой, а еще пара дней и стало совсем безразлично, где жить, главное рядом с этой удивительной женщиной. Он ведь действительно готов был навсегда попрощаться с родной землей и племенем Белых Рысей. Но судьба распорядилась так, как распорядилась. Теперь они здесь, и отказываться от дара Пращуров мужчина не собирался.

Флэй присел на край ложа и осторожно провел по лицу спящей женщины тыльной стороной

mir-knigi.org

ладони. Она вздохнула и открыла глаза. Теплая, милая, родная и уже бесконечно дорогая ему голубка. Мужчина подмигнул ей и улыбнулся. Сафи улыбнулась в ответ и тут же вновь уплыла в сон. Флэйри разделся и аккуратно лег с краю, стараясь не потревожить ее, но женщина вновь открыла глаза и придвинулась к нему, по-хозяйски устраиваясь на мужском плече.

— Таргарка, захватчица, — тихо засмеялся мужчина.

— Р-р-рысик, — мурлыкнула она, подставляя губы.

— Чудо из чудес, — усмехнулся дикарь со Свободных Земель, целуя Сафи коротко и нежно. — Спи.

— Угу, — промычала она и, кажется, уже ничего не слышала.

Мужчина аккуратно убрал волосы с ее глаз, и уютно прижал к себе. Через некоторое время послышались тихие шаги, он посмотрел из-под ресниц. Это была мать. Она остановилась недалеко от кровати и какое-то время стояла, рассматривая их. Затем, вздохнув, прошептала:

— Пришлая, — удалилась.

Флэйри недовольно поморщился. Он очень не хотел думать, что, на самом деле, мать не поняла его. Нужно надолго не оставлять их наедине, подумал мужчина, проваливаясь в тревожный сон. В отличии от Сафи, которую он уверял, что все быстро наладится, мужчина опасался, что присматриваться к пришлой и проверять ее на прочность будут долго. Лишь бы не обидели. Эта мысль разбудила Флэя. Он уставился в черноту за небольшим окном.

Обряд нужно пройти срочно и дом построить, как можно быстрей. И вплотную заняться языком побережья Ледигьорда, чтобы Сафи могла легче и скорей войти в племя. Вздохнув, мужчина вновь закрыл глаза, слушая спокойное дыхание своей голубки. Все наладится, он верил. Рыси примут ее и полюбят, по крайней мере, перестанут смотреть, как на… пришлую.

— Идиотское слово, — проворчал Флэй на таргарском и, наконец, провалился в более спокойный и глубокий сон.

* * *

Пробуждение было стремительным. Я порывисто села на постели и осмотрелась шальным взглядом. Флэя рядом не было, хотя в памяти было смутное воспоминание, что он ложиться со мной. Откинув шкуру, я встала с ложа и на цыпочках прокралась к перегородке. Осторожно выглянув, я выдохнула, он сидел за столом.

Почувствовав мой взгляд, рысик обернулся и улыбнулся, моментально согрев меня теплым взглядом.

— Доброе утро, — приветствовал он меня.

— Доброе, — я улыбнулась в ответ и прижалась щекой к перегородке.

Флэй поднялся из-за стола, и я увидела, что перед ним лежат цветы, и он плел венок. Изумленно указав взглядом на цветы, я не удержалась от вопроса:

— Откуда? Осень же!

— Тебя со мной на Звездную башню пустили, неужели такую мелочь, как цветы осенью, я не

найду? — с показным бахвальством произнес Рысь.

С сомнением осмотрев его, я вновь взглянула на цветы.

— Зачем это? — спросила я.

— Вообще-то, это цветы невесты, и она плетет из них венок перед обрядом Священного Огня. — Просветил меня мужчина. — Ты умеешь плести венок? — я кивнула. — Ну и ладно. Кто начал, тот и доплетает, — явно обманул меня Рысь. — Это закон.

Мой скептический взгляд он выдержал с независимым видом, вызвав этим мою усмешку. Наши гляделки прервала мать рысика, вошедшая в дом. Она скользнула по ммне взглядом и буркнула:

— Хей.

— Хей, — смущенно улыбнулась я.

Флэй приобнял меня и отвел обратно за перегородку. Там нашлось еще одно платье и нечто, вроде камзола с тонкой меховой прослойкой. Мои сапожки, начищенные до блеска, стояли рядом с одеждой.

— Одевайся, — рысик поцеловал меня. — Позавтракаешь и пойдем. Да, вон вода, чтобы умыться.

Я улыбнулась ему и взялась за дело. Вскоре, умытая, с волосами, заплетенными в простую косу, одетая и немного шальная, я сидела напротив Флэя, завтракая толстым куском свежего хлеба и молоком, и смотрела, как он плетет венок.

— Есть что-нибудь, что ты не умеешь делать? — спросила я, глядя, как проворные пальцы превращают цветочный хаос в аккуратную цепь из больших белоснежных головок с желтоватой сердцевинкой.

— Что-то не умею, но что, я еще не знаю, — ответил он, деловито соединяя концы венка. — Готово.

Мой Рысь подождал, пока я доем, взглядом указал на ведро с водой, где его мать мыла глиняную миску. Понятливо кивнув, я подошла к женщине. Она покосилась на меня и отошла от ведра. Нагнувшись, я ополоснула кружку и невольно посмотрела на женщину, ожидая одобрения за такое простое действие. Вздохнув, "рысь" забрала у меня кружку, взяла пучок сухой травы и показала, как я должна потереть. Я повторила, ополоснула и улыбнулась. Женщина забрала кружку и перестала меня замечать.

— Умничка, — похвалил меня Флэй. — Ты лучше всех моешь кружки.

— Да, ну, тебя, — отмахнулась я. — Я научусь всему.

— Научишься, — покладисто кивнул мой мужчина. — Но сначала нечто более важное.

Он распустил мне косу, надел венок и улыбнулся.

— Лучше всех.

Не удержавшись, я зарделась и опустила глаза.

mir-knigi.org

— Льстец, — проворчала я, но мне было приятно. — Как это будет?

— Красиво и таинственно, — загадочно ответил рысик, взял меня за руку и повел прочь из дома. — Я буду переводить тебе слова Волгара.

Мы вышли из дома, и тут я поняла, что волнуюсь. Даже перед свадьбой с Ру я так не волновалась, хоть и была на виду у всей столицы. А сейчас меня била дрожь от одного осознания — у меня будет муж, настоящий! И это Флэй, лучший мужчина из всех, кого я когда-либо встречала и сомневаюсь, что встречу. О, боги, дайте мне сил быть достойной этого дикаря!

— Ты не обижаешься, что я отправил тебя с кружкой к матери? — спросил рысик, отвлекая меня от моего волнения.

— Так было нужно, иначе бы не послал, — улыбнулась я.

— Да, она должна видеть, что готова ухаживать за ее сыном и слушаться ее, как мать, тогда быстрей примет… — Флэй вдруг выругался, оборвав себя на полуслове.

— Я понимаю, что не нравлюсь ей, — немного грустно улыбнулась я. — Наверное, я многим здесь не нравлюсь. Они не обязаны любить пришлую.

— Меня раздражает это слово, — фыркнул мой мужчина. — Ты не пришлая, ты моя.

— Я женщина Флэйри, сына Годэла, — произнесла я на языке рысей, он обернулся и посмотрел на меня с улыбкой.

— Замечательная фраза, и сказала хорошо, — произнес рысик, чуть сильней сжимая мою ладонь. — Об этом помни, остальное достижимо, пусть не сразу, но у нас все получится. Они упрямы, но умеют признавать ошибки. В этом можешь мне верить.

— А в чем не могу? — усмехнулась я.

— Нет такого, — негромко рассмеялся Флэй.

Я даже не заметила, как мы дошли до края поселения, где стоял дом, немного в стороне от остальных. Эта был даже не дом, а землянка. Флэй подвел меня к этой землянке, оставил ненадолго и постучал в хлипкую, с виду, дверь. Я замерла, ощущая вернувшееся волнение. Рысик обернулся ко мне и ободряюще подмигнул, улыбнулась ему в ответ и преисполнилась решимости.

Дверь открылась, и из землянки вышел тот самый седой старец. Не смотря на возраст, этот старик окинул меня въедливым взглядом ярко-синих глаз, затем взглянул на Флэя и отрицательно качнул головой. Я сразу почувствовала, как напряглись плечи моего Рыся. Тон вдруг стал ледяным. Он несколько надменно взглянул на старца, и я расслышала:

— Почему?

— Пришлая, — ответил шаман.

— Моя! — ожесточенно произнес мой дикарь.

Затем снова что-то спросил, но Волгар вновь мотнул головой, отчего его белоснежные волосы взлетели облаком. Флэй, молча, кивнул, развернулся на каблуках таргарских сапог и подошел

ко мне, снова беря за руку. Уже ничего не объясняя, он подошел к треноге, где горел огонь, поджег, лежавшую тут же головешку, и повел меня за землянку.

— Флэй… — начала я.

— Пращурам не нужен посредник, — только и ответил мой дикарь.

За землянкой оказалась круглая площадка, очищенная от травы, листьев и камней. По краям возвышались деревянные столбы — идолы, изображавшие мужчин и женщин попарно. Посреди площадки стояла голова рыси с открытой пастью. Из какого металла она была сделана, я не поняла, но он был белым. Не серебро точно. Мой Рысь направился прямиком к этой голове.

Он поднес горящую головешку к оскаленной пасти, и запылал огонь.

— Флэйри, сын Годэла! — выкрикнул Волгар, замерший за границей площадки.

— Не пройдет, пока горит Священный Огонь. Никто не смеет пересекать границу, пока идет обряд, — жестко усмехнулся Флэй.

Он обошел рысью голову и протянул мне руки. Я несмело протянула к нему свои, с опаской глядя на огонь. Пальцы мужчины переплелись с моими, и он заговорил:

— Великая Мать спустилась с далеких звезд, чтобы вдохнуть жизнь в первого мужчину. Первый мужчина из рода Белых Рысей был ловким охотником, сильным и бесстрашным воином, но не было ему с кем разделить добычу, не кого защищать и дарить свое тепло. И обратился он к Великой Матери, и послала ему Белая Рысь первую женщину. Так мужчина обрел смысл своей жизни и жар внутреннего огня. Так и я, Флэйри, сын Годэла, обрел смысл и познал жар своей души, когда увидел тебя, Сафиллина Тиган, женщина издалека. И пал сильный зверь к ногам нежной голубки. Призываю вас, Духи Пращуров, потомков Великой Матери, соединить жизнь вашего сына с жизнь дочери иного народа, признавая ее своей.

Я зачарованно смотрела в темно-карие глаза, в которых плясал Священный Огонь, и мне казалось, что с каждым словом мужчины, пламя разгоралось все сильней, что оно уже ревело, заглушая слова Флэйри, я даже чувствовала его нарастающее тепло.

— Мы пройдем с ней по тропе жизни, пока наши души не унесет Огненная Река в сад, где живут души предков. — Огонь уже лизал руки, но, удивительное дело, не обжигал. Флэй все так же не отрывал от меня взгляда. — Женщина, носящая имя своей земли, я забираю твое прошлое без меня, я беру тебя в свой дом, я подарю тебе свое семя, чтобы ты взрастила для меня детей. Нарекаю тебя новым именем, моя женщина. — Наши руки погрузились в огонь, но я даже вскрикнуть не посмела. Меня словно сковало оцепенение. — Имя, что связывает тебя с прежней землей, я сжигаю в огне, сжигаю твои горести и беды. И дарю тебе новое имя, которое свяжет тебя с новой землей. Даиль — нежная голубка, так нарекаю тебя, жена моя. — Огонь поднялся до наших лиц и опал, медленно затухая в рысьей пасти. — Великая Мать признала наш союз, а Духи Пращуров стали свидетелями. Даиль, жена Флэйри, так отныне зовут тебя.

Огонь совсем спал, и Волгар ворвался вкруг.

— Обряд не имеет силы, — выкрикнул он неожиданно сильным голосом.

— Скажи это Великой Матери, шаман, — произнес мой муж, не сводя с меня взгляда. — Ты все сам видел.

После этого притянул меня к себе и улыбнулся.

— Скажи что-нибудь, голубка, — прошептал он, заглядывая мне в глаза.

— Что это за огонь? Почему он не жег? — выдавила я совсем не то, что хотела сказать.

— Даиль, ты дерево, — захохотал Флэй, подхватил меня на руки и понес прочь от шамана и этого странного мистического места.

Я спряталась на его плече, чтобы не видеть взглядов, какими нас провожали Рыси, ставшие свидетелями произошедшего. Вместо этого, я пробовала свое новое имя на язык и все более уверялась — оно мне нравится. Даиль, Да-иль, как весенняя капель или переливы воды в лесном ручье. Да-аиль. Да, путь будет так. Пусть старое имя, сгорит вместе с моим горестями, вместе с воспоминаниями и прошлой болью. Пусть новое станет для меня отправной точкой новой, светлой жизни. Мне так хочется быть счастливой! Счастливой, не смотря на трудности, что ожидают впереди, потому что я не могу представить иной жизни с моим невозможным и невероятным Рысем.

Потом я подняла взгляд и заметила, что лицо моего любимого стало каменным. Он смотрел прямо перед собой, но, почувствовав мой взгляд, опустил голову и черты лица его смягчились.

— Люблю тебя, — произнес он на своем языке.

— И я тебя, — ответила я, глядя ему в глаза. — Что-то не так?

— У нас с тобой все, как надо, — ответил он.

— А у кого не так? — тут же заинтересовалась я.

— А у кого не так, нас это не касается, — произнес Флэй, бросив взгляд на кого-то из своих соплеменников.

— И все же, — не отстала я. — Нас соединил Священный Огонь, что им не нравится?

— Я открыто пошел против шамана, поправ его неоспоримый авторитет и право творить таинства, — усмехнулся мой супруг с берега Свободных Земель.

— Тебя могут изгнать? — с тревогой спросила я.

— Не им это решать, не старейшине и не шаману. Такое решение принимается на вече, но для созыва веча нет повода. Я не погубил поселение, не предал и не убил соплеменника. Я всего лишь взял в жену женщину, против которой стоят всего лишь упрямство, эгоизм и нежелание видеть дальше собственного носа. Ну и показал, что Великая Мать может откликнуться любому из нас.

— А если бы не откликнулась? — запоздало встревожилась я.

— Волгар бы потер руки, а для меня все равно ничего бы не изменилось, — произнес рысик, и потерлась кончиком носа о его щеку. — Даже, если "рыси" решат прислушаться к шаману, были те, кто видел благословение. Впрочем, и сейчас не все настроены против тебя и нашего союза. Но многие будут просто молчать, чтобы не мутить воду внутри поселения. Ради бывшей иноземки не посчитают нужным. Кстати, мой старший брат еще вчера принял мой выбор, — рысик вдруг солнечно улыбнулся. — Средний не высказался против, но будет наблюдать.

mir-knigi.org

Сестра — женщина, она на стороне матери, но ей не до нас, своя семья требует ее заботы. А с матерью мы справимся. Она умная женщина, просто упрямая. Однажды она примет наше будущее.

— Ох, рысик, хоть бы так и было, — вздохнула я, и он серьезно посмотрел на меня.

— У тебя есть я, у меня есть ты, это главное. Мы почитаем мать, заботимся о ней, но закон не требует слепого подчинения, и она знает, что я не откажусь от тебя. И все, хватит забивать головку всякой ерундой. Мы только что поженились, потому сейчас соберемся и на несколько дней покинем поселение, хочу наедине насладиться своей женой.

— И куда мы пойдем? — тут же заинтересовалась я.

— Куда скажу, женщина, туда и пойдем, — деланно нахмурился Флэй, не сдержался и весело хохотнул. — Просто иди за мной.

— Иной дороги у меня нет, — ответила я, и он захватил мои губы в сладкий плен, не обращая внимания на взгляды соплеменников.

Оторвавшись от меня, рысик улыбнулся, поставил на землю, и я только заметила, что мы почти дошли до его дома.

— Повторяй за мной, — велел Флэй.

Мы подошли к дому, и он сделал то, что меня удивило — постучал в дверь родного дома. Для Таргара это было нормально, но вчера, например, люди заходили в дом, не удосуживаясь стуком. Дверь открылась, и женщина замерла на пороге, поджав губы в жесткую линию. Мой рысь опустился на колени, я послушно встала рядом. Он заговорил на своем языке. Затем склонил голову, я поспешно сделала то же самое.

— Входите, — резко ответила она и скрылась в доме.

Я заметила, как губы мое дикаря, словно отражение в зеркале, повторили выражение лица матери. Мы вошли в дом, но Флэй оставил меня на пороге, жестом велев стоять. Он сделала несколько шагов к матери, обнял ее за плечи и что-то прошептал. Женщина хмуро кивнула, быстро собрала корзину и вручила ее сыну.

— Спасибо, мать, — произнес Флэй и подошел ко мне.

Уже в закрытую дверь мы расслышали ответ.

— Что она сказала? — спросила я, поняв фразу лишь частично.

— Жарких ночей, — усмехнулся рысик. — Это пожелание тем, кого связал Священный огонь.

Накинув мне на плечи плащ, мой дикарь повел меня к воротам поселения. На удивление, жарких ночей нам пожелали еще несколько "рысей". А старший брат Флэя прокричал что-то, сверкая оскалом белозубой улыбки.

— А он, что сказал? — тут же отреагировала я.

— Эм-м, — рысик немного растерялся. — Я лучше последую его совету, чем буду тебе объяснять.

mir-knigi.org

Я посмотрела на хитрую физиономию и вспыхнула, сообразив, что прозвучала какая-то непристойность.

— Флэ-эй.

— Велел не слезать с тебя, пока ты не взмолишься о пощаде, — пробурчал дикарь и покосился на меня.

— Он сказал это при всех?! — воскликнула я.

— Поверь, голубка, обычно кричат вещи и не настолько невинные. Это своего рода традиция.

— Даже знать не хочу, что вы тут желаете молодоженам, — отмахнулась я.

— Правильно, зачем об этом слушать? Этим нужно заниматься, — рассмеялся Рысь.

Мы вышли за ворота поселения, и мой муж повел меня куда-то в лес. Я послушно шла рядом, пока любопытство не разрослось до невероятных размеров.

— Куда мы идем? — спросила я.

— Принесу тебя в жертву, — совершенно серьезно ответил Флэйри. — Зверю… гигантскому змею… Ну, может, не такому уж и гигантскому, но очень стойкому.

Некоторое время я смотрела на него, пытаясь понять смысл очередной загадки… Догадалась.

— Какой же ты пошляк! — воскликнула я. — Да и самомнение у тебя. Гигантский, — и фыркнула с деланным презрением.

— Опять, да? — ядовито спросил дикарь. — Опять это пренебрежение в голосе. Ну, все, договорилась, — с этими словами меня потащили к еще не полностью осыпавшемуся кустарнику.

За кустами, среди деревьев, спрятался одинокий дом. Поставив рядом с дверями корзинку, разгневанный супруг распахнул дверь, подхватил меня и затащил внутрь.

— Щекотно, — верещала я. — А, Флэй, хватит!

А в следующее мгновение мне стало не до смеха, когда мужские губы поймали, закружили голову, срывая прерывистый стон. Мои руки скользнули на его плечи, судорожно сжались, сгребая в кулаки одежду. Плащ, непривычная куртка, а следом и платье скользнули к моим ногам.

— Ох, рысик, — выдохнула я, когда моя спина коснулась ложа.

— Подари мне себя, — произнес он, — Подари мне свой жар, голубка.

И вновь терзал мои губы, тело, саму душу ласками. Уже такие знакомые руки скользнули вниз, огладили грудь, чуть сжали, пальцы прошлись по вершинкам, и я выгнулась, надавила на плечи и застонала, когда губы сменили руки, продолжившие свое путешествие. Вскрикнула, ощутив их на средоточие своего желания, уже влажном и горячем. Мои пальцы захватили крепкий ствол его естества, пробежались от навершия до основания, и я поймала губы своего мужчины, выпивая его первый стон.

mir-knigi.org

— Люби меня, люби, — умоляла я, впиваясь ногтями ему в плечи, не в силах более сдерживать рвущуюся страсть.

— Всем своим существом, — прошептал Флэй в мои приоткрытые губы.

Он вошел в меня, заполняя жаждущее лоно до кроев. И мир исчез, превращаясь в опаляющий жар огня, согревавший наши души. Вселенная взорвалась, утонула в ревущем пламени, унося в сладостное и желанное небытие…

Глава 4

Таргар.

Прошедшая ночь насытила его сиятельство до отвала, и когда он отбросил нож, которым вырезал на издыхающем теле секретаря Тайного кабинета, который выкрал папку и передал гаэлдарцам, инициалы "С.Т.", герцог чувствовал покой. Вся его боль и переживания вылились через крики нескольких допрашиваемых в эту ночь. Найяр брезгливо обтер руки носовым платком, швырнул его к пыточным инструментам и устало потянулся. Несколько часов, что остались ему на сон, наконец, пройдут без кошмаров и долгих мучительных попыток уснуть.

Не осталось никаких желаний, вообще никаких. Удовлетворение и легкость, вот и все, что он сейчас чувствовал.

— Через четыре часа жду новые документы, — кинул он на ходу бледному тайному советнику.

— Да, ваше сиятельство, — поклонился тарг Коген, подавляя спазм. Он бросил взгляд на тело своего секретаря, сейчас напоминавшее кусок сочащегося кровью мяса, зажал рот ладонью, но не сдержался, и мужчину выворотило на пол пыточной камеры.

Его сиятельство поднялся наверх, распахнул двери покоев и нахмурился, чего-то не хватало. Он потер лоб, соображая. Габи. Здесь не было Габи. Он хотел потребовать ответа у Военора, но вовремя вспомнил, что тот еще не явился на службу.

— Подождем, — решил Найяр и направился в умывальню, где уже подготовили горячую воду.

Удерживая сознание от наплывающей дремы, герцог быстро помылся и упал на постель, мгновенно засыпая. Сон был странный. Ему снился огонь, полыхающий, ревущий. Огонь пожирал Таргар, проникая в каждый его уголок, а из центра этого пламени из Преисподней слышался издевательский смех и веселый крик:

— Потерял, совсем потерял!

— Заткнись, Тиган! — закричал Найяр и вскочил, глядя ошалелым взглядом перед собой.

Перед ложем стоял Матьен.

— Пора вставать, ваше сиятельство, — произнес слуга.

— Уже? — поразился герцог. — Я ведь только что лег.

— Уже прошло четыре часа, — ответил с поклоном Матьен.

— Проклятье, — проворчал его сиятельство. — Воды, ледяной. — Потребовал он.

Через полчаса его сиятельство, заметно посвежевший, завтракал и заслушивал вымотанного тарга Когена.

— Документы подготовлены заново, как и письмо Тигана. Мои люди продолжают расследование и выявление неблагонадежных служащих по всем ведомствам, придворных, а так же среди аристократии.

— Отлично! — похвалил герцог. — Вы меня радуете, тарг Коген.

Только после этих слов, тайный советник, наконец, свободно выдохнул. Он был прощен. Да после этой ночи и зверств, которым он стал свидетелем, Коген готов был слизывать пыль с герцогских сапог, лишь бы не дать усомниться в своей преданности. Его сиятельство умел внушать… верность Таргару и его правителю.

Найяр перехватил пухлую папку с подложными документами, просмотрел письмо Руэри Тигана, написанное лучшим мастером подделки почерков, подкинул ее на руке и жестко ухмыльнулся:

— И пусть попробуют заявить, что документы фальшивые.

Герцог подмигнул советнику и покинул покои привычной стремительной чеканящей походкой. Он сбежал вниз, заглянул к Военору, но тот опять отсутствовал, и его сиятельство нахмурился, недовольный тем, что снова вынужден отложить вопрос о служанке, которая до сих пор не объявилась во дворце. Рыкнув на секретаря казначея, он направился в малый тронный зал. Гаэлдарцы уже томились в ожидании аудиенции, ему успели доложить. Найяр взглянул на папку и усмехнулся, заведомо предвкушая представление.

Сегодня его чело было украшено герцогским венцом — тонким золотым обручем с витиеватым узором, спускавшемся на виски. Символ власти мягко поблескивал, придавая своему владельце величие, которого у его сиятельства было и так не мало. Найяр вошел в тронный зал, уместился на своем троне, на мгновение задержал взгляд на втором, поменьше, вечно пустующем, и прошептал:

— Ты ведь со мной, сокровище мое?

Тишина осталась так же нема, как и мгновение назад. Поджав губы, его сиятельство распрямил плечи и велел:

— Впускайте ягнят. Дракону время пообедать.

Гаэлдарский посол со свитой вошли, глядя прямо перед собой. Они были уверены в себе, были уверены в том, что победа у них в руках, Найяр считывал с их лиц, как с открытых книг, довольство проделанной работой. Герцог сознательно никому не отдал папку, он собирался развлекаться сам.

— Доброго дня, ваше сиятельство, — поклонились послы. — Пусть боги овеют вас своей милостью.

— Доброго, ассары, — милостиво кивнул Таргарский Дракон и приветливо улыбнулся.

Эта улыбка немного поколебала уверенное выражение на лице гаэлдарского посла, но уже через мгновение он вновь излучал благодушие и спокойствие.

— Не будем долго расшаркиваться, благородные ассары, — начал герцог. — Перейдем сразу к сути выдвинутых мне, правителю Таргарского герцогства, обвинений. Первое, озвучьте, ассар Блавар.

— Казнь ассара Тигана, подданного Гаэлдара без ведома его величества, ваше сиятельство, — с готовностью отозвался посол.

— Моего подданного, ассар Блавар, — насмешливо ответил Найяр. — Ваша формулировка не корректна. Тарг Руэри Тиган был уличен в предательстве и в шпионаже в пользу Гаэлдара. Вот свидетельские показания, — и в посла полетела папка.

Она глухо стукнула об пол, и документы разлетелись в разные стороны.

— Ознакомьтесь, ассар Блавар, не стесняйтесь, — все так же насмешливо продолжал его сиятельство.

В глазах посла вспыхнула ярость, желваки заходили на скулах, что сразу же отметил его сиятельство и удовлетворенно улыбнулся. И все же ассар поднял несколько документов и пробежал их глазами.

— Кроме того, ассар посол, — снова заговорил герцог Таргарский, — вот письмо, написанное за несколько недель до казни, где тарг Тиган просит вашего властелина взять его и его супругу, тарганну Тиган, под свое покровительство и клянется в верности. Можете подойти, ассар Блавар, я вас не съем.

Посол перешагнул рассыпавшиеся бумаги и подошел к трону, с поклоном приняв письмо. Он и его пробежал глазами. Прилюдное унижение начало играть с послом недобрую шутку. Он поднял глаза на таргарского правителя, открыл было рот, но тут же его закрыл.

— А это документ, где значится, что тарг Тиган принес клятву верности Таргарскому герцогству и его правителю, то есть мне, — на посла мягко спланировала еще бумага, попав на лицо.

Найяр откровенно издевался, выводя из себя гаэлдарского подданного.

— А это письма тарганны Тиган, где она требует развода. И это опровергает второе обвинение, якобы я силой удерживал благородную тарганну. Как вы можете видеть, она не желала быть супругой таргу Тигану, а следовательно, и подданной Гаэлдара. Так что ваш король раньше времени обрадовался двум новым детям, — уже совсем язвительно продолжил герцог. — Что там было еще? Вас убедили доказательства?

— Документы подложные! — воскликнул посол и осекся под мгновенно заледеневшим взглядом его сиятельства.

Найяр склонился вперед и тихим вкрадчивым голосом спросил:

— Откуда такая уверенность, ассар Блавар? Чем докажете?

Посол невольно отшатнулся и облизал пересохшие губы.

— Почерк в письме не совпадает с почерком ассара Тигана, — ответил посол и замолчал, потому что голос вдруг дрогнул.

— Опять ложь, благородный ассар. Почему вы все время лжете? — герцог откинулся назад и вновь насмешливо посмотрел на Блавара. — Вот вам документы, написанные рукой тарга Тигана. Сличайте с письмом. Что скажите?

Свернутые в необходимом Найяру порядке бумаги лежали на его коленях, незаметные тем, кто стоял ниже, и теперь он, словно маг, доставал документ за документом. Герцог и письма Сафи к мужу выбрал именно те, которые она писала намеренно сухим тоном, и теперь он оценил их пользу, как и то, что его сокровище сберегала все. Спрятала, но он нашел, и сейчас был безмерно благодарен своей пропавшей любовнице.

— А Кайо, — Найяр вновь добродушно улыбнулся, — слишком далек от Гаэлдара, чтобы ваш король имел в нем нужду. У вас еще остались вопросы? Нет? Тогда я хочу преподнести вам прощальный дар.

Герцог сделал жест, и к трону приблизился один из слуг с подносом, на котором стояла черная лакированная шкатулка. Его сиятельство взял ее и протянул послу.

— Откройте, ассар Блавар.

Гаэлдарский посол почувствовал, как дрогнули его руки, но отказаться от дара он не мог, потому принял шкатулку, открыл и непонимающе уставился на содержимое.

— Я отдаю вам то, что больше принадлежало Гаэлдару, чем Таргару. Мне без надобности, может, вам оно еще раз сослужит пользу. — И, склонившись, герцог поманил к себе посла, чтобы прошипеть в ухо. — Тарг Даэр отдал вам свое сердце.

Посол отшатнулся, роняя шкатулку, и ее содержимое противно шмякнулось на пол — сердце секретаря Тайного кабинета, выкравшего папку с настоящими документами.

— Я доказал свою правоту? — холодно осведомился герцог Таргарский.

— Более чем, — глухо ответил ассар Блавар.

— Я оскорбил вас?

— Нет, ваше сиятельство, — все так же глухо произнес посол, глядя на сердце, еще вчера бившееся в человеческой груди.

— Вашего короля?

— Нет, ваше сиятельство.

— Честь и достоинство Гаэлдара?

— Нет, ваше сиятельство.

— Тогда не смею дольше вас задерживать на землях Таргара, — удовлетворенно произнес Найяр Таргарский.

Когда посольство удалилось, он встал, потянулся и поинтересовался у секретаря:

— Все записал?

— Да, ваше сиятельство, — кивнул тот.

mir-knigi.org

— Отлично. Нам будет, чем ответить на новые обвинения Гаэлдара, когда они очухаются. И уберите эту падаль, — указал герцог на сердце.

Тронный зал его сиятельство покидал с единственным желанием — выспаться. Герцог уже поднялся к жилым покоям, когда его догнал секретарь.

— Ваше сиятельство! — Найяр обернулся и остановился, ожидая, когда тарг Дорн приблизится. — Прибыло посольство из Бриатарка. Просят аудиенции.

— Чтоб их бесы жрали, — рыкнул герцог. — Что этим надо?

— О цели визита не сообщили, — доложил секретарь.

— Хорошо, веди в малый тронный, — проворчал герцог.

Тарг Дорн склонился в поклоне и ушел. Найяр некоторое время смотрел ему вслед, пытаясь сообразить, что может понадобиться британ. По наследству герцогини вопросов не могло возникнуть. Что тогда? Обвинят в ее смерти? Тоже придраться не к чему, оспа, бесы ее побери. Вздохнув и взглянув с сожалением в сторону покоев, его сиятельство направился обратно. Поднявшееся было настроение, опять начало скатываться вниз, раздражение росло, и к тронному залу, где его сиятельство чаще всего проводил аудиенции, Найяр подошел совсем мрачным.

Он воцарился на своем троне и махнул рукой. Посольство из Бриатарка проследовало к трону, остановилось, не дойдя, и склонилось в дружном поклоне. Герцог узнал посла и внутренне скривился. Бритар Альес отличался въедливым нравом и железными нервами, такого вырезанным сердцем не смутишь. Однако на лице герцога Таргарского уже обозначилась дружелюбная улыбка.

— Доброго дня, высокородные бритары, — произнес он.

— Доброго дня, ваше сиятельство, — вновь поклонился бриатаркский посол. — Его величество, король Вениам Бриатракский, прислал вам выражение своего горя от потери вашей супруги и его возлюбленной сестры, ее сиятельства Аниретты Таргарской.

— Передайте его величеству, мы скорбим с ним вместе, — кивнул Найяр.

— Так же его величество просил, — после очередного поклона продолжил Альес, — отдать тело герцогини Аниретты, чтобы оно покоилось в родовом склепе династии Линниал среди славных предков.

Найяр неожиданно поперхнулся и закашлялся. Скоты! Они хотят вскрыть гроб и убедиться, что герцогиня, действительно, сдохла от оспы!

— А чем его величество не устраивает нынешнее окружение его покойной сестры и моей супруги? — поинтересовался герцог, взяв себя в руки. — Славные предки династии Грэим ничем не хуже предков династии Линниал.

Лицо посла осталось бесстрастным. Он отвесил вежливый поклон и, чуть выставив вперед правую ногу, приготовился к диалогу.

— Ваше сиятельство, ни для кого не секрет, что ее сиятельство не была вам возлюбленной супругой. Вы несколько лет унижали честь и достоинство герцогини Аниретты соседством с

вашей любовницей, уж простите великодушно за прямоту. Его величество, Вениам Бриатаркский, наш славный король, считает, что хотя бы после смерти в стране, не ставшей его возлюбленной сестре домом, она должна упокоиться среди тех, кому была дорога при жизни.

— Аниретта была моей супругой, — возразил герцог. — Таргар стал ей домом, и склеп династии Грэим последним приютом. Гроб с телом ее сиятельства не покинет границ герцогства.

— Его величество будет вынужден обратиться за поддержкой к Владыке, ему вы не сможете чинить препятствий, ваше сиятельство, — с достоинством ответил бритар Альес.

Найяр скрипнул зубами, но тут же расслабился.

— Его величество считает, что Владыка сможет разлучить жену с мужем даже после смерти? — поинтересовался он, просчитывая варианты противостояния.

— Его святейшество всегда сочувствовал ее сиятельству, вам это не может быть неизвестно, ваше сиятельство, — спокойно ответил посол. — Его величество уверен, что Владыка поддержит просьбу его величества.

— Вот и узнаем мнение его святейшества, — отчеканил герцог. — Тело моей жены не покинет пределов склепа династии Грэим. На этом все, высокородные бритары, аудиенция окончена.

Он поднялся с трона и первым покинул малый тронный зал, удерживая на лице выражение полного равнодушия. Но, поднявшись к себе, схватил тяжелую вазу и запустил ею в стену.

— Проклятье! К бесам! Чтоб вам сдохнуть, скоты! — заорал он, выпуская на волю едва сдерживаемую злость.

Матьен спешно ретировался из покоев, дабы не попасть под горячую руку.

— Сафи-и-и, — неожиданно завыл Найяр, выхватывая миниатюру с изображением своей любовницы. — Как же мне тебя сейчас не хватает! Куда же ты исчезла, лживая тварь?! — и портрет полетел следом за вазой.

Рамка треснула и развалилась. Герцог несколько мгновений взирал на портрет и спешно пересек гостиную, подбирая миниатюру.

— Прости, — судорожно вздохнул и осторожно отряхнул изображение. — Что делать, сокровище мое? Что мне делать? Крысы обкладывают со всех сторон. И эта святейшая тварь будет на их стороне. Проклятье! Матьен! — дверь в покои приоткрылась. — Вина, много. — Велел его сиятельство и упал в кресло.

* * *

Резвая лошадка пересекла границу городских ворот. Рыжий паренек кивнул страже и устремился в сторону дворца. Хэрбет Огал, отправленный своей госпожой и благодетельницей, тарганной Сафиллиной Тиган, в приют, скрытый лесами и крепкими стенами древнего замка, возвращался назад. Так вышло, что его задержали в приюте, и он не смог покинуть его вскоре по приезде, как собирался изначально. Юноша полагал, что в этом тоже была заслуга его госпожи, так настойчиво изгонявшей его подальше. И теперь он понимал почему. Впрочем, подозрения были изначально, но очень хотелось верить, что он увидит тарганну Тиган, когда вернется.

Вести об ее исчезновении Хэрб впервые услышал еще несколько дней назад и теперь погонял лошадь, спеша все узнать на месте. Говорили, что Таргарскую Ведьму забрал Черный бог. Это пугало и выводило из себя. С тех пор, как Хэрб познакомился с этой женщиной, ему стали противны подобные именования его благодетельницы. В дороге он едва не сцепился с каким-то крестьянином, пившим за освобождение его сиятельства от власти ведьмы. Мужик ожидал теперь только удачи для Таргара.

— Угу, теперь бешеного выродка никто сдерживать не будет, — ответил ему Хэрб.

— Эй, сопляк, — оскорбился пьяный крестьянин, — это ты про нашего славного герцога такое сказал?

— Пей дальше, — ответил ему парень, вставая с лавки в харчевне, куда заглянул пообедать. — И молись, чтобы тарганна Сафи была жива, иначе узнаешь милость герцога на собственной шкуре.

Ввязываться в начинающийся скандал Хэрб не собирался, потому быстро покинул городок, спеша в столицу. Он всю дорогу молился, чтобы слухи оказались всего лишь слухами. И, подъезжая к дворцовым воротам, затаил дыхание, боясь услышать подтверждение страшной вести.

Стража на воротах узнала тара Огала, и он свободно въехал на территорию дворца. Оставив лошадь в конюшне, Хэрб постоял немного, решая, куда направить свои стопы, и решил начать с наемников. Эти были в курсе всего, а вот соваться в логово к дракону, парень не спешил. Он вошел во дворец с черного хода, незаметно добрался до крыла, где жили бородатые воины, и толкнул тяжелую дверь.

Тяжелый дух настоящих мужчин окутал его удушливой волной еще с порога. Сейчас здесь находилось всего несколько человек, но Хэрба заметили сразу.

— О-о, — протянул один из воинов, — рыжая дохлятина, объявился.

И Хэрб оказался сжат в огромных ручищах северянина.

— Медведь, раздавишь, — просипел юноша.

— Это что тут за комар пищит? — из соседней комнаты высунул нос Торсон. — Хэрб, немочь рыжая! Где прятался?

— Ребра, ребра береги! — успел вскрикнуть парень и перекочевал к следующему воину. — Треща-а-ат.

Торсон выпустил паренька из объятий, покрутил его, разглядывая со всех сторон и хмыкнул:

— Дохлятиной был, дохлятиной остался.

— Что с госпожой? — спросил Хэрб то, что его так волновало, и наемник помрачнел.

— Бесы знает, что, — ответил он. — Вроде убита и сгорела, но герцог не верит, твердит, что это подлог. По всему миру ищут.

— А ты, что думаешь? — хмуро спросил парень.

— Надеюсь, она жива и далеко отсюда, — ответил Торсон, затем нагнулся к уху юноши. — Дьол

слишком спокоен. Ты же знаешь, как он любил девчонку, а он спокоен, как мертвяк на погосте. Я спрашивал, молчит.

— А где сейчас Дьол? — встрепенулся Хэрб.

— Под дверями герцогских покоев. Я его подменю, а ты носа не показывай. Господин больно лют последнее время, — ответил наемник и, хлопнув парня по спине, вышел за дверь.

Хэрб прошел в трапезную, где обычно ели наемники за длинным столом, и присел на краешек скамьи. Ему так хотелось верить в то, что госпожа жива… Когда в покои наемников ворвался Дьол, юноша сидел, положив голову на сложенные на столе руки. Воин подхватил парня и выдернул из-за стола.

— Хэрб, мерзавец, ты зачем приперся? — тряс его Дьол.

— Я тебя тоже рад видеть, — выговорил юноша, когда голова перестала болтаться из стороны в сторону. — Что с Сафи?

Наемник поставил помощника тарганны Тиган на пол, оглянулся и прошептал в самое ухо:

— Жива. Уплыла с Грэиром на его лодке. Куда, не знаю, но о тебе велела позаботиться, если объявишься. И просила передать, что любит тебя.

Огал облегченно выдохнул, но тут же вновь помрачнел.

— А герцог?

— То бесится, то затихает. Его сейчас посольства одолевают, но девочку ищет. Не верит в ее смерть, — ответил Дьол. — Грэир оказался не Грэиром, а усыновленным чужаком. Кто и откуда, до сих пор неизвестно.

— И где ее искать? — растерянно спросил Хэрб.

— Дурень, — воин постучал пальцем по лбу юноши. — Беги отсюда, пока герцог тебя не увидел. Никто не скажет, что он сделает, когда ты попадешься ему на глаза, а я обещал… — Дьол обернулся и понизил голос, — позаботиться о тебе.

— А если он узнает, откуда Грэир? — спросил шепотом Хэрб.

— Он не усидит, сам оправится, так и узнаешь, — ответил наемник.

Подумав, юноша кивнул и встал со скамьи, куда успел снова сесть. Дьол последовал за ним.

— Провожу, — сказал он.

Они выбрались к черному ходу, оглянулись и вышли на улицу, спеша к конюшням. Дьол задержался на входе, а Хэрб направился к своей лошадке. Он потрепал по морде гнедого жеребца, потянувшегося к нему из своего стойла, усмехнулся, когда теплые мягкие губы коснулись его ладони, пытаясь отыскать там лакомство. Не нашли, и жеребец фыркнул.

— Ну, прости, — развел руками парень.

Сделал еще несколько шагов и застыл, глядя в ледяные синие глаза.

mir-knigi.org

— Объявились, тар Огал, — произнес герцог и поманил к себе юношу, продолжая перебирать пальцами гриву лошадки Хэрба.

— Добрый день, ваше сиятельство, — поклонился парень и сделал шаг в сторону герцога.

— Рыжий, ты где там пропал? Пошевеливайся, — Дьол появился за спиной Хэрбета.

— О, как, — усмехнулся Найяр. — Очень интересно. А проследуйте-ка за мной, дорогие мои заговорщики.

Он прошел мимо остолбеневшего юноши, бросил внимательный взгляд на наемника и криво ухмыльнулся.

— Очень интересно, — повторил его сиятельство и отчеканил тоном, не терпящим возражения. — За мной.

Из соседнего стойла показались стражи — таргарцы. Дьол сплюнул на пол конюшни, положил руку на плечо Хэрба и презрительно взглянул на дворцовую стражу.

— Не надо, — остановил его паренек, догадавшись, что наемник готов оказать сопротивление.

Северянин снова сплюнул и направился следом за Найяром, Хэрбет Огал шел рядом. На его лице не было ни страха, ни тени волнения. Герцог вошел во дворец и сразу свернул к входу в подземелье. Наемник и паренек переглянулись, но волнения на их лицах так и не отразилось. Неожиданных арестантов провели мимо северян, стоявших у входа к подземелье. Те изумленно подняли брови, провожая взглядом своего собрата и помощника тарганны Тиган. Найяр покосился на них и едва заметно скривился, когда два хмурых взгляда уперлись ему в спину.

Его сиятельство уверенно прошел мимо пыточных камер, остановился рядом с допросной и кивнул на дверь.

— Поболтаем, — дружелюбно улыбнулся он, но сразу стер с лица улыбку.

Эти двое знали герцога и его приемы, потому играть с ними смысла не было. Найяр толкнул дверь и первым вошел в камеру. Дьол и Хэрб вошли следом. Герцог уселся на стул, закинув ноги на стол, и некоторое время изучал взглядом сначала одного, потом другого арестанта.

— Хэрб, мальчик мой, — приступил к допросу Найяр. — Расскажи-ка мне, где ты столько времени пропадал?

— Дома, — пожал плечами юноша.

— А с чего вдруг ты решил оставить госпожу и навестить родных, да еще и задержаться там почти на два месяца? Ты ведь так любил Сафи, и вдруг бросил?

— Я не бросал, — возмутился Хэрб. — Тарганна Сафи заставила меня уехать. Она настояла на моей поездке, сказала, что со времени, что я служу ей, я так и не навестил отца с матушкой. Дала денег и выпроводила, велев не спешить обратно.

— И что же, ты даже ничего не заподозрил? Взял и так легко уехал? — Найяр сузил глаза, вглядываясь в паренька.

Тот не паниковал, не путался, глаз не отводил… Впрочем, щенок всегда лгал хорошо, мастерски.

— Почему же не заподозрил? — нахмурился парень. — Я пытался дознаться, зачем госпожа выпроваживает меня и даже попросил дождаться моего возвращения. Она мне обещала.

— И солгала тебе твоя госпожа, — вдруг зло отчеканил его сиятельство. — Она собиралась выпить яд, но была похищена предателем.

— Яд?! — потрясенно воскликнул Хэрбет. — Она хотела отравиться?

Найяр удовлетворенно хмыкнул. Не знал, ничего этот щенок не знал. Даже если врал о том, где он был, о планах своей госпожи не догадывался. Герцог перевел взгляд на наемника.

— Дьол, верный мой воин, почему ты пытался выдворить Огала из дворца?

Наемник помялся, но все-таки ответил:

— По душе мне мальчишка. А вы, господин, всегда его недолюбливали. Сейчас и вовсе злитесь часто, не хотел, чтобы зашибли в гневе паренька.

Найяр снова прищурился. Не врет, отметил герцог. Оба не врут. И все же мальчишке он до конца не доверял.

— Хорошо, — его сиятельство поднялся со стула. — Считайте, я вам поверил. Хэрб, пределов дворца не покидать, я пока проверю твою историю. Дьол, отвечаешь за него головой. Исчезнет Хэрб, отвечать тебе. Даже твои собратья не помогут.

И покинул допросную. Воин и юноша проводили его хмурыми взглядами. Если Хэрб и думал сбежать, то последняя фраза герцога привязала его к логову дракона. Дьол потрепал парня по волосам и указал взглядом на дверь. Хэрбет кивнул, и они покинули подземелье, не спеша начать обсуждение.

— Проклятье, — выдохнул парень, как только они оказались там, где их не могли подслушать. — Как хочешь, Дьол, но я теперь никуда не уйду.

— А мне интересно, кто успел так быстро доложить о тебе его сиятельству, — ответил мужчина.

Хэрб помолчал, затем вздохнул и тихо произнес:

— Дьол, я не был дома. Кажется, мне конец.

— Поживем, увидим, — философски изрек северянин. — Идем, пожрем что ли.

— Идем, — вздохнул юноша.

И заговорщики направились в сторону кухни.

Глава 5

Ледигьорд. Территория племени Белых Рысей.

— Ох, рысик! — вскрикнула я в последний раз и затихла, слушая тяжелое дыхание моего мужчины.

Флэй посмотрел на меня и негромко засмеялся.

— Ненасытная моя.

— Съем, — с угрозой произнесла я и обвила его шею руками, прижимаясь всем телом. — Я так сильно люблю тебя.

— И я тебя, голубка, — прошептал Рысь, нежно целуя меня.

— Давай останемся здесь, — оторвавшись от него, я умоляюще заглянула в глаза.

— Скоро зима, сладкая моя, лучше держаться вместе со всеми, — Флэй поправил мне волосы, коснулся губ легким поцелуем и устроился рядом.

Я устроилась на его плече и вздохнула. Эти две недели… кажется, две, потому что время перестало иметь значение, как только Флэй закрыл за нами дверь в день свадьбы, в общем, две недели пролетели, как волшебный сон. Раз в день раздавался вежливый стук в дверь, рысик высовывал нос наружу и возвращался с корзинкой. Это была одна из традиций племени Белой Рыси.

Молодожены уединялись на некоторое время, обычно это был уже готовый дом в поселении, жених его строил заранее, а родня, не тревожа молодых, ставили под дверь корзину с едой. Так как к нашей свадьбе Флэй не имел возможности подготовиться заранее, то он увел меня в эту сторожку, а еду нам приносил его старший брат. Я даже как-то сама забирала из его рук корзину, когда вышла немного подышать свежим воздухом.

Бэйри как раз подходил к дому. Завидев меня, он приветливо улыбнулся и махнул рукой.

— Хей, Даиль, — приветствовал он меня.

— Хей, Бэйри, — ответила я. — Флэй в лесу.

— Держи, — он протянул мне корзинку. — Флэй лентяй, — осклабился старший сын Годэла. — Дом гореть должен, стены дрожать, а он в лес ушел. Когда я племянников в руки возьму?

— Бэйри! — воскликнула я.

Он рассмеялся, вручил мне корзину и ушел, все так же посмеиваясь. Усмехнувшись вслед брату моего мужа, я покачала головой. Они все тут пошляки, а я рысика укоряла. Не скажу, что я дословно поняла, но, по большей части, смысл слов Бэйри до меня дошел. Флэй эти две недели разговаривал со мной практически только на языке Рысей, переходя на таргарский лишь для того, чтобы перевести мне то, что я недопоняла. Так что разговаривать со старшим сыном Годэла было более-менее легко.

Я потерлась щекой о плечо Флэя.

— А долго дом строить? — спросила я.

— Бэйри уже должен был начать. Он говорил, что нашел себе помощников. Думаю, когда мы вернемся, останется не так много. Нам ведь необязательно сразу дворец, да? — я кивнула. — Со временем сделаем пристройки. Главное сейчас, где зиму пережить.

— Думаешь, они уже привыкли к мысли, что я с вами?

mir-knigi.org

Мой Рысь приподнялся и посмотрел на меня:

— Я думаю, что ты должна меньше думать об этом. Будь собой, они сами потянутся, — сказал муж.

— Я попробую, — пообещала я и поднялась с ложа.

На мгновение задержала взгляд на крепком теле своего любимого мужчины и поспешно отвернулась. Я загоралась рядом с ним, даже без прикосновений. Достаточно было вот так вот скользнуть взглядом от шеи, вдоль широкой груди, спускаясь на плоский мускулистый живот, ниже…

— Даиль! — воскликнул Флэйри и расхохотался. — Огонь моей души, передохни хоть немного.

— А? — я вздрогнула и поняла, что мой взгляд снова блуждает по его телу. — Прикройся! — возмутилась я и поспешила к печи.

Разжигать ее я уже научилась, заваривать напиток из трав тоже. Он мне пришелся по вкусу, потому стал первым, что я освоила. Иногда Флэй ходил на охоту, и тогда, подавляя брезгливость и растерянность, я свежевала вместе с ним тушки птиц и мелких животных. Похлебку из мяса и корешков растений, которые мне показал муж, мы тоже готовили вместе, но Флэй все больше устранялся, наблюдая за тем, что я делаю. Подначивал и посмеивался, когда я долго-долго дула на ложку, прежде, чем попробовать, что получается. В общем-то, к возвращению в поселение мы были готовы, и я даже кое-чему научилась, потому уже хотелось сразу переселиться в отдельный дом. Тем более, муж, хоть и устранялся в некоторые моменты, но то, что требовало силы, он делал сам, отгоняя меня.

— Рысь, это делают женщины? — спрашивала я.

— Да, — отвечал он, снимая котел с горячей водой с огня.

— Тогда почему не я?

— Потому что я так сказал, — усмехался муж, и я понимала, что это очередное проявление заботы.

Флэй подошел ко мне сзади и обнял, положив голову на плечо. Я закинула в котелок с носиком щепоть пряной травы и покосилась на него.

— Где ты так долго летала, голубка? — спросил он, целуя меня в плечо.

— Я запуталась в силках злого дракона, — ответила я и развернулась, сплетая руки на мужской шее. — Почему ты раньше не нашел меня, сын Белой Рыси?

— Я плутал в черном тумане, — сказал Флэй. — Твой огонек указал мне путь.

— Ох, боги, — выдохнула я, заглядывая в темно-карие глаза.

— Не-е, Пращуры, — усмехнулся мой мужчина. — Или Великая Мать.

— И они тоже, — отмахнулась я, и он рассмеялся.

Флэй ненадолго прижался к моим губам, затем мягко отстранился.

mir-knigi.org

— Я пройдусь по лесу, маленькая, хорошо? Мы можем еще немного задержаться, — произнес он, и я снова повисла на его шее.

— Правда? — воскликнула я. — Тогда иди быстрей, нерадивый муж! Мяса в доме совсем не осталось.

Моя речь сейчас представляла собой мешанину из таргарских слов и языка побережья Ледигьорда. Флэй снова хохотнул.

— Женщина! Да, ты сварливая жена, оказывается, — деланно возмутился он.

— Хозяйственная и строгая, — не согласилась я.

— А еще сладкая и горячая, — мурлыкнул Рысь, и я охнула, ощутив его руку на лепестках своего лона.

— Ты же отдохнуть хотел.

— Я? Нет, я предлагал тебе отдохнуть, а я уже все, отдохнул, — заявил он, и меня вновь утянули на ложе…

Флэйри ушел, прихватив колчан со стрелами, лук и охотничий нож. Я помахала ему в окошко и огляделась. Если бы мне кто сказал еще полгода назад, с каким упоением я буду хвататься за непривычную работу, я бы, наверное, не поверила. Как я, благородная тарганна в прошлой жизни, могу мести дом, поправлять постели, разжигать печь и что-то в ней готовить?! Для этого всегда были слуги, и не возникало мысли, что может быть иначе.

А сейчас я охотно наводила чистоту, чтобы порадовать своего мужчину. Слова его одобрения стали для меня сравни признанию в любви. Хотелось радовать его, хотелось видеть улыбку, хотелось смотреть на наше маленькое жилище и думать, что этот уют создала я, Даиль, жена Флэйри из племени Белой Рыси. Создала для единственного мужчины в своей жизни, которого полюбила всей душой. Сейчас мне даже казалось, что и не любила раньше никогда, до того светлое и всепоглощающее чувство царило в моей душе.

Не зная, чем еще занять себя, я вышла из дома и вдохнула прохладный и воздух, ловя запахи увядающего леса. Неожиданно послышался шорох шагов. Я обернулась на звук, и мои глаза округлились. К дому подходила мать Флэйри.

— Хей, — поздоровалась я.

— Хей, — ответила она, по-прежнему, разглядывая меня колючим взглядом.

— Флэйри в лесу, — сказала я и спохватилась. — Заходите, я вас отваром напою.

— Я по делу, — она отрицательно покачала головой. — Уже холодно, идем, я дам теплую одежду. Обратно провожу.

Я неуверенно оглянулась на лес. Если придет рысик, он будет обеспокоен моим отсутствием. Но, в то же время, это ведь его мать, она предлагает помощь, и я могу с ней, если не подружиться, то хотя бы немного наладить отношения. Кивнув, я последовала за женщиной. Дорогу, которой мы пришли к домику в лесу, я совсем не помнила, потому надеялась, если старая "рысь" передумает, то Бэйри проводит меня обратно. Ему я доверяла.

Женщина уверенно вела меня вперед, не разговаривая, даже не оборачиваясь. Я к ней с разговорами не лезла. Обернувшись несколько раз, я так и не увидела Флэя. Дадут боги, Пращуры и Великая Мать, я успею до его возвращения. Будет моему рысику сюрприз. Представив, как он удивится и, наверное, обрадуется, я немного отстала от женщины.

— Забирай, — услышала я и вскинула глаза.

Рядом с ней стоял "медведь".

— Нет, — произнесла я с нервной усмешкой. — Не может быть.

Аргат сделал шаг в мою сторону. Очнувшись, я развернулась и помчалась назад.

— Флэй! — закричала я. — Флэй, помоги! Флэй!!!

Ветер не принес ответа. Позади слышались приближающиеся шаги. То, что сейчас переполняло меня, это не было страхом, это была паника. Моя солнечное счастье, впервые за почти два месяца, вдруг подернулось черной пеленой. Нет! Не хочу! Не надо-о-о!!!

— Флэй! — истерично заорала я. — Флэ…

Крик захлебнулся, когда чужая мужская ладонь зажала мне рот, я споткнулась, и мы вместе покатились по земле, собирая опавшие листья на свои тела. Слезы ручьем хлынули из глаз. Не надо, пожалуйста! Флэй, спаси меня, Флэй! Ты все можешь, ты кудесник, я знаю, спаси-и-и!!!

— Даиль! — его крик, наконец, долетел до меня.

Тут же последовал удар по затылку, я охнула и провалилась во тьму беспамятства.

Сознание вернулось ко мне в странном сумраке. Застонав, я попробовала дотянуться до головы и не смогла, руки были связаны. Более того, до меня вдруг дошло, что на моей голове мешок, его пыль забилась в нос, и я чихнула. Неимоверно болела голова, а положение моего тела подсказало, что я лежу поперек скачущей лошади. И еще, рот у меня был завязан. И все же я дернулась и замычала.

Мое тело тут же изменило положение. Меня подняли и усадили, прижимая к чьему-то телу сильной рукой. Воспоминания подсказали, кто это, и я снова застонала.

— Тихо, — без всякой угрозы произнес Аргат. — Я тебя не обижу.

За что? За что?! Что я вам сделала, боги, что вы отнимаете у меня такое долгожданное счастье? Опять плен у нелюбимого мужчины? Опять забота того, кто мне не нужен? И забота ли? Это не Найяр со своим неизменным желанием услышать от меня: "Я тебя люблю", — в ответ на его признания. Впрочем, хуже Таргарского герцога уже вряд ли я кого-нибудь встречу. Но мне не нужен этот "медведь". Я хочу к Рысю, моему невероятному обожаемому Рысю.

Слезы вновь заструились по щекам. Зачем? Зачем этот дикарь украл меня, я ведь уже сказала, что люблю своего мужа! А его мать? Как она так могла поступить с нами, со своим сыном, который, наконец, был счастлив? За что?..

— Я не обижу, — повторил Аргат.

Мне плевать, мне на все плевать, и на тебя больше всего, глупый медведь! Верни меня назад, потому что там мое сердце, там мой огонь, там вся я!

— У меня богатый дом, я буду защищать тебя и заботиться, — продолжал Аргат.

У меня уже богатый дом, потому что там есть все, кто мне нужен! И не надо мне не золота, ни гольдеров, ни шкур твоих поганых, мне нужна моя сторожка и любимый мужчина рядом. Он защищает меня, он оберегает и заботится! Ты всего лишь подлый вор…

До меня донесся негромкий скрип открываемых ворот, затем мужские голоса. Ненадолго затихла, прислушиваясь к тому, что говорят.

— Аргат с добычей едешь? — хохотнул, должно быть, страж с ворот. — Откуда украл? По одежде — Рысь. У тебя уже есть жена, зачем тебе, отдай мне!

— Кто притронется, руки отрублю, — ответил Аргат без тени веселья. — Второй женой возьму.

— А силы на двоих хватит? — захохотал новый голос.

— Хватит, — коротко ответил "медведь".

Я тихо завыла. Опять! Опять меня похищают от любимого и селят в дом, где уже есть другая женщина! Нет, не хочу! Так не может быть, это же насмешка судьбы. Дать все и отнять одним махом. Неожиданно паника отступила. Так явно представился мой Рысь с его насмешливым прищуром темно-карих глаз:

— Что, тарганночка, опять себя жалеешь? А что по этому поводу говорил тар Мерон?

Ум у меня не зря. Надо взять себя в руки и начать думать. Прав рысик, убиваться и стенать — последнее дело. Нужно все узнать и думать, как выбираться из новой ловушки. Потом меня Флэй утешит. Придя к такому выводу, я позволила себя спокойно снять с лошади и внести в неизвестный еще мне дом. Сохраняла каменное выражение на лице, и когда Аргат стянул с меня мешок и развязал.

Бросаться на него с кулаками было глупо, пытаться убежать тоже, как и биться в истерике. Поэтому я стояла и смотрела на него ледяным взглядом, ожидая, что он будет делать и говорить. "Медведь" приблизился, поднес руку к моему лицу, но я перехватила ее и откинула, продолжая сверлить его взглядом.

— Даиль, — начал Аргат.

— Зачем? — перебила я.

— Ты другая, — ответил мужчина и снова поднес руку к лицу.

— Пришлая? — усмехнулась я.

— Другая, — мотнул головой "медведь". — Мое сердце поет, когда я гляжу на тебя.

— Мое сердце плачет, — произнесла я, удерживая мужскую ладонь, не давая прикоснуться к себе. — Я — Даиль, жена Флэйри из племени Белой Рыси.

— Шаман сказал, обряд не свершился. Ты свободна, — возразил Аргат.

— Но ты называешь именем, которое дал мне муж.

Он перехватил мою руку, мягко, но непреклонно сжал, и все-таки провел по щеке тыльной стороной ладони. Я невольно скривилась и дернула в сторону.

— Оно звучит более привычно, но я дам тебе новое — Энивис, строптивая, — усмехнулся Аргат.

— У тебя есть жена, — напомнила я.

— Мы можем брать вторую жену.

— Но обряд свершился. Великая Мать приняла меня, согрев своим дыханием, — возразила я, легко вспоминая слова, сказанные Флэем. — Пращуры племени Белой Рыси стали свидетелями ритуала. Ты украл чужую жену. Мой муж придет за мной.

— Женщина не должна думать о делах мужчин, — ответил "медведь". — Мужчины сами решат, кому достанется женщина.

Проклятье! Моя выдержка дала сбой. Я вздрогнула и с трудом вернула себе самообладание. Аргат заметил и усмехнулся.

— Сейчас придет Астер, она переоденет тебя и расскажет о моем доме и обо мне.

Сказав это, "медведь" покинул дом, а я упала на скамью, стоявшую тут, и сжала кулаки. Ничего, я продержусь, а там Рысь заберет меня.

* * *

— Флэй! — эхо донесло до мужчины, уже возвращавшегося в сторожку, голос той, встреча с которой вызывала на его лице мечтательную улыбку.

Он вздрогнул, сначала решив, что ему послышалось, но уже через мгновение эхо вновь разлилось по лесу голосом Даиль. Мужчина помчался к их маленькому домику.

— Даиль! — крикнул он, но лес замолчал.

Тревога неожиданно сменилось черной бездной в груди, подсказывая — потерял! Не сохранил, не сберег, нарушил клятву.

— Ну, уж нет, — мотнул головой Флэйри. — Не отдам.

Сторожка встретила его уютом и еще горящим огнем в очаге, только вот хозяйки всего этого нигде не было. Мужчина опустился на корточки и всмотрелся в землю, различил следы от каблучков таргарских сапожек и пошел по ним, изо всех сил стараясь не поддаваться панике. В голове то и дело всплывала картинка из далекого прошлого, когда он сжимал в объятьях холодное тело Золи. Только теперь мертвы украшали чело совсем другой женщины.

— Нет!

Он мотнул головой, отгоняя жуткое ведение.

— Только не она, Великая Мать, не поступай со мной так жестоко, — прошептал Флэй, продолжая отслеживать неширокие квадратные провалы в сырой рыхлой земле.

mir-knigi.org

Куда ты пошла? С кем? Ведь сама же шла! Он пригляделся и заметил еще один след. Он принадлежал женщине, потому что был мал для мужского, и не детский, до взросления маленькие "рыси" носили мягкую обувь. Это был след женского сапога, и женщина чуть прихрамывала. С какой женщиной его голубка могла решиться покинуть дом? Флэй сосредоточился на втором следе, некоторое время пристально его разглядывая.

— Мать? — потрясенно спросил он лес, лес ответил шорохом ветвей.

Мужчина мотнул головой. Она же приняла! И… и она его мать! Как женщина может причинить боль своему ребенку, сыну, которого столько лет не видела? Пришла и увела Даиль. Почему жена решила пойти за той, которой она не доверяла? Чтобы сделать приятному ему, зачем же еще… Флэй горько усмехнулся. Но тут же снова взял себя в руки и продолжил путь по цепочке из каблучков.

Наконец, он дошел до места, где увидел обломанные ветви куста, сбитый лист. Здесь боролись… Подобно волку, шел мужчина по следам, отмечая: здесь она развернулась и попыталась убежать. За ней погнались, там догнали. Значит, крик последний раз донесся отсюда. Сколько прошло времени? Не так много, но похитителя уже не видно. Пешком далеко бы не утащил, даже без сознания. Значит, была лошадь. Да, вот и следы копыт.

Флэй выдохнул, только сейчас осознав, что ожидал увидеть того, от кого он увел свою голубку два месяца назад. Нет, таргарский пес не скакал бы на лошади, это кто-то из своих.

— Аргат, — рыкнул сын Белой Рыси. — Шаман?

Да, мог быть и человек шамана. Волгар никогда не страдал мягким нравом и тягой к прощению. С ним ссориться было себе дороже. Мог отомстить и похитить ту, из-за которой получил удар по своей репутации. Мог. И мать могла решиться на такое под влиянием шамана. Что он мог напеть женщине, свято веровавшей каждому слова хранителя традиций племени?

— Проклятье рода, — усмехнулся Флэй. — Или мне. Этого должно было хватить. Удавлю старого пса, — рыкнул мужчина и направился в сторону поселения племени Рысей.

Ворота в поселение были открыты, и Флэйри пересек их, не обращая внимания на приветственные крики дозорных. Он не смотрел по сторонам, быстрым шагом направляясь в сторону дома шамана.

— Флэй! — окрикнул его старший брат.

Мужчина не обернулся, он остановился лишь в центре поселения, осматриваясь по сторонам. Волгара он заметил недалеко от дома своей матери, с которой тот разговаривал. Ярость жаркой волной поднялась в груди сына Белой Рыси. Он скинул с плеча лук, наложил стрелу на тетиву и сделал еще несколько стремительных шагов. Вскинул лук, и тетива тонко звякнув пустила оперенное жало.

Шаман вскрикнул, когда его широкий рукав оказался пришпилен к стене дома. Флэй тут же пустил вторую стрелу. Волгар успел заметить его, вскинул руку, но новое жало точно пробило рукав, и шаман оказался распят на стене дома матери Флэйри.

— Флэйри! — закричала она, бросаясь к сыну.

— Не подходи ко мне! — отчеканил сын, и женщина застыла, так и не добежав до него.

Флэй приблизился к шаману и снова вскинул лук.

— Где она? — тихим пугающим голосом спросил он.

— Флэйри, сын Годэла, остановись! — сильный голос старейшины раздался сзади.

Флэй развернулся на каблуках, не опуская лука, и острие стрелы оказалось нацелено в грудь старейшины.

— Где моя жена?! — громко повторил свой вопрос мужчина. — Куда вы дели мою Даиль?

— О чем ты говоришь? — изумился старейшина. — Опусти лук.

Флэйри вновь развернулся в сторону шамана.

— Отвечай, пес, — и новая стрела, вжикнув, впилась точно между ног шамана, едва не впившись в то, что уже давно не грело чресла старца, вновь пробив его длинную рубаху.

— Она наше проклятье, сынок! — не выдержала мать. — Она погубит нас всех! Пусть будет вдали от тебя. Вот, смотри, — женщина схватила за руку девушку с такими же огненно-рыжими волосами, как у Золи. — Смотри, вот, кто будет тебе хорошей женой.

— Я уже женат, — отрезал Флэй, вновь натягивая тетиву. — Где моя жена?

— Что происходит? — Бэйри встал рядом с братом, прикрыв его спину.

— Мать увела Даиль, — ответил Флэйри, и взгляды "рысей" обратились к женщине.

— Волгар видел предсказание, — с достоинством произнесла старая "рысь". — За этой женщиной придет сам Злой Дух, он погубит племя, будет жечь огнем. Я всего лишь спасла их.

— Ты рассказал про таргара? — Флэйри обернулся к брату.

Тот сузил глаза и взглянул на шамана.

— Волгар спрашивал, что я знаю про Даиль. Он сказал, что хочет знать больше о той, кто скоро войдет в племя, — ответил Бэйри. — Так вот зачем тебе нужно было знать? Чтобы рассказать нашей матери о предсказании?

— Я говорю, что вижу, — гордо ответил старец. — Звезды сказали, эта женщина — проклятье, посланное Злым Духом детям Белой Рыси. Священное пламя было осквернено руками пришлой.

— Ложь, — отчеканил Флэй, и следующая стрела воткнулось над головой шамана, сорвав седую прядь. — Только ты знаешь секрет Священного пламени. И если сейчас пламя жжет, это твоих рук дело.

— Флэйри, опомнись! — воскликнула мать. — Что ты говоришь? Это дыхание Великой Матери, только она решает, каким его подарить своим детям.

— Нас с Даиль оно не опалило, согрело добрым теплом. Волгар, тебя обожгло дыхание Белой Рыси? Уж не потому ли, что Мать гневается на тебя, что ты противишься ее решению? — спросил Флэй, глядя в глаза шамана.

mir-knigi.org

Волгар отвел взгляд, но не опустил.

— Это месть, старик, — продолжал Флэй. — Месть за то, что все увидели, что не только ты можешь говорить с Великой Матерью. Месть за то, что я ослушался тебя. Но за что ты губишь женщину, чья вина лишь в том, что она полюбила сына Великой Матери? Куда ты ее дел? — новая стрела легла на тетиву.

Рыси все еще не подходили к нему, слушая слова того, кто обвинял, и кого обвиняли. Старейшина пока не подал знак, и воины держали свои луки за спинами. Бэйри оглядывал соплеменников, но так и не отходил от брата. Немного поколебавшись, к ним подошел средний брат — Дэйри. Флэй не обращал ни на кого внимания.

— Сдохни, пес, — тетива натянулась…

— Аргат! — вскрикнула мать, и все вновь посмотрели на нее. — Аргат из племени "Медведей" приходил через несколько дней, как вы ушли в лес.

— Точно, — вдруг встрял один из воинов. — Приходил, мы не пустили, но Волгар вышел, и они разговаривали. Потом Волгар еще раз покидал поселение, взяв с собой Гаммель, — и опять все взгляды обратились к матери трех братьев. — Сегодня она одна ушла. Мы еще подумали, куда это старуха решила уйти, когда дров на зиму уже заготовили, грибов и ягод нет.

— Волгар свел меня с Аргатом, он следил за сторожкой и сказал, что Флэя нет, — негромко проговорила старая "рысь". — Я всего лишь хотела спасти своих детей и внуков. Спасти всех "рысей".

Лук Флэя взметнулся, но взмах руки старейшины, и трех братьев обступили воины, готовы выстрелить, как только им скажут. Старейшина подошел к Флэю.

— Мы отправимся к медведям и потребуем Даиль.

— Ты знаешь их закон. Если медведь привел в свой дом женщину, по любви или украл, племя не отдаст. В отличие от нас, они принимают безоговорочно даже пришлых, если они не подняли оружия, — горько усмехнулся Флэй. — Неплохая традиция, да? Даиль уже принадлежит им. Вам откажут, и вы вернетесь, чтобы потребовать моего смирения. — Старейшина отвел глаза. — Я все знаю, — усмехнулся Флэй. — И я не смирюсь. Я обещал моей голубке, что смогу защитить ее. Моя женщина, я и разберусь с вором.

С этими словами он вскинул лук и выстрелил. Это произошло так быстро, что никто не успел вмешаться. Стрела влетела в грудь шамана.

— Флэй! — вскрикнула Гаммель. — Что ты наделал, сынок?

"Рыси" застыли, глядя, как красное пятно расползается по груди шамана. Голова старца свесилась на грудь, и в этой тишине раздался голос Флэйри.

— Волгар слишком уверился в своей силе. Он предал традиции, и пора "Рысям" получить нового шамана, который чтит Великую Мать, а не собственную власть. Можете не изгонять, племя я покидаю сам.

Мужчина развернулся и направился к воротам. Но не успел сделать и двадцати шагов, как старейшина крикнул:

— Флэйри, ты убил шамана!

— Я убил змею, — ответил Флэй.

— Совет племени…

— Отвечу, — отмахнулся мужчина, прекрасно понимая, что его поступок уже приняли.

Слишком многие уже заметили, как изменился старый шаман, слишком многим не нравились его решения. Брат рассказывал ему.

— Мы могли просто сменить шамана, — догнал его Бэйри.

— Я не хочу рисковать своей женой, когда верну ее, — ответил Флэй.

— Флэйри, сын Годэла, остановись! — потребовал старейшина.

Мужчина остановился и обернулся, глядя на приближающегося старейшину. Тот приблизился и некоторое время изучающее смотрел на того, кто сам отказался от племени.

— Ты изменился, Флэй, — наконец, сказал старейшина.

— Нет, я просто повзрослел, — ответил мужчина.

— Я признаю смерть шамана, как справедливую, — неожиданно произнес старейшина. — Волгар был отравлен властью. Слишком долго мы жили по его указке. Новый шаман, его ученик, будет полезней и честней.

Флэй кивнул, принимая слова старейшины.

— Ты можешь остаться, — продолжал тот. — С Даиль или другой женщиной, но ты славный воин и сын Великой Матери.

— Только Даиль, — упрямо ответил Флэйри. — И я не вернусь в племя. Ты слышал слова моей матери и Волгара. Люди будут помнить их. Кто-то поверит, кто-то запомнит, и первую же напасть припишут моей голубке. Ее уже достаточно обижали клеветой в прошлой жизни, она заслуживает лучшего. Мы не вернемся.

— Впереди зима, вам некуда идти, — возразил старейшина.

— Если Рыси позволят, мы переживем зиму в сторожке в лесу, — немного подумав, ответил Флэй. — Если племя получит твой запрет, к нам не приблизятся. С Аргатом я сам разберусь. Иных врагов у нас тут нет.

— Хорошо, — кивнул старейшина. — И все-таки знай, ты все еще "рысь", и мы никогда не закроем перед тобой ворот.

— А перед моей женой? — усмехнулся мужчина.

— Если вернешь ее, она так же станет частью нашего племени и будет под нашей защитой, — пообещал старейшина. — Но, Флэйри, я не смогу влезть в головы людей и изменить к ней отношение.

— Вы просто не даете себе возможность узнать ее, — ответил Флэй. — Я тебя услышал.

mir-knigi.org

Он развернулся и уже собрался уйти, но брат остановил.

— Подожди. Приведу лошадей, вместе поедем, — сказал Бэйри.

— Я с вами, — отозвался подошедший Дэйри.

Флэй нашел взглядом мать. Она все еще сжимала руку рыжей девушки, так похожей издалека на Золи. Гаммель стояла, глядя вслед сыну. Что она хотела сказать еще, ее сын уже не хотел слушать, и женщина это понимала.

— Брат, — Флэй обернулся и увидел подъезжающих братьев.

— Да, наполнит вас своей силой Великая Мать, — напутствовал их старейшина.

И трое всадников покинули поселение Белых Рысей.

* * *

Дверь открылась и вошла женщина, заметно старше не только меня, но и Аргата. Она остановилась в нескольких шагах от меня и с минуту, молча, разглядывала. От ощущения возникшей неловкости, я не знала, что мне делать. Хотелось опустить глаза и спрятаться, но заставила себя выдержать этот изучающий и, в общем-то, бесстрастный взгляд.

— Хей, — наконец, проговорила женщина. — Меня зовут Астер, я первая жена Аргата.

— Хей, — ответила я. — Я Даиль, жена Флэйри из племени Белых Рысей. Единственная.

Женщина вновь окинула меня внимательным и немного сочувствующим взглядом.

— Слышала о Флэйри из племени Рысей. Славный воин, — произнесла она. — Аргат тоже славный воин. Он моложе. Ты пришлая, Рыси не любят пришлых. Медведи принимают всех, кто не несет зла. В тебе нет зла. Ты молода, Аргат хочет тебя. Медведи не отдадут тебя Рысям.

— Ты его жена, — изумилась я. — Ты хочешь, чтобы в доме была другая женщина?

— Я жена старшего брата Аргата. Мой муж погиб, Аргат взял меня в свой дом. Я почитаю его, как мужа. Аргат называет меня женой, но мы друзья. Ему нужна молодая жена.

— Разве в племени Медведей нет молодых женщин? — прохладно спросила я. — Зачем Аргату чужая жена?

Астер подошла ко мне совсем близко и провела ладонью по щеке. От неожиданности я отпрянула, оступилась и чуть не упала. Но женщина перехватила мою руку и удержала.

— Сердце Аргата молчало, когда он смотрел на "медведиц", — ответила Астер, вернув меня в вертикальное положение. — Когда он увидел тебя, его сердце забилось быстрей. Впервые Аргат сказал, что хочет привести в свой дом женщину.

Это плохо, это все очень плохо. Не будет мне союзницы в лице ревнивой женщины, потому что нет ревнивой женщины. Есть благодарная за заботу младшего брата о жене старшего. Они друзья, и Астер поддерживает "медведя". Проклятье… Подняв на женщину глаза, я по-прежнему не нашла и тени враждебности на ее лице. Стало немного обидно. "Медведи" и "Рыси" живут бок о бок, а так по разному воспринимают чужаков. Я не чувствовала враждебности в этом племени, когда мы с Флэем только вышли на берег, не чувствовала и

mir-knigi.org

сейчас. Но мое сердце осталось в том недружелюбном племени. К бесам, Великая Мать приняла меня!

— Аргат хочет, чтобы я рассказала тебе о нем и показала все, что есть в его доме. Флэйри — славный воин, но Аргат еще и богат. Он моложе, сильней. Он будет хорошо заботиться о тебе, Даиль, — вновь заговорила Астер. — Аргат умеет жарко любить.

— Хватит! — я остановила ее жестом.

В чем измеряют богатство дикари? Шкуры, золото, запасы провианта? Я знаю, что такое богатство, и могу сказать, что среди жителей Ледигьорда практически равный достаток. То, что есть у Аргата сегодня, завтра будет наполнять наш дом с Флэем. Это сущая ерунда. Настоящее богатство в наших душах.

— Мне не нужно богатство Аргата, — ответила я. — И он не сильней Флэйри.

— Моложе, — повторила немного упрямо Астер.

Они с "медведем" все твердят о возрасте Флэя, словно он глубокий старик. Судя по внешнему виду Астер, она старше моего Рыся. Я придирчиво окинула взглядом высокую, мощную строением тела, женщину с грубоватыми чертами лица. Если домашняя работа не сказалась на ней, она действительно старше моего мужа.

— Флэй молод, — ответила я.

Астер поджала губы и с новым интересом рассмотрела меня.

— Аргат поймал не ту птичку, — усмехнулась она. — И все же он хочет именно тебя.

Ответить на это было нечего. Желания Аргата мне были безразличны, как и сам Аргат. Радовало во всей этой ситуации то, что история не повторялась досконально. Травить меня, похоже, в этот раз не будут. Астер была настроена достаточно дружелюбно, но это не успокаивало. Напротив, я видела, что она предана "медведю", и это внушало определенные опасения.

Женщина повернулась ко мне спиной, показывая, что разговор пока окончен, но не ушла, а поманила за собой. Прикинув, чем может обернуться неповиновение, я решила последовать за ней. Такая и на плечо закинет, и утащит, куда считает нужным. Я рядом с ней, как тростинка рядом с могучим дубом.

"Медведица" заметила, словно поняв, о чем я думаю, усмехнулась и открыла дверь, через которую мы попали в более широкое помещение. Здесь стоял длинный узкий деревянный стол, две скамьи, по обе стороны от стола, стояли деревянные, обитые железом сундуки, висели на стенах шкуры. Пол сверкал чистотой, как и дорожки, которыми он был устлан. Астер хорошо заботилась о жилище своего мужа.

Женщина наблюдала за мной, должно быть, ждала, когда у меня округляться глаза. Не округлились. Тогда она достала ключи, подвешенные на железном кольце, и начала открывать сундуки. В одном обнаружилось оружие, я даже заметила клеймо одного таргарского мастера. Не удивительно. Не только альены убивали ледигьордцев, но и ледигьордцы альенов. Дикари вовсе не были беззащитными. Но вторжение чужаков в их дом, конечно, не могли воспринимать, как дружеские визиты. Не все пираты возвращались отсюда домой.

Во втором сундуке нашлись ткани, это удивило. Пока я не встречала здесь ни шелка, ни парчи, ни бархата, но все это лежало в сундуке дикаря. Впрочем… Рядом море, где ходят купеческие караваны. Возможно, был шторм, а возможно, и произошел расчет тканями. В любом случае, одежда на Аргате была из того же льна, что и на остальных дикарях.

— Это подарок тебе, — вдруг сказала Астер и снова застыла, ожидая моих восторгов.

— Женщина не должна принимать подарки от чужих мужчин, — ответила я, вспоминая этикет своей родины.

— Аргат твой мужчина, — возразила Астер.

— Мой мужчина — Флэй, — не согласилась я в свою очередь.

Женщина вздохнула и открыла третий сундук. В нем стояли три маленьких сундучка. "Медведица" откинула крышки. В одном лежали достаточно грубые украшения из золота, во втором более утонченные украшения, явно созданные мастерами более цивилизованных стран. Меня покорило ожерелье в виде змеи, которое должно было обвить шею. Хвост и голова змеи были замком. Я представила, как это выглядит и пришла в восторг. Сразу опомнилась и сердито взглянула на Астер. Та ухмылялась, следя за моей реакцией.

— Возьми, что понравилось, — предложила она.

— Мне чужого не надо, — я мотнула головой и перевела взгляд на третий сундучок.

Здесь тоже была посуда. Кубки, вилки, ложки, несколько тарелок, все из серебра. Пожав плечами, я снова посмотрела на Астер. Она снова поджала губы.

— Тебе ведь нравится все это, не так ли? — спросила женщина.

— Красивые вещи. На моей земле у меня этого было много, — я пожала плечами. — Но все это не принесло мне счастья тогда, не принесет и сейчас. Я горю в огне своего мужчины, только это важно.

— Глупая женщина, — вздохнула Астер. — Идем дальше.

Она закрыла сундуки и повела меня дальше. В дверях я еще раз обернулась, разглядывая комнату, и подумала, что сундуки с богатством не зря стоят именно здесь, а не за закрытыми дверями. Должно быть, у них принято хвастаться своим добром. Так и представилось, как мужчины сидят за столом, пьют, едят, а Астер распахивает сундуки, и Аргат гордо принимает завистливые взгляды гостей. Фыркнув, я закрыла за собой дверь и поспешила за ожидающей меня женщиной.

Теперь мне показывали кладовые. Спорить не буду, выглядело впечатляюще, не то, что у нас с рысиком. Тут был и ледник, где лежали куски разделанных туш и рыба. Были кладовки с зерном, куча сушеных трав, коренья, сушеные грибы, горшки с маслом, с молоком. Творог, сыр, сметана. Все здесь было. Даже колбасы, явно домашнего изготовления. Мне будет чему научиться. Я тоже хочу все это готовить!

Так и представилось, как буду кормить своего возлюбленного всеми этими роскошествами. Я обязательно научусь! Похлебка хорошо, но, вон, сколько всего я не знаю. И пироги печь научусь, обязательно. Ради Флэя я готова была учиться всему на свете. Шить я не умею, только вышивать, но тоже научусь.

— Аргат богато живет, — усмехнулась Астер, глядя на мои горящие глаза и понимая мой восторг по-своему. — Так ли живет Флэйри из племени Белой Рыси?

— Мы только появились здесь, у нас все это будет, — отмахнулась я, и женщина фыркнула, с грохотом захлопывая очередную дверь. — Флэй построит нам дом. У нас все еще впереди.

— Зачем ждать, когда можешь иметь эти богатства сейчас? — проницательные глаза "медведицы" взглянули на меня, но я невозмутимо пожала плечами.

— Сейчас у меня есть все, что нужно, — ответила я.

Астер что-то пробормотала и повела меня в жилую часть дома. Тут мне показали комнату, в которой, как я поняла, я должна жить. Здесь было ложе, похожее на то, на котором мы спали с Флэем. Сундуки, скамья, прялка. Но было кое-что, что смутило меня, это меч, лежавший на лавке, да и не только он. Я заметила в комнате мужскую рубашку.

— Здесь ты будешь жить, — подмигнула Астер. — Здесь спит Аргат, вы будете спать вместе, он так хочет.

Опочивальня герцога, спальня "медведя"... Развернувшись, я исподлобья взглянула на женщину.

— Я не могу спать с чужим мужчиной.

— Вечером вас соединит шаман, — рассмеялась Астер, и мне захотелось врезать ей. Делать я этого, конечно, не стала. — У вас женят женщин, у которых есть муж?

— Шаман Рысей сказал, что обряда не было. Но, даже если и был, благословение Большого Отца все равно соединит вас с Аргатом.

— К бесам! — воскликнула я на таргарском. — Как же мне все это надоело!

— Что? — не поняла Астер.

Сердито взглянув на нее, я прошла через всю комнату, села на лавку и подперла щеку кулаком, глядя в мутное окошко. Где Флэй?!

Три всадника приближались к поселению "Медведей". Дозоры их не остановили, узнали. "Рыси" с "Медведями" не враждовали уже более шестидесяти весен. С того момента, когда вместе отражали набег наглых альенов, высадившихся на берег Свободных Земель. Они тогда прибыли на нескольких кораблях, и одному поселению было тяжело противостоять. Тогда полностью погибло поселение "Волков", в поселении "Рысей" насиловали и убивали женщин и детей. Тогда погибла бабушка трех братьев, а их отец, еще маленький мальчик, чудом выжил, спрятанный матерью в подполе как раз перед тем, как альены ворвались в их дом. Мужчины — рыси тогда были на Большой охоте и застали свое поселение, объятое пожаром.

"Медведи" тоже гибли, и тогда два племени объединились. К ним присоединились остатки "Волков", племя "Черных Рысей" и "Лисицы". Жители Ледигьорда жестоко мстили пришлым, вырезая их, поджигая корабли, до которых добирались ночью вплавь. И успокоились только, когда последний альен сдох, глядя на кишки, вываливавшиеся из его гнилого нутра.

Возрождались племена тяжело. Женщин пришлось брать из других племен и поселений, но это

внесло свежей крови, и новое поколение было сильней и злей, помня о Великом Горе. Ненависть к пришлым прибрежные жители Свободных Земель всасывали с молоком матери. И, если "Медведи" еще торговали с редкими купеческими судами, то на земли "Рысей" купцы не совались. Достаточно было быть пришлым и иметь при себе оружие, чтобы это послужило поводом умереть.

Оповещали о появлении альенов прибрежные жители сигнальными огнями, спрятанными на столбах среди деревьев. Огни создали шаманы, они имели необычный цвет и не жгли, сохраняя деревья. Секрет этих огней никто не знал, шаманы держали в тайне. Впрочем, воинов интересовало, чтобы огни светили в нужный час, а из чего они сделаны и как, было уже не важно.

— Что ты будешь делать? — спросил Бэйри младшего брата.

— Забрать жену, — коротко ответил Флэй.

— Аргат — сын старейшины, — отозвался Дэйри. — Он давно мечтал, когда возьмет на руки внуков от младшего сына, но Аргат отказывался жениться. Его первая жена — это жена старшего брата, она не родила Аргату детей, говорят, она бесплодна. Грут будет на стороне сына.

— Втроем нам не пробиться, — вставил Бэйри.

— Мы и не будем пробиваться, — усмехнулся Флэй. — Старейшина не может не принять тех, кто едет с миром.

— Ну, крикнешь, что желаешь говорить со старейшиной, он выйдет к тебе и откажет. Что дальше будешь делать? — снова вмешался Дэйри.

— Древних законов никто не отменял, — ответил Флэй.

— Аргат сильный и опытный воин, — Бэйри с тревогой посмотрел на брата.

— Меня тоже не из глины лепили, — произнес младший брат и пришпорил коня.

Братья поспешили за ним и вскоре ворота поселения "Медведей" уже встречали их закрытыми створами. Дозорные настороженно смотрели на незваных гостей, ожидая, что они скажут. Заговорил старший брат, как первый из братьев.

— Я Бэйри, сын Годэла, из племени Белой Рыси, — представился он.

— Я Дэйри, сын Годэла, из племени Белой Рыси, — эхом повторил средний брат.

— Я Флэйри, сын Годэла, из племени Белой Рыси, — закончил представление младший.

— Мы призываем старейшину Грута, сына Дьева, из племени Медведя, — снова заговорил Бэйри. — И только ему скажем о своем деле.

Все, официальная формула была произнесена, не давая Груту отказать пришельцам в праве высказаться. Дозорный исчез, но ворота не открылись. Через некоторое время появился старейшина. Он поднялся на стену из плотно пригнанных друг к другу бревен и посмотрел вниз.

— Грут, сын Дьева, старейшина племени Медведя, приветствует вас, славные сыны Белой

Рыси. По какой надобности вы призвали меня? — официально вопросил он.

— Сегодня была похищена дочь Великой Матери, — продолжал говорить за всех троих Бэйри. — Ее увез сын Большого Медведя. Даиль, жена Флэйри, из племени Белой Рыси. Мы требуем выдать нам нашу сестру.

Старейшина хмуро оглядел братьев, остановил взгляд на Флэе, едва заметно вздохнул и поднял руку.

— Славные сыны Белой Рыси, женщина, именуемая Даиль, действительно, была привезена сегодня в наше племя. Но нам известно, что она не является дочерью Белой Рыси и не является женой Флэйри, сына Годэла. Мы не выдадим ту, что признал Большой Отец. Она станет одной из "медведей".

— Эта женщина была признана племенем, и племя взяло ее под свою защиту, — возразил Бэйри.

— Подтверждаю, — кивнул Дэйри.

— Обряд признан состоявшимся, — произнес Бэйри.

— Волгар… — начал Грут.

— Волгара покарала Великая Мать, — заговорил Флэйри. — Его приемник признал обряд свершившимся. Теплое дыхание Великой Матери соединило нас. Даиль — моя жена, признанная Белой Рысью, принятая Пращурами и племенем Белой Рыси. У вас нет права удерживать ее.

Старейшина оглянулся куда-то назад, снова вздохнул и соврал:

— Даиль, женщина без племени, была привезена сюда по доброй воли. Того, кто сам приходит к нам, мы не выдаем. Она под защитой нашего племени.

— Тогда приведите ее сюда, пусть Даиль сама скажет, что отказывается от своего мужа и от своего племени, — произнес Бэйри.

На стену поднялся Аргат. Он встретился взглядом с Флэем:

— Даиль, женщина без племени, вошла в мой дом, приняла мои дары. Она выбрала меня.

— Пусть скажет об этом сама. Или Медведи больше не позволяют женщинам говорить? — чуть насмешливо спросил Флэй, выходя вперед братьев. — Или откройте ворота, и я сам уверюсь в предательстве той, что отдала мне огонь своей души. — Молчание со стены затягивалось. — Неужели Медведи научились лгать, как альены?

На стенах поднялся ропот. Воины поглядывали на старейшину и его сына. Если слова сына Белой Рыси пойдут дальше, не будет уважения к Медведям. Их и так часто порицали за торговлю с пришлыми. Аргат сохранял каменное лицо. Грут покосился на сына, оглянулся на воинов и раздраженно махнул рукой:

— Привести Даиль.

Аргат обернулся к отцу, но теперь тот застыл каменным изваянием. Три брата внизу поздравили себя с маленькой победой. Через некоторое время на стену поднялась та, за кем

они приехали. На лице Флэя расцвела улыбка.

— Любимый, когда ты заберешь меня отсюда? — выкрикнула женщина на языке пришлых.

— Говори на языке Ледигьорда, голубка, — ответил ей муж. — Ты должна честно ответить на вопросы.

— Мне нечего скрывать, — перешла она на язык прибрежных племен. Женщина говорила с акцентом, не все слова произнося верно, но ее поняли. — Спрашивайте.

Старейшина скрипнул зубами и замер. Вопросы могли задать те, кто искал правды, а это были три брата.

— Скажи, Даиль, — вновь от имени племени и брата выступил Бэйри, — по доброй ли воле ты покинула Флэйри, сына Годэла?

— Нет! — возмущенно воскликнула она. — Я — Даиль, жена Флэйри из племени Белой Рыси. Только он мне муж.

— Значит, ты не отказываешься от Флэйри и признаешь его своим мужем? — уточнил старший из братьев.

— Нет! Флэйри мой муж, нас соединила Великая Мать, — отчеканила Даиль.

— Хочешь ли ты, Даиль, жена Флэйри из племени Белой Рыси, покинуть племя, признавшее тебя и взявшего под свою защиту, и перейти в племя Большого Медведя?

— Меня признали? — на таргарском спросила она мужа, тот кивнул и улыбнулся. — Меня приняла Великая Мать, — гордо произнесла женщина на языке Ледигьорда. — Я дочь Белой Рыси. Менять племя я не хочу.

— Приняла ли ты дары Аргата, сына Грута?

— Я отказалась от всего, — все так же гордо произнесла Даиль. — Ничего не взяла в руки.

— Умница моя! — воскликнул Флэй.

— Старейшина Грут, сын Дьева, из племени Медведя, у тебя нет силы удерживать эту женщину, — подвел итог маленького допроса Бэйри.

— У меня есть право не отдать, — заговорил Аргат. — По Древним Законам сильнейший получает добычу.

— Тогда сначала добудь, — холодно ответил Флэй. — Твои слова ветер, Аргат, сын Грута. Пес лает, но волк не боится гавканья щенка. Спустись и докажи свое право.

— Поединок не может быть до смерти! — воскликнул Грут, глядя, как сын спускается вниз. — Когда кровь одного из вас оросит землю Медведей, и ноги откажут держать его, а второй останется твердо стоять, тот считается победителем, тому достается женщина и все, что он пожелает взять. — Мрачно огласил условия поединка старейшина.

— Флэй, вы будете драться? — испуганно воскликнула Даиль. — Флэй!

— Опять сопли, тарганночка? — усмехнулся ее муж.

mir-knigi.org

— Только попробуй не отбить меня, рысик!

— Ты во мне сомневаешься? — изумился он, раздеваясь до голого торса.

Женщина помолчала, потом перешла на язык пришлых.

— Любимый… — Флэй обернулся. — Я тут подумала… У меня нет женских недомоганий, неделю уж, наверное, нет, если я не ошиблась в подсчетах.

— И давно посчитала? — спросил мужчина, застыв на месте.

— Пока у окна сидела в его спальне, — ответила она.

— Любишь ты по чужим спальням шастать, — проворчал он.

— Флэй, ты дерево, — перешла она на язык дикарей.

Он неожиданно легко засмеялся, повернулся к братьям и широко улыбнулся им:

— У него ничего не выйдет. Раньше бы не вышло, теперь зубами порву.

И вытащил охотничий нож, готовый встретить Аргата.

Дыхание перехватило, сердце бешено колотилось в груди. Хотелось бежать туда, где сошлись двое полуобнаженных мужчин с широкими ножами в руках. Вальяжность и даже лень в движениях Аргата создавали впечатление, что он опытней и уверен в своей победе. Впрочем, он и был уверен. Мой Рысь ведь жил среди пришлых, пока он тут наращивал свое мастерство. Всего на миг я тоже поверила, что "медведь" может оказаться сильней.

А потом сердито мотнула головой. В ком я сомневаюсь? Во Флэе?! В моем невыносимом дикаре? Нет-нет, уж в ком сомневаться только не в нем. Флэй, воевавший на родной земле, пересекший в одиночку море, сумевший выжить среди чуждых ему порядков, сражавшийся за Таргар на войне, выживший там. Его ценил сам Таргарский Дракон, которого рысик обвел вокруг пальца. И я на мгновение усомнилась в нем? Даиль, ты дерево! Ты настоящее дерево.

Тем временем мужчины, чуть согнувшись, мягко переступали, с ноги на ногу, обходя друг друга по кругу. Это более всего напоминало поединок двух хищников, выяснявших сейчас слабые места противника. Пробные нападения, увернулись оба. И снова закружили, ступая с пальцев на пятку… красиво. Красиво и страшно, хоть вой, потому что в их руках не тренировочные мечи, даже не палки.

Первым напал Аргат, бросился всем телом, не боясь острого ножа в руках моего любимого. Замах. Рысь ушел, казалось в последний момент, казалось, тяжело ушел, казалось, рана неизбежна.

Я закрыла глаза, услышала, как тихо охнул Грут, и тут же посмотрела вниз. Через всю грудь Аргата тянулась красная полоса, набухающая кровью. Не сдался, не отступил, вновь кружатся два зверя, так не похожих друг на друга по своей природе. Краем глаза отмечаю, как зажглись глаза братьев. Рыси, и повадки у них рысьи. Загонят стаей, убьют, входя в азарт. Флэй много рассказывал мне об их Матери, рысях. Мальчиков из этого племени обучают быть рысями. Разница лишь в том, что у людей — рысей есть разум, и из пустого азарта они не убивают.

"Медведь" все больше напоминал свое божество. Мне все казалось, что я слышу рычание,

исходящее из его груди. Он снова кинулся на Флэя. Мой Рысь как-то по-кошачьи извернулся, перекатился и оказался за спиной Аргата, нанося ему новую рану. "Медведь" зарычал уже в голос. Братья начали подбадривать моего дикаря. Со стен понеслись крики в поддержку Медведя. Мужчины все больше входили в раж, молчали только я и Грут. Мы переглянулись с ним.

— Зачем он только привез тебя, — произнес старейшина. — Ты принесла несчастье моему сыну.

— Флэй привез свою женщину, — ответила я. — Ваш сын не имел права трогать меня, уже раз услышав, что я не хочу входить в его дом.

На этом разговор был окончен. Я выкинула из головы несправедливые обвинения старейшины. Не моя вина, что мне встречаются мужчины, пытающиеся получить то, что принадлежит другому. Аргат сам виноват. Я смотрела, как Медведь меняет тактику. Он больше не шел напролом, теперь нападал и отходил, нападал и отходил. Дождался, когда мой Рысь откроется и нанес удар. Флэй в последний момент ударил по руке, и клинок вошел ему в бедро.

— Рысик! — вскрикнула я.

Он не обратил на меня внимания. Перехватил руку Аргата, который собирался провернуть нож в ране, превращая ее в месиво, удержал и вытащил нож из бедра. И вновь они кружат перед воротами. Только Рысь припадает на раненную ногу. Кровь обильно пропитала штанину, мое сердце едва не разорвалось, когда я понимала, как быстро он теряет силы.

— Аргат, не насмерть! — вдруг закричал старейшина Грут.

И до меня дошло, что Флэй ослаблял "медведя" ранениями. С кровью, обагрившей грудь, живот, плечи и спину, Аргат терял и силу, потому решил действовать более грубо. Свалить на землю глубоким ранением. Теперь же, когда эта попытка не удалась, он перехватил нож иначе и пошел на Рыся. Но теперь и Флэй изменил тактику. Он перехватил нож левой рукой, и я узнала этот хват. Так сражались наемники с Севера. Как и когда хитрый Рысь перенял их мастерство, я не могла взять в толк. Суровые воины не раскрывали секретов. Даже Хэрбу они отказали, когда тот пристал к ним с просьбой научить.

Левой рукой Флэйри владел так же легко, как и правой. Аргат выбрасывает руку вперед, Рысь блокирует правой удар, левой наносит новую рану, глубже и серьезней. И новое осознание, он дает Аргату понять, что тот уже проиграл, дает возможность признать победу Флэя без лишних увечий. Но упрямый медведь продолжал кидаться, все более бестолково, все более проигрывая.

Я бросила взгляд на старейшину. Тот кусал губы, но бой не останавливал. Оба противника стояли на ногах, бой продолжалась. Условие не соблюдено. Но тут пошатнулся мой возлюбленный, чья рана продолжала кровоточить.

— Ох, Флэй, — выдохнула я.

— Ты права, пора заканчивать, — донеслось до меня. — Грут, вы не оставили мне выбора.

— Не убивай! — крикнул старейшина. — Он больше к вам не приблизится!

Взлет клинка, стремительные движения левой руки, перехватил правой, опять взлет и все, Аргат оседает на землю. Что сделал Флэй, я не поняла в первый момент, так все было быстро. Но, когда "медведь" повалился лицом вниз, я увидела глубокие рассечения почти под

коленями. На правой ноге даже виднелась кость. Проклятье… Меня замутило, и только каким-то сверхъестественным усилием удалось сдержать тошноту.

— Грут!

— Забирай, — мрачно ответил старейшина.

— Ты обещал его не подпускать, — напомнил Флэй, когда ворота открылись, и я помчалась к нему.

— Мой сын жив? — вскинулся Грут.

— Знахарям работы хватит, — отмахнулся рысик. — Если поторопитесь.

— Да не оставит тебя милость Звезд! — воскликнул старейшина. — Никто из племени Медведей не приблизится ни к тебе Флэйри, сын Годэла, ни к твоей жене Даиль.

И на нас перестали обращать внимания. Я вцепилась в плечи мужа.

— Тебе больно?

— Женщина, — усмехнулся Дэйри.

Флэйри оторвал кусок ткани, перетянул рану, и принял поводья из рук Бэйри.

— Буду жить, голубка, — ответил он, прижимая меня к себе свободной рукой. — С тобой и нашим сыном… или дочерью. Ты ведь не ошиблась в подсчетах? — Я помотала головой, и Флэй уткнулся лбом в мой лоб. — Как же я люблю тебя, — шепнул он. — Жить без тебя не смогу.

— И я без тебя, — всхлипнула я, гладя его по лицу, по волосам, по плечам.

— Убираемся отсюда, — снова шепнул рысик, и мы покинули земли Медведей.

Глава 6

Таргар. Герцогский дворец.

Солнечный луч, такой редкий зимней порой, заглянул в герцогскую опочивальню, скользнул по личику юной прелестницы и разбудил ее. Девушка открыла глаза, зевнула и сладко потянулась, выгибаясь всем телом, словно кошка. Одеяло соскользнуло с молодой груди еще не знавшей кормления. Девушка повернулась к его сиятельству, провела пальчиком по его гордому профилю, очертила линию губ, а после прижалась к широкой мужской груди губами.

— Най, — проворковала она.

— Сафи, — сонно пробормотал герцог, сжимая хрупкое тело в кольце сильных рук.

— Оледара, — надула губки прелестница. — Сколько можно путать.

Найяр приоткрыл глаз, посмотрел на девушку и вздохнул, обдав ее волной перегара. Прелестница даже не поморщилась, продолжая поглаживать ручкой под одеялом герцогское естество. Естество быстро оживало, наливаясь силой. Его сиятельство, прерывисто вздохнул, навалился всем своим немалым весом на новую любовницу, вошел в нее, сделал несколько

mir-knigi.org

мощных движений бедрами, излился и встал, не утруждая себя излишними ласками.

— А поцелуй? — девушка капризно надула губки.

Найяр причмокнул губами, не глядя на нее, натянул штаны и покинул опочивальню в старых покоях. Герцог предпочитал принимать любовниц здесь, не оскверняя присутствием чужой женщины ложе, ставшее уже едва ли не святилищем. Но с некоторых пор он предпочитал ночевать не один. Это было секретом его сиятельства, о котором никто не должен был знать.

Началось это недели две назад, спустя три месяца, после того, как исчезло его сокровище. Его сиятельство погряз в распутывании нитей заговоров, которых обнаружилось три, совершенно забыв о том, что хотел проверить слова рыжего щенка, вынужден был отвлечься от поисков беглянки. Теперь Секретный кабинет гудел, как улей потревоженных пчел, поставляя в пыточные все новые и новые лица. Герцог был пресыщен кровью, он даже начал поручать допросы мастерам заплечных дел.

Причем, заговоры росли, как грибы. И все это, как выяснил Найяр, началось незадолго до смерти герцогини. Она получала указания от родни, в точности исполняла их. И фальшивка с лицом Сафи была всего лишь одним из узлов паутины заговора, что плела паучиха — усопшая женушка. После ее смерти, пока его сиятельство носился по герцогству в поисках исчезнувшей любовницы, пока убивался в ее покоях, враги Таргара не дремали, заманивая в свои сети все новых и новых адептов. Кто брал золото, кто польстился на иные посуленные блага, а кто из ненависти к Таргарскому Дракону, но его подданные охотно позволяли себя вовлечь в чужие интриги.

Месяц назад герцог допрашивал представителя одного из наиболее именитых родов Таргара, уличенного в связях все с тем же Бриатарком. Еще молодой и полный сил мужчина, растянутый на цепях, без всякого трепета взирал на своего господина. В глазах его была ненависть, но никак не страх. Это заинтересовало его сиятельство, заглянувшего в пыточную по иному делу.

— И за что же благородный тарг ненавидит своего господина? — поинтересовался он.

— Убийц и извергов любить не выходит, — усмехнулся мужчина. — Ты замучил в этих стенах моего брата, обвиненного по ложному доносу. Он был невиновен, но мы получили вместо его тела горшок с пеплом. Ты лично кромсал его на куски.

— Как интересно, — герцог обернулся к подручному палача, как раз раскалившего клещи. — Ты помнишь его брата?

Помощник палача пожал плечами. Герцог сам поднапряг память. Тарг Алвиз, да, был такой. Обвинялся в измене, как и его брат, висевший сейчас на цепях. Алвиз во всем признался. Впрочем… под пытками признаться можно даже в том, что ты сам Черный бог. Герцог усмехнулся.

— Так ты предал Таргар из мести?

— Я не предал Таргар, я предал ублюдка, которому верой и правдой служил мой брат, — ответил арестованный.

— Стало быть, вину вы признаете, тарг Алвиз? — уточнил его сиятельство.

— Целиком и полностью, — ответил тот.

— Отлично. Снимите предателя и отправьте в камеру. Завтра его повесят на Главной площади, — произнес Найяр.

— Я дворянин, ты не можешь повесить меня, — смело возразил Алвиз.

— Нет, тар Алвиз, с сегодняшнего дня ваш род лишен дворянского звания, замков, владений и имущества. Все это отходит в казну Таргара. Ваше же семейство будет выслано за пределы столицы. Вы уничтожили свой род тар Алвиз.

— Ублюдок! — выкрикнул арестованный, осознав всю глубину наказания.

Герцог развернулся на каблуках и вернулся к бывшему таргу. Он некоторое время рассматривал его, затем склонился, приблизив свое лицо к лицу мужчины.

— Прежде чем идти на предательство, нужно осознавать, что за спиной стоят те, кого твое дерьмо зацепит, увести.

И, более не слушая проклятий, посылаемых ему в спину, его сиятельство покинул пыточную камеру. А потом объявились послы от Владыки. Герцог был на взводе в тот день. Он только выдворил наглецов из Аквинтина. Эти заявились не с требованиями, посольство явилось с самыми мирными намерениями и портретом своей принцессы, заявив:

— Теперь, когда дворец вашего сиятельства очищен от скверны, Аквинтин готов преподнести вам в дар самое ценное, что породила земля Аквинтина — принцессу Алфею Аквинтинскую. Целомудренное дитя излечит ваши душевные раны и отмолит все прегрешения у богов.

Найяр даже поперхнулся от такого заявления.

— Скверна, простите, это что? — поинтересовался он.

— Ваша любовница, ваше сиятельство, — с достоинством пояснил посол.

— А это порождение Аквинтина мне заменит ее? — багровея, уточнил герцог.

— Вы оскорбляете ее высочество, — обиделся посол.

— Неправда, всего лишь повторяю ваши слова, — возразил Найяр. — Так вот, Аквинтин очень любезен, но рассматривать подобные предложения до окончания траура я не намерен.

— Нам известно, что вы хотели уже через месяц после смерти вашей супруги вступить в брак с тем существом, что делило с вами опочивальню, не имея ни стыда, ни совести.

— А не обнаглел ли Аквинтин?! — заревел его сиятельство, поднимаясь с трона. — Уже второй раз вы являетесь в дом и хамите его хозяину! Что касается этого существа, — он кивнул на портрет, — у меня уже было одно молящееся порождение, второе я просто не вынесу. Или вы решили меня уморить?! Такое тонкое покушение на Таргарского правителя?

— Ваше сиятельство, — аквинтинский посол сбавил обороты, — вы неверно истолковали мои слова. Ведь и Владыка придерживается такого же мнения. А ее высочество, принцесса Алфея Аквинтинская, станет вам прекрасной супругой и утешением.

— Владыка тоже так считает? — ядовито спросил Найяр.

— Без его благословения мы не предприняли бы такой важный шаг! — воскликнул

аквинтинец. — Его святейшество полностью поддерживает наше решение и считает, что принцесса Алфея сможет спасти вашу заблудшую душу.

— Подсовываете мне очередную марионетку? — зарычал герцог. — Убирайтесь отсюда немедленно! Я скорблю, все запомнили? Траур у меня!

Посольство Аквинтина сбегало впереди собственного визга, а Найяр бесновался, не находя даже слов, чтобы выразить свое возмущение наглостью "аквинтинских святош". Но не успел он толком успокоиться, как примчался секретарь с округлившимися глазами и сообщил:

— Посольство Владыки, ваше сиятельство!

— Чтоб у него несварение случилось! — в сердцах воскликнул герцог. — Чтобы в Главном Храме на него статуя одного из богов упала, а лучше всех сразу! Чтоб его Черный бог сношал на сковородке! Чтобы бесы его…

— О, боги, — выдохнул секретарь.

— Что?! — Найяр резко развернулся и уставился на секретаря.

— Вы совершенно правы, ваше сиятельство, — с надрывом воскликнул секретарь.

И тоже подбавил от себя проклятье его святейшеству, да такое ядреное, что герцог невольно огляделся и успокаивающе похлопал мужчину по плечу:

— Ладно-ладно, Владыка все же.

Секретарь выдохнул, поклонился и спешно ретировался, горячо прося в душе прощения у богов за свое пожелание их наместнику на земле. Герцог взглянул на портрет Сафи, увеличенный дворцовым художником и висевший теперь на стене, и тяжело вздохнул:

— Этот святейший хрен не освятил бы наш союз, теперь точно знаю. Ничего, когда верну тебя, устрою Адоху такую кару небесную, Владыка у меня с колен не поднимется… Хотя зачем такие сложности? Добрая порция яда и посадить своего Владыку на небесный престол. Точно, давно надо было так сделать. — Приблизился к портрету. — Пожелай мне удачи, сокровище мое, она мне понадобится.

Портрет промолчал, Найяр укоризненно покачал головой и покинул покои своей возлюбленной. Но уже за дверью опомнился:

— Матьен, венец и герцогскую мантию, — велел он и остался ждать, пока слуга принесет ему требуемое.

Застегнув края мантии толстой золотой цепью с подвеской — драконом, его сиятельство взглянул на слугу.

— Вы, чудо, как хороши, ваше сиятельство, — поклонился тот.

— Катись к бесам, — скривился герцог и направился в большой тронный зал.

Делегации из Адоха принимали только там и только торжественно. Вот и сейчас прислуга уже экстренно наводила лоск, раскатывала ковровые дорожки, а на балконе размещались музыканты, которые должны были сыграть гимн Таргара и Адоха, причем, гимн вотчины Владыки в первую очередь. И приветствие занимало времени в несколько раз больше, чем

приветствие послам обычных государств. Встречать гостей из Адоха должен был Первосвященник Таргара, правитель имел право заговорить только после чтения молитв.

Все это чрезвычайно бесило Найяра. В такие минуты он чувствовал себя униженным. В его личной градации попы занимали вторую ступень после воинов, но приходилось мириться с заведенным порядком, как мирились все Грэимы до него, как подчинялись остальные правители. Владыка имел власть, позволяющую ему сменять династии на тронах, даже перекраивать границы государств, но благоразумно этого не делал.

Было время, когда Владыки лезли во внутренние дела королевств, герцогств и княжеств, как к себе домой. После того, как попытка оторвать в пользу Адоха кусок от Аллагара, спровоцировала крупнейшую и кровопролитнейшую войну, зацепившую, как минимум, десять государств, и затянувшуюся на восемьдесят три года, Владыки отказались от подобной политики. Восстанавливать авторитет и снова входить в силу Адоху пришлось еще около ста лет.

Однако послы его святейшества оставались самым влиятельным посольством. Хамить им было себе дороже. Найяр скрипнул зубами, подцепил под локоть Первосвященника и втащил его в тронный зал.

— Что им надо? — спросил герцог.

— Мне неизвестно, — ответил поп. — Я сам теряюсь в догадках.

— Смотри мне, Энлер, если узнаю, что за моей спиной шашни водишь с Адохом…

— Ваше сиятельство, — Первосвященник укоризненно покачал головой.

— Ладно-ладно, — Найяр примирительно потрепал его по плечу. — Если что, предупреждай.

— Как обычно, — усмехнулся поп.

Его сиятельство кивнул и встал рядом с троном. Сесть на него он сможет только после того, как послам воздадут все почести. Первосвященник Таргара встал перед троном и своим правителем. Найяр тяжко вздохнул, взглянул а распорядителя и махнул:

— Запускай гадюк.

Отец Энлер обернулся, укоризненно покачал головой и указал взглядом на потолок.

— Ты же меня отмолишь? — усмехнулся герцог и сразу же натянул на лицо маску благодушия, потому что двери открылись, и грянул гимн Адоха.

Посольство Владыки представляли Первосвященники пяти государств, и посланник его святейшества, который и должен был произнести все, что передал Владыка. Пока звучал гимн Святейшего, герцог и те, кто имел честь присутствовать на приеме, опустились на одно колено. Посольство остановилось не доходя до отца Энлера, и тогда грянул гимн Таргара. С колена поднялся лишь его сиятельство.

Когда последние ноты замерли в торжественной тишине, Первосвященник Таргара сделал шаг вперед:

— Да, ниспошлют боги милость свою великому Владыке и его посланникам.

mir-knigi.org

— Да не оставят боги своей милостью Таргар и властителя его, — ответил посланник Владыки, облаченный в белоснежную ризу, что означало важность его должности — советник его святейшества.

Дальше последовал обмен высокопарными благословениями. Следующей частью была молитва "Величание богов". После во славу Владыки. Следующая — "Милость всем верующим". Следом "За почивших". И последняя "Во здравие правителя", она не относилась к кому-то конкретно, но была посвящена правителям всех государств.

Найяр все это время стоял на коленях вместе со всеми, усердно бил поклоны и ждал, когда весь этот фарс закончится. Наконец, последняя молитва, в данном случае, в его честь, отзвучала, герцог расплылся в благостной улыбке, поднялся с колен и распростер руки:

— Какое счастье видеть посланников его святейшества на землях Таргара! Добро пожаловать на земли герцогства.

Последовал новый взрыв обмена любезностями, которые закончились по знаку посланника Владыки. После этого Найяр указал жестом придворным покинуть тронный зал, взошел на трон, а посольство расселось на стульях с высокими спинками, мгновенно поставленных прислугой. Отец Энлер сел на стул рядом, стоявший под возвышением, на котором располагался трон герцога. С лиц всех присутствующих слетели маски благодушия.

— Я готов выслушать послов его святейшества, — произнес он, сверля посланника пристальным взглядом.

— Да, хватит пустых слов и расшаркиваний, — ответил отец Бениго — советник Владыки. — Первое, что велел его святейшество — это недовольство падением нравов Таргарского повелителя. Ваше долгое сожительство с женщиной, прозванной в народе, как Таргарская Шлюха, крайне печалило Владыку. Слезы и мольбы вашей супруги удручали нашего Святейшего отца.

— Но за три года, что моя возлюбленная проживала со мной, никто из Адоха не появился и не передал ни слова о печали его святейшества, — возразил Найяр.

Отец Бениго остановил жестом герцога Таргара.

— Так же его святейшество выражает крайнее недоумение в связи с гонениями, которые происходят на землях Таргара. За последние месяцы исчезли представители нескольких знатнейших семейств вашего герцогства. Их семьям были возвращены горшки с пеплом, либо не возвращено ничего. Известий о судьбах своих сыновей эти роды не имеют. Что же касается менее родовитых семей, им не посчастливилось получить даже горшка с пеплом.

— Внутренние дела Таргара, — надменно отозвался его сиятельство.

— Дела Таргара давно вышли за пределы Таргара, — возразил отец Бениго. — По обвинению в предательстве были казнены трое. Один из них супруг вашей любовницы, он единственный умер, как дворянин, двое других почили бесславной смертью на виселице, их семьи лишились всего имущества и дворянского титула. Его святейшество интересуют судьбы ваших исчезнувших подданных, судьбы семей казненных и основания, на которых они были лишены своего достояния.

Герцог нервно сжимал и разжимал кулак. Упущение. Проклятье, это, действительно, упущение. Он слишком увлекся распутыванием узлов, навязанных заговорщиками, и упустил

из виду главное, для Владыки нет такого объяснения, как внутренние дела Таргара. Чтоб его бесы задрали! Между тем посланник продолжал говорить:

— Гаэлдарский король прислал жалобу, что его подданный был казнен вами без ведома Гаэлдара.

— Оговор, — отчеканил Найяр. — Посольство Гаэлдара получило исчерпывающие доказательства того, что Тиган являлся моим подданным, и его действия могут быть расценены только, как измена. Наказание — смерть.

Отец Бениго кивнул. Это обвинение не являлось основным, всего лишь для общего количества, потому его рассматривать никто не собирался. Это герцог понял сразу.

— Пояснения по исчезнувшим таргам и тарам вы сможете получить завтра, — произнес его сиятельство, и посланник Владыки опять кивнул.

Это тоже было не основным. Владыка мог только предъявить ему обвинение в изуверстве. А вот это уже тянуло за собой долгое разбирательство, вплоть до отлучения и смены правителя Таргара. Не все прошедшие через пыточную умирали. Тех, кто отдавал богам душу, сжигали, чтобы не возникало стенаний о ранах и увечьях. Остальные сидели в камерах или сдыхали после допросов. Герцог уже выстраивал план своих действий, когда прозвучало новое послание.

— Его святейшество получил прошение короля Бриатарка о перенесении останков его сестры, принцессы Аниретты. Так же его Бриатаркское величество жалуется, что получил отказ от вас. Владыка принимает ваши доводы, но принял сторону несчастного брата, ибо муж не оказывал почтения жене при ее жизни, и тело несчастной Аниретты Бриатаркской должно быть передано посольству ее родной страны, которое прибудет вскорости.

— Протестую! — воскликнул герцог. — Это беспрецедентный случай, когда тело жены забирают у мужа.

— Его святейшество предвидел ваш протест, ваше сиятельство и заведомо отклонил его. Тело принцессы Аниретты должно быть передано ее брату, — бесстрастно говорил отец Бениго.

Найяр стиснул зубы, чтобы сдержать ругательство. Посланник Владыки ни разу не назвал его покойную жену герцогиней, значит, вопрос решен уже окончательно. Что там с телом? Насколько разложилось за это время? К бесам! Зима, в склепе сейчас настоящий ледник. Бриты вскроют гроб, только для этого его и забирают. Там нет следов оспы, зато есть следы отравления… Проклятье!

— Что-то еще тревожит его святейшество? — глухо спросил герцог.

— На данный момент это все, — ответил отец Бениго.

— Да, будет так, — кивнул его сиятельство. — Позвольте покинуть вас, ваши покои уже должны быть готовы.

— Да, нам бы хотелось отдохнуть, — ответил посланник Владыки. — Последний вопрос мы обсудим, когда будут улажены предыдущие.

Герцог, уже спустившийся с возвышения, остановился.

— Какой вопрос? — поинтересовался он.

— Алфея Аквинтинская, — уголки губ отца Бениго едва заметно приподнялись, обозначая улыбку.

— У меня траур, — отчеканил Найяр, склонил голову и стремительно покинул тронный зал. — Вина и шлюху! — прорычал он своему секретарю, ожидавшему под дверями.

— Какую шлюху? — опешил благородный тарг.

— Любую, их тут полный дворец, — рявкнул Найяр. — Единственная порядочная женщина сейчас неизвестно где, но я ее найду. Черный бог мне свидетель, — закончил герцог зловещим шепотом. — Жду в своих старых покоях.

И покинул опешившего секретаря.

* * *

До конца того дня Найяр, скинув напряжение с помощью одной из бывших фрейлин своей покойной супруги, просидел в своем кабинете, в котором менялись посетители, только тарг Коген почти не выходил. Эта часть была изолирована от той, где разместили посольство Владыки, эти всегда жили при дворцах правителей, а не за их пределами, как посольства других государств. Священники не видели кипевшей активности, но несомненно знали об этом. Герцог уже более собранный, отпивая вино из кубка небольшими глотками, успевая смаковать, пересматривал бумаги по узникам, их допросы, доносы на них и прочие документы.

— Тарг Коген, что у нас с теми, кого сожгли и вернули родственникам пепел?

— Извольте подписать, ваше сиятельство, указы о закрытых судах, приговорах и казнях, — советник по секретным делам протянул новую стопку бумаг.

— Отлично, тарг Коген, вы просто сокровище, — похвалил герцог.

— Все во славу Таргара и его правителя, — поклонился мужчина, польщенный похвалой.

Оставив подписи и оттиски своей печати, Найяр откинулся на спинку стула и посмотрел на своего советника.

— Тарг Коген, а что вы думаете по поводу требования отдать британ тело моей супруги? — спросил он.

— Думаю, вы не хотите, чтобы гроб был вскрыт, — понятливо ответил умный и умудренный жизнью мужчина.

— Справедливое замечание, — кивнул Найяр. — И как мне это сделать?

— Отец Энлер что-то говорил о подобной ситуации? — поинтересовался Коген.

— Этот святоша сейчас роет церковные архивы и штудирует деяния богов и житие святых. — Отмахнулся герцог. — На него надежды мало, приехавшие попы подкованы лучше. Нужно решение… светское, — он усмехнулся и сделал еще один глоток.

— Нужно подумать, ваше сиятельство, — задумчиво произнес советник. — Простое исчезновение гроба вызовет только новые вопросы.

mir-knigi.org

— Верно подмечено, как и пожар в склепе, — ответил Найяр. — Подмена тоже невозможна, ибо нет у нас сейчас оспы.

— У соседей недавно была очередная вспышка, — Коген встретился с совершенно трезвым взглядом своего господина.

Его сиятельство скептически хмыкнул.

— Доставить не успеем.

— Согласен, — вынужден был признать благородный тарг.

Мужчины замолчали. Найяр побарабанил пальцами по столу. Взгляд синих глаз устремился в окно, за которым шел снег. Крупные пушисты хлопья падали на землю, танцуя свой неспешный танец, одевали деревья в белоснежные шубки. Герцог встал и подошел к окну. Окна кабинета выходили на дворцовый парк. Сейчас там было безлюдно. С некоторых пор ему казалось, что безлюдным стал весь дворец, не смотря на суетливых муравьишек, снующих без устали днем и ночью по лестницам и переходам.

Найяр прижался лбом к холодному стеклу и прикрыл глаза. Она любила снег не меньше, чем распустившуюся зелень. Еще год назад ее ножки гуляли по этим аллеям, оставляя за собой маленькие следы, по которым герцог находил свое сокровище. Вот так же, стоя у окна, видел, как она выходила в парк, оборачивалась, чувствуя его взгляд, и махала рукой. После отворачиваясь и, как этот снег, неспешно брела по заснеженным дорожкам, подставляя раскрытые ладони под снежинки.

— Смотри, Най, эта такая красивая, а эта похожа на звездочку, — говорила Сафи, показывая ему быстро исчезающую добычу. — И тают быстро, как человеческая жизнь, — вытирала с ладони воду и устремляла взгляд только в ей одной ведомые дали.

— Лишь моя любовь к тебе вечна, мое сокровище, — отвечал он, сжимая ее плечи.

— Любовь тоже тает, милый, — смеялась она, подбирала подол платья, — вот она есть, — и срывалась на бег, — а вот уже ее нет, — кричала, когда убегала подальше.

И он со смехом бежал следом и догонял, всегда догонял, подхватывал и кружил, наслаждаясь ее веселым хохотом. Догонял… Не догнал. Всего один раз упустил, и жизнь превратилась в Преисподнюю.

— Вот она есть, — негромко произнес герцог, — а вот ее нет…

— Что вы сказали, ваше сиятельство? — подал голос советник.

Герцог резко обернулся и посмотрел на тарга Когена шальным взглядом.

— Вот она есть, а вот ее нет, — повторил он и засмеялся. — Мое сокровище, спасибо, ты опять мне помогла! Вот она есть, а вот она нет! Ха-ха.

Советник с сомнением смотрела на хохочущего господина, всерьез опасаясь за его рассудок. Но герцог не сошел с ума, он нашел выход.

— Святошу ко мне, срочно! — велел Найяр, оборвав смех. — Сегодня мы создадим новую святую.

Тарг Коген потер подбородок, снова поднял взгляд на своего герцога и восхищенно выдохнул. Неужели решится на такую авантюру? Да еще и на глазах у послов из Адоха? Это же неслыханная наглость! Впрочем, это же Таргарский Дракон, тот, кто готов ходить по лезвию, наплевав на то, что слева пропасть, справа обрыв.

Советник склонил голову и вышел, отдавая распоряжение, чтобы послали за отцом Энлером. Возвращался он уже менее восхищенным и более задумчивым. Мужчина просчитывал последствия от подобного безумного, по своей сути, поступка, и ему не нравился ни один вариант. То, что герцог посвятил его в тайну смерти своей супруги, уже делало советника Когена опасным для его сиятельства. Если сопоставить кое-какие факты, то становится ясно, куда делись преданные герцогу люди, умершие от оспы, по официальной версии. Но, если учитывать, что тайный советник и так был на острие всех важных событий, происходивших в Таргаре, и имевших статус — секретно, то тайна смерти герцогини была не более опасна, чем многие другие. И все же это герцогиня, и до этого дня благородный тарг мог только строить предположения, а теперь ему почти напрямую сказали, что смерть ее сиятельства была отнюдь не связана с опасной заразой. Герцог своей откровенности не забывает, а иногда и не прощает. То, что сегодня прибавится трупов, Коген даже не сомневался. Исполнители умрут первыми, нужно извернуться, чтобы остаться нужным для господина. Впрочем, он таким и был, это немного успокаивало.

Но это были не все опасения тайного советника. Оставался еще Бриатарк, Адох и внутренние недовольные правлением Найяра Таргарского. И таких все больше. Оказаться под каменной плитой интриг очень не хотелось, а секрет смерти герцогини и та авантюра, что он затеял, может стать для них отличным поводом устроить переворот. И кого будут трясти в первую очередь? Его! Верного пса Таргарского Дракона, наперсника во всех зверствах, тайнах и интригах. Проклятье…

— Ну, что там? — его сиятельство уже опять сидел на своем стуле с кубком в руках.

— Сейчас позовут, — ответил советник, раздумывая над секретом герцога.

Как тот умел контролировать свое состояние? Это ведь вторая бутылка, а он все такой же трезвый, как будто пьет воду. И так было всегда, если появлялись важные дела, которые забирали нервы и силы. Тарг Коген вернулся на свое место и отпил воды из серебряного стаканчика, он предпочитал не рисковать, зная, что мыслить будет сложно.

— Ваше сиятельство, послы Владыки могут не поверить, — сказал он.

— И не поверят, — согласно кивнул Найяр, — но когда очевидцев много… Им будет некуда деваться, — герцог расплылся в довольной улыбке. — Главное, все правильно обставить. А в этом нам поможет наш Первосвященник.

— Да, не оставят вас своей милостью боги, — вздохнул Коген.

— Сафи плохих советов не дает, — усмехнулся герцог, чем вызвал недоуменный взгляд своего советника. — Не обращайте внимания, тарг Коген, — отмахнулся его сиятельство. — Это я о своем.

— Вы все еще тоскуете по тарганне Тиган? — спросил советник и отвесил себе мысленную затрещину. Куда полез?!

— А разве можно не тосковать по утерянной душе? — синие глаза остановились на благородном тарге, и мужчина поежился под пристальным взглядом. — Ни в одном из

сопредельных государств их нет. Шпионы продолжают искать. И толмачи все молчат, бесит.

Найяр отшвырнул перчатки, которые как раз мял в кулаке.

— Если бы она была рядом…

Герцог отвернулся, а советник неожиданно для себя ощутил жалость к своему властному и безжалостному господин. Коген помнил его еще ребенком, помнил подростком, помнил юношей, который уже мало напоминал маленького ранимого мальчика. Помнил преданность младшего брата старшему и его горе, когда наследный герцог Неил Грэим утонул в море. Тогда Коген последний раз сочувствовал синеглазому парню. А потом тот убил своего отца, и в этом тайный советник был совершенно уверен, но даже жене не говорил о своих догадках, и сочувствие исчезло, оставляя лишь собачью преданность и исполнительность, иначе можно было не выжить. А жить хотелось, очень.

— Тарганна Тиган была замечательной женщиной, — со вздохом произнес советник. — Я всегда ей симпатизировал.

— Она ею и осталась, — ожесточенно ответил герцог, мгновенно оборачиваясь к таргу Когену. — Не вздумайте и вы уверять меня в обратном. Это был труп неизвестной девки, не моей Сафи. Однажды я найду ее, и она вернется сюда, домой, в наши с ней покои.

Советник кивнул, не желая возражать, но мысленно ответил: "И как вы объясните ей ту череду любовниц, которых вы беззастенчиво пользуете в каждом углу вашего дома? Если уж она жива, то пусть живет подальше от вас, дорогой вы наш зверь, здоровее будет и… живой". Но на лице не отразилось и тени его мыслей.

— Ваше сиятельство, — в кабинет вошел отец Энлер.

— О, отец, отлично, — поднялся ему навстречу герцог. — Чем порадуете?

— Пока нечем, ваше сиятельство, — развел руками Первосвященник. — Ничего подобного еще не происходило. Был прецедент, когда вскрывали гроб Гаэлдарского короля, когда наследника обвинила вдовствующая королева, что он убил своего отца. В остальном, церковь не вмешивалась во внутренние дела государств.

— Ясно, — кивнул его сиятельство. — Писание?

— Я ищу основания для оспаривания решения Владыки, но не могу обещать, что найду, — отец Энлер присел на стул, на который указал герцог.

— Ну и не надо, — отмахнулся Найяр, и Первосвященник удивленно приподнял брови. — Ты мне вот, что скажи, Энлер, — герцог присел на край стола. — Какие свидетельства нужны для подтверждения вознесения? Как церковь определяет святость? Приметы, явления.

— Не понимаю… — Первосвященник тер подбородок, пытаясь понять, что придумал Таргарский правитель.

— Ну же, Энлер, думай. Тело исчезло из гроба, церковь установила, что это дело рук богов, по каким признакам, — возбужденно теребил его Найяр. — Скажи еще, у нас нет таких святых. Даже я знаю парочку вознесшихся прямо из гроба.

— Но это было, когда гроб хотели закрыть! — воскликнул Энлер. — Най, опомнись!

Когда-то отец Энлер был дружком юного герцога, сопутствуя ему во множестве проделок, после которых оба выслушивали от Неила часовые речи, всегда раскаивались, а потом вновь творили очередные непотребства. Но в девятнадцать лет Энлер едва не отдал богам душу, схватившись с крестьянами, после того, как заманил внучку старейшины на сеновал. После этого, отлежавшись, он пошел в храм и покаялся, сменив путь воина на сутану священника. Найяр не забыл приятеля, и тот быстро возрос в церковных чинах, и вот уже несколько лет был Первосвященником Таргара, Владыка не возражал.

— Энлер, не беси меня, — герцог раздраженно мотнул головой. — Думай, отец, думай, — и герцогский перст постучал священника по лбу.

Первосвященник, откинул руку старого дружка, изобразил на лице негодование праведника, отчего герцог усмехнулся и скрестил руки на груди.

— Значит, так, — начал отец Энлер, возведя глаза к потолку. — Во-первых, при вознесении святого Игрила свет осветил склеп, вострубили посланники богов в золотые трубы, и покойный поднялся из гроба и воспарил к потолку склепа. И все услышали глас, вещавший, что за деяния свои Игрил был призван богами. С Кантэем Аквинтинским все почти так же, кроме того…

— Что? — встрепенулся Найяр, даже Коген подался вперед.

— Аквинтинский святоша нам подойдет, — широко улыбнулся отец Энлер.

— Не томи, бесы тебя пожри, — рыкнул его сиятельство.

— Не богохульствуйте, ваше сиятельство, — посуровел Первосвященник. Я и так не знаю, как отмолить вашу душу. Най, только покаяние спасет тебя и позволит богам услышать твои молитвы.

— Я дружу с богом, который все мои молитвы отлично слышит, — усмехнулся герцог.

Отец Энлер вскочил, с гневом взирая на первого грешника из всей своей паствы.

— Найяр Грэим, если ты сейчас не оставишь свои крамольные речи, я тебе помогать не буду! Мало того, что я, духовное лицо, соглашаюсь участвовать в твоих отвратительных делишках, так я еще должен выслушивать всякую грязь из твоих уст.

Найяр толкнул священника в грудь, и тот упал обратно на стул, нагнулся практически к лицу бывшего наперсника и лениво поинтересовался:

— Все сказал? — Первосвященник благоразумно промолчал. — Ты не только мне поможешь словом, но и делом. Я ясно выражаюсь?

— Ясно, — гулко сглотнул Энлер, глядя в ледяную глубину синих глаз.

— Владыкой быть хочешь? — спросил герцог, выпрямляясь.

— В…Владыкой? Ты что задумал? Най! — отец Энлер испуганно посмотрел на господина, тот криво усмехнулся, но не ответил. — К бесам, хочу! — воскликнул Первосвященник и отвернулся, сердито сопя. — Ты искушаешь меня, мерзавец.

— Говори, что надумал, — повторил герцог, удовлетворенно хмыкнув.

— Значит так…

Эта ночь вошла в историю Таргара. Ровно в два часа после полуночи разом забили колокола на всех храмах столицы, забили сами собой, ибо звонари спокойно почивали в своих кроватях, смотря благочестивые сны, как и положено служителям при храмах. Более того, вспыхнули фонари на улицах, озарился светом герцогский дворец, заиграли трубы, и ниоткуда зазвучал глас мощный и напевный:

— Аниретта, пресветлое дитя, призвана ты в царствие наша, дабы услаждать ликом своим чистым наши взоры.

Полыхнуло, и все стихло. Но вскоре улицы столицы начали заполняться народом, растерянно спрашивавшим друг друга:

— Что это было?

— Что произошло?

— Пожар? Война?

— Чудо! — завыл юродивый Алифан, живший при храме на Главной площади. — Чу-у-у-удо чудное-е-е, чудо-о! Вознеслась! Красавица наша вознеслась. Святая Аниретта, чудо!

Вокруг него начал собираться народ, а Алифан впал уже в благостное безумие. Ходил колесом, драл на груди кожу черными от грязи ногтями и вопил о великом чуде. На других площадях так же завопили юродивые. Бежали по улицам вестники в сутанах, выкрикивая про чудесное вознесение, и вскоре весь город уже гудел о том, что боги призвали покойную герцогиню.

— Страдалица наша, — умиленно плакали кумушки.

— Я всегда говорил, что она святая! — кричал хозяин мясной лавки.

— Мученица, настрадалась! — вторил ему зеленщик.

— Святая Аниретта!

И толпа повалила к дворцу герцога Таргарского. За стенами дворца так же было неспокойно. Стража спешно размещалась по периметру, дабы экзальтированная толпа не вломилась в чертоги господина. Единственный, кого пропустили, был Первосвященник Таргара, отец Энлер. Лицо его было взволнованно и бледно.

— Отче, Аниретта вознеслась! — кричали в толпе.

— Похоже на то, — кивнул отец Энлер и скрылся за ажурными воротами, сопровождаемый священниками из трех больших храмов, своими помощниками и солдатами личной гвардии.

Придворные высыпали в коридор, спрашивая друг друга, что произошло. Никто не знал, но многие слышали глас "невозможной красоты". Но стоило промчаться по коридорам его сиятельству, как шорох голосов стих, и все почтительно склонились.

— Где отец Энлер? — спрашивал Найяр. — Срочно его сюда!

— Уже прибыл, ваше сиятельство, — склонился перед ним секретарь.

mir-knigi.org

— Благородные тарги и прекрасные тарганны, расходитесь по своим покоям, — велел герцог.

— Герцогиня вознеслась? — робко спросила его вчерашняя любовница.

— Я не святоша, откуда мне знать? — нервно ответил правитель Таргара и направился вниз по лестнице.

Вскоре появились и послы из Адоха.

— Где его сиятельство? — спросил отец Бениго.

— Отец Бениго! — послышался голос герцога с лестницы. — Вы-то мне и нужны. — Найяр взбежал обратно наверх. — Что это, к бесам, было? — вопросил он, подступая к посланнику Владыки.

— Вот и мне интересно, — отец Бениго сузил глаза и пристально взглянул на Таргарского господина.

— Вы меня спрашиваете? — возмутился тот. — Это светопреставление по вашей части!

— Ваше сиятельство, — зашипел посланник, подступая вплотную к герцогу. — Что вы устроили?

— Я?! — воскликнул тот. — Вы на, что намекаете, отец Бениго?

В этот момент появился взволнованный отец Энлер. Он поклонился посланнику Владыки, затем герцогу Таргарскому.

— Народ бурлит, дворец в осаде верующих, они ждут благую весть о чуде вознесения, — сказал он, глядя то на посланника Адоха, то на Найяра.

— Проклятье! — пророкотал герцог. — Бесы знает что!

— Ваше сиятельство! — в один голос воскликнули оба священника.

— Прошу прощения отцы, я весь на нервах, — отмахнулся Найяр. — Так объяснит мне кто-нибудь, что это было?

— А вы не знаете? — ядовито спросил отец Бениго.

— Да, к бесам вас, отче! Я не святоша, чтобы разбираться на вашей кухне. Я вам расскажу двадцать способов, как убивать долго и мучительно. Это то, что знает воин, а ваше дело мне объяснить, что за дребедень произошла в моем герцогстве.

— Не прекратите богохульствовать, отстоите три ночи на коленях в молитвах, — пригрозил Найяру посланник Владыки. — Идемте в склеп, — велел он, зло глядя на правящего проходимца.

Он прекрасно понимал, что никакое это не вознесение, уж больно удобно для Таргарского Дракона оно произошло. Но не мог открыто обвинить герцога, не имея доказательств. Мужчины, сопровождаемые пятью Первосвященниками и таргарскими священниками с помощниками, спустились в склеп, прошествовали к месту упокоения Аниретты Таргарской и остановились, глядя на гроб, закрытый гроб.

mir-knigi.org

— Откройте, — велел отец Бениго, и Найяр спешно отошел подальше. — Куда вы, ваше сиятельство?

— Знаете ли, меня не впечатляет перспектива подхватить оспу от покойницы, — ответил герцог, прикрывая нос платочком.

Прислуга некоторое время возилась, открывая, казалось, намертво закрытый гроб. И когда крышку сняли, там никого не оказалось.

— Что за, бесы вас задери, ерунда?! Где моя жена?!! — вознегодовал его сиятельство, подходя все-таки к пустому гробу. Он обернулся к священникам. Отец Энлер молился, отец Бениго хмурил брови. Затем Найяр нашел взглядом смотрителя за склепом и рявкнул. — Ко мне, живо!

Мужчина, смертельно побледневший, приблизился на дрожащих ногах к своему господину.

— Ваш… ваш…ство… Ваше сиятельс… тво, — наконец, выговорил он, падая на колени перед грозным Драконом. — Я не знаю! Не понимаю я!

— Скотина, где тело герцогини?! — заорал на него герцог.

— Сын мой! — воскликнул отец Энлер. — Остановитесь, что вы делаете?

— На дыбу, сукина сына! — бесновался Найяр. — Где, к бесам, герцогиня?

— Вы мне надоели, Найяр Грэим! — в сердцах воскликнул отец Бениго. — Пять ночей в покаянных молитвах!

— Чудо, — прошептал Первосвященник Таргара.

— Отец Энлер! — еще с большим негодованием вскричал посланник Владыки. — Мы с вами понимаем, что здесь нет никакого чуда. Все чудеса пишутся писцами Владыки.

— Что?! — потрясенно вопросил Найяр. — Святая Книга — ложь?!

— К бесам, нет! — зарычал отец Бениго. — Вам послышалось, ваше сиятельство.

— Всем то же самое послышалось, что и мне? — вопросил герцог, оборачиваясь к не менее потрясенным святым отцам.

— В любом случае, это не вознесение, а представление устроенное вами, — палец посланника уперся в грудь герцога.

— Мной?! — глаза его сиятельства гневно сверкнули. — Вы в своем уме? — холодно спросил он. — И про Святую Книгу тоже я произнес кощунственные слова? Слу-ушайте, отец Бениго, а вы осознаете, что только что поставили под сомнение саму власть его святейшество, как и веру? — склонился к более низкорослому священнику, нервно кусавшему губы. — Вы все еще настаиваете на том, что вознесения не было? Мне выйти к моему народу и объявить, что сам посланник Владыки не признает вознесения, что он вслух произнес, как пишется Святая Книга?..

— Проклятье, — рявкнул отец Бениго. — Бесы вас задери, ваше сиятельство, и меня вместе с вами.

mir-knigi.org

— Вместе молиться будем? — полюбопытствовал герцог, выпрямляясь.

Посланник отчетливо скрипнул зубами.

— В этом вопросе вы выкрутились, — прошипел он. — Герцогиня Аниретта была призвана богами и вознеслась, — громко объявил отец Бениго, и герцог с Первосвященником Таргара обменялись быстрыми взглядами.

— Завтра мы отслужим молебен по святой Аниретте, — произнес отец Энлер, возведя глаза к потолку.

— Чудесное вознесение моей дражайшей супруги попадет в Святую Книгу? — спросил Найяр.

— Да! — рыкнул отец Бениго. — Идемте спать. Его сиятельство со святыми деяниями прекрасно справляется сам, — ядовито произнес он. — Он и объявит наше свидетельство вознесения народу.

Послы Владыки удалились вслед, следом за ними ушли священники Таргара. Возле гроба остались только герцог, Первосвященник и смотритель.

— Пошел вон, — гаркнул на него его сиятельство.

— Ваше…

— Жить будешь, — усмехнулся герцог, и мужчина практически бегом покинул склеп.

Найяр обернулся к старинному приятелю, и тот шумно выдохнул. Герцог потрепал Первосвященника по плечу и опустил крышку гроба, брезгливо отряхнув руки.

— Вот ведьма, все-таки пролезла в святые, — усмехнулся он.

— Ты ее туда отправил, — ответил Энлер.

— Я ее отправил в печь, — отмахнулся герцог.

— Исполнители? — поинтересовался Первосвященник.

— Наемники добивают, сдохнут все, кроме тебя, меня и Когена. Советник мне еще нужен, толковый, — с нескрываемым сожалением произнес его сиятельство. — Но со временем и от него избавлюсь. Юродивых уберут завтра. Пока они еще слишком приметны. Алхимика жаль, полезный был, но ничего не поделаешь, благополучие Таргара…

— К бесам, Най, какой Таргар, ты свой зад спасаешь, — раздраженно ответил Энлер. — Я слишком хорошо тебя знаю. Если бы для твоего благополучия нужно было вырезать Таргар, ты бы вырезал собственными руками.

— Много говоришь, святоша, — недобро усмехнулся герцог.

— Не пугай, — отмахнулся Первосвященник, — я тебе нужен на престоле Владыки. Если твоя Сафи, действительно, жива, и ты ее найдешь, никто, кроме меня твой брак с ней не одобрит. Да и прочую грязь не прикроет. Так что я, пожалуй, единственный, кого ты будешь беречь. — Затем перевел взгляд на гроб. — Глас был потрясающим, красиво завывал.

— Громогласная труба — отличное изобретение, — усмехнулся Найяр, сверля приятеля

пристальным взглядом. — А мои наемники замечательные звонари. Будет, чем заняться, когда одряхлеют.

— И не смотри на меня так, никого более подходящего ты не воспитаешь, и ты это знаешь лучше меня. — Энлер вздохнул и направился к выходу из склепа. — Сыграют еще бесы на наших с тобой костях, твое сиятельство, ох, сыграют. Идем, нужно народу объявить о "чуде", — усмехнулся он.

Найяр проводил Первосвященника тяжелым взглядом. Не любил он, когда его загоняли в угол, даже таким образом, обещая дальнейшую преданность. В одном Энлер был прав, он был единственным, кто устраивал герцога на Небесном Престоле, и это крайне раздражало. Передернув плечами и помянув Черного бога, герцог Таргарский покинул склеп, ему предстоял еще один акт пьесы под названием "Вознесение дражайшей вороны". Об одном он жалел сейчас, что его сокровище не может разделить с ним нынешний триумф, да и завтрашний, потому что и от второго обвинения он был защищен.

Через несколько дней Таргар вздрогнет от массовых казней изменников. Уже точили топоры палачи, смазывали салом веревки, и камеры ждали момента, когда арестанты покинут свое последнее убежище. Если Адох хочет официальных казней, он их получит. Но, в связи с открытым обвинением, шлейфом тянулись и указы о лишении дворянского звания семей заговорщиков, арест их имущества в пользу герцогской казны и изгнание, кого-то и с территории Таргара. Сожалел ли Найяр, что вся грязь вплывает наружу? Нет. Жаловались? Искали защиты? Получите возмездие.

Сильней всех страдали семьи таров и таргов из мелкого дворянского сословия. Наиболее родовитые семьи его сиятельство решил пощадить, лишив их половины имущества, ибо недовольство тех, кто был наиболее приближен к власти, было чревато возможными мятежами. А это было уже лишним. Найяр просматривал ветви рода Грэим, отыскивая возможных претендентов на свой престол. Родственников, уже не особо близких, здравствующими ныне нашлось пятеро. Был еще дядя, но старый хрыч мало подходил на роль зачинщика восстания, и своего племянника он боялся больше, чем желал стать Таргарским герцогом, а из отпрысков дядюшка Грэим сумел народить только пятерых дочерей, потому мог спокойно влачить свою старость. Остальных же ждал печальный конец. Его сиятельство не желал сохранять за спиной возможный клинок, предвидя растущее недовольство, которое обязательно найдет отклик у бритов, в Адохе и еще нескольких государствах. Потому тех, кто был способен возглавить переворот или же стать его знаменем, герцог уже приговорил. Таргар ожидали смутные времена, и отец Энлер был прав, обезопасить свою шкуру от повреждений для Найяра было важно. Впрочем, Первосвященник ошибся в другом, за Таргар его правитель готов был порвать глотку любому, потому что власть он все-таки любил и ему нравилось править. Он даже получал удовольствие от таких вот визитов и возможности утереть нос зарвавшимся скотам, решившим, что смеют ему указывать. Для полного счастья не хватало лишь малости — Сафи.

Когда герцог вышел к народу, гвалт, царивший за воротами стих. Отец Энлер поднял руку.

— На колени! — зычно выкрикнул он, и людское море поспешило выполнить указание главного духовного отца Таргара. — Возрадуйся, народ Таргара! Возликуйте человеческие сердца! Нынче боги одарили нас чудом. Герцогиня Аниретта Таргарская была призвана в божье царствие и будет услаждать чистотой своей самих богов! Гроб пуст! — дружное "ах" прокатилось над головами восторженных таргарцев, радовавшихся больше даже на за покойную, а за то, что именно Таргар был удостоен божественного внимания. — Пречистая Аниретта будет молиться за нас и наши души! С утренней службы и до вечерни в каждом храме буду служить по ней молебны.

Энлер замолчал, уступая место его сиятельству. Найяр некоторое время сохранял торжественное молчание, обозревая свой народ, народ с трепетом взирал на своего прекрасного и строгого господина. Его портреты висели во многих домах, он был сердечной болезнью многих тарганн и тарин, и когда его неизменно огромный черный жеребец нес своего всадника по улицам столицы и других городов, не одно женское сердечко замирало от восхищения. И герцог все это прекрасно знал и умел пользоваться, когда ему было необходимо народное обожание. Вот и сейчас Найяр позволил насладиться зрелищем его развивающихся волос, гордой посадкой головы, статью и красивым лицом. Наконец, дождавшись наивысшего накала, когда в толпе раздался стон какой-то особо впечатлительной особы, герцог распростер объятья, словно хотел принять в них всех, кто сейчас с немым обожанием взирал на него:

— Дети мои, — с чувством заговорил он, — свершилось чудо, — голос его сорвался, но мгновение, и его сиятельство вновь готов разговаривать со своими подданными. — Боги оказали честь не только моей покойной супруге, не только мне ее скорбящему мужу, — и в эту минуту подданные забыли о том, что герцог все три года своего брака сожительствовал с другой женщиной, — но и вам, дети мои! Боги признали Таргар достойным своего чуда, вас достойными чуда, дети мои! — и вновь дружное "ах" летит под стенами герцогского дворца. — И нам даже не надо ждать посланников от Владыки, они уже здесь и засвидетельствовали вознесение. У Таргара появилась своя святая и заступница! Возликуем, дети мои!!!

Дружный рев сотряс столицу, но одно движение герцогской руки, и вновь тишина сковывает пространство.

— Во имя Пречистой Аниретты Таргарской я объявляю неделю празднеств! — теперь рев ликования было уже не остановить. Найяр шагнул в тень, посмотрел на отца Энлера. — Ну, что, отче, мы опять на пике.

— Ты на пике, Най, — усмехнулся Первосвященник. — Я выполнил свою работу, теперь жду корону Владыки.

— Думаю, меньше, чем через месяц, мы сможем оплакать за кубком доброго вина его будущее покойное святейшество, — оглядевшись, тихо произнес Найяр. — Колесо запущено.

— Да не оставит тебя своей милостью Черный бог, — криво ухмыльнулся Энлер, привычно возложил ладонь на чело герцога, благословляя, и покинул дворец.

— Пожалуй, мне уже давно пора поставить ему алтарь, — хохотнул сам с собой герцог и поспешил в покои своей возлюбленной, чтобы лечь спать. — Боюсь, терпения даже пяти богов не хватит на все, что я задумал. А за возможность вернуть ее, я бы продал душу прямо сейчас. — Прошептал правитель Таргара.

Дворец еще не спал, но Найяр, не обращая внимания на несколько тарганн, попавшихся ему навстречу и смотревших на своего господина с явным ожиданием, прошел быстро, глядя себе под ноги. Грядущий день не обещал быть легким. После устроенного им балагана, посольство из Адоха будет цепляться ко всему. Успокаивало одно, его тайный посланник уже спешил к Небесному Престолу, чтобы выполнить свою смертельную миссию. И у Таргарского Дракона было в запасе не так много времени, чтобы подстроить победу на выборах именно своему Первосвященнику. Но Найяр никогда не страшился трудностей, и сейчас спешно собирались сведения обо всех, кто будет принимать столь важное и нужное ему решение. Шантаж и подкуп — вот, чем собирался вскоре заняться его сиятельство.

— И будет мне счастье, — усмехнулся Найяр, с наслаждением проваливаясь в мягкую перину,

как только Матьен закрыл за собой двери.

Габи во дворце за эти месяцы так и не появилась. Военор, сообщив, что девушка вышла замуж и покинула столицу вместе с супругом, исчез на продолжение своей финансовой проверки, пока его сиятельство был вымотан ежедневными допросами. Сестра казначея подтвердила, что у девушки случился скоротечный роман с их конюхом, они сыграли свадьбу, уволились и исчезли в неизвестном направлении. Герцог был взбешен, но насущные дела отвлекли его от такой мелочи, как пропавшая служанка. Впрочем, закончив все дела, он еще собирался заняться выяснением этой мутной истории, но приходилось ждать, когда вернется главный казначей, а пока его сиятельству было, чем заняться.

— Найяр, любимый.

Голос был странно знакомым, но так не хотелось выдергивать себя из пелены сна, что герцог Таргарский, неучтиво послав нарушительницу его покоя, попытался снова уснуть.

— Най…

Неожиданно стало холодно, в нос ударил запах тлена, и герцог резко проснулся. Он распахнул глаза и некоторое время смотрел в потолок. Тело покрылось холодным потом, язык прилип к гортани, но пошевелиться или позвать Матьена, Найяр не смог, скованный ужасом. Кровать скрипнула, и, перекинув ногу через его бедро, сверху воцарилась его покойная супруга.

— Ты мне снишься, — хрипло выдавил его сиятельство.

— Ну, что ты, мой возлюбленный супруг, я же теперь святая, — хохотнула покойница, растягивая в улыбке-оскале почерневшие от яда губы. — Вознеслась, теперь спустилась сказать спасибо.

— Уйди, — беззвучно выдохнул Найяр, и ему на грудь легли ледяные руки.

— Я соскучилась, — смрад окутал его тяжелым облаком, когда тусклые мертвые глаза оказались неожиданно близко.

Покойница подвигала бедрами на мужском естестве, сжавшемся от холода, исходившего от мертвой супруги.

— Ты меня не хочешь? — бескровный язык скользнул по черным губам. — Разве это, — она попрыгала на бедрах супруга, — может не хотеть?

— Убирайся прочь! — с неожиданной силой заревел Найяр, скидывая с себя "Пречистую Аниретту", и вскочил с кровати.

Покойница растянулась в полный рост на ложе и игриво поглаживала собственную грудь.

— Мертвая сука, — рыкнул герцог и выбежал из покоев под удивленными взглядами наемников, охранявших его покой.

Уже в коридоре он опомнился, попробовал взять себя в руки, и вернулся назад. Аниретта сидела на краю ложа, болтая ногами. Она подняла на мужчину мертвый взгляд, осклабилась и произнесла неожиданно рычащим страшным голосом:

— Съем!

Герцог стремглав покинул покои, а в спину ему несся заливистый хохот второго покойника.

— Она счастлива без тебя, Най, потерял! — летел в спину бестелесный голос.

— Заткнись, Тиган! — выкрикнул Найяр, пробегая мимо одного из дворцовых слуг.

— Меньше года, герцог, меньше года!

— Убирайся, ублюдок!

Мужчина посмотрел вслед своему господину, почесал лоб и закрыл рукой рот:

— Тронулся, — потрясенно прошептал он. — О, боги, — и поспешил поделиться новостью со своим приятелем.

Герцог, промчавшись по коридорам дворца, ворвался в первые попавшиеся двери на женской половине, схватил за руку обомлевшую бывшую фрейлину и дернул на себя, практически втискивая ее в свое тело. Почувствовал живое тепло, прислушался к биению сердца и начал постепенно расслабляться.

— Вина, вели подать вина, — потребовал он.

Женщина крикнула свою служанку, и та умчалась выполнять повеление хозяйки. Герцог, тем временем, жадно целовал тарганну, находя в этом занятии лишнее подтверждение, что рядом живой человек. Когда вино было доставлено, он быстро опустошил бутылку, взял женщину за руку и утащил на ложе, тут же овладев ею. Он двигался остервенело, словно пытался резкими толчками выбить из себя воспоминание о том ужасе, что только что испытал. После упал на подушки, прижал к себе сегодняшнюю любовницу и, наконец, уснул. Так он теперь проводил каждую ночь, опасаясь возвращения призраков, менялись только живые грелки. А по дворцу ползли слухи, что проклятье Руэри Тигана, брошенное на эшафоте, начало сбываться…

Глава 7

Ледигьорд. Территории племени Белой Рыси.

Птицы оглушали щебетом, деревья радовали глаз распускающейся листвой, снег, еще недавно покрывавший землю, оставил о себе память лишь в виде редких грязных островков. Я стояла, подставив лицо солнышку, и блаженно улыбалась, поглаживая выпирающий, округлившийся живот. Подкрадывающиеся шаги Рыся я услышала, но вида не подала.

— Р-р-р, — порычали мне в ухо, оплетая со спины руками.

— Р-р-рысик, — ответила я, откидывая голову ему на плечо.

Моей макушки коснулись любимые губы.

— Не рано разделась? — строго спросил муж, крепче прижимая меня к себе.

— Тепло, — ответила я, не открывая глаз. — Хорошо.

Ладонь Флэя любовно погладила мой живот.

— В засаде? — спросил он.

— Как истинное дитя Великой Матери, — засмеялась я.

— Вредный, как ты, — фыркнул Рысь, целуя меня в шею.

Это противостояние отца и дитя продолжалось с момента, как малыш начал шевелиться. Конечно, первой об этом узнала я, о чем поспешила сообщить мужу, как только он вернулся домой с охоты. Счастливый отец надолго прижал руку к моему животу, настойчиво уговаривая малыша поздороваться. Я уже устала сидеть, ожидая чуда, а Флэйри, сын Годэла, замерев, ждал, но никто на его призыв откликнуться не спешил. И когда ворчащий отец присел, прижимаясь к моему животу щекой, малыш, как положено сыну… или дочери Белой Рыси, напал из засады, врезав родителю в ухо. Тогда еще слабо, но со временем удары стали более ощутимыми. Со мной дитя общалось резво. Я махала рукой мужу в такие моменты, он осторожно подкрадывался, клал руку на живот, и младший Рысь затихал. Сердитый рысик прикладывал ухо, выговаривая:

— Совести у тебя нет. Ни стыда, ни совести. Слышишь меня? Эй, ты, там… Ох, ты ж! — восклицал он, держась за ухо и пряча улыбку. — Ничего, ты оттуда еще вылезешь, вот тогда и поговорим. — И к какому бы месту на моем животе Флэй не прижимал свое ухо, удар всегда следовал точно в цель.

Я смеялась, глядя на мужа, и не знаю, в который раз думая, что этот мужчина мне послан богами, Пращурами и Великой Матерью. Уж не знаю, что я сделала такого, чтобы заслужить его.

— И все же оденься, — строго велел Флэй и потащил меня в сторону нашего уютного домика.

— Флэй, — он с улыбкой посмотрел на меня. — Ты дерево, люби-имое.

— Эх, ты, тарганночка, — усмехнулся он, прижал к себе крепче и нежно коснулся моих губ. — Люби-имая.

Как мы пережили зиму? Легко пережили, тепло и уютно. Братья помогли нам подготовиться к холодам, они же натаскали сушеных грибов и ягод. Периодически притаскивали соления, травы, молоко, сметану и сыр, который я очень хотела научиться делать. Бэйри притащил два мешка муки, Дэйри яйца и несколько тушек убитых куриц, которых я сама ощипала, выпотрошила и убрала в холодное место. А Флэй исправно таскал из леса дичь. В общем, не голодали. Теплыми вещами нам так же помогли разжиться. Рысь изредка, но уходил в поселение, откуда приносил мне льняную ткань и нити с иголками, по моей просьбе. Шить я не умела, но очень старалась, и моя первая рубашка, которую я с трепетом вручила мужу, вызвала его веселый хохот, потому что оказалась кособокой, зато с вышивкой, это я умела. Но, не смотря на кривой покрой, Флэй ее одевал и нахваливал, пока я сама не спрятала эту рубаху, видя, что ему неудобно, но он упорно не желал с ней расставаться. На вопросы о рубахе, я предъявила лоскуты, и мне принесли новую ткань. В результате, сошлись на том, что в нашем доме появились новые рубахи, шитые не мной, а я их вышивала. Рысик полюбовался на результат моих трудов и сказал:

— Ничего красивей и изысканней не видел.

— Льстец, — отмахнулась я.

— Что вижу, то и говорю, — возразил Флэй.

А из ткани я сшила две новые подушки, это было сделать проще и, вспомнив, как это делала

моя нянька, сшила пару кукол, которые набила соломой, вышила им лица и гордо положила на полку, ожидая момента, когда смогу вручить их малышу. Удручало другое, очень хотелось подготовить вещи для младенца, но не знала, как это сделать. Выручил опять Бэйри, он принес старую одежду своих детей. Я долго крутила ее в руках, стараясь понять, что и как, потом помолилась, вздохнула и что-то сотворила. Трое братьев серьезно посмотрели, покивали с деловым видом, и мне сказали, что, когда придет время, у дитя все будет. Я обиделась и несколько дней не разговаривала даже с Рысем. А когда он пытался подлизаться, безутешно плакала, обвиняя его во всех грехах мира. Флэй выносил мои истерики стоически, даже не иронизировал… пока, как я подозреваю. Взорвался пока только один раз. Правда, ничего мне сказал, а покинул дом в молчаливом негодовании. Мне стало стыдно, и когда он вернулся, я со слезами просила прощения. Муж вздохнул, обозвал меня глупенькой тарганночкой, и я быстренько обиделась снова. И все же улыбок и смеха было больше.

Жаль было только, что Рыси относились ко мне по-прежнему настороженно и не стремились к общению. Наш покой и уединение в лесном домике никто не нарушал, а мать Флэя даже не заглянула ни разу. Не скажу, что меня это сильно расстроило. И, слава Пращурам, не тревожили нас и Медведи. Как и пообещал Грут, его сын к нам не совался. Впрочем, вряд ли Аргат уже вернул себе прежнюю силу. Хотелось верить, что исцелить его смогли, но пусть он все-таки держится поодаль.

Мы уже дошли до дома, когда позади нас послышались шаги. Флэй обернулся, я следом за ним. Это был Бэйри. Он махнул рукой и обернулся куда-то себе за спину.

— Хей, — я широко улыбнулась.

— Хей, — дружелюбно улыбнулся в ответ брат моего рысика.

Я пригляделась к тому, на что смотрит Бэйри. Из-за дерева на меня смотрела детская мордашка с большими карими глазками, немного испуганными, но любопытными до крайности. Заметив, что я смотрю, мордашка спряталась. Хмыкнув, я первая зашла в дом, огляделась и взяла одну из кукол. Участвовать в мужском разговоре не хотелось, интересней было познакомиться с обладателем больших любопытных глазенок.

— Кто за тобой увязался? — спросил Флэй, тоже заметивший "рысенка".

— Шоли, — усмехнулся его брат. — Это не рысь, это лиса какая-то. Но подходить боится.

Шоли — младшая из трех дочерей Бэйри. Я ее раньше никогда не видела, но Флэй много рассказывал о детях своих братьев и сестры. У Бэйри было два сына, младший еще лежал в люльке, и три дочери. У Дэйри три сына, а у их сестры дочь и два сына. Теперь и мы готовились пополнить ряды молодой поросли рода Годэла.

— Оденься теплей, — велел рысик, заметив мое нетерпение и куклу в руках. Тут же тепло улыбнулся. — Будешь звать, не подойдет.

— Разберемся, — подмигнула я и выскользнула из домика.

— Даиль!

— Мне не холодно, рысик, — отмахнулся я уже в закрывающуюся дверь.

— Отшлепаю, — успела услышать я и негромко засмеялась.

Шоли стояла рядом со своим деревом, но, увидев меня, снова юркнула за ствол. Я сделала вид, что не заметила ее, уселась на лавку, которую сделал Флэй, и начала расправлять платьица на кукле, расплела косу из нитей волос и снова начала ее заплетать. Из-за дерева показалась щечка и глаз. Глаз внимательно следил за тем, что я делаю. Потом появился курносый нос и второй глаз.

— Эх, жаль мне некому подарить такого замечательного человечка, — громко сокрушалась я. Слово — кукла у прибрежных жителей Ледигьорда отсутствовало. — Вот была бы у меня знакомая девочка, я бы ей подарила. А девочки нет, придется самой играть. А одной играть скучно.

Половина Шоли вылезла из-за дерева, и она, приоткрыв рот, зачаровано следила за тряпичным человечком. Я снова расплела волосы-нити и разделила на две пряди, сама увлекаясь этой игрой. Пальцы споро вспоминали прически Таргара. И вскоре я уже с настоящим увлечением, закусив кончик языка, возилась со своей игрушкой.

Из-за дерева вышла вся Шоли, но стоило мне поднять голову, как от нее осталась только голова. Пряча улыбку, я подняла куклу с новой прической на вытянутых руках.

— Ах, какой человечек, ах, какая красота, — восхищалась я. — Вот ручки, вот ножки. И глазки есть, и ротик, даже ресницы, а подарить некому. Вот была бы у меня знакомая девочка, я бы ей сразу отдала человечка.

Некоторое время царила тишина, а потом Шоли все-таки явила мне себя. Она постояла у дерева с независимым видом, затем сделала шаг, еще шаг и остановилась, как только я подняла голову, замерев и настороженно следя за мной. Я вернулась к кукле. Ножки в мягких сапожках подошли ближе, постояли и сделали еще несколько осторожных шажков. Я подняла голову и улыбнулась:

— Хей.

Шоли дернулась, готовая бежать к своему дереву.

— А Флэйри говорил, что Рыси самые смелые, — произнесла я. — Он говорил, что дети Великой Матери никого не бояться. — И вздохнул. — Обманул, выходит.

Девочка вздернула носик.

— Хей, — ответил она и подошла ко мне. — Рыси самые смелые и сильные.

— Теперь верю, — я с улыбкой смотрела на нее, и Шоли, наконец, улыбнулась в ответ, но сразу напустила на себя суровый вид.

— А ты не Рысь, — не без вызова сказала она.

— Как же не Рысь? — я округлила глаза. — Великая Мать приняла меня. Я была в ее огне.

— Папа тоже так говорит, — важно кивнула Шоли.

— А здесь живет самый настоящий Рысенок, — я указала на свой живот.

— Знаю, — кивнула девочка. — Мама с таким ходила, а потом родился мой брат. У меня такая есть.

Она указала на куклу, и я протянула ей. Шоли недоверчиво рассматривала мое произведение, затем взяла и с интересом повертела в руках.

— Красивая, — с уважением произнесла она. — У меня тоже красивая, но у нее нет волос.

— Бери. Эта кукла твоя, — щедро сообщила я.

— Ку-ула? — переспросила Шоли.

— Кук-ла, — повторила я.

— Кук-ла, — старательно повторила маленькая Рысь. — Слово пришлых?

— Слово земли, откуда я приехала, — ответила я. — Кукла.

— Кукла, — Шоли деловито села рядом. — Зачем ты играешь с ней? Взрослые не играют.

— А я играю, — засмеялась я. — Я много игр знаю. Хочешь, могу тебя научить. Меня зовут Даиль.

— А я знаю, — она обнажила в широкой улыбке отсутствие передних зубов. — А я Шоли.

— А я знаю, — в тон ей ответила я. — Будешь со мной дружить? Мне очень нужны друзья.

— Ладно, — ворчливо ответила девочка, — буду.

Следующие полчаса мы с увлечением делали Кукле прически, тряпичное создание получило от новой хозяйки именно это имя. Шоли заинтересовано следила за моими пальцами и решила в следующий раз принести с собой свои ленты, чтобы я и ей сделала красивые волосы, как она выразилась. Я ненавязчиво спрашивала девочку о ней, о ее друзьях и их играх.

Так я узнала, что Шоли шесть весен, что ее подругу зовут Инир, и она жуткая задавака. Еще узнала, что передний зуб выпал три дня назад, и его унесла мышка, поменяв на новый, который должен скоро вырасти.

— Еще лучше старого, так мама говорит, — со знанием дела просветила меня Шоли.

— Мама знает, что говорит, — важно кивнула я. — А ты умеешь рисовать?

— Умею, — кивнула маленькая Рысь.

— Покажешь?

Мы нашли чистое от травы место, палочки, и Шоли нарисовала мне солнце — кружок, смешных человечков и домик, сообщив, что это мы с ней. Затем указала мне.

— Теперь ты.

Когда мужчины вышли из дома, мы уже изрисовали всю землю, что была нам доступна. Стирали старые рисунки и делали новые.

— Даиль!

— Ой, — пискнула я, спешно поднимаясь с коленей. Сделала большие глаза и шепнула

mir-knigi.org

Шоли. — Сейчас этот большой и злой Рысь меня съест. Спасай.

Девочка рассмеялась.

— Дядя Флэй добрый.

— Ты видишь, как он смотрит на меня? — возмутилась я. — Точно съест.

— Не-е, может, только укусит, — веселилась маленькая Рысь. — Дядя Флэй, не кусай Даиль!

— Да, — поддакнула я, прячась за спину ребенка.

— Нашла защитницу, значит, — сурово ответил рысик. — Обеих покусаю.

И в два прыжка оказался рядом, подхватывая одной рукой племянницу, второй удерживая меня за плечи.

— Попались? — зловеще спросил он.

Шоли завизжала, когда Рысь подтянул ее кверху и, издав жуткое:

— А-ам, — звонко поцеловал в щеку.

Девочка заливисто рассмеялась, и это была лучшая музыка, что я слышала за несколько месяцев. Стало немного грустно, вспомнились мои дети из приюта. Следом пришла тревога, уже привычная. Она всегда посещала меня, когда я думала о приюте. Не нашел ли их герцог? Живы ли, здоровы, всего ли им хватает? Не мерзли ли зиму? Как о них заботятся? Вздох вырвался сам собой. Флэй тут же обернулся ко мне.

— О детях подумала? — догадался он. — С ними все хорошо, я уверен.

— Какие дети? — живо заинтересовалась Шоли.

— На другом берегу моря у меня было много детей, — ответила я, глядя на девочку.

— У тебя там много детей? — удивилась она, и Бэйри подошел к нам ближе, слушая с любопытством.

— Даиль построила дом для детей, у которых не было родителей и помогала им, — пояснил Флэй. — Там были такие маленькие дети, как ты и большие, как Остар, — так звали старшего брата Шоли. — Даиль о них заботилась и любила, а они любили Даиль.

— А почему ты их бросила? — серьезно спросила малышка, и мне расхотелось улыбаться.

— Даиль их не бросила. Злой зверь шел по следу моей голубки, — снова ответил за меня рысик. — Я забрал у него Даиль, чтобы он не причинил ей зла. А детей мы спрятали в очень большом и красивом доме. Им так хорошо.

— А зверь очень злой? — снова спросила Шоли.

— Очень. Злой, хитрый и умный. Он съел много людей, — серьезно кивнул Флэй.

— А он может прийти сюда? — настороженно спросила девочка.

mir-knigi.org

— Здесь же мы, дети Белой Рыси, дочь, — засмеялся Бэйри. — Мы этих зверей зубами и когтями порвем.

— Да, Рыси защитят Даиль, — подумав, согласилась Шоли. — Правильно, что ты привез ее к нам. Даиль веселая.

Так у меня появился новый друг. Уходила Шоли, крепко сжимая в руках Куклу и перечисляя все, чем мы с ней обязательно займемся в другой раз. Флэй положил мне руку на талию, которую он находил безошибочно, а я уже некоторое время никак не могла обнаружить, прижал к себе, и мы махали вслед маленькой Рыси. Девочка беспрестанно оборачивалась, все время что-то вспоминая и крича это мне.

— Даиль, красивые волосы, не забудь!

— Я помни, Шоли.

— А я тряпочек принесу, мы Кукле что-нибудь сошьем!

— Хорошо, Шоли.

— А давай ей мужа сделаем!

— Обязательно, Шоли.

— И детей!

— Без детей никак.

— А я тебе своего щенка покажу!

— Я с радостью с ним познакомлюсь.

— Дядя, не обижай Даиль!

— Ни за что, Шоли.

— И не кусай!

— Я только кусочек.

— Поссоримся!

— Тогда не буду.

— Обещаешь?

— Честное-причестное слово.

— Смотри мне!

Она погрозила рысику кулаком, и Бэйри подхватил на руки дочь, исчезая с ней за деревьями. Я вздохнула и положила голову Рысю на плечо. Муж поцеловал мои волосы и развернул лицом к себе. Некоторое время рассматривал меня, я шмыгнула носом, и Флэй рассмеялся.

— Чучело, — обозвал он меня, щелкнул по носу и потащил к дому. — Ты не лучше Шоли,

mir-knigi.org

чумазая вся. И где та благородная тарганна?

— Сгорела в рыбацком сарае на берегу Таргара, — ответила, немного грустно улыбнувшись.

Флэй чуть сильней прижал меня к себе.

— Зато на берегу Свободных Земель родилась Даиль, свободная дочь Белой Рыси, — тихо сказал он.

— Да уж, свободная. Не успела родиться, как стала женой Флэйри, — проворчала я.

— Ты еще и не довольна? — делано возмутился рысик.

Я сжала его щеки ладонями, встала на носочки, поцеловала в губы и засмеялась, любуясь на следы от испачканных землей рук, мы ползали с Шоли на четвереньках:

— Ты не рысик, ты чумазик, — заявила я, нацелив на него палец, и сбежала в дом.

— Даиль! — несся мне вслед возмущенный голос Флэя.

Боги, можно ли быть еще счастливей?!

* * *

В следующий раз Бэйри пришел один. Я очень обрадовалась, увидев его, заглянула ему за спину, потом вышла на улицу и растерянно посмотрела на мужчину. Он немного виновато улыбнулся.

— Шоли не смогла прийти, — сказал Бэйри, отводя глаза.

Я кивнула и вернулась в дом, где уже стояла корзинка с кусками ткани, нитями и иголками. Мое разочарование было велико, да просто безгранично. Девочку не пустили ко мне, это было понятно и без объяснений. Флэй взглянул на брата и нахмурился.

— Сэдара? — спросил он. Его брат не ответил. — Бесы их задери, — выругался Рысь на языке Таргара. И снова перешел на язык Ледигьорда. — Мне казалось, с нашим соседством уже смирились.

— Я еще долго буду для них пришлой, — горько усмехнулась я. — Меня приняла Великая Мать, но не ее дети. Чужая дома, чужая в гостях.

Слезы сами собой навернулись на глаза. Флэй обнял меня, погладил по волосам, поцеловал в висок и посмотрел на брата. Тот сел рядом, взял меня за руку и несильно сжал. Он собрался что-то сказать, но тут распахнулась дверь, и в дверном проеме показалась раскрасневшаяся мордашка Шоли. Она утерла нос рукавом, шумно выдохнула и вошла внутрь. Взгляд карих глаз остановился на нас.

— Дядя! — возмутилась девочка. — Даиль плачет! Ты же обещал.

Она сердито сдвинула брови, протянула мне ручку и отвела в сторону, не забыв погрозить кулачком ни в чем неповинному Рысю.

— А я думала, что ты не придешь, — улыбнулась я.

mir-knigi.org

— Рыси друзей не бросают, — гордо ответила она.

— Хей, Шоли, — опомнилась я.

— Хей, Даиль, — кивнула девочка. — Только у меня лент нет.

— Ничего, — отмахнулась я. — Мы найдем, чем их заменить.

Я смотрела на эту маленькую девочку с благодарностью.

— А мне Инир обзавидовалась, — похвасталась Шоли. — Кукла всем понравилась. Только мама ее к шаману носила, он сказал, что играть можно. А еще Инир тоже хочет с нами играть, и Лаиль тоже. Но я их с собой не возьму, пусть завидуют.

Все это она говорила, деловито устраиваясь на маленькой скамеечке и распуская волосы. Красивые волосы Шоли хотела иметь в первую очередь. День пролетел так быстро, Бэйри задержался у нас до самого вечера. Пока я возилась с Шоли, Флэй нашел им занятие, и стук топора, громкие голоса и взрывы мужского хохота периодически доносились до нас с моей гостьей.

Когда я высунула из домика нос, терзаемая любопытством, меня тут же загнали назад, велев заниматься своими женскими штуками и не вылезать, пока не позовут.

— Мужчи-ины, — со знанием дела произнесла Шоли. — Ну их, давай шить дальше.

Я признала ее правоту, и мы продолжили шить семейство для Куклы. Если честно, я опасалась, что мой подарок у нее отберут совсем. Спасибо, что хотя бы только шаманом ограничились. Я усмехнулась. Злых духов изгоняли что ли? Мне было хорошо вдвоем с Рысем, но все-таки очень хотелось, чтобы в мою сторону не смотрели волком. Флэй, после истории с Аргатом, хотел брать меня с собой в поселение, я сама отказалась. Из-за этого он несколько раз откладывал свои визиты к Рысям, но мне все же удалось уговорить его сходить.

Торговля здесь шла в виде натурального обмена. У нас с рысиком были шкуры и мясо лесных животных. На это он и выменивал ножи, наконечники для стрел, ткани, нити. Как-то я заметила на его лице тень недовольства.

— Ты хмуришься, — сказала я. — В чем причина?

Он постарался перевести все в шутку, но я не отстала от него, пока Флэй не признался, что ему стыдно передо мной.

— За что?! — изумилась я.

— За все, — ответил рысик. — И за скудное хозяйство, и за то, что приходится пользоваться чужой помощью, чтобы у тебя было хотя бы насущное.

— Рысь, ты глупый мужчина, — расхохоталась я. — У меня было все: земли, золото, драгоценности, слуги — но я была несчастна. Сейчас у меня ничего этого нет, я научилась готовить, стирать, убирать маленький домик, но я счастлива. Угадай, почему? Потому что у меня есть главное — ты. Зачем мне богатые кладовые Аргата? Зачем его золото и закрома? Кстати, от одного ожерелья я бы не отказалась, но зачем мне оно, если рядом не будет тебя? А добро… Сегодня нет, завтра есть.

— Все будет, — уверенно кивнул мой мужчина. — У тебя будет все, чего ты заслуживаешь.

— Я тебя заслуживаю, рысик! Ты у меня уже есть, — воскликнула я со смехом.

— Я у тебя буду всегда, — посветлел челом муж.

— Смотри, ты поклялся, — я строго погрозила ему пальцем.

— Даиль…

— Сам ты дерево! — возмутилась я, не дослушав, и получила умопомрачительный поцелуй.

Но из дома мы с Шоли все-таки вышли раньше, чем нам позволили это сделать. Нам не хватило соломы, и нужно было пополнить запасы сухой травы в маленьком сарайчике, который в нашем с Рысем хозяйстве имелся. Я постаралась не смотреть туда, откуда звучал стук топора, но не удержалась и покосилась. Так и застыла, разглядывая собственного мужа, словно видела его впервые.

Мужчины разделись по пояс, их тела поблескивали от пота, бугры мышц перекатывались под смугловатой кожей. И если Бэйри я оценила с эстетической стороны, то Флэй заставил мое сердечко дрогнуть, а низ живота наполниться теплом. Так захотелось подойти, прижаться к нему и вдохнуть его запах… и не только, захотелось гораздо больше.

— Даиль, — позвала меня Шоли.

— Что? — внезапно севшим голосом отозвалась я.

Флэйри услышал нас и обернулся. Мгновение смотрел на меня, а после насмешливо подмигнул и покрутился, давая мне оценить его со всех сторон. Я задрала нос и ушла в сопровождении моей помощницы творить прекрасное дальше. Его веселый смех несся нам вслед, и я вдруг поняла, что за телом Рыся я так и не увидела, что они там делают.

— Хороший навес будет, — сообщила Шоли, которая, в отличии от меня, все успела рассмотреть.

— Навес? — оживилась я.

Навес я давно хотела, и рысик мне обещал сделать, когда потеплеет. Радостно улыбнувшись, я уже представила, сколько всего полезного под ним можно будет делать. Теперь было ясно, почему меня загнали в дом, там готовился мне подарок. Ну и не буду больше выходить. Пусть спокойно доделывают.

Время шло, с улицы продолжали доноситься звуки активной работы, а мы с Шоли решили сделать перерыв.

— Мужчина должен быть сытым, так мама говорит, — деловито сказала маленькая Рысь, подавая мне дрова для розжига очага.

— Правильно говорит, сытый мужчина — сильный мужчина, и добрый, — усмехнулась я. — Кусается меньше.

— Почему ты плакала? — на меня посмотрели проницательные карие глазенки. — Тебя дядя обидел?

— Нет, что ты, — улыбнулась я, вешая над огнем котелок. — Дядя меня никогда не обижает.

— Папа?! — она округлила глаза.

— И не папа, — засмеялась я. — Папа твой тоже хороший.

— Это, да. Папа у меня самый лучший, — гордо сказала Шоли. — Он меня на шее катает и на лошади учит сидеть. А Остар давал из лука пострелять, только я тетиву оттянуть не смогла. Ничего, выросту еще немного и буду стрелять из лука и ездить на лошади. А ты можешь стрелять из лука?

— Нет, — я снова засмеялась. — Я только на лошади умею.

— Рыси все умеют стрелять из лука. А мама даже мечем драться умеет, я видела, — понизив голос, сказала Шоли. — Я научусь и тебя научу.

— Договорились, — кивнула я.

— Только дяде не говори, вот потом он удивится, — и она засмеялась, довольная собственной идеей.

Я закрыла рот на воображаемый ключик, и маленькая Рысь пришла в еще больший восторг. Когда мясная похлебка закипела, лепешки подогрелись, я отправила Шоли за мужчинами. Лепешки печь меня научил Флэй, настоящий хлеб он не умел печь, а меня учить было некому, потому вместо пышного каравая, который мы ели у его матери, на столе всегда были пшеничные пресные лепешки. Иногда мне очень не хватало советов умелой женщины, и в такие моменты я жалела себя. Сейчас я даже жалела, что слушалась няньку и уходила с кухни, когда прибегала туда и с интересом смотрела за нашей кухаркой. Но жалела ли я, что мне, благородной тарганне, приходится возиться со всем этим? Ни минуты, ни мгновения. Как я уже говорила, для любимого мужчины мне хотелось делать все, чтобы ему было хорошо.

Как-то мы разговорились с Флэем о том, что я хочу многому научиться. Он одобрительно покивал и обещал найти ту, кто будет готов поделиться со мной своими секретами. После этого рысик несколько раз ходил в поселение, но так ничего и не сказал, нашел ли кого-нибудь, кто бы мне помог. Так как это был мой муж, то я не сомневалась, что он спрашивал женщин Рысей, скорее всего, свою сестру, может, жен братьев, и раз молчит, значит, ответ был отрицательным. Чтобы его не заставлять переживать за меня, я расстроилась украдкой, когда его не было дома, но больше уже разговор на эту тему не заводила.

Шоли выскочила за дверь, и вскоре до меня донесся ее звонкий, приглушенный стенами, голосок. Я накрыла на стол, села на край лавки и подперла щеку кулаком, мечтательно вздохнув, но тут же подскочила. Проклятье! А воду им умыться не подогрела! Когда мужчины зашли в дом, я уже вовсю лила слезы, горькие, с надрывом, как маленькая. Флэй спешно пересек единственную комнату и обнял меня за плечи, тревожно заглядывая в глаза.

— Голубка?

— Даиль, — Шоли дергала меня за подол, — Даиль, ты чего?

Бэйри с пониманием посмотрел на меня, с сочувствием на брата и не удержался от ироничной ухмылки:

— Уверен, случилось какое-то непоправимое горе, — рысик недовольно посмотрел на него. —

Брат, поверь, я подобное пять раз наблюдал, да и ты уже должен привыкнуть. — Что-то подумалось, Даиль?

— Я воду не согрела, — покаялась я, с ужасом представляя, что Флэй посчитает, что я его позорю перед братом. Даже позаботиться о них нормально не смогла.

Мужчины переглянулись. Взгляд Бэйри выражал "А что я говорил". Рысь поцеловал меня в щеку, развернул и, наградив ласковым шлепком, от которого я перешла от слез к негодованию, взял ковш, узкий кусок чистого полотна и повел брата на улицу, где стояла бочка с водой.

— Я вообще люблю холодной водой умываться, — весело сказал Бэйри.

— Бесчувственные люди, — всхлипнула я.

— Мужчины, — вздохнула Шоли и села рядом со мной, так же подперев щеки кулаками.

А к концу позднего обеда я уже заливалась смехом, слушая рассказы Бэйри и Флэя об их детстве и юности. Старший брат не уступал младшему ни в ироничности, ни в остроумии, ни в пошлости, и моему бедному рысику сейчас доставалось от всей рысьей души Бэйри. О своей недавней печали я уже не вспоминала. Рядом хихикала Шоли, с аппетитом уплетая немного пересушенные пресные лепешки, похрустывая корочкой.

— Дядя, правда, в болоте штаны потерял?

— Нет, не правда, твой папа большой шутник, — усмехнулся дядя, испепеляя брата взглядом.

— Папа-то шутник, а нас в тот день все звери стороной обходили, — хохотнул Бэйри.

— Почему? Дядю без штанов боялись? — заинтересовалась малышка.

— Точно, боялись, что своей дубиной зашибет, — захохотал ее отец.

Я вспыхнула и закрыла ребенку уши ладонями.

— Как не стыдно?! — с негодованием воскликнула я. — При ребенке!

— Даиль, он ногу тогда повредил и нашел здоровенную палку, на которую опирался, — опешил Бэйри. — А ты о чем подумала?

Осмыслив, что мне сказал старший сын Годэла и собственные мысли, я стремительно покраснела, и домик сотрясся от громового мужского хохота.

— Даиль, Даиль, — Шоли подергала меня за рукав, — можно я доем похлебку? Мне так неудобно.

Я спешно убрала руки от детской головки и вскочила из-за стола, спеша скрыть свое пылающее лицо и новую порцию слез, размером с голубиное яйцо.

— Даиль, правда, дубина? — несся мне вслед хохот Бэйри.

— Завидуй молча, — со смехом ответил ему Флэй и поспешил за мной. — Голубка, да стой же ты. — Он отловил меня и прижал к себе.

— Я просто извращенная особа, — воскликнула я. — Да еще и при ребенке! И что я буду за

мать?

— Самая лучшая, — с широкой улыбкой ответил он.

— Шоли…

— Ничего не поняла, — спокойно сказал Рысь.

— Бэйри…

— Пусть теперь по ночам ворочается от зависти.

— Ты животное! — возмутилась я.

— Точно, Рысь, — хохотнул Флэй. — Успокойся, тарганночка, ничего ужасного не произошло. Ты еще не слышала разговоры наших женщин, иногда даже я краснею.

Мы еще некоторое время спорили, пока из дома не вышли Шоли с Бэйри. Я вновь стремительно покраснела, но старший сын Годэла сделал вид, что ничего не замечает. Он вручил меня Шоли и увел Рыся обратно за дом. Они еще какое-то время там возилось, а когда уже стало сумрачно, и Шоли, уставшая за день, задремала на лавке, положив мне голову на колени, пока я дошивала последнее платьице для дочки Куклы. Дверь в домик открылась и в проеме показалась голова Флэя.

— Идем, — гордо сказал он, и я показала ему на малышку. — Какая чудесная картина, — улыбнулся рысик.

Он осторожно взял на руки девочку, Шоли пробурчала что-то непонятно, вздохнула и продолжила спать. Флэй положил ее на нашу кровать, и мы тихонечко вышли из дома. Неужели так когда-нибудь будет и с нашим малышом? Я умиленно вздохнула. Рысик, видно, подумавший о том же, положил мне руку на живот, и его в кои-то веки облагодетельствовали ударом, подумали и врезали еще разок.

— Неужели снизошел, — усмехнулся осчастливленный отец. — Точно небо упадет на землю. — И получил по рукам еще раз, не от меня.

Навес получился шикарный. Большой, подпираемый столбами. Под таким хоть белье суши, хоть стол накрывай, хоть люльку с младенцем ставь. Я благодарно взвизгнула, жарко поцеловала Рыся, кивнула второму и оседлала стоявшую тут лавку.

— Довольна? — с улыбкой спросил Флэй.

— Да, — ответила я.

— Потом мне братья помогут сделать пристройки, будет у нас большой дом, — сказал рысик, усаживаясь рядом. — И баня нормальная с выходом из дома. И загон для животных. За лето с этим разберемся, — пообещал Флэй. Я положила голову ему на плечо. — Все у тебя будет, голубка.

— У меня уже все есть, — ответила я. — А скоро я стану самой богатой, — и погладила живот, где снова зашевелился рысенок.

— А где моя радость? — спросил Бэйри.

— Спит, умаялась, — ответил Флэй.

— Даиль, как ты это сделала? Ее же спать уложить невозможно. Как утром встает, так последняя ложится. Пока не шлепнешь, не успокоится.

— Мы делами были заняты, — я пожала плечами.

Мы проводили Бэйри, который нес на руках так и не проснувшуюся дочь, за его спиной болтался заплечный мешок Флэя с мужем и детьми Куклы.

— Какой хороший день, — сказала я.

— Замечательный, — согласился со мной рысик. — Кстати, голубка, меня сегодня кое-что заинтересовало.

— Что? — я повернулась к нему.

— Твой взгляд, — подмигнул Флэй, подхватил меня на руки и понес к дому. — Посмотришь на меня так еще раз.

— На тебя иначе я и не смотрю, — прошептала я и накрыла его губы своими.

* * *

Просыпаться, когда солнце только показывалось над верхушками деревьев, стало уже привычкой за это время. Рысик еще спал, когда я выскальзывала из-под теплого одеяла и на цыпочках шла к потухшему очагу, разжигая его, вешала котелок с водой над огнем, умывалась, заплетала простую косу, перевивала ее лентой и ждала, когда откроет глаза мой муж. Он всегда просыпался, как только я заканчивала приводить себя в порядок, мы завтракали, и вредный Рысь возвращал меня на ложе, портя тот самый порядок самым возмутительным образом.

Удивительно, но с ним я не боялась близости, как с Найяром. С тех пор, как я поняла, что беременна, страсть перешла в нежность, даря новое удовольствие от нашей близости. Хватило одного раза, когда я испуганно держалась за живот, чтобы Флэй стал осторожен. Впрочем, Рысь хотел ребенка, Найяр хотел совсем иного. Вспоминать об убитом малыше было до сих пор больно, особенно чувствуя толчки моего второго ребенка, и осознавать, что тому младенцу не дано было дожить даже до этого.

Я стерла слезу, побежавшую по щеке, и обернулась к ложу. Флэйри уже открыл глаза и наблюдал за мной.

— Доброе утро, любимая, — немного хриплым голосом сказал он.

— Доброе утро, рысик, — я улыбнулась и вернулась к очагу.

Он поднялся с постели, зевнул, и я услышала, как заплескалась вода в тазу. Следом мне на талию легли теплые ладони, скользнули на бедра, чуть сжали, и поползли вверх, нырнули на плечи, спустились по рукам и отняли у меня котелок.

— Сколько говорить, когда я дома, сам все сделаю, — проворчал он, щекоча мне шею своим дыханием.

Я хихикнула и втянула голову в плечи.

— Так не тяжелый же, — возразила я, когда Флэй отошел вместе с котелком.

— Вот, не тяжелый, — он ткнул пальцем в небольшой котелок, — я этот таскаю я.

— Не тростинка, — обиделась я.

— Тростиночка, — фыркнул Рысь.

Спорить было бесполезно, и я махнула на него рукой. После завтрака и превращения меня обратно в лохудру, рысик прихватил колчан, стрелы, охотничий нож и, ласково поцеловав меня, ушел, пообещав шикарную добычу. Я привычно проводила его взглядом в окно и взялась за домашние дела. Их у меня было не так много. Прибралась, приготовила, подшила рубашку мужу, которую он умудрился порвать, когда в прошлый раз ходил в лес, и засела за свое увлечение — алфавит Ледигьорда.

Эта идея посетила меня, когда я узнала, что письменности здесь, как таковой, нет. Сообщения передавались в виде символов и знаков, не способных донести развернутый смысл до адресата. Я потребовала Рыся научить меня, но и сам не до конца разбирался во всех этих человечках, солнышках и птичках. И вот, взяв за основу родной алфавит, я попыталась написать слова на языке Свободных Земель. Помучалась и села за сопоставление букв и звуков. Флэй сунул нос, заинтересовавшись, что я пишу угольком на куске ткани, так как бумаги здесь тоже не было, хмыкнул и присоединился ко мне. Это было около двух месяцев назад. С тех пор я сделала письменность моей новой родины своим увлечением, и на досуге ломала голову, какими буквами можно показать звук, отличный от привычной таргарской речи.

Письменность, как и язык был схож на всей территории бывшей империи, менялись лишь диалекты. Но вот Гаэлдар, находившийся на приличном расстоянии от нас, уже говорил на совершенно другом языке. Этот язык я немного знала, благодаря Ру и Наю. Из-за Ру я заинтересовалась языком государства, где он служит, а Наю просто понравилась идея, чтобы я знала гаэлдар. Его алфавит я тоже переписала, проговорила буквы и вставила в свой алфавит, найдя пару соответствий. До совершенства, конечно, было далеко, но я не сдавалась. Я не знала, пригодится ли мой труд кому-нибудь, но интерес от этого не пропадал.

Когда я оторвалась от своей работы и устало зевнула, поняла, что уже смеркается. Тут же появилось беспокойство, Флэй всегда возвращался еще засветло. Накинула свой старый плащ и выглянула на улицу. Лес вдруг напугал меня своей безлюдностью. Острое ощущение одиночества едва не заставило меня расплакаться. Я спешно спряталась в доме, вновь разожгла потухший за день очаг, и мягкий свет огня озарил наш домик. Это немного успокоило, но вскоре я уже снова была на улице.

Походила вокруг дома, посидела под навесом, ожидая, что Рысь вот-вот появится. Но он не появлялся.

— Флэй! — закричала я, охваченная уже не беспокойством, а зарождающейся паникой. — Флэй!

Ответом мне был шорох деревьев. Где-то закаркала ворона, и мое сердце ухнуло в черную пропасть.

— Флэй! Флэйри, пожалуйста!!! Флэй, бесы тебя задери! — кажется, я перешла на таргарский, но так и не заметила этого. — Рысик, пожалуйста, возвращайся, — простонала я, вглядываясь в сумерки.

Сумрак играл со мной злые шутки, и мне то и дело казалось, что мой мужчина выходит из-за деревьев. Я вскакивала, бросалась навстречу, но вновь и вновь обманывалась. Наконец, не выдержала и ушла в дом к огню. Рядом с теплом пламени было немного спокойней.

— Ну, где же ты, — я шагала из угла в угол, нервно сплетая и расплетая пальцы. — Только появись, я тебя сама убью… только появись, — всхлипывала я, боясь даже думать, что Флэй может не вернуться.

За окном послышался шорох, что-то гулко ударило в дверь, и я вскрикнула. Дверь скрипнула…

— Флэй! — радостно воскликнула я и закрыла рот руками.

Даже в плохо освещенном пространстве я увидела, как он бледен. Рысь тяжело поднялся на приступок, попытался улыбнуться, и я увидела, что его одежда залита кровью.

— Флэй! — взвизгнула я и бросилась к нему. — Что с тобой?

— Медведь, — усмехнулся Рысь и сполз на пол.

— Аргат? — прошептала я, оседая рядом с ним.

— Настоящий, — хрипло ответил он. — Его я тоже победил. Там… не хватило сил.

Рука слабо махнула куда-то в сторону, и Флэй потерял сознание. Дрожащими руками я откинула полы его куртки и снова зажала рот руками, чтобы не закричать. Тело моего прекрасного Рыся было изодрано когтями. И самое страшное, что я сейчас поняла с невероятной ясностью — он умирает. Он умирает, а я ничем не могу ему помочь. Совсем ничем…

— Я не могу, Рыси должны помочь. Должны! — дрожащим голосом прошептала я и упрямо поджала губы.

После этого встала и решительно ухватила мужа за одежду, втягивая полностью в дом, ноги его остались за порогом. Каменной тяжестью налился живот.

— Потерпи, — попросила я, сделала еще одно усилие и втащила Рыся внутрь. — Так надо, — сказала я бессознательному мужчине, — чтобы звери не пришли на запах твоей крови.

После поцеловала посеревшие губы.

— Ты только дождись, хорошо? Я побегу быстрее ветра, — пообещала я, изо всех сил сдерживая ненужные сейчас слезы. — Только дождись!

И выскочила из дома. Какой компас вел меня в тот страшный вечер, я не знаю. Ноги несли меня так быстро, как только могли. Я бежала, отмахиваясь от ветвей, огибала костлявые тени деревьев, угадывающиеся в темноте, подсвеченной слабым лунным светом. Бежала и молилась всем, кого могла вспомнить, чтобы бежала в нужную сторону, чтобы упрямые Рыси услышали меня. Несколько раз споткнулась, но умудрилась не упасть. И наградой мне стали огни, свет которых озарял поселение.

Ворота были уже закрыты, и я закричала, срываясь на визг:

— Откройте! Откройте!!! Флэй! Там Флэй! Помогите, помогите же… Флэй!

mir-knigi.org

— Кто здесь? — спросил сверху дозорный.

— Даиль, жена Флэйри! — выкрикнула я. — Откройте! Он умирает…

Больше не могла сдерживать слезы и разрыдалась. Ворота скрипнули, и я вбежала внутрь.

— Бэйри! Бэйри, там Флэй! — кричала я, мечась по улицами поселения. — Дэйри! Бэйри!

— Даиль, что случилось? — ко мне бежал Дэйри, но вскоре появился и Бэйри, натягивающий на бегу куртку.

Рыси, всполошенные моими криками и бестолковыми метаниями, высыпали на улицу.

— Флэй… — я вцепилась в рукава Дэйри и сползла на землю, с которой меня рывком тут же поднял старший брат. — Медведь… Порвал медведь, — сквозь слезы пыталась выговорить я. — Умирает… спасите! Спасите! — выкрикнула я и повисла на Бэйри, развернувшего меня к себе лицом. — Пожалуйста.

— Аргат? — повторил мой вопрос Дэйри.

— Настоящий, — мотнула я головой.

— Тащи знахарку, пусть возьмет, что нужно, вряд ли сюда довезем, — велел старший брат среднему. — Успокойся, Даиль, сейчас поедем к нему. Успокойся.

— Что с моим сыном? — к нам пробилась мать Флэя.

Ее взгляд остановился на мне, скользнул по моему животу, и женщина произнесла:

— Хей, Даиль.

— Флэй, — простонала я, не в силах говорить что-то еще.

Дэйри уже скакал к нам на лошади, за его спиной сидела старая женщина с корзиной в руках. Старший сын Бэйри уже вел ему оседланного коня.

— Я с тобой! — закричала я, цепляясь за стремя.

Мне на плечи легли две сухие ладони.

— Идем, — мать моего мужа стояла за моей спиной. — Идем со мной. Таэль свое дело знает, мой сын не первый с охоты порванный зверем возвращается. Нечего беременной на лошади скакать.

— Но…

— Перевяжут, сюда принесут, — ответила она, взяла меня за руку и потащила в сторону своего дома. — Рысь должна быть сильной и верить Великой Матери. Если еще не пришло время Флэйри, она его не заберет. Идем.

Я обернулась, братья уже исчезли за воротами, а племя Белой Рыси смотрела нам со старой женщиной вслед. Мать Флэя уверенно вела меня через поселение, не оборачиваясь, чтобы посмотреть на меня, но и не так быстро, чтобы я спотыкалась, догоняя ее. Сил и прыти еще в этой престарелой Рыси было много. Она обернулась лишь раз, когда я шумно всхлипнула.

mir-knigi.org

— Великая Мать добра, верь в ее милость, — велела женщина. — И Пращуры не оставят силой племени своего сына. Плакать нужно по мертвым.

— О-ой, — завыла я, и она строго одернула меня.

— Пока бьется сердце Флэйри, ты должна делиться с ним силой, а не страхом, — учила меня свекровь, заходя в дом. — Так легче найти дорогу назад. Будь сильной, Даиль, свети ему огнем своей души, иначе свет звезд окажется ярче, и Флэй пойдет к нему.

Ее слова оглушили и… дали надежду. Я сдержала новое рыдание, утерла слезы и серьезно кивнула.

— Я буду сильной, — пообещала я.

— Так-то, — произнесла женщина и усадила меня за стол.

— Мне кусок в горло не полезет, — сказала я, с отвращением думая о еде.

— Тебе не полезет, моему внуку пригодится, — ответила она, отрезая толстый кусок пышного каравая. Затем достала глиняный горшок, в котором оказался мед, и густо намазала его на хлеб. — Ешь, Даиль. Ешь и думай о том, как тебе хорошо с моим сыном. Пусть от твоих мыслей ярче засветит ваш огонь, пусть Флэй тоже вспомнит, пусть согреется и выберет тебя.

Следом появилась кружка с теплым молоком, и свекровь ушла, оставив меня наедине со своими страшными мыслями. О хорошем? Да я сейчас могла думать лишь о том, что могу потерять его. Малыш внутри меня заворочался, я погладила живот, скорей машинально, чем желая его успокоить. Затем опустила взгляд на хлеб. Не съем, просто не смогу. Но рот вдруг наполнился слюной, когда я смотрела на слой меда, уже засахарившийся за зиму, сглотнула, взяла хлеб и откусила… Боги, хорошо-то как, сладко! Как я проглотила лакомство, даже не заметила, только подумала, что я до безумия хочу сладостей. Вот, чего мне не хватало все это время!

Каравай лежал передо мной, нож, горшочек с медом, деревянная ложка тоже. Воровато оглянувшись, я отрезала еще ломоть, намазала медом, подумала и отправила в рот мед без хлеба. После прикрыла глаза, откусывая большой кусок от хлеба с медом, и даже застонала, смакуя вкус. Кажется, ничего лучше я в жизни не пробовала. Может, я смогу уговорить мать рысика научить меня печь такой же вкусный хлеб. А потом будет лето и свежий мед.

— М-м-м, — вновь простонала я, представляя янтарную тягучую субстанцию. — Хорошо-то как.

Хорошо, как поцелуи моего мужчины, как его ласки, такие же сладкие, обволакивающие, дарующие наслаждение, какого я в жизни не знала. Флэ-эй, вернись ко мне, умоляю, вернись, не оставляй меня, жизнь без тебя станет пустой, и я превращусь в призрак. Флэй, мой прекрасный Рысь, твоя Даиль ждет тебя. Вернись, и я стану самой лучшей женой и матерью твоих детей. Флэй…

Перед моими глазами проносилось все, что было между нами. И древние развалина храма в лесу в Таргаре, и лесное озеро, и ночь на постоялом дворе, когда мы спали, прижимаясь друг к другу, и наше плавание, и первое наслаждение, и странная свадьба в синем теплом пламени. Наша любовь, страсть и нежность…

— Вот и умница, Даиль, — услышала я и открыла глаза.

Старая Рысь стояла напротив меня и смотрела, не скрывая одобрения. Я растерянно взглянула на стол и поняла, что доела каравай и от меда осталась половина. Стало стыдно, но женщина отрицательно покачала головой, как только я попыталась потупиться. Вместо молока, которое я тоже выпила, на столе уже стояла кружка с травяным напитком.

— Спасибо, — и искренней благодарностью произнесла я.

— Пей, — по губам женщины скользнула едва уловимая улыбка.

А через некоторое время на улице послышался шум. Мы обе вскочили, и дверь распахнулась. Братья осторожно внесли носилки с моим мужем.

— Флэй! Как он? — испуганно спросила я, забывая обо всех обещаниях, данных свекрови.

— Даиль, — снова одернула она меня.

Она указала на ту комнату, где мы провели первую ночь у Рысей. Я замерла, стараясь не мешать, но, стоило братьям переложить Флэя на ложе, как я бросилась к нему и опустилась рядом на колени, не сводя взгляда с посеревшего лица. Он был все еще жив, и это сейчас казалось самым важным в моей жизни.

Я протянула руку и осторожно погладила рысика по лицу.

— Не уходи, — прошептала я. — Я без тебя не смогу.

— Нужно звать шамана, — услышала я и обернулась.

Мать Флэя разговаривала со знахаркой. Я еще раз взглянула на мужа и поднялась с колен. Знахарка бросила на меня настороженный взгляд.

— Говори, Таэль, — велела моя свекровь. — Жена должна знать, что с ее мужем.

— Она беременная, — помявшись, ответила женщина.

— Беременная, но не при смерти, — сказала я, подходя к ним.

Мать Флэя посмотрела на меня и одобрительно кивнула, вновь переключая внимание на знахарку.

— Нужно звать шамана, — повторила женщина. — Я сделала все, что могла. Сильно Флэйри медведь порвал, крови много ушло. Если не звать Рогнада, к утру его заберет Великая Мать.

Я до боли закусила губу, лишь бы не застонать, лишь бы не показать свою слабость. Флэю нужна моя сила, значит, я буду сильной. Обе Рыси покосились на меня, но слез не увидели.

— Бэйри, — позвала мать моего рысика. — Зови Рогнада. Флэю нужно дыхание Великой Матери.

Бэйри посмотрел на меня, кивнул и вышел, а я вернулась к ложу, легла рядом с мужем и взяла его за руку. На мое пожатие он не ответил, как не услышал моего шепота, но я все равно разговаривала с ним. Говорила, как люблю, как он мне нужен, как он нужен нам с малышом, как мы ждем возвращения отца. Рассказывала, чем занималась, пока ждала его, как волновалась, как звала. Со слезами на глазах смеялась, вспоминая самые счастливые наши дни. О чем я? У нас не было несчастливых дней. Подначивала его, журила за неосторожность и

mir-knigi.org

снова умоляла не уходить.

— Даиль, — рука свекрови мягко легла мне на плечо. Я вздрогнула и подняла на нее взгляд. — Пришел шаман, идем. Мы тут сейчас лишние.

— Я не оставлю его, вы же сказали…

— Вот и продолжай делать, что делаешь, он тебя услышит и через стены. Шаман должен остаться один, Великая Мать не любит лишних глаз. Пращуры пока присмотрят за Флэйри.

Я склонилась к лицу любимого, поцеловала в губы и почувствовала нарастающий жар.

— Он горит, — прошептала я.

— Рысь больше не в силах сдерживать внутренний огонь, — ответил вошедший молодой мужчина. — Иди, Даиль, Мать не возьмет жизнь своего сына прежде отведенного ему времени. Я буду слушать ее голос.

Мне не понравились слова шамана. Слушать? Флэя лечить нужно! Ах, как мне сейчас не хватало тара Лаггера! Но выбора не было. Свекровь вывела меня на улицу, усадила на бревно, лежавшее возле дома и снова скрылась внутри своего жилища, откуда вынесла теплую шаль или что-то в этом роде. Накинув мне на плечи шаль, она села рядом, подняла лицо к звездному небу и тихо запела. Я с тревогой смотрела на нее.

— Эту песню мать пела нам в детстве, — сказал Дэйри. — Она сейчас напоминает Флэю о тех днях.

Рядом собирались Рыси, и они, послушав песню пожилой женщины, начинали негромко говорить. Каждый что-то рассказывал о моем муже. Кто о детстве, кто о юности, кто о его последнем посещении селения. Я слушала, слушала очень внимательно, боясь пропустить хоть слово. Затем заметила, что на меня удивленно посматривают и поняла, что они ждут и моего рассказа. И я рассказала, как мы ходили на Звездную башню, и каким было жутким близкое небо, и как Флэй успокоил меня. Я говорила, говорила и говорила, а они слушали и улыбались. И это было так непривычно, но так правильно, словно мы все дружно ткали сеть, которая не давала моему возлюбленному Рысю уйти к далеким и холодным звездам, которые меня так сильно пугали. А из дома раздавался заунывный голос шамана, слышались глухие удары в его барабан, и доносился странный запах, который успокаивал и дарил странный покой и даже радость.

Мы сидели до рассвета, то прислушиваясь к пению шамана, то вновь говоря о Флэе. Но с первыми лучами солнца в доме все смолкло. Рогнад, бледный, с залегшими тенями под глазами, словно отдал часть своей жизненной силы, вышел из дома и сразу опустился на землю, утирая пот трясущейся рукой. Мы замолчали, испытующе глядя на шамана.

— Даиль, — позвал мужчина.

— Я здесь, — тут же подскочила я.

— Побудь с Флэйри. Там настой, дашь, если опять поднимется жар или начнутся боли. И жги траву, остальное сделает Таэль. Иди.

Я взглянула на свекровь, не зная, что делать. Она едва заметно улыбнулась и кивнула. Больше меня ничто не могло удержать. Ворвавшись в дом, я остановилась только рядом с ложем. Лицо

Флэя было все так же бледно, но теперь его черты не смотрелись заострившимися, дыхание стало ровным, жар ушел.

— Любимый, — тихо позвала я.

Темно-карие глаза приоткрылись, и я приблизилась к нему вплотную. Не знаю, узнал ли он меня сейчас, сил у моего Рыся не было совсем, и глаза вновь закрылись. Я снова легла рядом, взяла его за руку и слегка сжала.

— Голубка, — еле понятно прошелестел Флэй.

— Я рядом, любимый, и никуда, слышишь, никуда тебя не отпущу, — горячо заверила я.

Мужские пальцы чуть дрогнули, и я поняла, что так он ответил меня. Теперь я была уверенно, Рысь останется со мной. Счастливо вздохнув, я прижалась лбом к его плечу, и сон постепенно сморил меня.

Глава 8

Таргар. Город Камрин.

Серый рассвет постучал в окно гостевой спальни в доме городского главы мелкой моросью. Эбер Военор открыл глаза и посмотрел на стекла, испещренные тонкими пунктирами. До столицы оставалось три дня, и благородный тарг всеми силами оттягивал возвращение. Мужчина повернулся на бок и посмотрел на женский профиль на соседней подушке. Он усмехнулся и обнял женщину, племянницу городского главы, вдову, вошедшей в его опочивальню, когда стемнело. В густом сумраке сероглазая шатенка, миниатюрная и хрупкая, очень напомнила Эберу другую женщину, и он распахнул смелой и одинокой женщине свои объятья.

Она пошевелилась и открыла глаза.

— С добрым утром, — произнесла женщина немного низким бархатным голосом.

— Тс-с, — мужской палец прижался к женским губам. — Рано еще, спи.

Она послушно закрыла глаза и вскоре снова засопела. Военор осторожно встал с постели, налил себе воды и отошел к окну, не скрывая наготы. В его голове вертелся назойливый вопрос: "Что делать?". Вот уже четыре месяца он проверял казну таргарских городов. Въедливо, подолгу, не спеша возвращаться. Трижды он получал послания от герцога с требованиями не затягивать поездку. Отписывался, обещая быстрей закончить с делами, но и не думал спешить. На второе письмо ответил, что погряз в цифрах. На третье обнадежил, что осталось всего три города, с той поры миновал месяц.

То, что герцог будет в бешенстве, когда он вернется, главный казначей не сомневался. Оставалось выбрать линию поведения, чтобы избежать неприятных последствий. К тому же, Эбер понимал и то, что может вновь встать вопрос о Габи. Бывшая служанка вполне счастливо существовала в его поместье, но это была тайна, потому что данное Сафи обещание — сберечь от Найяра девушку, Эбер нарушать не собирался. Служанка, действительно, вышла замуж в доме его сестры, но эту свадьбу устроил он, дав за Габи приличное приданое, по меркам простых таров. Молодожены отправились в дальнее поместье, но если об этом узнает Дракон, казначею не поздоровится. Значит, нужно избегать всяческих разговоров о девушке.

mir-knigi.org

Было еще кое-что, что не давало покоя Военору. С тех пор, как на Небесном Престоле воцарился отец Энлер, Найяр Таргарский почувствовал полную безнаказанность. Кровавые репрессии расходились от столицы по всему Таргару, как круги на воде от брошенного камня. Даже простой народ, обожавший своего господина, начал роптать. По малейшему доносу в измене, таргарцев хватали и тащили в пыточные застенки, обычно никто назад не возвращался. Сосед начал коситься на соседа, брат начал опасаться брата.

— Таргару нужен новый правитель, — прошептал Эбер. — Но кто?

Всех, кто мог претендовать на герцогский трон, Дракон успешно ликвидировал. Оставался только его дядя, но тот не рискнет заявить свои права, потому до сих пор и жив… Но у него есть дочери, а это значит… Эбер порывисто обернулся и посмотрел на женщину в своей постели. После подошел к столу и щедро плеснул себе вина.

— К бесам, — пробормотал тарг Военор и залпом осушил кубок. — К бесам, в Преисподнюю, к Черному богу.

Есть дочери, значит, одна из них вполне может считаться наследной герцогиней. Ни одна из них не сможет править, не то воспитание, и не тот характер. Но может муж одной из герцогинь. Пять дочерей, трое из них замужем, пятая не вошла в брачный возраст. Эбер вернулся к окну, анализируя тех, кто стал зятьями ненаследного герцога Грэима. Мужа старшей дочери казначей откинул сразу, пьяница. Амбициозный солдафон — муж второй годился только для войны, и то, чтобы выполнять чужие приказы. Туп, как пробка. Третий… Третий зять был хитрым лисом, но трусоватым, а на такую авантюру нужен был совсем иной характер. Значит, нужен муж для четвертой. Такой, кто рискнет влиться в заговор, а после занять трон.

Союзники, ему нужны были союзники, иначе все это оставалось досужими размышлениями. Эбер вернулся в постель, но вскоре снова встал. Близость посторонней женщины мешала, даже раздражала сейчас. Натянув штаны и рубашку, благородный тарг прошел к креслу, уселся в него и достал чистый носовой платок. Ловкие пальцы завязывали и развязывали узелки, это всегда помогало мужчине думать, и он думал.

В голове мелькали имена и лица высокопоставленных сановников. Мелкие пешки ему были не нужны. Те, кто ходит под постоянной угрозой, как он сам, вот, кто должен был войти в узкий круг заговорщиков. Отобрав для себя несколько человек, Эбер решил присмотреться к ним получше, чтобы понять, кому можно доверить свои соображения, и кто сможет перетянуть на свою сторону старого герцога. Запуганный сначала братом, а потом племянником старый герцог превратился в слизняка, который при малейшей опасности прятался в свою раковину. Но! Но это был шанс!

Затем мысли казначея переместились в Адох к новому Владыке. Военор просчитывал реальное отношение священника к правителю Таргара. Энлер был пешкой Найяра в Таргаре, остался им и сейчас. Что влекло за собой такое поведение Владыки? Только его смерть, причем, скорую. Кому нужна марионетка на Небесном Престоле? Только Таргарскому Дракону. Значит, Энлер должен тяготиться властью герцога. Казначей усмехнулся. Владыка не может не поддержать идею смены, если не династии, то правителя Таргара.

Смерть Таргарского Дракона выгодна всем, кто служил ему верой и правдой, потому что вера и правда не были защитой от кровожадности его сиятельства. Знание тайн, участие в его интригах — было прямым путем в Преисподнюю. Найяр не любил свидетелей своих делишек.

— Коген! — воскликнул Военор и прикрыл рот ладонью, когда женщина на постели завозилась.

Тайный советник уже долгое время ходит по острию. Да-да, на него можно сделать ставку. Этот лис не может не ухватиться за идею смещения герцога Таргарского. В уме и изворотливости советник не уступает своему господину. Двое есть: тарг Коген и Владыка Энлер. В согласии этих двоих Эбер не сомневался. И чем дольше раздумывал, тем больше убеждался в правильности своих выводов.

Семьи, потерявшие своих мужей, сыновей, племянников, тех, кто прошел через пыточные камеры и эшафот, лишенные имущества, а многие и имени — вот, кто станет армией заговорщиков. Обещание вернуть отобранное, и они побегут, как овцы. Знать не любит терять свою власть. Но это после, сначала нужно собрать верхушку этого айсберга.

Наемники… Маленькая армия, способная уничтожить озлобленных повстанцев. Перекупить их невозможно. Как убрать эту живую стену, казначей решил подумать в дороге. Но это не так важно, как заручиться поддержкой тех, о ком он уже подумал. Была еще проблема — запредельное чутье и интуиция Таргарского Дракона.

— Справимся, — решил казначей. — Грэир смог его провести, чем мы хуже.

— Эбер, что ты там говоришь? — женщина подняла головку от подушки и посмотрела на него.

— Спи, — улыбнулся мужчина.

— Я уже выспалась, иди ко мне, — она откинула одеяло, демонстрируя свое тело.

— А почему бы и нет, — усмехнулся Эбер и направился к постели, стаскивая по дороге одежду.

Через два часа, позавтракав и спешно завершив дела, главный казначей герцогства уже ехал в своей карете, спеша вернуться в столицу. Теперь он уже не хотел задерживаться. Мозг казначея усиленно работал, мужчина достал стопку пустых листов и чернила. Писал имена таргов, сам составлял их характеристики из собственных наблюдений, вспоминал все, чем отличился тот или иной представитель таргарской аристократии. Из выбранных им кандидатур на трон герцога Таргара, перечитав, оставил пятерых и задумался.

Что достанется приемнику нынешнего правителя? Насколько можно доверить государство человеку, никогда не мечтавшему надеть на себя герцогскую корону? Что должен нести в себе тот, кому достанется это небольшое, но богатое государство? Честолюбие, целеустремленность, устойчивость к ударам судьбы, умение мыслить широко и гибко. Практически все, что было в Найяре Таргарском, но отсутствие его кровожадности, беспринципности, и жестокости. Таргару пора было сменить правителя — воина на правителя — политика.

Эбер еще раз взглянул на пятерых кандидатов и убрал двоих. Из оставшейся тройки выбрал тарга Лаера Соллара и еще раз проанализировал все, что знал о нем. Представитель одного из древнейших родов Таргара. Умный, дальновидный, опытен в политике, достаточно хитер и честолюбив. Склонен к интригам, есть дух авантюризма… злопамятен. Минус. Расчертив новый лист на две части, Военор записал положительные и отрицательные черты тарга Соллара.

— Проклятье, — нахмурился казначей. — Не воздержан в тратах, это мне уже не нравится. — Мужчина негромко рассмеялся. — Казначей убьет во мне интригана.

Поздно вечером, остановившись на постоялом дворе, Эбер сжег все, что успел написать, уничтожая следы своих намерений. Последующие два дня тарг Военор занимался приведением бумаг в порядок, чтобы предоставить его сиятельству полный отчет о проделанной работе, и готовился к встрече с ним.

— Столица, благородный тарг, — стукнул в окно один из охранников, сопровождавших главного казначея во время пути.

— Благодарю, — кивнул Эбер, зевнул и протер глаза. — Ну, вот и логово дракона, — усмехнулся он и скинул с себя остатки дремоты.

Карета проехала мимо городской стражи, проехалась по улицам и остановилась возле дворцовых ворот.

— Главный казначей, тарг Эбер Военор, — выкрикнул старший сопровождающий. — Открывайте ворота.

— Без прямого указания его сиятельство на территорию дворца кого-либо пускать запрещено. Подождите, сейчас доложим, — послышался ответ.

Брови Военора изумленно поползли вверх, это было нововведение. Однако за четыре месяца произошли перемены. Мужчина открыл дверцу кареты и вышел, блаженно потянувшись и разминая затекшее тело. Стража на воротах приветствовала его поклонами и извиняющимися улыбками.

— Вы уж не сердитесь, благородный тарг, — произнес один из стражников. — Таков порядок.

— Ну, что вы любезный тар, я не в обиде, — улыбнулся казначей. — Это ваша служба. И давно вступило в силу это новшество?

— Недели две, — задумавшись, ответил мужчина. — Его сиятельство и дворец весь охраной набил, теперь отдыха почти нет. Только уйдешь с одного поста, как на второй уж пора заступать.

— Любопытно, — пробурчал себе под нос Военор.

— Заговоры ему везде мерещатся, — понизив голос сообщил стражник. — И это…

— Что? — улыбнулся Эбер.

Стражник приблизился вплотную к воротам и поманил к себе казначея.

— Кажись, тронулся наш герцог, — прошептал мужчина. — Сам слышал, как он кричал у себя в покоях, страшно так кричал, супругу свою покойную поминал. Ночь, а он завывает. Жуть такая взяла. Даже дамы придворные стали опасаться к нему в опочивальню заходить. Одна только бегает, как только кликнет. Вроде и сгинула ведьма, а бедного герцога как заморочила…

— Не повторяйте глупых сплетен, — жестко отчеканил Военор, распрямляясь. — Эта женщина сдерживала нашего господина. Уж вы-то, живущий при дворце, не можете этого не знать. За то, что вы мне рассказали, не переживайте, не выдам.

Стражник поклонился и отошел от ворот. Вскоре подошел посыльный, и ворота открылись. Казначей не стал садиться в карету и вошел пешком. Его карета проехала до крыльца и

остановилась, ожидая, когда ее владелец приблизится. Эбер посмотрел вслед экипажу и поджал губы. Новости были благоприятными и пугающими одновременно. Сразу появились опасения, а найдет ли он в добром здравии тех, на кого решил сделать ставку в своем самом сумасшедшем предприятии.

Не успел Эбер забрать из кареты свои бумаги, как дверь открылась и на ступенях парадного крыльца появился секретарь герцога.

— Доброго дня, тарг Военор, — поздоровался мужчина. — Его сиятельство ожидает вас у себя в кабинете немедленно.

— Доброго дня, — склонил голову Эбер. — Уже спешу.

Казначей отметил бледный вид секретаря, тени, залегшие под глазами и некоторую нервность в движениях.

— Как дела во дворце, благородный тарг? — с приветливой улыбкой спросил Эбер.

— Не спрашивайте, — отмахнулся секретарь. — Служба превращается в пытку. Его сиятельство стал чересчур вспыльчивым. От слова "нет" его начинает трясти. Проще согласиться со всеми его требованиями и желаниями, чем пытаться найти причину для отказа.

— Ясно, — кивнул казначей и выдохнул, понимая, какой разговор его ожидает.

Секретарь задержался, и Военор в одиночку взбежал по лестнице, спеша быстрей закончить неприятный разговор. Он остановился перед рабочим кабинетом герцога.

— Отдайте оружие, благородный тарг, — произнес один из наемников.

— Еще одно нововведение? — усмехнулся казначей и отцепил от пояса меч и кинжал.

Лысый наемник забрал оружие, второй распахнул дверь. Тарг Военор поднял глаза к потолку, коротко попросив у богов удачи, и вошел в кабинет, тут же склонив голову в приветствии.

— И где нас носили бесы? — поинтересовался его сиятельство, окидывая казначея пристальным взглядом.

— Добрый день, ваше сиятельство, — казначей подошел к столу, за которым сидел господин, сохраняя на лица маску полного покоя, и положил на стол толстую папку с документами. — Извольте ознакомиться с результатами проверки.

Герцог с минуту продолжал изучать невозмутимого тарга, затем рука его взметнулась, и папка полетела на пол, бумаги разлетелись во все стороны. Эбер опустил взгляд, проследив полет собственных трудов и отстраненно подумал, что теперь придется уйму времени разбираться в этом бедламе.

— Ты смеешь меня игнорировать, Военор? — герцог перегнулся через стол, хватая казначея за грудки.

— Я отвечал на ваш вопрос, ваше сиятельство, — спокойно ответил Эбер, глядя в стылые синие глаза. — Вы спросили, где меня носило, я показал вам причину моего отсутсвия.

— Дерзиш-шь, — прошипел Найяр и выпустил из захвата камзол казначея. — Ну, хорошо, и что же ты нарыл за четыре месяца своего отсутствия? — спросил он, усаживаясь обратно в свое

кресло с высокой спинкой.

Военор снова посмотрел на разлетевшиеся документы и едва заметно вздохнул.

— Принять жесткие меры пришлось только в трех городах, там главы выгребли городскую казну почти дочиста на собственные нужды…

— И что это были за меры? — герцог подался вперед, положил руки на стол и переплел пальцы, не сводя с казначея колючего взгляда.

— Основываясь на данных вами мне правах, я сменил глав этих городов, арестовал их имущество в счет долга перед Таргаром, — ответил казначей.

Глаза господина сверкнули, на губы скользнула ухмылка.

— И все? — лениво спросил он.

— Нет, не все, — чуть помедлив, ответил Эбер. Об одном единственном случае он не хотел вспоминать.

— Ну, так рассказывайте, тарг Военор, я вас внимательно слушаю, — теперь его сиятельство превратился в само благожелательное внимание, даже взгляд синих глаз потеплел.

Казначей проследил за этой метаморфозой, ни на мгновение не обманываясь наступившей переменой в настроение своего господина, на секунду прикрыл глаза и заговорил.

— В Ферре я столкнулся с воинственно настроенным главой города. Он пытался не пустить меня в город, не смотря на то, что я действовал от вашего имени. После угрозы о признании Ферра мятежным городом, мне все-таки удалось прорваться. Тарг пытался угрожать мне, было совершено одно нападение на меня и моих людей. Я действовал радикально, пользуясь вашим распоряжением о моих особых правах. Городской глава был казнен по моему приказу, ваше сиятельство. Больше подобных ситуаций не возникало.

— Почему вы пытались умолчать? — поинтересовался герцог.

— Неприятно было вспоминать о криках его вдовы, — нехотя признался Эбер. — Она кинулась на меня с ножом, я ударил женщину. И пусть она не оставила мне выбора, но подобное поведение я считаю недостойным мужчины.

Мгновение Найяр Грэим рассматривал тарга Военора, поджав губы. Пальцы его сжали подлокотники, и правитель Таргара вновь подался вперед.

— Значит, вы, тарг Военор, пытаетесь сказать, что я недостойный мужчина? — холодно спросил он, приведя в замешательство Эбера, впервые за время разговора. — Отвечать!

— Что вы хотите услышать от меня, ваше сиятельство? — спросил казначей, возвращая себе самообладание.

— Я бы удавил ту стерву рядом с ее ублюдком мужем, я недостоин называться мужчиной? — Найяр рывком поднялся и сделал шаг в сторону Военора. — Отвечать!

— Ваше сиятельство действует в силу своего воспитания, я так, как воспитывали меня, — осторожно заговорил Эбер. — И мое мнение складывается из привитых мне норм морали. Оценку данного поступка я могу производить лишь в личном отношении. Обсуждать или

осуждать поступки моего господина не входило в мои намерения.

Герцог подступил вплотную и навис над мужчиной, превышая его в росте на полголовы. Военор почувствовал запах вина, шедший от дыхания правителя Таргара. Ему захотелось сделать шаг назад, настолько давила близость герцога, но казначей сдержался.

— Военор, ты наглая скотина, — тихо произнес его сиятельство. — Дерзкий, не смотря на показное овечье смирение. Ты мне не нравишься, Военор. И мне не нравится твое самоуправство. Ты не имел права казнить без моего ведома. Быть может, ты стал правителем Таргара, а? — проницательный взгляд впился в глаза Эбера. — Может, ты что-то замышляешь против своего господина? Какие мысли бродят в этой умной голове?

Казначей замер с ощущением, что его поймали за руку, словно мелкого воришку. Герцог изучал его реакцию, не отрывая взгляда от лица Военора.

— Молчиш-шь?

— Пытаюсь понять, в чем мой господин обвиняет меня? Чем я успел прогневать ваше сиятельство, явившись в столицу меньше часа назад, — подавив неприятно ощущение паники, ответил казначей. — На казнь вы дали мне разрешение еще перед первой поездкой, я его использовал единожды. Остальные обвинения мне непонятны.

— А если я тебя лично расспрошу? Ты ведь мне расскажешь? — прищурился Найяр, и в горло Военора уперлось острие кинжала. — За последнее время было столько заговоров, что я никому не могу доверять. Поведай мне свои секреты, Эбер, — произнес герцог, почти касаясь губами уха казначея. — Расскажи мне, Эбер.

Мужчина вздрогнул от неприятного холодка, скользнувшего по позвоночнику и от этой слишком интимной близости. Эбер все же не сдержался и отшатнулся, вырываясь из давящего плена герцогской персоны.

— Ваше сиятельство, — нервно заговорил он, — я, как ваш верный пес, излазил весь Таргар, выясняя, как служат вам те, кто удостоился чести руководить вашими городами. И что же оказалось, стоило мне переступить порог дворца, спеша с докладом к своему господину?

— И что же оказалось? — с интересом спросил Найяр, вновь приближаясь к своему казначею.

— Что я уже в круге подозреваемых, ни пойми в чем, — раздраженно сказал Эбер и вновь сделал шаг назад. — Если такова награда вашим верным слугам, можете, одарить меня ею, если так угодно вашему сиятельству, я смиренно приму кару за то, чего не совершал.

Герцог некоторое время рассматривал мужчину, наконец, поджал губы и кивнул на дверь.

— Вы свободны, тарг Военор. Можете перевести дух с дороги. Соберите ваши бумаги, я ознакомлюсь с ними позже и, да, у меня еще остались к вам вопросы, потому не покидайте дворца.

— Как будет угодно вашему сиятельству, — склонил голову казначей.

Эбер собрал бумаги в одну кучу, вновь поклонился и покинул кабинет своего господина. Уже за дверями мужчина шумно выдохнул, забрал свое оружие и направился к себе в кабинет. Желание пообщаться с Когеном стало просто нестерпимым.

mir-knigi.org

* * *

Найяр проследил, как за казначеем закрылась дверь, вернулся на свое место и откинулся на спинку кресла, заложив за голову руки. Разговор с Военором крутился в его голове, герцог пытался отыскать недомолвки, оговорки, тень предательства. Последнее время он часто искал предателей рядом с собой. Привычное аналитическое мышление перешло на новую стадию. Теперь ему иногда казалось, что он способен заглядывать в будущее. И все благодаря призракам.

Точней, одному, его отцу. Покойный герцог Грэим, сброшенный с обрыва собственным сыном, стал являться ему три недели назад. Сначала Най очень испугался, но отец сказал, что он горд своим отпрыском, даже за собственную смерть. И Найяр проникся доверием. Тем более, когда приходил отец, не появлялись Аниретта и Тиган. Эти всегда издевались и пугали, а отец подбадривал, подсказывал решения.

Благодаря ему, герцог Таргарский понял, что его окружают одни враги. Он запер себя во дворце, напичкал коридоры, переходы и лестницы охраной. Отец учил, указывал, подсказывал. Одинокому Наю его слова, которые звучали, словно подслушанные мысли, казались нектаром. Таргарский Дракон все больше подозревал, что его власти угрожает опасность, потому верил призраку убиенного родителя. И все из-за проклятого Тигана! Это его проклятье не давало жить спокойно правителю герцогства, это его слова, сказанные от души на краю могилы, положили начало его, Найяра, бедам. "Не пройдет и года…". Проклятье! Сафи исчезла меньше, чем через месяц. Остался только Таргар.

— Присмотрись, сын, внимательно. Смотри, кто окружает тебя, это же предатели! Ты Грэим, Най, помни. Мы безжалостные воины, сын. Покажи ублюдкам, где их место.

— Ты прав, отец. Я Грэим, и я им еще покажу, с кем они связались.

— Я горжусь тобой, сын.

И это было так приятно. Стерва Сафи не гордилась им, как он не старался угодить ей, чуть не превратился в размазню, а эта сука даже не оценила. К бесам! Толмачи все никак не могли разобраться с акцентом лже-Грэира, это уже не злило, это приводило в неистовство. Двоих он казнил, остальные сразу вдохновились. Единственное, чего опасался Найяр, что они из страха могут придумать то, чего нет. Но тогда им точно не поздоровится.

— Ваше сиятельство, — он открыл глаза и посмотрел на секретаря. — К вам тарганна Лирена.

— Пусть войдет, — кивнул герцог.

Лирена, ставшая его постоянной любовницей в последние полтора месяца, получила право являться, когда хотела. Эта дама давала ему некоторый покой, но не могла заменить ту, что исчезла, как ни старалась.

— Мой герцог, — молодая женщина скользнула в кабинет и присела в глубоком реверансе, стрельнув лукавым взглядом на своего господина.

— Иди ко мне, — улыбнулся Найяр.

Лирена послушно приблизилась и уверенно устроилась на герцогских коленях.

— Я скучала, — шепнула она, обнимая мужское лицо ладонями. — Ты уже два дня меня не

звал.

— Был занят, — герцог тепло улыбнулся женщине и коротко поцеловал ее.

— Не так, — она надула губки. — Хочу слаще.

— Сластена, — рассмеялся Най, захватывая пухлые губы в плен.

Ее ручка скользнула по широкой мужской груди, остановилась на растущем холмике, и пальчики сжали герцогское естество.

— Шалунья, — развеселился герцог. — Разбудила, усмиряй теперь.

Лирена с готовностью соскользнула с его колен, и Най приподнял бедра, помогая женщине освободить то, что уже налилось силой. Он вновь откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза, позволяя женщине доставлять ему удовольствие. Но вскоре поднял веки и взглянул на нее сверху вниз. Вот такая Лирена ему нравилась. На коленях, старающаяся угодить, заискивающе поглядывающая вверх, чтобы убедиться, что ее ласки приносят господину наслаждение. Най улыбнулся ей и снова закрыл глаза, представляя на месте этой женщины совсем другую. "Ох, Най…". Герцог застонал:

— Сафи, — награждая старания Лирены извержением своего удовольствия.

Затем открыл глаза и вновь посмотрел вниз. Женщина облизала губы, промокнула их платочком и обиженно взглянула на Найяра. Он протянул руку, поднимая ее и вновь усаживая к себе на колени.

— И почему у нас такая недовольная мордашка? — ласково спросил он.

— Ты опять назвал меня ее именем, — ответила Лирена, и герцог перестал улыбаться.

Лирену он ценила за неприхотливость. Другие любовницы доставали его своими обидами, если Найяр произносил желанное имя. Лирена переносила подобное спокойно, и вот, пожалуйста.

— Назвал, — кивнул герцог. — И что?

— Почему? Най, это ведь не она, а я рядом с тобой. Почему ты не забудешь ту, что бросила тебя? — зеленые глаза смотрели серьезно.

— Я не собираюсь никого забывать, — отчеканил мужчина. — И тебе не стоит трогать эту тему.

— Она уже не вернется, Най, а я, я ведь люблю тебя! — теперь ее глаза наполнились слезами, и это разозлило правителя Таргара.

Он грубо столкнул женщину с колен. Она не ожидала подобного, потому больно ударилась, не успев ухватиться за край стола.

— Вон, — коротко велел Найяр.

— Най…

— Вон отсюда, — ледяным тоном повторил он.

— Но почему, Най? — Лирена постаралась остановить слезы, и заискивающе посмотрела в

глаза своего любовника, обнимая колени.

Герцог поднялся с кресла и отошел, сбросив ее руки со своих ног.

— Ты коснулась запретной темы, Лирена, и расстроила меня. Уходи, сейчас я не хочу тебя видеть.

— Но я ведь тоже живая, Най! Почему ты не хочешь услышать меня? — воскликнула она, поднимаясь на ноги. — Я просто попросила не называть меня чужим именем, только и всего! Най, милый…

Женщина вздрогнула, когда герцог вдруг оказался рядом. Он подцепил ее двумя пальцами за подбородок и вынудил смотреть себе в глазах.

— Перечишь? — полюбопытствовал Найяр. — Злишь?

— Най…

— Я более, чем щедр с тобой, тебе позволено то, что не позволено было ни одной женщине до тебя, — зло говорил он. — Не ценишь?

— Ей было позволено больше, — пробормотала женщина и тут же зажмурилась, увидев, как сверкнули глаза любовника.

— Ей равных нет, — разделяя слова, произнес герцог. — Никогда. Не. Смей. Равнять. Себя. С. Ней. Вон!

Он отступил, а испуганная Лирена попятилась к двери, но остановилась и стремительно вернулась назад. Она обняла Найяра.

— Прости, я все поняла. Я больше не буду говорить о ней. Называй меня, как хочешь, только не прогоняй.

Герцог освободился из неприятных ему сейчас объятий.

— Рад, что ты так быстро уяснила, как нужно себя вести. Сейчас оставь меня одного. — Ответил его сиятельство. — Ночью можешь прийти.

— Я приду, — жарко закивала Лирена и быстро покинула кабинет, пока не вызвала новую вспышку гнева своего господина.

Найяр прикрыл глаза и выдохнул.

— Завистливая дрянь, — проговорил он и направился к дверям.

Пожалуй, пора было напомнить толмачам о себе. Его сиятельство покинул кабинет, огляделся и заметил тарга Когена, спешившего куда-то.

— Тарг Коген, — герцог поманил советника к себе пальцем. Тот вздрогнул и направился к своему господину. — Вы меня боитесь? — бровь Найяра поползла вверх.

— Задумался, — ответил советник, кланяясь.

— И о чем, позвольте полюбопытствовать? — Герцог скрестил на груди руки.

mir-knigi.org

— Думал о том задании, что вы мне дали, — уже гораздо спокойней ответил Коген. — Я не вижу угрозы в вашем дядюшке. Стоит ли подсылать к нему соглядатаев?

— Вас кто-то просит думать, видеть или сомневаться? — прохладно полюбопытствовал его сиятельство. — Приказ был дан, будьте любезны исполнять. Эта старая крыса может быть опасна.

— Как вам будет угодно, ваше сиятельство, — склонил голову советник, и Найяр отпустил его кивком головы.

Проследив, как Коген исчезает в своем кабинете, герцог хмыкнул и отправился дальше. Толмачам он отдал большую дворцовую библиотеку. Здесь были и полезные им книги, и записки таргарских путешественников, и труды ученых мужей. Найяр подошел к двери и прислушался. Из библиотеки послышался взрыв смеха.

— Веселятся дармоеды, — усмехнулся герцог. — Ну-ну, — и толкнул дверь.

Смех мгновенно оборвался. Взгляды семи лучших толмачей Таргара сошлись на их господине. Мужчины вскочили и поспешили склонить головы. Найяр, не спеша, приблизился к ним, осмотрел каждого по очереди. Один из мужчин, видимо, вспомнив недавнюю причину для смеха, хмыкнул, попробовал сдержаться, но не смог и рассмеялся в полный голос.

— Простите, ваше сиятельство, — побледнел толмач, зажимая рот, но нервный смех все равно рвался наружу.

Герцог уселся на край стола и снова обвел взглядом толмачей.

— И как у нас дела? Вам, наконец, есть, чем меня порадовать?

— Простите, ваше сиятельство, — тарг Эргол, самый старший из толмачей, виновато взглянул на господина. — Мы продолжаем утверждать, что единственное государство, где смягчаются некоторые звуки — это Гаэлдар, который в оригинальном произношение звучит, как Гаэльдар, у них самобытные культура и историческое развитие…

— Я слышал галдарский акцент, Грэир говорил иначе, — раздраженно ответил Найяр.

— Ударения так, как вы воспроизвели, ставят во Фланарии, ваше сиятельство, но звуки не смягчаются, — вставил еще один толмач.

Смешливый тарг вновь расхохотался, успокоенный безразличием герцога.

— Стража!

Двери библиотеку открылись.

— Взять, — коротко велел Найяр.

— За что?! — воскликнул тарг Эргол и сразу же закрыл рот рукой.

— Оскорбление достоинства своего господина, — ответил его сиятельство, глядя, как из библиотеки вытаскивают перепуганного мужчину, смеяться он больше не думал. — И похоже, сей неблагородный тарг не единственный, кто пытается меня оскорбить, так?

Мужчины отрицательно мотнули головами.

mir-knigi.org

— Последний срок вам до вечера, — отчеканил герцог, направляясь к дверям. — Ночью мы будем разговаривать по-другому. — Дверь закрылась, и до мужчин донеслось. — Не выпускать, пока я не приду.

— Проклятье, — выдохнул тарг Эргол. — Как можно требовать того, чтобы мы, не имея нужных знаний, дали ответ?! Мы же не волшебники.

— Просто зверь, — почти шепотом произнес его коллега. — Только необразованный дикарь может не понимать элементарного.

— А он точно таргарец? Может, нашего герцога привезли из Ледигьорда? — невесело усмехнулся третий толмач.

Тарг Эргол застыл, затем медленно обернулся и произнес, не сводя взгляда с коллеги.

— Повторите.

— Что? — тот смутился. — Вы думаете то же самое…

— Не важно, что думаю я, повторите, что вы сейчас сказали! — выкрикнул мужчина.

Толмачи изумленно смотрели на него, и вдруг все еще молчавший самый молодой, почти юноша, воскликнул:

— Вы правы, тарг Эргол! Ледигьорд! В самом названии подсказка. О, боги, мы спасены!

— Не факт, не факт, — глаза Эргола лихорадочно заблестели. — Давайте думать, что мы знаем о языке дикарей? Кто-то вообще его знает? Слышал?

— Тарг Фрэр был в Свободных Землях, — отозвался тот, что так удачно произнес слова о дикарях.

— Но его же увели, нужно вернуть! — Эргол поспешил к дверям. — Позовите его сиятельство, умоляю, позовите, это срочно!

Стражник что-то проворчал, но кивнул своему напарнику, и тот отправился на поиски его сиятельства. Тарг Эргол вернулся к своим товарищам и вознес богам благодарственную молитву за просветление.

— Ох, только бы успели вытащить Фрэра, — произнес один из мужчин.

Дверь открылась спустя томительного получаса, когда толмачи уже начинали сильно волноваться. Герцог прошел все к тому же столу и опустился на его край.

— Ну, — вопросил он, глядя на мужчин пристальным взглядом.

— У нас есть предположение, — осторожно заговорил тарг Эргол.

— Слушаю, — подбодрил его сиятельство.

— Мы думаем, что акцент лже-Грэира может принадлежать… — мужчина сделал паузу, перевел дыхание и выпалил невероятное. — Дикарю из Ледигьорда.

Брови Найяра изумленно взлетели вверх. Он некоторое время молчал, а после разразился

mir-knigi.org

хохотом.

— Вы серьезно? Житель Свободных Земель? — и вновь захохотал. — Вы в своем уме?! У них нет флота, нет вообще кораблей, чтобы он мог переплыть море! Да и был Грэир в Таргаре один… — Герцог вдруг замолчал. — Но его мог перевести купеческий корабль. — Лицо его сиятельства стало серьезным. — Вы уверены?

— Это предположение, — ответил Эргол. — Мы никогда не слышали язык Ледигьорда, но в его название уже присутствует смягченный звук. Единственный, кто побывал на Свободных Землях, это тарг Фрэр. Он слышал язык дикарей, произношение слов…

— И почему молчит Фрэр? — синие глаза пробежались по замершим мужчинам.

— Его нет среди нас, ваше сиятельство, вы его арестовали, — извиняющимся тоном пояснил Эргол.

— Проклятье, — скривился Найяр. — Стража! Приведите толмача. — Затем обернулся к пожилому мужчине. — Но если вы так пытаетесь спасти этого весельчака…

— Мы бы не стали выдумывать, ваше сиятельство, — уверил господина толмач.

Герцог кивнул и прикрыл глаза и начал вспоминать и анализировать. Грэир… Эри, как его назвал тот старикашка из рыбачкой деревушки, появился на берегу Таргара один. Была лодка, эти сведения герцог вытряс из развалины. Лодка незнакомой постройки. Если допустить, что он перебрался через море на купеческом корабле, то откуда он приплыл на лодке… Незнакомая постройка… Суда, что большие, что малые отличаются слабо во всех государствах, у кого есть выход к морю. Но постройка неизвестная… или непривычная? Что деревенщина может знать о постройке лодок в других государствах?

Один, он был один, без товарищей. Прожил у старика, научился языку и ушел. Точно не скажешь, куда, его следы не смогли восстановить досконально. И везде один. Значит, все-таки один. Кто торгует с дикарями? Единицы. Навести справки о таких судах, и перевозили ли дикаря… Проклятье! Из Ледигьорда в Таргар? Да, какую же бабу он, Найяр, там тронул?

На берег Ледигьорда он высаживался всего три раза. Просто набили дичи и ушли, к поселениям даже не приближались. Случайная встреча? Найяр ожесточенно потер лицо. Последнее время память стала подводить его, но нужно вспомнить, нужно, нужно, нужно… Берег, отряд идет в прибрежный лес. Он со всеми вместе. Так было все три высадки. Дальше… Треск веток, он отделяется от общей группы и идет на звук, снимает с плеча лук. Да-да, убегающая пара. Она рыжая, он черноволосый! Точно! Первый выстрел, попал сразу в мужчину… Да, какой там мужчина, мальчишка, как и он. Девчонка тоненькая, приятная, испуганная. Она все твердила одно слово… Что это было? Нет, мелочь. Забыть о мелочах. Несколько выстрелов, все-таки парень падает, девчонка пытается сбежать, Найяр вновь стреляет… Проклятье! Нет, не убил, ранил. Догнал, она пыталась уползти, но герцог не видел женщину пару-тройку месяцев, потому не выпустил из когтей.

— Ну и? — спросил сам себя его сиятельство.

Точно! Она расцарапала ему лицо, пыталась драться, и он придушил ее, пока брал слабеющее тело. А когда излился, она уже сдохла. "Ты забрал мою женщину, я забираю твою". Черноволосый парень, Грэир черноволосый. Возраст — примерно ровесник его, Найяра, что дикарь, что Грэир. Выходит, тот дикареныш выжил и отправился мстить? Так?

— Так, — сам себе кивнул герцог. — Но это же невозможно!

Он обвел взглядом присутствующих мужчин. Как? Как недоразвитый дикарь мог так успешно прижиться в просвещенном Таргаре? Завести друзей, стать аристократом, дойти но начальника городской стражи, завоевав доверие самого герцога! Как он мог научиться разговаривать на таргарском так, словно родился на этих землях?! Выжидать в засаде, готовиться к удару… Сколько лет он был здесь? Десять? Больше или меньше?

— Да, человек ли это? Бес, он бес, а не человек! — воскликнул Найяр, пугая толмачей лихорадочным блеском глаз.

Он оттолкнулся от стола и возбужденно заходил по библиотеке. А если бы кто-то изнасиловал и убил Сафи, смог бы он, Найяр Грэим, сотворить подобное? Да, он бы искал врага, но смог бы столько лет выжидать, если знал, кто виновен?

— Коварный ублюдок! — выкрикнул герцог и расхохотался. — Я бы просто не смог столько лет выжидать! Вырезал всех вокруг, включая своего врага, а он змеем прополз, никого не тронул, никого не задел, выжидал, пока я стану уязвим… Не-ет, это точно бес! Не мог он знать, кого ищет, не знал, кто я, не знал! Но искал, упорно искал, ни на мгновение не отказавшись от своей затеи. И какая изощренная месть. Оставил жить и страдать, забрал самое ценное, что у меня было. И вы будете утверждать, что на Свободных Землях живут примитивные нелюди? Хитрый, скрытный, изобретательный. Умная твар-рь, — пророкотал Найяр и резко обернулся к открывшимся дверям. Тарг Фрэр вошел на дрожащих ногах. — К бесам, пусть живет, — отмахнулся герцог. — Теперь я уверен, что догадка верна. Ледигьорд.

И вновь хохотнув, Таргарский Дракон покинул библиотеку.

* * *

Сумерки давно сковали столицу Таргара. Фонарщики разбрелись по городу, зажигая фонари, лавки уже закрылись, оставив всю наживу трактирам и харчевням, заполнившимся трудовым людом, городской стражей, оставившей закончившей свою смену и прочим народом, пришедшим промочить горло кружечкой-другой доброго эля. Мужчина, завернувшийся в добротный плащ, уверенно прошел по вечерней улице и вошел в трактир "Дырявое корыто". К нему тут же подошел хозяин, встречая посетителя вежливым поклоном, что означало — мужчина из благородных. Они коротко переговорили, и мужчина прошел вглубь питейного зала, оглянулся и вошел в неприметную дверь.

Через некоторое время дверь трактира снова открылась. Новый посетитель, уже немолодой тарг с хмурым выражения лица, бросив по сторонам брезгливый взгляд, подошел к стойке, за которой сновал хозяин.

— Меня должны ожидать, — произнес он.

Хозяин прищурился, окидывая нового посетителя внимательным взглядом, и склонил голову.

— Я провожу вас, — сказал он, указывая взглядом вглубь зала.

Вскоре и этот мужчина исчез за неприметной дверью. Подобное никого не удивило, даже не заставило оторваться от своего эля и рассмотреть посетителей, которым впору было посещать дорогие ресторации, а не дешевый трактир. Дело в том, что папаша Брагар, хозяин трактира, промышлял не только питейным делом. В его трактире совершались сомнительные сделки, нанимали воров и убийц, так же можно было разжиться доступными девочками, да и много

чего, можно было найти в славной выгребной яме под названием "Дырявое корыто". Так что благородные тарги были здесь не менее частыми гостями, чем обычные посетители.

Тем временем папаша Брагар провел немолодого мужчину по узкому сумрачному и не особо чистому коридору, вежливо постучал в дверь и ушел, оставляя тарга в одиночестве.

— Входите, — донесся из-за дверей знакомый голос.

Мужчина вошел и усмехнулся:

— Ну и местечко вы выбрали, Эбер.

— Дорогой мой, тарг Коген, это наиболее безопасное место во всем Таргаре, уж можете мне поверить, — ответил казначей, вставая навстречу гостю.

— Это мне известно, — согласно кивнул тайный советник. — Не забывайте, кто я.

— Тогда, к чему удивляться, — насмешливо спросил Эбер Военор, указывая на стул по другую сторону стола. — Вино? Не пугайтесь, вино хорошее, еда достойная. Папаша Брагар знает, кого и чем угощать.

— А вам, друг мой, похоже, хорошо знакомо это местечко, — Коген скинул плащ и уселся на стул, внимательно разглядывая казначея. Тот проигнорировал замечание и наполнил кубок советника. — Итак, вы желали поговорить со мной.

— Желал, — кивнул Эбер и поднял кубок. — За процветание Таргара.

— За Таргар, — согласно кивнул Коген, и мужчины выпили. — Действительно, неплохо, — одобрил он вино. — Давайте не будем затягивать наш разговор. Время позднее…

— Я бы даже сказал смутное, — усмехнулся Военор.

— Нелегкое, — чуть прищурившись ответил тайный советник. — Однако к делу.

— К делу, так к делу, — казначей снова наполнил кубки и сделал глоток. — После положил на тарелку кусок сочного мяса, отрезал небольшой кусочек и отправил его в рот. — Изумительно, непременно попробуйте. — Бросил взгляд на советника и откинулся на спинку стула. — Дорогой мой Коген, любители вы Таргар, как люблю его я?

— Я патриот, — осторожно ответил мужчина. — Благополучие и процветание Таргара для меня первичны.

— Замечательные слова, — согласился Эбер. — А считаете ли вы, что нынешнее положение вещей ведет к дальнейшему процветанию нашего славного герцогства?

Коген молчал гораздо дольше, пытливо разглядывая главного казначея. Когда он шел сюда, то, в общем-то, понимал, что хочет сказать ему Военор. И теперь у него был выбор, ввязаться в эту авантюру, или же…

— Сколько вы уже храните тайн нашего… уважаемого правителя? — поинтересовался Эбер, отрезая очередной кусок. — Копилка еще не переполнена? Земля под ногами не горит? Не сверлит спину тяжелый взгляд?

Советник скривился, одним махом выпил содержимое кубка и с силой опустил его на стол.

mir-knigi.org

— Ты — бес, Военор, — усмехнулся он. — И земля горит, и острие топора давит на шею. С этим… уважаемым правителем уже не знаешь, что ждать в следующую минуту. Его разум словно бесы жрут. Благоразумия в глазах все меньше, а бредовых приказов все больше. Как может разумный человек не понимать, что пытаясь уничтожить мифические заговоры, он порождает настоящие?

— Он не первый Грэим, сходящий с ума, — пожал плечами Военор. — Эти кровожадные твари травят себя собственным ядом. Его прадед, едва не убил собственных внуков, обвинив их в предательство. А старшему тогда было всего четырнадцать. Наш Найяр идет по уже проторенному пути.

— Похоже, смерть Тиган здорово подкосила герцога, — отметил Коген, приступая к мясу.

Военор отложил столовые приборы и хмуро взглянул на собеседника.

— Я не верю, что Сафи мертва. Грэир не был мразью, и не мог не проникнуться к ней симпатией. Эта женщина…

— Проклятье, Эбер, вы были влюблены в нее?! — взметнул брови советник и рассмеялся. — Неудивительно. Красива, умна и так отлична от дворцовых пустышек. Будем надеяться, что Грэир спас ее из лап дракона. Боюсь, итогом его любви мог стать очередной гроб в родовом склепе. Кстати, — Коген поднял взгляд на казначея, — кажется, он напал на след. Сегодня призывал морских офицеров, говорил о Ледигьорде и ублюдке Грэире…

— К бесам, Коген, этого нельзя допустить! — взволнованно воскликнул Военор, вставая с места. — Его нужно удержать в Таргаре!

Советник с интересом наблюдал за главным казначеем.

— Отсутствие Дракона может быть полезным, — осторожно начал он.

— Но не ценой жизни невинных, — отмахнулся Военор. Он вернулся на свое место. — Давайте вернемся к нашему делу.

— Давайте, — кивнул тарг Коген. — Я вас слушаю, тарг Военор.

Эбер изложил свою точку зрения, привел все подготовленные доводы. Советник слушал, время от времени кивая. Когда казначей закончил говорить, в небольшой комнатке с толстыми стенами, подслушать за которыми было невозможно, воцарилась тишина. Коген думал, Военор ему не мешал.

— Мне нравится ваша идея, — наконец, произнес тайный советник. — Более того, я нахожу ее замечательной. Признаться, я сам думал о возможности переворота, но не видел кандидатуры на трон. Всех возможных, пусть и не прямых наследников, герцог успел убрать. Но идея использовать дочь ненаследного герцога… это просто великолепно!

Эбер усмехнулся.

— Вы ископаемое, дорогой мой, — ответил он. — Ваш мозг закоснел, потому вы не видите женщины на троне. И пусть дочь старого герцога не способна управлять государством, но это, скорей, недостаток воспитания и образования. Тарганна Сафи наглядно показала, что от женщины можно многого ожидать. И сложись судьба иначе, она могла бы стать прекрасной герцогиней и помощницей своему супругу. Более того, имей она больше честолюбия и более

изощренное сознание, могла бы править и единолично. Однако мы отвлеклись.

— Да, — согласился советник. — Но я не согласен с кандидатурой будущего герцога. Тот, кого вы прочите, наделен слишком большим количеством пороков.

— И кого же предложите вы? — заинтересовано спросил Эбер.

— Вас, мой дорогой, вас, — уверенно заявил Коген.

— Меня?! — воскликнул казначей. — Мне привычней работать с цифрами, а не с людьми…

— Бросьте, — отмахнулся советник. — Вы знаете всю эту кухню изнутри. Вы политик, Эбер. Лучшей кандидатуры не вижу. Я всегда помогу вам, пока вы не разбираетесь во всех тонкостях. Вы сможете навести порядок и поменять заведенный порядок. Если вам так сложно представить себя в роли правителя, вы можете успокоить себя тем, что являетесь регентом до совершеннолетия вашего сына и наследника. Потом он примет бразды власти. Но есть и еще один вариант, — советник хитро прищурился. — Смена династии. Думаю, Владыка поддержит подобный ход. Грэимы правили слишком долго, Таргару нужна свежая кровь. Благодаря дочери старого герцога вы сможете предъявить права на герцогский престол. А далее Владыка признает вас правителем и огласит указ, где Военор станет правящей фамилией. Герцог Эбер Таргарский — звучит?

— Чтобы вас бесы жрали, — усмехнулся Военор. — Думаете, Владыка…

— Энлера достал Найяр, он спит и видит, как бы избавиться от него, — уверенно сказал Коген, чем подтвердил выводы казначея. — Он не может открыто отказаться от покровительства, герцог держит его на коротком поводке. Но, уверен, с радостью соскочит с этого поводка. Нужно лишь переговорить с ним.

— До Адоха не день пути, — отметил Эбер.

— Я отправлю ему письмо с гонцом. Это преданный мне человек, — сказал советник. — Ваша задача очаровать юную герцогиню, чтобы свадьба выглядела ненарочитой. Завтра вы получите приглашение в их дом. У меня есть рычаги воздействия на старого труса, и его я беру на себя. Но, дорогой друг, о наших планах ненаследный герцог не должен знать до последнего. Малейший вопрос Дракона, из разряда тех, что он задает наобум, а потом начинает цепляться за реакцию человека, и старик все расскажет. И еще…

— Что? — казначей оторвал взгляд от кубка, на который смотрел, пока слушал.

— Вы должны не просто очаровать, вы должны соблазнить девушку, — закончил советник и остановил жестом возмущенного Военора. — Эбер, вы знаете, что ваш род уступает в знатности тем, кому герцог Грэим отдал своих дочерей. Мы не должны оставить ему и шанса на отказ. Очаровать, соблазнить и сделать так, чтобы вас заметили. Чтобы избежать скандала, Грэим отдаст за вас дочь и сделает это быстро. Наш заговор должен быть реализован достаточно быстро. У Дракона какое-то мистическое чутье. И его неуравновешенность может грозить любому из нас смертью уже завтра. Потому стать зятем Грэимов вы должны, максимум, через два месяца. Еще примерно месяц, и вы должны воцариться на престоле под одобрение Владыки и других государств. А они одобрят. Пока вы не представляете для них угрозы, пока вас воспринимают по тому образу, что вы создали себе, они с радостью ринуться поздравлять ваше новое сиятельство. Впрочем, согласие Владыки не оставит им выбора.

— Пока на Небесном Престоле Энлер, нам действительно лучше поторопиться, — согласился

Военор. — Чем быстрей мы освободим его, себя и Таргар от власти тирана, тем быстрей наступит долгожданный мир. А что будем делать с Найяром? Заточим в монастырь?

— Боги, Военор, что за доброта? — скривился Коген. — Убить, здесь даже разговоров быть не может. Нельзя оставлять ему жизнь, иначе этот змей будет жалить.

— Наемники, — напомнил казначей.

— У нас есть время, чтобы решить и эту проблему, — отмахнулся советник и поднял кубок. — За успех нашего предприятия.

— За успех, — кивнул Военор. — Значит династия Военор? — усмехнулся он, нервно постукивая по столу пальцами.

— Да, мой герцог, — рассмеялся Коген. — Но, тс-с, не будем спешить с титулами, дабы не спугнуть Удачу.

Они еще какое-то время разговаривали, но уже о вещах менее значимых, а вскоре покинули трактир, так же поодиночке, не привлекая к себе внимания. Эбер ушел последним. Он все еще чувствовал лихорадку. Герцог Эбер Таргарский… Однако. Мужчина хмыкнул и завернулся в плащ сильней. Проще было остаться в стороне, но идея Когена… Да, к бесам! Она зацепила Эбера Военора. Не слишком нравился план советника с соблазнением и следующим еще менее благородным шагом. Но в этом был смысл. Казначей вспомнил черты юной герцогини и должен был признать, девушка, как и все Грэймы, была прехорошенькой. Что ж, ухаживать за ней будет приятно, обладать тоже.

— Раз уж не дано видеть рядом ту, о ком мечтаешь, то почему не жить с той, которая будет мечтать о тебе, — прошептал он и опять усмехнулся.

Оглянувшись назад, мужчина ускорил шаги, желая быстрей добраться до лохани с горячей водой и мягкой постели. Первый день в столице выдался нелегким.

Тайный советник спешил домой, зная, что герцог может призвать его в любой момент. Чрезмерная подозрительность правителя Таргара стала просто невыносимой. Его сиятельство мог выдернуть своего советника из постели в любой час ночи, мало заботясь о том, что благородный тарг, не спавший две ночи, едва держится на ногах. Чтобы не падать с ног, мужчина стал частым гостем у тара Лаггера, который снабжал советника бодрящими настоями и все твердил, что без полноценного отдыха тарг Коген свалиться с нервной горячкой очень скоро. Советник вздыхал и разводил руками. Его сиятельство, даже если и уходил почивать, то для верного слуги всегда находилось задание. И сейчас тарг Коген молил богов, чтобы эту ночь ему дали проспать до самого утра, а так же, чтобы за время его отсутствия не было нарочного из дворца. То, что в столь поздний час благородный тарг все еще не в своей постели, могло вызвать ненужные вопросы и подозрения у Таргарского Дракона.

Должно быть, боги услышали молитвы тайного советника, потому что дома его встретила благодатная тишина и покой. Тарганна Коген уже почивала в своей спальне, и мужчина тихо прошел к себе, дав повеление наполнить его лохань горячей водой. Ужинать он отказался, лишних вопросов никто не стал задавать.

Советник дождался, когда его приказ будет исполнен, и выпроводил прочь слуг, ожидавших своего хозяина в умывальне. Когену требовалось побыть наедине с собой и обдумать то, во что он ввязался. Впрочем, и сейчас не поздно было дать задний ход. Можно было даже отличиться,

предав Эбера Военора. Но что потом? Очередная порция подозрений и угроз от герцога, бессонные ночи и наполненные нервотрепкой дни. И постоянный страх стать следующим покойником в нескончаемой череде жертв герцога Таргарского.

Затем советник задумался, что будет, если дать его сиятельству вернуть беглянку, если, конечно, она жива? Найяр, получив в свои лапы Сафиллину Тиган, на какое-то время забудет о заговорах, закрывшись с ней в спальне… А довезет ли он ее до своей опочивальни? Если герцог свернет в бешенстве шейку своей возлюбленной, в Таргар вернется обезумевший от горя зверь. Одно дело, когда он живет надеждой, другое сам уничтожит свое сердце. Да и найдет ли он женщину? И все же отсутствие дракона в логове может стать подспорьем в их деле…

— Если я дам зверю покинуть пределы Таргара, Военор потеряет ко мне доверие, запомнит, что действовал по собственному усмотрению, и тогда, после его воцарения, я просто буду выкинут из дворца, — в полголоса резюмировал Коген. — Найти своего ставленника и разыграть партию без Эбера… К бесам, — тайный советник выругался и вылез из лохани.

Рассудительный и здравомыслящий Военор был лучшей кандидатурой. К тому же вдвоем они уже представляли силу и могли положиться друг на друга. А на кого положится Коген в собственном заговоре? Нет. Мужчина решительно тряхнул головой. Прочь досужие рассуждения, сомнения и интриги, только в таком составе заговорщики могут добиться результата.

После умывальни советник прошел в свой кабинет и быстро накидал черновой вариант письма к Владыке. Перечитал, подумал и вымарал половину. Написал второй вариант, снова задумался, кинул в камин и сел за третье письмо. Им советник остался доволен. Скрепив послание собственной печатью, Коген вызвал верного ему человека.

— Как только городские ворота откроются, отправишься в Адох, — давал он наставления. — Передашь лично Владыке, скажешь по срочному делу. Таргарских посыльных к нему пускают беспрепятственно. Дождешься ответа и сразу назад. Послание особо ценное. Если почувствуешь угрозу, уничтожь. Оно не должно попасть в чужие руки. А это тебе на дорогу. — Коген вручил увесистый кошель. — И пусть боги не оставят тебя.

Доверенный склонил голову и покинул кабинет. Советник вернулся в спальню и лег, но еще долго ворочался, раз за разом продумывая план дальнейших действий. И, главное, как удержать герцога в Таргаре.

— А подсуну-ка я ему донесения о ведовстве. Пусть гоняется за призраками.

Если бы только советник знал, что в эту самую минуту его сиятельство бежит по коридорам дворца, пытаясь спастись от издевательского хохота Руэри Тигана.

Глава 9

Ледигьорд. Территории племени Белой Рыси.

— Даиль!

— Да-а-аиль!

— Даи-и-и-иль!!!

Я обернулась к двери и рассмеялась. Детские голоса, проникающие в деревянный дом, требовали моего явления. Вытащила из печи каравай, который испекла сама, поставила его на стол и накрыла чистым полотном, после обернулась к рысику, сидевшему на грубом, но основательном стуле, и сердце побежало быстрей. Он улыбался, глядя на меня. Порхнула к нему и тут же оказалась усажена на коленях.

— Зовут, — сказала я, глядя в сияющие глаза любимого мужчины.

— Я им сейчас, — проворчала свекровь, мазнувшая по нам деланным суровым взглядом, и потопала к дверям. — Опять галдите, как галки, — прикрикнула она на ребятню.

— А где Даиль? — послышался голосок Шоли.

— Почему она не выходит? — это Волли, мальчик семи лет.

— Бабушка, позови Даиль, — требовала наша племянница — егоза.

— А, ну, кыш, галчата, — рявкнула на них мать Флэя. — Занята Даиль.

Я поцеловала Рыся в щеку и вывернулась из его объятий.

— Зовут же! — возмутилась я, схватила медовые сласти и выскочила за дверь.

Гвардия юных Рысей стояла перед крыльцом, ни в какую не желая бояться старой Рыси. И я их прекрасно понимала, потому что я, узнав свою свекровь гораздо ближе за то время, что мы жили с ней под одной крышей, тоже перестала бояться. Даже, когда она хмурила брови и ворчала на меня, называя безрукой и растяпой, я прятала улыбку и безропотно кивала, зная, что за хмурым фасадом скрывается добрейшей души человек.

Я уже не злилась на нее за Аргата и за то, что встретила меня неприветливо. Поняла и приняла ее доводы, они были мне близки. Ведь и я когда-то считала, что не смогла бы подружиться с народом, который приносил бы моей земле беды и разорение. Тогда я была изумлена дружелюбностью Флэя. Но таков мой муж, он мудрый, а нам, женщинам, позволены заблуждения.

— Даиль! — радостно загалдели мои самые преданные друзья.

— Хей, Рыси, — строго произнесла я, и рысята, напустив на себя важности, кивнули.

— Хей, Даиль, — но тут же, забывая о том, что они не какие-нибудь там Медведи или Лисицы, облепили меня, расхватывая лакомство.

Я смотрела в их чистые глазенки, и душа пела. Великая Мать, велика твоя доброта к маленькой чужестранке, которую ты приняла в свою семью! В доме ждал меня самый лучший мужчина на свете, на улице окружали мои рысята, звездочки, чьи голоса рождали в сердце фейерверки солнечных брызг. Рядом стояла, притворно хмуря брови, женщина, незаметно для нас обоих становившаяся второй матерью. Ее забота и помощь не отпускали нас с рысиком с того страшного дня, когда его душа парила среди звезд.

Та ночь вообще многое изменила. Рыси, хоть еще и настороженно поглядывали на меня какое-то время, быстро расслабились, глядя, что мне доверяют их дети. Племя, наконец, полноценно приняло меня, глядя, как я выхаживаю своего мужа, как стараюсь быть сильной. Они одобрительно кивали, замечая, что я все больше слушаюсь их обычаев. А когда пришла в

Священное Место, чтобы вознести хвалу Великой Матери и Пращурам, за их добро и заботу, шаман сам отвел меня к Священному Огню, не пустив в Круг даже мою свекровь, которая сопровождала меня. Мы-то переживали, что шаман может не пустить меня, а он только меня и взял для исполнения благодарственного ритуала.

А через месяц мой Рысь самостоятельно покинул наш дом. Меня не было дома, я ходила к знахарке Таэль, которая учила меня искусству травоведения, а он, этот самоуверенный мужчина, ушел навестить брата. Я тогда дождалась, когда мы останемся наедине, потому что кричать на мужа недостойно настоящей Рыси, а потом сказала все, что думаю. И свекровь меня поддержала, потому что и ее не было дома, когда наш пациент покинул дом, и мы вместе, сохраняя на лицах каменное спокойствие, искали его по всему поселению.

— Спелись, — проворчал рысик, но по глазам было видно, что он доволен двойной атакой.

С того дня его сложно было удержать на месте. Не сбегал и не своевольничал он только тогда, когда я была рядом. Даже мать умудрялся провести, но со мной считался. Поэтому свекровь ворчала на ребятню, зная, что я не смогу перед ними устоять и обязательно уйду хотя бы ненадолго, чтобы поболтать с ними или поиграть.

Рысятам понравились таргарские игры, которые я помнила, как и сказки. Их я рассказывала по вечерам, перемежая со сказками Рысей, которые сначала мне рассказывали то Флэй, то свекровь. Она больше, потому что послушав сына, махала на него рукой, говоря:

— Ты же все переврал!

И начинала рассказывать сама. Я сидела, подперев щеку рукой, и едва ли не открывала рот, слушая, как напевно и в лицах старая Рысь рассказывала сказки. Да, что впечатлительная я, даже мой Рысь подсаживался рядом и слушал. Подозреваю, он сознательно портил сказки, чтобы лишний раз послушать свою маму. Когда я пересказывала услышанное, неосознанно старалась ей подражать, до того красиво это выходило у свекрови.

На вечерние посиделки, как их называл рысик, собиралась не только малышня, приходили подростки, юноши и девушки, и даже взрослые Рыси. Их было немного, но все же приходили и слушали. Иногда, когда малышей уже загоняли по постелям, взрослые просили рассказать им таргарские легенды и сказании, их я помнила много, благодаря своей нянюшке. Наибольшей популярностью пользовалась легенда о злом драконе и светлом рыцаре Голиваре. В этой легенде светлый рыцарь Голивар перехитрил кровожадного дракона и освободил прекрасную тарганну, забрав все сокровища дракона. Когда я рассказывала эту историю, заменяла золото и драгоценные камни, на несчитанные стада и полные закрома. Такие сокровища Рыси понимали лучше, золото же и камни считали пустяшной безделицей, красивой, но ненужной. А Голивару, скорей неосознанно, придавала черты Флэйри, который тоже перехитрил злого Таргарского Дракона и увел у него из-под носа его "сокровище". Флэю же эта история не нравилась, и он кривился, если выходил со мной вместе. На мои вопросы о причинах такой нелюбви к легенде, рысик отвечал только одно:

— Я еще слишком слаб. — И я поняла, что он продолжает опасаться, что Найяр однажды объявится на берегах Свободных Земель. Сама я вообще старалась об это не думать.

А между утренним приветствия моих маленьких друзей, которых иногда собиралось под дверями дома столько, что я даже не могла их ничем угостить, потому что столько угощения у меня просто не было, и вечерними сказками были домашние хлопоты, заботы о моем любимом мужчине, который отчаянно скучал, сидя в вынужденном бездействии, и многое другое.

Например, когда мужчины уходили на охоту или рыбалку, женщины отправлялись на общее поле. У Рысей не было собственных наделов, вокруг домиков не шумели яблони, не возились обитатели поселения в своих огородиках, а были общие земли, которые сообща обрабатывали, ухаживали и собирали урожай, делившийся поровну между детьми Белой Рыси. Так было и с зерном, и с овощами, и с фруктами, и с медом с большой пасеки за поселением, убитую дичь и рыбу тоже делили, если это была большая охота. Так называли охоту, на которую уходили почти все мужчины поселения. Если Рысь уходил в лес один, то на его добычу никто не претендовал.

Наша мать ходила еще с остальными женщинами, но из-за возраста возвращалась раньше, вместе со всеми пожилыми Рысями, но обед я ей относила, так делали все, кто оставался дома. У нас не было детей и подростков, потому я шла сама, с чужими. Впрочем, такие прогулки были только в радость, потому что по дороге мы учили стихи, которые я с вечера придумывала, если получалось, конечно, вместе м Рысем, или пели песни, которым меня с охотой учила ребятня. Так что о нашем появлении женщины и мужчины, которые работали вместе с ними, узнавали заранее. Нас встречали строго сведенными бровями и улыбками в глазах.

Потом, накормив мужа, осмотрев его затянувшиеся, но еще не зажившие до конца раны, я бежала к знахарке. Таэль объясняла мне, какая трава и для чего нужна. Учила, как правильно ее собирать и в какое время. Рассказывала про настои. Больше всего меня интересовали обезболивающие, успокаивающие, от колик, от жара, от кашля, ранозаживляющие. Мне хотелось все это знать, чтобы помочь своему малышу, когда это понадобится, а не стоять и смотреть в бессилии на его муки. Да и родным моим мои знания могли стать не лишними. Например, если я просыпалась от того, что муж начинал крутиться из-за появившихся болей. Я уже уверенно поила его приготовленным отваром, затем целовала следы от когтей медведя, заодно и старые следы ранений… просто Флэй очень быстро заканчивался, а мне хотелось ласкать его много, но не выходило, потому что рысик обзывал меня жестокой заразой, и после этого укладывалась, водружая его руку себе на объемный живот и спокойно засыпала, пока малыш избивал отца.

Рысь обзывался не зря. Мой любвеобильный муж был скован двумя вещами: своими ранами, которые не давали ему сильной свободы движений, и матерью, спавшей за стенкой, но это из-за меня. После того страшного дня, когда мы вернулись в поселение, у меня появились кровавые пятна на панталонах, которые я нежно берегла и продолжала носить. Это сильно напугало. Свекровь, более сведущая в таких делах, сбегала к знахарке, и та дала очередной травки, после отвара которой, все исчезло. Но теперь подобное случалось, если мне случалось перенапрячься. Из-за этого меня прогнали с общих полей, хотя беременные женщины работали на ровне со всеми, и из-за этого же, едва от сладких поцелуев Рыся наше дыхание учащалось, а скрип ложа становился все более двусмысленным, слышалось сердитое покашливание, и нарочитый топот свекрови. Поэтому мы позволяли себе откровенные ласки, когда она уходила. Впрочем, Флэй ни разу еще не сдался на мои жалобы и не наполнил меня собой, хоть я и обещала быть сверху "совсем капельку, очень аккуратненько".

— Терпи, голубка, потом я тебя просто съем, — обещал муж, прибегая к искусным ласкам, от которых я взрывалась ярким фейерверком, но так и не входя в меня. Я отвечала ему подобными ласками, тем и спасались, хотя бы изредка.

А когда наша строгая мать возвращалась в поселение, меня отпускали на волю, и вот тогда наступало долгожданное детское время. Малыши уже знали и зорко следили за возвращением моей свекрови домой. Они объявлялись под нашими дверями, как только она переступала порог дома. И приходило время для игр. Бегать с ними я не могла, потому иногда мы заменяли игры рукоделием. Всем девочкам понравилась кукла Шоли, и теперь я им показывала, как

можно сделать себе такую же. Девочки усаживались вокруг меня, деловито раскладывали все, что стащили из дома, и мы шили, болтая и хихикая.

Мальчикам куклы были не так интересны, но тут неожиданной помощью стал Рысь. Когда Флэй достаточно окреп и начал выбираться из дома, то, за неимением других дел, учил мальчишек вырезать себе оружие — мечи, делать луки, мастерить стрелы, а потом учил ими пользоваться. Рысик давал мальчишкам привычные им навыки, которые они получали от отцов, а тем, кто был постарше, еще и приобретенные в Таргаре. В результате, практически разработал схему боя, соединив приемы моей и своей родины, а так же присовокупив приемы наемников, те, которые секретные.

— Рысь, как ты смог узнать искусство наемников? — допытывалась я, возвращаясь к давно забытому вопросу.

— Я наблюдательный, — усмехнулся мой муж.

— Ты подглядывал за ними?! — изумилась я.

— Наблюдал, — важно поправил меня Флэй, и я весело фыркнула, тут же получив щелчок по носу.

Вообще, я ему завидовала. Его техника боя была составлена быстро, а мой алфавит шел очень медленно, а так хотелось показать Рысям, как здорово иметь письменность, настоящую! Рысик посмеивался над моими сетованиями, объясняя, что у него было достаточно времени для объединения всех знаний, еще в Таргаре, а у меня просто мало времени.

— Зачем столько мучений? Придумай буквы сама, — говорил он.

— Р-р-рысик, — рычала я на него. — Ты дикарь, ты ничего не понимаешь.

— Даиль, ты дерево, — хмыкал в ответ Флэй, на этом и расходились.

Несмотря на мои научные изыскания, я все больше убеждалась, что Рыси воспринимают меня, как большого ребенка. Это я поняла по их добродушным и чуть насмешливым улыбкам, когда я появлялась на улице, предводительствуя своей маленькой гвардии. А еще у меня появился поклонник — юный Рысь, четырнадцати лет. Он приходил по вечерам послушать истории, днем неизменно оказывался где-то поблизости, смущенно улыбался, но глаз не отводил.

— Я ему уши надеру, — возмущался Флэй.

— Любимый, это всего лишь ребенок, у мальчика первое увлечение, — смеялась я, глядя на мужа.

— Даиль, я был в его возрасте, к тому моменту, как меня назвали мужчиной, я своих пристрастий не изменил, — возражал рысик. — Точно надеру.

Я только хмыкала.

— Просто я другая, — говорила я, вспоминая слова Аргата.

— Вот именно, — со значением отвечал рысик.

— Скоро ко мне привыкнут и перестанут обращать внимания, — отмахнулась я.

— Посмотрим, — ворчал мой ревнивец.

А отличалась я сильно, на самом деле. Мои подопечные иногда превышали меня в росте, а рядом с другими женщинами я казалась пигалицей, и это действительно привлекало ко мне внимание, особенно мужское. Это было, скорей, любопытство, но из-за него многие женщины еще сохраняли со мной дистанцию. Это огорчало, но не сильно, потому что была уверенна, и к ним подход найду.

С сестрой Флэя мы уже практически подружились. Во-первых, меня приняла ее мать, а во-вторых, я ей показала таргарскую вышивку. Она заметила как-то ее на рубашке рысика и заинтересовалась, я показала. А пока показывала, разговорились, теперь женщина приветливо мне улыбалась и заманивала в гости, я даже пару раз сходила ненадолго, прихватив с собой на выгул Рыся.

— Даиль, будем играть? — спросила Шоли, по-хозяйски обнимая меня за ноги.

— Будем, но попозже, — улыбнулась я.

— Мы ждем, — деловито кивнула малышка.

В дверях появился Флэй. Он оглядел мою гвардию и подмигнул им.

— Хей, Рыси.

— Хей, Флэйри, — расплылись в улыбке щербатые ротики рысят.

— Будете со мной играть? — спросил рысик, и я ревниво посмотрела на него. Мои рысята!

— Не жадничай, — он поцеловал меня в щеку и увел за собой шумную толпу.

Я проводила их взглядом и посмотрела на свекровь. Она улыбалась, глядя вслед сыну.

— Он всегда был не похож на других Рысей, — сказала женщина. — Пусть балует. Когда окрепнет, будет пропадать с остальными мужчинами. Идем, Даиль, дел еще много.

Я покладисто кивнула и вошла за ней в дом. С тех пор, как мы жили вместе, мое кулинарное мастерство значительно возросло. Я научилась печь хлеб и пирожки, взбивать масло, делать сметану и… сыр! А еще медовые сласти, чем баловала своего рысенка, который, попробовав мед один раз, уже не хотел от него отказываться, а так же чужих рысят, когда шла к ним. Мать Флэя ворчала, что так меда не напасешься, но упорно помогала мне в деле медового разграбления домашних запасов.

Пока Гаммель, моя свекровь, убиралась в доме, я возилась у печи. Удивительно, но мне, благородной и некогда изнеженной тарганне безумно нравилось готовить. Я даже свекровь ненавязчиво оттеснила от этого дела, призывая только тогда, когда мне требовалась помощь. А вот стирать мне не нравилось, и старая Рысь, заметив это, взяла на себя стирку, пока мы живем с ней. Так мы потихоньку поделили свои обязанности, и споров не было. И, если честно, мне все меньше хотелось переезжать в дом, который собирался строить Флэй, как только сможет свободно махать топором.

Дверь распахнулась, и в дом вошел Бэйри.

— Хей, — поздоровался он.

— Хей, — ответили мы с Гаммель.

— А где Флэй? — спросил он, оглядывая дом.

— С детьми играет, — ответила мать. — Ты с делом пришел?

— Завтра будет торг у Медведей. — Сказал Бэйри, зачерпывая воды из деревянного ведра. Мужчина жадно пил, громко сглатывая. — Заявились пришлые с товарами. Я хотел съездить, вот, пришел брата позвать.

Мы со свекровью переглянулись. Идея отпустить Флэя одного мне не понравилась и… если честно, хотелось самой развлечься и посмотреть на товары. У нас были шкуры, появившиеся еще до случая с медведем. Его шкура, кстати, тоже была, но я ее сожгла. Бэйри нашел тушу и освежевал. Трофей Флэя он принес в дом матери. Это был единственный раз, когда меня видели в бешенстве. Я располосовала шкуру ножом, а потом сожгла. Видеть того, кто чуть не отнял у меня счастье, было выше моих сил. И все мое горе вылилось в бешенство. Мне не мешали, по-моему, даже поняли. В любом случае, никто на меня пальцем не показывал, кулаком по лбу себя не стучал.

— Я с вами поеду, — объявила я.

— Даиль, — строго начала Гаммель, но я ее остановила.

— Если Флэй согласится, он поедет на повозке, там и мне места хватит.

— На что хватит места, кому и зачем? — в дверях появился мой любимый мужчина.

— Мы едем к Медведям, — объявила я и сверкнула радостным оскалом.

Рысик зашел в дом, уселся на лавку и посмотрел на меня.

— Шкуры драть? — поинтересовался муж.

— Нет, смотреть товары пришлых, — еще счастливей засияла я.

— Еще лучше, — усмехнулся Флэй. — А почему сразу не в Таргар? А что, давай, навестим душку Ная. Помашем ему рукой, покричим под окнами дворца, — он перешел на таргарский. — Или письмо с нарочным ему отправим. Не теряйся, счастье мое, выдавай идеи дальше.

— Флэй, ты… — обиженно начала я на языке прибрежья Ледигьорда.

— От дерева слышу, — фыркнул Рысь. — Даиль, это не лучшая идея.

Я топнула ногой и насупилась, стараясь не расплакаться.

— Обо мне уже успели забыть, я же сгорела…

— Ты сама видела, что он не поверил. И я бы не поверил, — оборвал меня Флэйри. — И искал. Он ищет, голубка, я уверен, что ищет. Ты хочешь однажды увидеть его на берегу Свободных Земель? Я — нет.

— Мы даже не знаем, что там творится, может, он уже сдох…

— Даиль.

— И купцы из Таргара никогда сюда не ездят. Ну, р-р-рыси-и-ик, — протянула я.

Гаммель и Бэйри переводили взгляд с меня на Флэя и обратно. Свекровь хмурилась, Бэйри слушал с интересом, потому что мы продолжали спор на их родном языке. Он подошел ко мне ближе, и я сразу почувствовала поддержку. Мы обменялись взглядами.

— Брат, вы же будете среди нас. В этот раз Рысей набирается много. Медведи к вам не приблизятся, только скажи, — заговорил Бэйри.

— К тому же я — вот, — я погладила свой живот. — И уже признана племенем, как и то, что мы муж и жена.

Флэй переводил мрачный взгляд с брата на меня.

— Я за чужими спинами прятаться не собираюсь, — жестко отчеканил он.

— Медведи не сунутся к вам. Если там будет Аргат…

— Проклятье! — рыкнул на таргарском Рысь и сразу перешел на родной язык. — Дело не в медведях, Бэйри. Они милый зверьки по сравнению с тем, кто может явиться на наш берег. Если ему станет известно, что Даиль жива и здесь, он примчится сюда и вырежет всех, кто попадется ему под руку. Это не человек, это бешенный зверь.

— Флэй, в конце концов, меня, по-твоему, все-все-все в лицо знают?! Да, кому в голову придет, что тарг Грэир — это дикарь из Ледигьорда? Ну и что, что я отличаюсь от остальных, скажи, что взял женщину из далекого племени. Глупо бояться каждого шороха! — возмущенно воскликнула я.

— Я не боюсь, женщина! — Рысь встал и стремительно подошел ко мне. — Я не боюсь поганого ублюдка, я тебя потерять боюсь, понимаешь? Боюсь, что не смогу защитить, не успею, потеряю и не смогу вернуть. Я не хочу сжимать в объятьях твое мертвое тело, пойми ты это, глупая!

После этого развернулся и вышел из дома, громко хлопнув дверью. Я стояла оглушенная его неожиданной вспышкой. Он впервые разговаривал со мной в таком тоне, и я понимала его, понимала, о чем он говорит, но слезы помимо воли навернулись на глаза. Не от обиды, нет. Я растрогалась. Мой р-р-рысик, мой бесстрашный и бесконечно добрый муж. Ну и плевать на пришлых, плевать на товары, плевать на прогулку. Мне здесь разве плохо? Лишь бы в его глазах не плескалась затаенная боль от высказанных слов. Но слезы лились таким бурным потоком, что я не могла их остановить.

Я опустилась на лавку и спрятала лицо в ладонях. Бэйри сел рядом, он обнял меня за плечи и вздохнул.

— Мы его уговорим, — сказал брат Рыся. — Кем он нас пугает? Разве мы не воины? Разве не можем выстоять против пришлых? Любой зверь — это мешок из костей и крови. Не плачь.

— Нет, Бэйри, — я помотала головой.

Договорить не успела. Дверь вновь распахнулась, и рысик прошел прямо ко мне, забрал меня из рук брата и прижал к себе.

— Прости, маленькая, — прошептал он, целуя мое зареванное лицо. — Я был слишком резок, но это мое затаенное, и я не смог скрыть. Но все равно прости.

mir-knigi.org

— Флэй… — он приложил к моим губам палец.

— Дай мне сказать. Если ты так сильно хочешь, мы поедем. Но у меня будет несколько условий, — я вновь хотела сказать, что я не так уж сильно и хочу на берег, но меня вновь остановил Рысь. — Первое, ты не отходишь от меня и остальных Рысей, ни на шаг, Даиль, поняла? — я кивнула. — Второе, ни за что, ни при каких условиях ты не говоришь на таргарском. И, услышав язык, который знаешь, не подаешь вида. Ты будешь глуха к любым словам пришлых, кроме слов Рысей. Третье, никаких Медведей, не желаю, чтобы они к тебе приближались. Бэйри, — он обернулся к брату, — Даиль из племени, живущего далеко от берега, ни одного намека на то, что она с другого берега моря, скажи это всем. — Он подумал немного. — И Медведям это стоит передать.

— Хорошо, брат, — кивнул Бэйри.

— Только рядом, только язык Ледигьорда, и никаких Медведей, — повторил Флэй, и я снова кивнула. — Скажи.

— Только рядом, только язык Ледигьорда и никаких Медведей, — послушно повторила я.

— Не нравится мне ваша затея, — покачала головой старая Рысь. — Не дело это. Да и не стоит Даиль трястись в телеге.

— Я все сказал, мать, — ответил Флэй и снова посмотрел на меня. — Никому не отдам, — прошептал он. — Я просто не могу тебя потерять, голубка. Потерять Золи было больно, тебя — подобно смерти.

— Ты моя душа, — ответила я, глядя ему в глаза, и повторила за ним. — Потерять тебя — подобно смерти.

И его губы завладели моими.

* * *

На следующее утро меня разбудил пинок изнутри. Мой рысенок активно шевелился, словно предвкушая поездку и торопя меня быстрей встать, накормить нас с ним и ехать к берегу, где я не была с того дня, когда лодка Флэя ткнулась носом в отмель. Сам Рысь, почувствовав, что я встала, открыл глаза и сладко потянулся. Я тут же склонилась к нему и поцеловала в уголок рта.

— Хей, рысик, — улыбнулась я.

— Хей, голубка, — ответил муж, ласково погладив меня по щеке. — Буянит? — спросил он, глада на гуляющий ходуном живот. — У-у-у, тиран. Ай! — Рысь тут же получил по рукам от малыша, стоило ему приложить руку к моему животу. — Кто бы ты ни был, знай, я тебя жду, ой, как жду. И попу твою жду, — поугрожал отец, рысенок пнул его еще раз.

— Не смей угрожать ребенку, — я щелкнула мужа по носу и накинула на плечи теплую шаль.

— Это не ребенок, это маленький бесенок, — проворчал Флэй, вставая следом за мной. — Как его мамочка. — И поймал меня за плечи, прижимая спиной к своей груди. — Иди сюда, мамочка, — руки рысика Флэя оплели меня, и его голова опустилась на плечо.

— Если переживаешь, давай останемся дома, — сказала я, накрывая его руки ладонями. — Я не

умру без этой поездки. Просто хотелось немного развлечься и все.

Я развернулась к нему лицом и заглянула в глаза.

— Поедем, — улыбнулся Флэйри. — Я понимаю, что тебе просто хотелось отдохнуть, ты ведь к другому привыкла, а тут скована стенами поселения и дома.

— Глупый Рысь, — я ткнула пальцем в широкую грудь мужа. — Мне здесь нравится. Мне вообще везде нравится, где есть ты.

— И все же маленькая поездка до берега поможет тебе развеяться, да и мне. Если честно, то немного не хватает шумных ярмарок и других развлечений более развитого общества. Хотя скоро будет праздник Лета. Это весело, — он улыбнулся и потерся кончиком носа о мой нос. — А все остальное… Я просто накрутил себя. Иногда мне снится, что он нашел нас. И все происходит, как тогда, давно, только вместо Золи ты, а я ничего, совсем ничего не могу сделать. — Рысь прерывисто вздохнул и крепче прижал меня к себе. — Не знаю, можно ли любить еще сильней, чем я тебя, но если можно, то это могут только боги.

— Я не Золи, и ее судьбу не повторю, — прошептала я. — Люблю тебя.

— И я тебя, голубка, — ответил Рысь и коротко поцеловал меня.

— Я буду очень осторожна. Никакого таргарского, честное слово, — сказала я, снова заглядывая ему в глаза. — Но если ты все же передумаешь, я не расстроюсь.

— Нет, я хочу себе доказать, что мои страхи пусты и глупы. Мы на другом конце света, в конце концов, — ответил рысик.

За спиной заскрипели половицы, и он разжал объятья. Я улыбнулась свекрови и направилась к печи. Флэй обнял мать за плечи и поцеловал в щеку. Мне всегда умиляло, когда я видела, как он запросто, без всяких условностей, обнимает и целует Гаммель. Бэйри и Дэйри так не делали. Она просто слегка склоняли голову, выказывая ей уважение, а мой Флэйри обнимал и целовал. Мать ворчала на него, но ей нравилось, я это видела. Как нравилось и то, что Флэй мог растянуться на лавке, когда она шила или просто присаживалась отдохнуть, а особенно в моменты, когда Гаммель рассказывала мне сказки, мог растянуться и положить ей голову на колени. Это неизменно умиляло меня. И если я начинала подначивать, то на меня фыркали и мать, и сын. Я не обижалась. Все остальное время его ласка доставалась мне. К тому же, как я уже сказала, мне нравилось смотреть, как Гаммель гладила рысика по волосам, и он жмурился подобно сытому коту.

— Ты не рысик, ты котище, большой и наглый, — говорила я.

— А какая разница? — усмехался Флэй. Никакой, была я вынуждена признавать.

Гаммель погладила Рыся по плечу и тепло улыбнулась ему, затем мне, и вернулась к своему занятию. Я ухватилась за котел с ручкой.

— Даиль! Отшлепаю, — рысик отнял у меня котел и снял его с огня. — Ну, сколько можно?

— Да он не тяжелый, — возмутилась я.

— За стол садитесь, — велела свекровь.

— Надо умыться, — наставительно произнесла я и вздохнула, глядя в недовольные глаза супруга. — Неси уже.

Он отнес котел в нашу комнату, поставил его за ширму, которую сделал специально для меня. Тогда все Рыси, кто узнал об этом, заходили посмотреть на смешную штуку. Прятались за ней, усмехались и уходили, посмеиваясь. Но в паре домов такие ширмы тоже появились. За ширмой стоял таз, бадья, наполненная наполовину холодной водой. Флэй плеснул в нее кипятка из котла и отошел, ожидая своей очереди. Намывшись, я погладила буянящий живот, осторожно вытерла его в первую очередь, затем всю себя и потянулась за одеждой.

— Драчун какой, — проворчала я.

— Малявка? — догадался Рысь, заглядывая ко мне. — Я тебя съем, — сказал он, глядя на мои ныне непропорциональные формы. — Вот только пусть рысенок выберется наружу, всю съем.

— Не съешь, — отозвалась я, быстро натягивая платье. — Что без меня делать будешь?

— Хорошо, буду есть медленно, со вкусом и аппетитом, — пообещал Флэй, и у меня сладко заныло внизу живота.

— И до-о-олго, — предвкушающе протянула я, глядя на голодный огонек в глазах мужа.

— За стол, живо! — Гаммель ударила по столу ложкой, и мы вздрогнули.

Вздохнув, я обогнула Рыся и прошла к столу. Флэй вылил воду из таза, и вскоре послышался плеск, теперь мылся он. Я уплетала кашу, которую сварила свекровь, вставала она раньше меня, щедро сдобрив ее, кашу, а не свекровь, медом. Рысь бухнулся на скамью рядом со мной и взялся за ложку.

— Хей, — в дверях появился Бэйри. — Мы уже готовы.

— Пусть поедят, — махнула на него рукой мать. — И ты садись.

Бэйри посмотрел на меня, на Флэя и с готовностью сел напротив. Не успел он взять в руки ложу, когда Гаммель поставила перед старшим сыном глиняную миску с кашей, как открылась дверь, и вошел Дэйри. Он не ждал приглашения и сел рядом с Бэйри, выжидающе глядя на мать. Старая рысь усмехнулась, и вскоре трое сыновей Годэла стучали ложками. То, что я сижу за столом вместе с мужчинами, давно никого не смущало, привыкли. Я выпила свой травяной напиток, встала, не забыв поблагодарить Гаммель, и направилась одеваться для поездки.

Братья быстро расправились с завтраком, старая Рысь вручила мне узелок с пирожками на дорогу, крынку с молоком и, пожелав нам покровительство Великой Матери, проводила взглядом. Она была по-прежнему настроена отрицательно, но поперек мужского слова своего сына ничего уже не говорила. Мы подошли к единственной телеге, остальные Рыси, это были мужчины, человек десять, сидели на лошадях. К их седлам были приторочены шкуры. Флэй скривился, ему тоже хотелось быть в седле. Но я взялась за живот и охнула. Он тут же переключил внимание на меня и больше не возмущался, тем более, Рысь сам правил. Выходило, что он просто везет беременную жену, и калекой чувствовал себя меньше. Я его калекой не чувствовала вовсе.

Отряд сыновей Белой Рыси тронулся в путь, Флэй тронул вожжи, и мы выехали за ворота следом за конными мужчинами. Но вскоре к нам присоединились братья Рыся и еще пара человек. Они ехали вровень с телегой и разговаривали с моим мужем, я слушала их, переводя

взгляд с одного на другого. Мужчины обсуждали свои дела, я в их разговор не лезла.

— Эй! — возмущенно воскликнул рысик, когда Бэйри перебрался из седла в телегу и сел рядом со мной, свесив ноги. Его конь послушно трусил рядом. — Это наша телега, садись на своего коня.

— Поговори мне еще, младший, — хохотнул Бэйри и повернулся ко мне. — Скучаешь?

— Нет, — я улыбнулась. — Мне все нравится.

— И к моей жене не лезь, иначе…

— Что? — иронично спросил старший брат.

— Будешь иметь дело с моим сыном, — гордо ответил рысик. — Он Даиль бьет, меня бьет, а тебя, старую корягу, свалит одним ударом.

— Что? — возмутился в ответ Бэйри. — Да ты не знаешь, как мои дети дрались.

— Зато знаю, как это делает мой. Это самый хитрый Рысь, какого я знал, — развеселился Флэй. — Он нападает из засады, ни разу не опоздал и не промахнулся.

— А может там девочка, — возразила я.

— Да, кто бы он там ни был, я уже им горжусь. С такой настойчивостью и изощренностью меня в жизни никто не бил, — рассмеялся Флэй.

— Младший, сколько ты от меня получил затрещин и пинков? — рассмеялся в ответ Бэйри, и я обиделась.

Поманила к себе старшего сына Годэла и милостиво разрешила:

— Послушай.

Бэйри усмехнулся, но голову к моему животу склонил, мой муж весело поблескивал глазами.

— Ворочается, — улыбнулся Бэйри. — Ай!

И он выпрямился потирая ухо, по которому ему заехал наш рысенок. За папку мы отомстили и успокоились. Флэй расхохотался, глядя на мою деловитую физиономию.

— Вот такие они у меня, — сказал муж отсмеявшись. — Что жена, что ребенок. А теперь вали на свою унылую клячу, а то мы тебя снова побьем. В каретах ездят только аристократы.

— Арис… кто? — не понял Бэйри.

— Кто надо, — усмехнулся рысик.

Так за шутками и оживленным разговором дорога оказалась неожиданно короткой. Я уже начала узнавать землю Медведей. Вид толстых заостренных бревен, окружавших поселение соседей не вызвал никаких теплых чувств. Взглянув на Флэя, я успела заметить, как по его лицу скользнула тень, но быстро исчезла, и он, увидев, что я смотрю на него, подмигнул и улыбнулся.

mir-knigi.org

— Как думаешь, Аргат тоже там будет? — спросила я.

— Соскучилась? — тут же последовал ядовитый вопрос.

— Ревнуешь? — насмешливо спросила я.

— Жадничаю, — усмехнулся рысик.

— Жмот, — я рассмеялась легко и радостно, глядя на надменную физиономию Рыся.

— Какой есть, — проворчал лучший мужчина на свете и тепло мне улыбнулся.

Наш отряд миновал поселение Медведей и направился в сторону берега. Торг проходил там, в поселение пришлых никогда не пускали, доверия им не было с тех пор, как альены выжгли и вырезали половину прибрежных племен, рысик мне рассказывал. Я тогда пришла в ужас от нечеловеческой жестокости моих соплеменников. А главное, непонятно — зачем. Строить здесь свои поселения они не собирались, грабить у дикарей особо нечего. К чему нужна была эта бойня? И узнав о давних событиях, я перестала вообще винить Рысей в настороженном отношении ко мне, поняла. Но, слава Великой Матери, теперь все это было позади. И даже предсказание, сделанное покойным шаманом, о котором я узнала от сестры Флэя, воспринималось сейчас людьми из племени Белой Рыси гораздо спокойней. Многие говорили, как Бэйри: "Разве мы не воины? Разве не сможем защитить свою землю от пришлых?". Это несказанно радовало. Тяжело быть виноватой во всех бедах, но, чем больше проходило времени, тем меньше на меня смотрели с подозрением. И все чаще звучали слова, которые грели мою душу:

— Даиль, ты же дочь Великой Матери.

Так говорила свекровь, если я начинала чересчур хлопотать над рысиком или допускала в своем поведение нечто, что противоречило местным правилам и устоям. Это происходило редко, но иногда еще случалось.

— Голубка, все помнишь? — строго спросил Флэй, когда лес начал редеть, и обоняния коснулся запах моря.

— Я, Даиль, жена Флэйри, сына Годэла, из племени Белой Рыси, — ответила я, давая понять, что помню про условия своего пребывания на берегу.

— Любимая жена, — ласково улыбнулся рысик. — Ни на шаг.

— Ни за что, — ответила я и послала ему поцелуй.

Под ложечкой сладко заныло в предвкушении развлечения. Сразу вспомнились ярмарки и гуляния в Таргаре. Тогда, когда в моей жизни еще не было Найяра Грэима, но уже был Руэри Тиган. Переодевшись в платье своей служанки, я сбежала из замка, за стенами которого меня уже ждал Ру. Глаза его сверкали лукавством и весельем. И, схватив меня за руку, мой нареченный потащил меня к своей лошади, на которой мы добрались до Радама, скорей большого села, чем городка. Там был ярмарочный день, и мы веселились с Ру, смешавшись с толпой простых таргарцев. Смотрели на бродячих актеров, смеялись, глядя на танцы двух собак под свирель. Объелись сластями так, что вечером у меня разболелся живот, и танцевали. Без всяких правил и условностей, хлопая в ладоши и прихлопывая. А еще тогда Ру купил мне медное колечко, которое я спрятала в своем ларце с драгоценностями. Это все было давно, в другой жизни…

mir-knigi.org

— Что-то не так? — рысик остановил телегу и теперь стоял передо мной.

— Нет, все хорошо, — улыбнулась я и захлебнулась теплом, льющимся из темно-карих глаз моего супруга.

Все было, но я не променяю и секунды своей нынешней жизни даже на самые светлые моменты из прошлого. Флэй помог мне спуститься с телеги и приобнял за плечи. Я огляделась. Конечно, тут не было и тени того, что происходило на ярмарках в Таргаре. Не звучала музыка, не лились рекой эль и вино, не кричали до хрипоты зазывала, стараясь переорать конкурента. Не танцевали собаки, и не выступали бродячие актеры.

По берегу бродили Медведи, Рыси и представители нескольких других племен. Кто есть кто, мне объяснял Флэй. Женщин практически не было, беременных женщин тем более. На меня косились те, кто совсем не знал, но стоило Рысю обернуться в сторону того, кто позволял себе пялиться на его женщину, как очередной любопытный и неодобрительный взгляд исчезал.

Я посмотрела на корабли, рассмотрела флаг и облегченно вздохнула.

— Аганорцы, — сказал за меня рысик.

— Аганор с Таргаром далеки от мирных отношений, — заметила я. — Вряд ли здесь будут мои земляки.

— Я уже подумал об этом, — согласно кивнул Флэй. — Но мы не знаем, что произошло в Таргаре за время нашего отсутсвия, — добавил муж. — Ни ты, ни я понятия не имеем, кто это. Все пришлые на одно лицо и говорят на непонятном языке.

— Я помню, — улыбнулась я. — Но вы ведь их все равно различаете.

— Таргаров и еще пару-тройку государств, — ответил Рысь. — Они заставили себя запомнить, — его ухмылка вышла недоброй. — Идем, посмотрим, что пытаются продать ледигьордцам эти бессовестные пришлые.

И мы направились к небольшим шатрам. Я хотела придать лицу глуповато-восторженное выражение дикарки, увидавший чудо из чудес, но взглянула на нескольких женщин, прохаживающихся возле шатров. Они были суровы, как скала без зеленой поросли, и тоже свела брови. Рысик окинул меня мимолетным взглядом и хмыкнул:

— Любимая, что с твоим лицом? — поинтересовался он.

— Пытаюсь выглядеть, как другие женщины, — ответила я и еще больше нахмурилась.

— Они такие всегда, голубка, а ты похожа на котенка, который хочет напугать великана, — Рысь хохотнул.

— Дерево, — фыркнула я и вернула на лицо привычное выражение.

— Так-то лучше, — муж звонко поцеловал меня в щеку. — И что тут у нас?

Мы вошли в первый шатер. Здесь лежало оружие. Флэй отпустил меня и взял приглянувшийся ему меч. Он вытянул руку, прищуривая один глаз, взвесил на руке, проверил балансировку и откинул с презрительным выражением. Торговец, наблюдавший за ним, тут же оживился.

— Великий воин понимает оружие, — с жутким акцентом заговорил он, вызвав мой смешок. —

Смотреть другой меч.

И он выудил следующий меч, расхваливая свой товар. Рысик повторил свои манипуляции и ответил коротко, но емко:

— Пришлый, это дерьмо. Идем, Даиль.

Мы направились прочь из шатра, когда в спину понеслось:

— Совсем обнаглели дикари. Еще будет оскорблять мой товар.

— Баба у него ничего, я бы с такой поигрался разок-другой, — ответил молчавший до этого паренек.

Мышцы Флэя закаменели от напряжения, и я ущипнула его, заглядывая в глаза. Рысь поджал губы и процедил сквозь зубы ругательство. Мужчины говорили на аганорском, родственном таргарскому языку, как и языки многих соседей. Осколки бывшей великой империи, как-никак.

— Флэй, ты неосторожен, — укорила я.

— Я ему поиграюсь, мразь, — прошипел рысик, и я погладила его по груди.

До следующего шатра мы не успели дойти, дорогу нам преградил Грут. Он помялся, явно не зная, как себя вести после того, как его сын похитил меня, а он не хотел отдавать, но доброе отношение к Рысю сохранил.

— Хей, Грут, — я первая заговорила с ним, потому что Флэй, еще не отошедший от произошедшего в шатре с оружием, был хмур и напряжен.

— Хей, Даиль, — ответил Медведь. — Хей, Флэйри.

— Хей, — грубовато поздоровался Рысь.

— Ты волен злиться на меня, — произнес Грут. — Но я уважаю тебя, сын Белой Рыси, и хотел бы и дальше называть тебя своим другом. Я жалею, что чувства моего сына встали между нами, но ты не можешь не понять меня, Флэй.

— Могу, Грут, — рысик смотрел в глаза Медведя. — Эту женщину мне послала Великая Мать тогда, когда я думал, что мой огонь угас навсегда, и теперь душа будет вечно скована льдом. Я готов был вернуться домой и принять выбор матери, потому что должен продолжить род. Но встретил ее, и пламя заполнило меня. Твой сын украл не просто мою женщину, он забрал мою душу, я не могу забыть этого.

Я перевела встревоженный взгляд с Рыся на Медведя. Грут чувствовал себя виноватым, это было заметно, но губы упрямо поджал.

— Флэй, он мой сын. Я его столько лет женить пытался, а он только Астер взял из жалости. Так она старая для него, а молодых Медведиц в глаза не видит. А как встретил вас с Даиль, не узнать его стало. Ничего не говорил, но дом готовить начал. А когда привез Даиль, я пытался уговорить, но он уперся. Она — мое сердце, говорит. Как я мог сыну отказать? Да и обычаи наши знаешь, мы своих не выдаем.

— Мне его пожалеть? — с вызовом спросил Рысь.

— Простить, — в тон ему ответил Грут. — Хотя бы зла не держать. Рысь, я всегда уважал тебя и продолжаю уважать. Ты знаешь, я мало кому могу такое сказать, тебе говорю. Прошу, прими мою дружбу. Это я тоже мало кому говорю, и только один раз. Тебя прошу повторно.

— Флэй, — я подергала мужа за рукав. Он опустил на меня взгляд, и я вздрогнула от холодка, сквозившего в темно-карих глазах. И пусть он предназначался не мне, но мне стало нехорошо. — Пожми руку Груту, — тихо попросила я. — Не стоит хранить на душе этот камень.

Медведь, слушавший меня, поднял голову и опять посмотрел на рысика. Флэйри взглянул в сторону аганорских кораблей, затем повернулся к Медведю и протянул руку. Медведь обхватил запястье Рыся, мой муж сжал запястье Грута.

— Да, не допустят Пращуры более вражды меж нами, — произнес Медведь.

— Пращуры тебя слышат, Грут, — ответил Флэй, и они разжали пальцы.

Между мужчинами воцарилась тишина, рысик молчал, а Грут опять не знал, что сказать. Я вздохнула и указала глазами на шатер, до которого мы так и не дошли.

— Идемте, посмотрим, что там, — сказала я и первая направилась туда.

— Даиль, — Флэй догнал меня и опять обнял за плечи.

Грут поравнялся с нами.

— Пришлые суют свой товар, что-то говорят меж собой, не понятно. Это раздражает, — пожаловался Медведь.

— А мы сейчас послушаем, — улыбнулась я.

— Только ни одного намека на то, что мы с Даиль их понимаем, — предупредил Рысь.

— Вечером к нам приезжал посланник Рысей, Медведи знают, — кивнул Грут.

Мы вошли в шатер. Здесь тоже оказалось оружие. Я, молча, слушала, о чем переговариваются мой муж и старейшина Медведей. Торговец уговаривал одного из Лисиц купить у него охотничий нож, ледигьордец не спешил. Он внимательно разглядывал оружие, и оно ему нравилось.

— Брать, брать, хорошо, — счастливо улыбался аганорец.

Его помощник раскладывал перед моим Рысем и Медведем мечи, ножи, наконечники для стрел. Флэй просмотрел уже два меча и откинул их в сторону, тут же поясняя Груту, что в них не так. Как я уже давно успела заметить, ледигьордцы предпочитали луки и ножи, мечами они почти не пользовались. Оно и понятно. Между племенами стычек не происходило, а на охоте им мечи только мешали. Возможно, поэтому их знания именно этого вида оружия были невелики. Лис прислушался к пояснениям Флэя и подошел ближе, оставив торговца без внимания.

— Грязный дикарь, — проговорил тот с ласковой улыбкой. — Чтобы вы все сгорели. Толку никакого. Зачем таскаемся сюда, не понятно.

— А этот смотрит мечи, будто что-то понимает, — усмехнулся второй, показывая глазами на Флэя.

mir-knigi.org

— Скажи, что этим мечом убили двести чужаков, он на радостях купит, — хохотнул первый.

Флэй продолжал откидывать оружие, делая вид, что не понимает ни слова. Мне же тяжело было сдерживаться, слушая всю эту грязь. Да, кто они такие?! Перед ними, между прочим, начальник дворцовой стражи Таргара, в знатности которого не посмел усомниться даже Таргарский Дракон.

— Голубка, — позвал меня муж. — Отвернись.

И как заметил, что я прожигаю взглядом грязных торгашей? Вроде спиной стоит. Я отвернулась и скрипнула зубами. Рысенок, почувствовав мое настроение, заворочался, и я немного расслабилась, пока гладила живот.

— Зачем бабе-то своей велел отвернуться? — спросил второй.

— А кто их разберет, может, нельзя на чужих мужчин смотреть, а может, на оружие. А может, испугался, что на нормальных мужчин посмотрит и на него, вшивого, уже не взглянет, — они рассмеялись.

Я сжала кулаки, изо всех сил стараясь сохранить спокойствие, и вздрогнула, когда шатер огласил звон металла. Это разъяренный Рысь с силой швырнул очередной меч на груду его собратьев.

— Одно дерьмо, — произнес он на родном языке. — Идем отсюда.

— Смотреть, еще смотреть! — воскликнули хамы, но мы уже выходили из шатра, сопровождаемые Медведем и Лисом.

— Сюда не ходите, — громогласно объявил Грут, указывая на шатер. — Здесь обманщики.

Флэй криво ухмыльнулся, когда до нас донеслись проклятья купцов. К третьему шатру мы подходили целым отрядом. Бэйри и Дэйри тоже присоединились, с ними подошли еще Рыси, несколько Медведей и пара представителей других племен.

— Они что-то еще возят, кроме оружия? — насмешливо спросил мой Рысь. — Если и здесь не увижу стоящего, больше на эти торги ни ногой.

— Хорошее оружие, — заговорил купец.

— Посмотрим.

Флэй подхватил кинжал, осмотрел его и отложил в сторону. После пересмотрел еще несколько ножей, складывая их к кинжалу. В ножах ледигьордцы понимали лучше, потому одобрительно закивали, по очереди просматривая то, что рысик складывал по правую руку. Затем взглянул на купца и подтянул к себе меч. Повторилась процедура оценки, и меч упал по левую руку. Грут тоже взял его, повторил за Флэем и презрительно откинул. Вряд ли все понял, но выглядело впечатляюще.

Наверное, поэтому, купец вдруг побледнел и замотал головой:

— Это простое оружие, есть хорошее, есть!

— Покажи, — велел Флэй.

На стол легли три меча, рукоять одного обвивал дракон, опутывая хвостом начало клинка. Глаза дракону заменяли рубины, по спине шла россыпь изумрудов. Ножны были украшены чеканной надписью: "Сила дракона в моей крови". Рысик едва заметно усмехнулся, вытащил меч из ножен и придирчиво осмотрел его. После вышел из шатра и сделал несколько выпадов. Повертел в руках, перекинул с руки на руку.

— Беру, — сказал он купцу, поспешившему следом.

— Ты воин, — уважительно произнес купец.

— Флэйри, посмотри еще, — попросил Грут, тоже вышедший следом.

Рысик вредничать не стал. Он отобрал несколько мечей, ножей гораздо больше, и ледигьордцы все это разобрали. Впрочем, с ножами им помощь была особо не нужна, но то, как мой муж общался с торговцами, народ впечатлило, и к его мнению стали прислушиваться.

После нашего ухода в третий шатер покупатели пошли гораздо оживленней, обходя второй стороной. А мы, тем временем, двинулись дальше. Слава Великой Матери, в следующем шатре была домашняя утварь, и вот тут я оживилась. Сюда мужчины не пошли, только Флэй. Я с интересом крутила в руках медный котел с носиком, небольшой, как раз мне под силу. Так же заинтересовалась двумя легкими ковшами и маленькой лоханью.

— Для рысенка, — пояснила я, муж согласно кивнул.

На большую лохань посмотрела с тоской и вздохнула.

— Мы с телегой, довезем, — рассмеялся Флэй.

Он поторговался с купцом, снизив цену в несколько раз. Просто Рысь знал настоящую стоимость этого товара и цену шкур. Потому жадность хозяина обуздал достаточно быстро. Тот поскрипел зубами, но продал, и вскоре его помощники тащили наши покупки к телеге.

— Кстати, нужно узнать, сколько с остальных дерут, — задумчиво произнес Флэй, и мы пошли проводить свою вредительскую деятельность дальше.

Это было упоительное чувство мести за то, на что мы не могли ответить словами, но возмещали действием. В шатре с тканями я опять развернулась. Здесь были и мужчины. Они рассматривали товар, заглядываясь на яркие цвета, и соглашались с ценами купцов.

— Дерьмо, — фыркнула я и покраснела, стыдливо прикрыв ладошкой рот.

— Много берешь, — сурово произнес Рысь и посмотрел на меня.

— Очень много, — кивнула я.

— С каких пор у них бабы рот открывают? — спросил купец своего напарника.

— Женщина умного не говорить, — заискивающе заулыбался второй купец, глядя на Волка.

И вот тут мой Рысь вздохнул полной грудью, меня оскорбили на языке Свободных Земель. Он навис над грубияном, сверкая разъяренным взором.

— Ты мою жену дурой назвал? — тихо, почти ласково, поинтересовался рысик, и купец вздрогнул, отступая на шаг назад.

Рысь шагнул следом, давя своей внушительной фигурой и не оставляя свободного пространства.

— Повтори, — потребовал он.

— Женщина молчать, — неуверенно произнес купец и тут же взмыл над землей.

Флэй встряхнул мужчину так, что у того клацнули зубы, а я испугалась за мужа, он же еще не до конца поправился! Я сделала шаг в его сторону, но Волк преградил дорогу.

— Мужчина сам разберется, — сказал он строго и тут же указал на понравившуюся ткань. — Плохая?

— Да, — я кивнула и вгляделась в остальные ткани. — Вот хорошая.

Первый купец, замерший на месте и с испугом глядевший на Флэя, продолжавшего "милый" разговор с его напарником, отмер и поспешил к нам.

— Мудрая женщина, — расплылся он в подобострастной улыбке. — Хорошая, хорошая. Две лисьи шкуры.

— Много, — я решительно мотнула головой. — За две шкуры еще вот эту, эту, эту и эту. — Я указывала пальцем на рулоны, а купец багровел.

— Да, что эта сука себе позволяет, — сказал он на родном языке и полетел на пол, придавленный весом своего товарища.

— Любимая выйди, — велел Рысь.

— Флэй…

— Немедленно! — рыкнул он, и я вылетела из шатра с тканями.

Это было странно и страшно. Мой нежный и благородный Рысь впервые так откровенно демонстрировал агрессию. Нет, мне не жалко было купцов, которые лгали тем, с кем приезжали торговать, пользуясь их наивностью и незнанием цен в более цивилизованных странах. Оскорблявших детей Свободной Земли, где были гостями… пришлыми. Но ярость Флэя, действительно пугала. Заметив Бэйри, я бросилась к нему.

— Бэйри, Бэйри! — крикнула я.

— Даиль? — старший сын Годэла быстро подошел ко мне. — Что случилось?

— Флэй бьет пришлых, — выпалила я, указывая на шатер, откуда слышались недвусмысленные звуки.

— За что? — совершенно спокойно поинтересовался Бэйри. — Хотя, какая разница? Раз бьет, значит, заслужили. Надо помочь брату. Дэйри, — махнул он среднему брату. — Рыси, наших бьют!

Я стояла с открытым ртом, глядя, как от толпы, словно по мановению волшебной палочки, отделились все приехавшие Рыси, и направились следом за Бэйри. Наших бьют? Помочь Флэю? В чем? Он, судя по всему, сам прекрасно справляется…

mir-knigi.org

— Пришлые! — крикнул кто-то, и я увидела, как к шатру с тканями спешат аганорцы.

В этот момент из шатра вылетел первый купец, следом второй. Флэй вышел, отряхивая руки.

— Флэй! — закричала я, когда на него бросились еще двое пришлых.

— Пришлые напали на Рысей! — закричал Грут, и к Рысям, уже налетевшим на купеческую подмогу, присоединились Медведи.

— Ой, мамочки, — всхлипнула я.

Аганорцы подтягивались, стало мелькать оружие, звякнул меч Флэя, совсем недавно купленный здесь, на берегу. Мне стало совсем плохо, когда он скрестил его с мечом воина из Аганора, остальные разошлись, образовав круг. Заломило поясницу и потянуло низ живота. Я тихо охнула, но все же направилась в сторону свары, когда мне на плечи легли широкие мужские ладони.

— Даиль, — услышала я и резко обернулась.

— Аргат, — испуганно выдохнула я и отпрянула. Неудачно, оступилась и полетела на землю.

— Не бойся меня, — Медведь протянул ко мне руки, но я их оттолкнула. — Даиль, я не причиню тебе зла.

— Ты и тогда так говорил, — ответила я, пытаясь подняться с земли. Самостоятельно не вышло и прошлось воспользоваться помощью Аргата.

Он помог мне встать и снова обнял за плечи, не давая сойти с места.

— Женщине не следует ввязываться в мужскую драку, — мягко произнес мой похититель. — Твой муж разберется, он сильный воин.

Низ живота тянуло по-прежнему, в панталонах вдруг стало мокро. Я испуганно замерла, прислушиваясь к себе. В этот момент послышался крик. Теперь мне вовсе не было видно, что там происходит.

— Аргат! — вскрикнула я, опять оборачиваясь. — Посмотри, что там происходит. Посмотри, умоляю!

— Астер, — позвал Медведь. — Посмотри за Даиль, чтобы не сунулась туда.

Астер послушно подошла и перехватила меня. Аргат направился к сражающимся. Он сильно прихрамывал.

— Смотри, что твой муж с ним сделал, — обвиняюще произнесла Медведица.

— Не тронул бы меня, ходил бы здоровым, — ответила я, менее всего склонная винить себя или Рыся в состоянии Аргата.

— Он оказал тебе честь, выбрал одну из всех, а ты не оценила, — продолжала отчитывать меня Астер.

Я повела плечами, но освободиться не смогла.

mir-knigi.org

— Стой, если мужчина приказал, — сказала она, болезненно сжимая пальцы.

— Ты делаешь мне больно, — поморщилась я.

— Ему было больней, — отчеканила женщина, и я взорвалась.

— Да, как ты смеешь, Медведица, укорять меня, дочь Белой Рыси, в том, в чем моей вины нет?! — сердито воскликнула я. — Не Флэй украл меня у Аргата, а Аргат у Флэя. Твой муж хотел разлучить меня с моим мужчиной! Не смей обвинять меня!

— Нет, я буду обвинять, — зашипела мне в ухо Астер. — Он бросил к твоим ногам все, что у него было. Он полюбил тебя, недостойную пришлую, а ты презрела его любовь.

Резко дернувшись, я вырвалась из крепкого захвата.

— Не смей разговаривать со мной в таком тоне, женщина, — произнесла я ледяным тоном. — Не смей прикасаться и обвинять. Я Даиль, жена Флэйри, сына Годэла из племени Белой Рыси. Судьей мне могут быть только муж, Пращуры и Великая Мать, и никто иной.

Развернувшись на пятках, я направилась, чеканя шаг в сторону сомкнувшегося круга, откуда слышались вскрики и звон оружия. Ну, Флэй! Ну, рысик! Если жив останется, своими руками задушу. Только выходили, а он, вон, что вытворяет. И остальные тоже. Да, какие они мужчины, мальчишки-забияки, только и всего. Я им всем скажу, я им все скажу…

— Ай! — сильная рука Астер остановила меня в нескольких шагах от круга.

— Далеко собралась? Так-то ты выучилась уважать мужчину у Рысей, пришлая? — прошипела она мне в лицо.

— Да, убери ты руки! — закричала я. — Как ты смеешь!

— Астер, что здесь происходит?! — Аргат спешил в нашу сторону. — Даиль…

— Уйдите от меня оба! — заорала я. — Как вы смеете меня обвинять? Кто дал вам это право?

— В чем обвинять, кто? — опешил Медведь.

— Я сказала ей все, что думаю, — ответила Астер, глядя исподлобья на мужа.

— А я позволял? — ледяным тоном спросил Аргат. — Я попросил удержать Рысь вдали от дерущихся мужчин.

Я уже не слушала, врываясь в круг, и нагло расталкивая дикарей локтями.

— Рысь! — в ярости выкрикнула я. — Если ты немедленно не прекратишь это, я не знаю, что я сделаю! Я… Я рожу тебе дочь!

— Нашла, чем пугать, — ответил Флэй, уходя из-под удара аганорца. — Даиль, выйди отсюда!

— Ты… ты… Ты — дерево, Флэй! Ты большое и толстое дерево, — зло ответила я и всхлипнула от обиды.

Боль внизу живота усилилась.

mir-knigi.org

— О-ой, — простонала я, и на плечи снова легли руки Аргата.

— Не прикасайся к ней! — вызверился Флэй, оборачиваясь к нам и тут же, чуть не поплатился за это.

— Рысь, сзади! — взвизгнула я, и меч аганорца распорол рукав рубахи Флэя. — Ой, мама, — снова всхлипнула я, хватаясь за живот.

— Что, Даиль? — заботливо спросил Аргат, вытаскивая меня обратно за круг.

— Рысенок, — ответила, растерянно глядя на него. — Ох…

— Сейчас, Даиль.

Медведь подхватил меня на руки и понес в сторону от берега.

— Куда ты меня несешь? — опомнилась я. — Верни назад, верни! Флэй!

— Не бойся, наша знахарка тебя посмотрит, до Рысей далеко, — попробовал пробиться сквозь мою нарастающую истерику Аргат.

Но доверия ему не было, и я продолжала вырываться, кричать и охать, хватаясь за живот. Звон стали стал яростней, похоже, одному твердолобому дикарю надоело развлекаться, и он спешил закончить бой. Но прежде, чем Флэй вырвался следом, за Аргатом устремились братья рысика.

— Стой! — крикнул Бэйри.

Аргат остановился, но меня с рук не спустил, я вывернулась сама и побежала к братьям, держась за живот. Боль нарастала неожиданно быстро.

— Я к знахарке хотел отнести Даиль, — произнес Медведь. — Я не причиню зла, Флэйри честно выиграл спор. Это его женщина. Раз не смог ее добыть в бою, значит, Отец посчитал меня недостойным, — грустно закончил Аргат и посмотрел на меня. — А жаль.

— Даиль, — Дэйри окинул меня быстрым взглядом. — До наших можем не довезти, похоже, племянник ждать не хочет.

— Весь в отца, — проворчала я и снова застонала.

— Неси к Медведям, — велел Бэйри. — Я заберу брата.

— Я покажу короткий путь, — кивнул Аргат.

Мне уже было все равно, где, лишь бы Рысь был рядом.

* * *

Дом знахарки Медведей почти не отличался от дома Таэль, те же запахи, те же пучки сушеных трав, булькающее варево и тихий шепот над ухом. Рядом со мной была лишь она, а за дверями слышались голоса Рысей и Медведей, заговаривающих зубы моему мужу, рвавшемуся внутрь. С первым же, кто попытался его увести, рысик устроил драку, и теперь сидел под дверями, как сторожевой пес, никого не подпуская… и не выпуская.

Дело в том, что один раз знахарка пыталась покинуть дом, чтобы принести воды.

— А Даиль останется одна? — возмутился Рысь, отнял ведро и затолкал женщину обратно.

— Это не Рысь, это змей подколодный, — ругалась она, присаживаясь возле меня.

— Просто он волнуется, — попыталась я сгладить грубость супруга.

Она попробовала выйти еще раз, думая, что Флэй ушел за водой. Наивная Медведица, у рысика все ходы были просчитаны, за водой он отправил Бэйри, а сам остался на крыльце.

— Голубка, как ты? — спрашивал он время от времени.

— Я с тобой не разговариваю, — стонала я между схватками.

— Ну, прости, я они меня довели, — оправдывался Рысь.

— А за меч зачем схватился? О-ой…

— Любимая?

— А, ну, иди отсюда, рысья морда, — знахарка живо вытолкала Рыся, как только он наполовину просунулся внутрь после моего стона. — Живая, раз кричит, вот и успокойся, а то сонной травой напою.

— Даиль, я рядом, — крикнул через закрытую дверь Флэй.

— Да, лучше б ты вместо меня тут лежал, — вновь застонала я и отдалась на волю новой схватке.

Медведица подготовила чистые пеленки, которые ей принесли женщины из племени Медведей, грела воду и все шептала что-то, шептала и шептала.

— О, боги, — пробормотала я на таргарском, — за что вы так с женщиной?

Ощущение, что я бочка, которую бочар стягивает обручами, становилось все устойчивей. Я пыталась быть сильной и не кричать, но стон то и дело срывался с губ.

— Кричи, Рысь, сейчас можно, — говорила знахарка, но я мотала головой.

За дверями сидел мой муж, разве я могу позволить себе пугать его? Да и дом Медведицы жалко. С него станется, еще дверь вынесет, решив, что я тут при смерти.

— На, вот, выпей, легче будет, — женщина приподняла мою голову, давая выпить теплый отвар.

Не смотря на быстрое начало родов, я лежала здесь уже не первый час. За мутными окошками уже давно стемнело, и темнота безумно давила, а свет нескольких лучин раздражал и делал мои страдания еще острей.

— Брат, Грут в дом зовет, идем, поешь, отдохнешь, — послышался голос Дэйри. — У всех жены рожали, и не один раз. Умирают от этого не так часто.

— Заткнись, — донесся до нас глухой ответ Флэя. — Я никуда отсюда не уйду.

— Флэй, — это подключился Бэйри.

mir-knigi.org

— Пока я рядом, с моей голубкой ничего не случится, — упрямо произнес рысик, и я улыбнулась, не смотря на начало очередной схватки.

Когда забрезжил рассвет, я уже была вымотана до предела, сил толком не осталось, даже на крики, которые я в какой-то момент себе все-таки позволила. Царившая тишина за дверью тут же взорвалась барабанной дробью.

— Открой, ведьма, — требовал Флэй. — Я тебе дом разнесу.

— Рысик, заткни-и-ись, — заорала я, вспышка гнева совпала со схваткой.

— Любимая…

— Убирайся к бесам, Флэй, видеть тебя не могу, — выкрикивала я. — За что ты так со мной?

— Даиль, — потрясенный голос за дверями не разжалобил меня. Я бы его сейчас убила голыми руками, честное слово. — Маленькая, ты на меня злишься?

— Идиот, — простонала я, швыряя в дверь первое, что попало под руку, это оказалась глиняная кружка.

— Да, успокойся ты, — Бэйри все еще был рядом с моим мужем. — Моя вообще обещала зарубить меня топором, если я еще хоть раз к ней подойду, ничего, после этого еще трижды угрожала, — и он рассмеялся.

— То-то, им все мед сладкий, а бабе мучайся, — наставительно произнесла знахарка.

— А вот ему медок, — я ткнула фигой в сторону двери.

Знахарка рассмеялась и дала еще отвара, он делал схватки немного терпимей. А когда взошло солнце, я потеряла сознание. Из забытья я выплыла быстро, но через пару схваток снова ушла за границу реальности. Мне чудился Ру. Он сидел на краю узкой кровати, на которой я лежала, и гладил меня по щеке. Его рука была холодной и пахла тленом, но голова крепко сидела на плечах. Мой первый муж нежно улыбался и все что-то говорил, но я не смогла понять и вернулась в сознание.

— Если придется спасать, то кого? — услышала я голос знахарки и почувствовала прохладу, тянувшуюся от приоткрытой двери.

— Что? — вопрос Флэя прозвучал полузадушенным стоном.

— Если придется спасть, кого выбрать? Жену или дитя? — повторила вопрос Медведица, и дверь с грохотом ударила о стену.

Послышались тяжелые шаги, и мое лицо сжали горячие ладони мужа. Я поймала взгляд испуганных темно-карих глаз и снова провалилась в черный омут, где снова сидел Ру и гладил меня по щеке. На контрасте с горячими ладонями Флэя, руки Руэри показались мне ледяными.

— Я рядом, милая, — разобрала я. — Я всегда рядом.

— Я рядом, милая, я всегда рядом, — горячее дыхание рысика обожгло кожу, и я невольно сморщилась.

— Сафи…

— Даиль…

— О, боги, — выдохнула я на таргарском.

— Голубка, — рука Флэя сжала мою ладонь. — Не бросай меня, маленькая, не уходи.

— Я всегда жду тебя, милая…

— Уйди, Ру, уйди, — взмолилась я. — Прошу тебя.

— Айнар! — крик Рыся заставил меня болезненно скривится. — Она говорит с покойником, сделай что-нибудь.

— Все в воле Отца, — ответила знахарка.

Ру не ушел, но его голос стал тише, его все более затмевал голос другого мужчины, ставшего для меня всем, самой основой мироздания. Он говорил, говорил много и жарко, рассказывая, как любовался мной, как ждал встречи после нашего первого разговора, как понял, что потерял голову. Про наши приключения, про путешествие по морю, про свадьбу и горячие ночи. Про то, как он сильно любит меня, про то, что не сможет жить, если я уйду.

— Ты мой огонь, Даиль, ты моя жизнь, голубка.

— Рысь, ты…

— Дерево? — спросил рысик.

— Нет, ты мое сердце, — я устало улыбнулась и сжала пальцами его руку. — Говори еще, мне нравится.

— Ты меня с ума сведешь, тарганночка, — выдохнул Флэй, назвав меня уже забытым прозвищем. — Чудовище ты таргарское. — И я заметила, как он резко провел большим пальцем по глазу, стирая влагу.

— Не уходи, — попросила я.

— Даже Великая Мать не сможет меня отсюда вывести, — горячо пообещал любимый и прижался к моим губа, тут же получив по лицу потому, что вернулись схватки. — Даиль.

— Проклятье! — взревела я, вцепляясь ногтями в его кожу.

Знахарка тут же подошла, осмотрела меня и произнесла:

— Ну, слава Могучему Отцу! Скоро будем тужиться, Даиль, готова?

— Нет! — закричала я, снова сдирая кожу с руки мужа.

— А придется, — усмехнулась Айнар. — Упрись пятками, девочка.

Сколько продолжалась эта пытка, я сказать не могу, но вымотаны были все: я, Рысь, Медведица, и даже братья Флэя, оставшиеся за дверью. Освобождение пришло так неожиданно, что я просто рухнула на постель, выпуская руку рысика, и закрыла глаза, готовая уплыть в сон. Но сразу их открыла, сообразив, что что-то не так.

mir-knigi.org

— Он молчит, — прошептала я. — Мой рысенок молчит.

Взглянула на Рыся, он смотрел куда-то в сторону, и по его лицу ничего не смогла разобрать.

— Почему он молчит?! — вскрикнула я, собрав последние силы и села.

И как ответ на мой вопрос, дом знахарки огласил яростный крик младенца.

— Сын, — рассмеялась Айнар, — поднимая малыша на вытянутых руках. — Радуйся, Рысь, твоя жена подарила тебе воина!

— Конган, — прошептал Флэй. — Воин, пришедший после рассвета.

— Конган, — повторила я. — Дайте его мне.

Знахарка обернула сына в пеленку и передала Флэйри. Он на мгновение задержал малыша на своих руках, осторожно положил его рядом со мной, быстро выскочил за дверь и выкрикнул:

— Конган! У меня родился сын!

А я смотрела только на него, на этого малюсенького человечка с красным личиком, кряхтящего, недовольного, но родного, моего сына! Слезы потекли по щекам, капнули на сыночка, и он снова разразился криком.

— Хей, малыш, — тихо сказала я, нежно глядя на него. — Так вот ты какой. Воин, — я хмыкнула, рассматривая моего вояку, затем склонилась и поцеловала в щечку.

Вернулся Флэй. Он с тревогой посмотрел на меня, но, заметив улыбку, не сходившую с моих губ, не смотря на слезы умиления, так и не прекратившие течь из глаз, улыбнулся в ответ и присел на корточки, разглядывая сына.

— Люблю тебя, — прошептал он. Я подняла на него взгляд и ответила:

— Больше жизни, рысик, жарче огня…

— И ярче солнца, — закончил он, сжимая мои пальцы.

Проснулась я, когда уже смеркалось, все там же, в доме знахарки. Малыш сопел в колыбельке, которую ему принесли, когда я уже заснула. Флэй дремал, сидя рядом с колыбелью. Я открыла глаза, огляделась и улыбнулась, глядя на своего мужа, положившего руки на край колыбельки и опустившего сверху голову. Попыталась сесть, это получилось, не смотря на слабость и небольшое головокружение.

Как только мои ноги коснулись пола, рысик поднял голову, сонно поморгал и непонимающе огляделся. Затем обернулся ко мне и поднялся, ловя меня в объятья, потому что я умудрилась споткнуться на ровном месте и чуть не клюнула носом.

— Зачем ты встала? — заботливо спросил Флэй, помогая мне дойти до колыбельки.

— Спит, — прошептала я, разглядывая спящего сыночка.

— Он тоже устал, — улыбнулся Рысь. — Всех замучил и уснул. Весь в тебя.

mir-knigi.org

— Не наговаривай на нас, — я погрозила мужу пальцем и скривилась.

— Что? Болит? — тут же встревожился он.

— Хочется, — смущенно ответила я.

— Чего?

— Того, — ворчливо ответила я.

Рысик задумался и хмыкнул, сообразив, какие потребности я имею в виду. Он оглянулся на рысенка, помог мне обуться и вывел на улицу. Мы успели сделать несколько шагов, когда дорогу нам преградил Аргат.

— Что? — не без враждебности спросил Флэй.

— Поговорить, — спокойно ответил Медведь.

— Подожди, — рысик отодвинул с дороги неожиданное препятствие и повел меня к отхожему месту.

Я прогнала чересчур заботливого Рыся, который не собирался оставлять меня и в такой интимный момент. Он укоризненно взглянул на меня, но удалился. Вскоре до меня донеслись голоса Флэя и Аргата. Я прислушалась, едва не забыв, зачем я здесь. Однако тон не повышался, разговор шел ровно, без излишних эмоций. Облегченно выдохнув, я выбралась из своего укрытия и направилась к мужчинам. Разговор тут же прекратился, и я нахмурилась.

— Голубка, — рысик подошел ко мне, — Аргат хочет поговорить с тобой.

Я вопросительно взглянула на мужа, и он кивнул, подтверждая свое согласие на этот разговор.

— Только я хочу привести себя в порядок сначала, — ответила я, жестом показывая на свой жуткий внешний вид.

— Я подожду, — согласно кивнул Медведь и вернулся на то место, где ждал нашего появления.

Мы с Рысем вернулись в дом знахарки, который так нагло заняли, я первым делом проверила Конгана, малыш мирно спал, и после этого обернулась к мужу.

— Что хочет Аргат? — спросила я.

— Сам скажет, — отмахнулся Флэй. — Тут тебе свежую одежду дали. А воду я принесу.

Это было отличное известие. Огорчало лишь, что мой запас драгоценных панталон, которые мне помогла пошить Гаммель, остался в ее доме. Потому мне предлагалось обойтись без такой необходимой вещи. Это еще больше усилило желание вернуться домой.

Рысь вернулся с Айнар и водой. Но ждать, слава Великой Матери, пока вода нагреется, мне не пришлось, прозорливая женщина показала, где стоял накрытый шкурой котелок, в котором она подготовила для меня воду. Отмывшись и переодевшись, я привела в порядок волосы и почувствовала себя совсем хорошо, не смотря на слабость и желание поесть. Но прежде, чем сесть за стол, я решила поговорить с ожидавшим меня Медведем.

Аргата я нашла все на том же месте. Он сидел на бревне, вскинув лицо к заходящему солнцу и

прикрыв глаза. Но услышав мои шаги, обернулся, и на его губах появилась приветливая улыбка, заставившая улыбнуться в ответ. Я подошла и присела рядом. Отсутствие живота было непривычным, и рука так и тянулась погладить его, чтобы ощутить ответный толчок. Ощущение опустевшего чрева было сиротливым и вызывало легкую грусть, которую перевешивала радость, что теперь я могу смотреть на того, кто жил внутри меня, могу прикасаться к нему, смотреть в его серые глазки, такие же, как у меня, целовать и слышать его голос. Конган…

— Даиль, — Аргат вырвал меня из моих мыслей, и я обернулась, внимательно глядя на мужчину. — Ты бледная, тебе нездоровиться?

— Все хорошо, Аргат, — я улыбнулась и коснулась плеча Медведя, почувствовав, что он напряжен. От моего прикосновения он слегка вздрогнул и поймал мою руку. Я поспешила ее вернуть себе, но мужчина не отпустил.

Он несколько мгновения вглядывался мне в лицо, вынудив этим смущенно потупиться. Затем осторожно, словно боясь причинить вред, погладил по тыльной стороне ладони и отпустил.

— Ты хотел, о чем-то поговорить, — напомнила я, облегченно выдохнув.

— Я хотел сказать, что прошу у тебя и твоего мужа прощения за, то, что посмел пожелать себе вашего счастья. Рысь наказал меня за мою смелость, — Аргат усмехнулся, но опять вскинул на меня глаза. — Я бы любил тебя не меньше, — сказал он и мотнул головой, словно отгоняя произнесенные вслух слова. — Даиль, жена Флэйри из племени Белой Рыси, я хотел сделать тебе подарок.

Он сунул руку за пазуху и вытащил ожерелье — змейку, ту самую, которая так сильно понравилась мне, что я чуть не взяла ее в руки.

— Астер говорила, что это украшение пришлось тебе по душе, — Аргат улыбнулся одними уголками губ. — Забирай, оно твое.

Я протянула руку, но сразу ее отдернула.

— Это ничего не будет значить, — успокоил меня Медведь, но я крикнула:

— Флэй!

Рысик вышел к нам так быстро, словно все это время стоял за углом. Впрочем, почему — словно стоял все это время? Подозреваю, что у моего супруга просто не хватило духа оставить меня наедине с тем, кто принес нам столько переживаний.

— Что случилось? — Рысь зверем посмотрел на Медведя.

— Аргат дарит мне ожерелье, — я указала на змейку. — Могу ли я принять этот дар?

Рысь заметно расслабился и утвердительно кивнул. И вот тогда я позволила своим глазам загореться, ручки вздрогнули принимая вожделенное украшение, и я широко улыбнулась, едва не поцеловав не того мужчину в знак благодарности, но вовремя опомнилась и просто кивнула, сказав:

— Спасибо.

mir-knigi.org

Аргат улыбнулся в ответ уже более открыто и с явным облегчением.

— Даиль, — снова заговорил мужчина, — то, что говорила тебе на берегу Астер, — я согнала с лица улыбку и взглянула на него исподлобья, — это неправда. Я не могу ни в чем винить ни твоего мужа, ни тем более тебя. Я бы тоже не отдал свою женщину наглецу, возжелавшему получить ее.

Я кивнула, принимая его слова, и встала. Аргат поднялся следом. Он проводил нас с рысиком взглядом, но не дал скрыться в доме и окликнул:

— Флэйри, сын Годэла, из племени Белой Рыси, позволь мне быть вам другом. Я искуплю свою вину.

Рысь некоторое время сверлил Медведя пристальным взглядом, а затем махнул рукой.

— Я принимаю твою дружбу, Аргат, сын Грута, из племени Медведя. Пусть Пращуры станут тому свидетелями.

— Клянусь явиться по первому твоему зову, — ответил Аргат. — И пусть пращуры станут тому свидетелями.

А примерно через час с небольшим мы уже ехали в сторону поселения Рысей, спеша вернуться в дом нашей мамы — старшей Рыси, Гаммель. Мне так хотелось показать ей Конгана, которого я прижимала к своей груди… и надеть, наконец, панталоны. Без них было крайне неудобно.

Глава 10

Таргар. Герцогский дворец.

— Доброго дня, мой господин, — Найяр открыл глаза и некоторое время смотрел в потолок, пока его не закрыло личико Лирены.

Он, молча, отодвинул ее и встал, потирая лицо, чтобы согнать остатки сна. Любовница проследила взглядом за выходящим в умывальню герцогом Таргарским и упала обратно на подушку, обиженно глядя на закрывшуюся дверь. Но уже через несколько минут она встала с широкого ложа и прокралась на цыпочках следом. Скользнула в умывальню и посмотрела на Найяра, уже лежавшего в широкой лохани, исходившей паром с травяным ароматом. Девушка подошла к герцогу и опустила ручку в воду, желая добраться до мужского естества.

Найяр перехватил ее руку, не открывая глаз и произнес ледяным тоном:

— Уйди.

— Любимый…

Синие глаза распахнулись, и Лирена отпрянула, машинально прикрываясь. Она уже несколько раз попадала под горячую руку царственного любовника, когда случайно, когда вызывая его гнев.

— Уйди, — повторил герцог, вновь закрывая глаза.

Но она не ушла, опять приблизилась к нему и виновато потупилась.

mir-knigi.org

— Я чем-то прогневила тебя? — спросила девушка.

— Лирена, ты не хочешь услышать меня по-хорошему? — устало спросил Найяр. — Будет по-плохому, ты меня знаешь. Если сейчас же не уберешься, я буду иметь честь познакомить тебя со своей любимой плетью. Прежде, чем решишь еще задержаться, реши, хочешь ли ты этого знакомства.

Лирена всхлипнула, но все же послушалась и покинула умывальню. Найяр открыл глаза и посмотрел в окно, находившееся напротив.

— Тупая сука, — произнес он вслух. — Надоела.

Его сиятельство измучил себя и измучил всех вокруг. Ему очень хотелось в Ледигьорд, ничего так в жизни не хотелось, как навестить землю дикарей. Но каждый раз находилось что-то, что не позволяло ему покинуть Таргар. И так длилось уже три месяца. То всплыло ведовство, получившее широкое распространение в герцогстве. Священники с ног сбились, выискивая ведьм, насылавших порчу на своего господина, а в том, что порча была, Найяр уверился, как только поразмыслил. Иначе с чего он начал видеть и слышать призраков. Конечно, враги решили свести его с ума и извести таким способом.

Теперь в Тайную Канцелярию приходили доносы не только с обвинениями в заговоре, но и в ведовстве. Процессы потянулись один за другим. Ведьм пытали, допрашивая с пристрастием и особым тщанием, и те давали признательные показания, после чего отправлялись на виселицу.

Таргар затих. Улицы стали малолюдны, народ боялся лишний раз без дела высунуть нос на улицу, потому что появились юродивые, бродившие по городам и указывающие на любого, кто попадался им на пути, обвиняя их в разных преступлениях. И стража, следовавшая по пятам за юродивыми, хватала обвиненных. Говорили, что голосами юродивых говорят сами боги.

Люди поговаривали, что подобное происходило во времена прадеда нынешнего герцога. Его тогда вынудили отречься от престола и передать герцогский венец своему сыну, а безумца закрыли в монастыре, где он вскоре умер. Таргарцы уже тихо надеялись, что господин образумится. Кто-то верил в порчу, а кто шептал, что проклятье рода Грэим коснулось-таки и нынешнего правителя. Но все помнили о проклятье, брошенном обезглавленным предателем Руэри Тиганом на Главной площади столицы. Последние слова тарга Тигана были уже искажены до предела, передаваясь из уст в уста все с новыми подробностями.

И это тоже стало головной болью герцога. Он приказал пресекать сплетни и пороть тех, кто передает их. Но слухи росли и множились. Тарг Коген печально вздыхал и разводил руками, признавая, что с этой напастью справиться не в силах. Найяр все чаще подумывал о своем тайном советнике, представляя его с удавкой на шее, но пока держал его при себе.

Еще одним поводом не покинуть Таргар стала проклятая свадьба казначея Эбера Военора и кузины герцога Шарлизы Грэим. Это событие стало подобно снегу в середине лета. Военор по знатности рода никак не подходил в мужья Шарли, но старый дурак, дядюшка Найяра, едва ли не с пеной у рта просил разрешения на этот брак. В общем-то, просить он был вынужден после того, как правящий герцог получил приглашение на свадьбу и высказал свое отрицательное отношение, считая, что девчонку можно было использовать в интересах Таргара, выгодно выдав замуж. И вдруг проныра казначей. После нескольких дней ожесточенных споров с дядей и речей тарга Когена, вкупе с нижайшей просьбой о браке самого Военора, Най махнул рукой. В конце концов, оставалась ее самая младшая сестра, которая должна была войти в брачную пору через пару лет.

Найяр имел, конечно, предположения столь неожиданной свадьбы, казначей с некоторых пор стал вхож в дом ненаследного герцога Грэима. Должно быть, имели место шашни юной герцогини и главного казначея. Его сиятельство как-то намекнул старому трусу, тот даже взвился от подобного предположения, чем только укрепил предположения господина. Однако свадьба состоялась месяц назад, и теперь молодые, вроде бы, счастливо жили в городском доме тарга Военора.

Найяр протяжно вздохнул и опять прикрыл глаза. Он чувствовал себя в ловушке. Дикая усталость нарастала. Ночные визиты призраков прекратились еще несколько недель назад, словно потусторонние силы решили дать его больному сознанию передышку. Пропала дражайшая, перестав пугать своим смрадным телом. Исчез отец, и герцог неожиданно почувствовал себя одиноко, он просто не знал, что ему делать дальше. Только Тиган иногда снился. Он неизменно сидел на герцогском троне, перекидывая с руки на руку голову, и повторял одно и то же:

— Потерял, потерял, потерял.

Мертвая голова шевелила серыми губами, а потом начала мерзко хихикать. И наконец, когда Найяр приходил в ярость и исступленно орал:

— Ты лжешь, ты все лжешь, предатель! — Ру Тиган начинал издевательски хохотать.

Затем вставал с трона, медленно спускался по ступеням и исчезал, так и не дойдя до герцога. Найяр просыпался в холодном поту, сердце отбивало сумасшедший ритм, и его сиятельство все чаще требовал у Лаггера сонное снадобье. Только так он не кричал по ночам. Заговоры, ведьмы, доносы, допросы, тяжелые ночи — все это доводило герцога до смертельной усталости. Хотелось увидеть рядом потерянное сокровище, лечь, уткнувшись лбом в ее плечо, прижать к себе и забыть обо всем.

Он скучал по ней. Время шло, а тоска не проходила, наоборот, затягивала в черный омут. Найяр скучал по тому времени, когда Сафи заходила в его кабинет, целовала и говорила, куда уходит. И он занимался своими делами и ждал, поглядывая в окно, или прислушиваясь, когда за дверью раздаться перестук ее каблучков, откроется дверь, и его сокровище впорхнет в кабинет, сияя серыми глазками после посещения приюта, чтобы сказать, коротко целуя:

— Я вернулась, Най.

— Вернись, любимая, — простонал герцог, уходя с головой под воду, чтобы вынырнуть с судорожным вдохом, когда не останется сил больше терпеть пытку без воздуха.

Найяр пытался забыть. Никто не знал, но он пытался, мечтая, чтобы жгущие душу воспоминания исчезли, и он бы смог жить дальше. Вместо Сафи теперь заходила в его кабинет Лирена, целовала его, но его сиятельство только кривился от отвращения. Все это было жалкой подделкой. Лирена не могла заменить Сафи, не могла стать сокровищем. Она не интересовалась ничем, кроме нарядов, балов, охот, развлечений и постели герцога. То, что девчонка влюбилась, он знал, тем неприятней становилась их близость. Только из желания не ночевать одному он продолжал терпеть ее рядом. Но как только наступало утро, Найяр спешил избавиться от опостылевшей любовницы.

Дуреха все еще пыталась достучаться до него. Спрашивала со слезами на глазах:

— Почему ты охладел ко мне, Най? Ведь я люблю тебя больше жизни!

— Мне не нужна твоя любовь, — устало говорил он.

— Ты все еще зовешь ее по ночам, — жаловалась Лирена. — Неужели она любила тебя сильней меня?

Услышав эти слова, Найяр расхохотался. Он смеялся долго, издевательски.

— Любила? Сафи? Меня?! Она меня терпела, но никогда не любила, — мужчина резко замолчала, ожесточенно ударил кулаком по подлокотнику своего кресла и глухо закончил. — Это я ее любил, всегда. Она лишь нашла то, чем смогла успокоить себя рядом со мной. Но, к бесам, мне и этого хватало! — воскликнул он и встал.

— А я люблю…

— Убирайся! — заорал на любовницу его сиятельство, подхватил под локоть и выкинул за дверь.

А она все равно шла обратно, стоило лишь поманить. Сафи бы не пришла, или вымотала душу своими издевками, а Лирена шла, покорная и счастливая, что он еще помнит о ней.

— Что во мне нет, что есть в ней? — спрашивала в другой раз Лирена.

— В тебе нет ничего, что было в ней, — ответил Найяр и отвернулся, показывая, что разговор окончен.

— Научи, я буду, как она, — жарко произнесла его фаворитка.

Герцог обернулся, смерил ее насмешливым взглядом.

— Как ты относишься к нищим? — спросил он.

Лицо Лирены брезгливо скривилось:

— Они отвратительные.

— Простолюдины должны учиться грамоте? — Найяр сел, продолжая наблюдать за девушкой.

— Они должны работать, зачем им грамота? Умных книг не напишут, а чужие не поймут. Это же стадо, — уверенно ответила благородная тарганна.

— А лекари?

— Най, я не понимаю, чего ты от меня хочешь? — воскликнула она, сдерживая блеснувшие в глазах слезы.

— Если я дам тебе десять тысяч гольдеров, что ты сделаешь с ними? — продолжил свой допрос герцог.

— Я устрою пышный праздник, чтобы ты мог развлечься, — светло улыбнулась девушка. — Приглашу лучших музыкантов, закажу самые дорогие вина, куплю самый соблазнительный наряд…

— Достаточно, — Найяр снова лег и отвернулся. — Ты никогда не сможешь стать ею. Спи.

mir-knigi.org

Похожие разговоры начинались время от времени и быстро заканчивались. Герцога они сначала раздражали, потом злили, теперь бесили. Смысла в них не было, а рану постоянно бередили. Сейчас он жалел о многом и в первую очередь о том, что вырвал из ее утробы ребенка, который примирил Сафи с сожительством со своим господином настолько, что она начала смотреть на него с нежностью. Если бы он тогда знал, что это станет началом конца…

— А-а, — громко вдохнул Найяр, выныривая из воды. — Проклятье, да лучше б родила, даже если это был ублюдок Тигана, но была бы рядом.

Сейчас было сложно сказать, но герцог периодически спрашивал себя, смог бы Грэир подобраться к ней, если бы Сафи была беременна… и если бы был жив предатель Тиган? Тогда бы она не пошла к этой дикой твари. И уже носила герцогскую мантию.

— Идиот, — застонал его сиятельство. — Надо было давно посадить на Небесный Престол Энлера, он бы и развод признал и мою новую жену.

Что еще? Какие ошибки он допустил? "Ты взял чужую женщину", — произнес в голове странно знакомый голос. — "Ты сам отковал эту цепочку бед, чужих и своих".

— Я взял свою женщину! — выкрикнул герцог и выбрался из лохани, сердито расплескивая воду на пол. — Она всегда была моей. Я совершил ошибку, не взяв ее сразу.

"Ты бы просто сломал ее", — ответил голос.

— Я бы воспитал ее под себя, — проворчал Найяр.

"Как наш отец матушку?"

Герцог резко развернулся, поскользнулся в луже воды и полетел на пол, но быстро вскочил и с надеждой позвал:

— Неил? Брат, это ты?

Ответом ему была тишина. Единственный призрак, которого он был бы рад видеть, не появился, и голос брата замолчал.

— Неил! — закричал герцог, чувствуя подступающее отчаяние. — Бесы тебя задери, Неил, отзовись!

— Ваше сиятельство, вы звали меня? — его слуга заглянул к умывальню.

— Разве было похоже, что я звал тебя? — ледяным тоном спросил герцог.

— Вы кричали, я подумал, что вы не можете сами с собой…

Найяр стремительно приблизился к мужчине и схватил его за горло, бешено сверкая глазами:

— Ты хочешь сказать, что я сумасшедший? Говори! Вы ведь все считаете, что я свихнулся, да? Хотите упечь меня в монастырь, а там придушить, как прадеда? Не выйдет, я первый вас всех удавлю, — шипел он в синеющее лицо слуги, пытавшегося оторвать от шеи пальцы своего господина.

Герцог оттолкнул хрипящего мужчину, быстро прошел в гардеробную, оделся и покинул свои покои. Наемники стояли у дверей, равнодушные ко всему. Герцог уже сделал несколько шагов

mir-knigi.org

прочь от покоев, но развернулся на каблуках и подошел к ним, вглядываясь в бесстрастные лица. На лицах северян так и не дрогнул ни один мускул, и Найяр помчался дальше. Ему нужно было выплеснуть свою ярость, просто необходимо.

Его сиятельство спустился в деловую часть дворца, заглянул к таргу Когену, тот поднялся из-за стола и склонился в поклоне.

— Мне нужна пыточная, — сказал Найяр, без предисловий.

— На данный момент у нас нет людей, ожидающих допросов, ваше сиятельство, — с поклоном ответил тайный советник.

— Так найдите мне мясо! — велел герцог и хлопнул дверью, уже не видя, как поджались губы тарга, издавшего усталый вздох.

Его сиятельство вошел в свой кабинет, упал на кресло с высокой спинкой и закрыл глаза, пытаясь выровнять дыхание. Неожиданно его слуха коснулся смех, мужской смех. Герцог рывком поднялся с кресла и подошел к окну. Несколько минут он рассматривал представшее ему зрелище, а после криво усмехнулся:

— А вот и мясо, — и покинул свой кабинет.

Перед дворцом дурачились Хэрб и Дьол. Наемник обучал рыжего паренька боевой науке северян. Эти двое очень сблизились за те месяцы, что бывший помощник Сафи вернулся во дворец. Найяр сейчас "удачно" вспомнил, что так и оставил мальчишку без внимания, не разобравшись в его похождениях. Какое дело поручила ему тарганна Тиган перед своим исчезновением? Где столько времени пропадал? Что скрывает? То, что рыжий врет, герцог не сомневался ни минуты. И теперь эти вопросы всплыли в венценосной голове.

— Рыжий, ты глуп, как это дерево, — Дьол постучал себя по лбу.

Хэрб хитро прищурился, дождался, пока его учитель отвернется, чтобы поднять деревянный меч, которым только что отшлепал мальчишку. Паренек подкрался сзади и напрыгнул на северянина, стремясь повалить его на землю. Дьол перехватил руки Хэрба и перекинул через себя весело хохочущего приятеля, тут же придавив его к земле сапогом.

— Рыжий таракан, — расхохотался наемник, глядя, как парень пытается вывернуться.

Одинокие хлопки заставили мужчину обернуться, и он спешно убрал ногу и подал Хэрбу руку, за которую парень ухватился и быстро вскочил. Учитель и его ученик склонили головы перед герцогом Таргарским, застывшим в нескольких шагах от них.

— Развлекаетесь? Молодцы, — на красивых губах герцога играла дружелюбная улыбка.

— А со мной сразишься, Хэрб? Покажешь свое умение? — поинтересовался Найяр. — За каждый пропущенный удар, ты отвечаешь на один мой вопрос. Паришь, я даю тебе сто гольдеров.

— Как будет угодно моему господину, — настороженно и без всякого страха ответил Хэрб.

— Принеси мечи, — велел герцог.

— Ваше сиятельство, — начал Дьол, но Найяр оборвал его жестом.

— Я махать деревяшками, словно младенец, не собираюсь. Воин должен сражаться на мечах, даже в тренировочном бою, это закаляет.

Дьол посмотрел на парнишку, и тот едва заметно кивнул. От герцога не укрылся этот молчаливый диалог, он скрипнул зубами, но промолчал до поры. Наемник, не спеша, удалился выполнять приказ господина, и это тоже не укрылось от Найяра.

— Эй, вы двое, — крикнул герцог двум стражникам. — Дайте ваши мечи. — И подмигнул Хэрбу. — Зачем на тупые железяки, которые притащит Дьол. Мы поиграем по-взрослому, да, мой мальчик?

— Как вам будет угодно, ваше сиятельство, — все так же спокойно ответил Хэрбет Огал.

Стражник подбежал, вручая два уже обнаженных меча, Найяр взял их, поиграл обоим и кинул одним в застывшего парня. Меч плашмя упал к ногам рыжего, тот нагнулся, поднял его, взвешивая в руке.

— Потяжелей детских игрушек, — усмехнулся герцог, указывая взглядом на деревянные мечи. — Итак, приступим, тар Огал.

И без долгих предисловий он бросился на Хэрба. Тот парировал, уходя в сторону. Стражники замерли на своих местах, напряженно наблюдая за сражением неопытного мальчишки и лучшего фехтовальщика герцогства.

— Он убьет рыжего, — прошептал один из стражников, второй мрачно кивнул в ответ.

Но герцог не спешил убивать, он плавно обходил противника, более всего сейчас напоминая хищника, выслеживающего добычу. Хэрб покрепче перехватил меч, вспоминая уроки своего друга, не спуская взгляда с того, кого презирал всей душой. Найяр сделал ложны выпад, парень поспешил контратаковать и вскрикнул, хватаясь за неглубокую рану на плече.

— Урок первый. Внимание, тар Огал, — поучительно произнес герцог, вновь возобновляя свое плавное кружение. — Воин не бросается слепо на меч, воин думает. — И он постучал себя пальцем по лбу. — Но вы пропустили первый удар, значит, должны ответить на первый вопрос. Где вы пропадали?

— Я был во дворце, ваше сиятельство, — ответил Хэрб, вновь поднимая меч.

— Ответ неверный. — Найяр атаковал, и парень с трудом отбился. — Где ты был, когда исчезла Сафи?

— Дома, ваше сиятельство, — твердо ответил Хэрб.

— Лжешь, щенок, — новая атака, и парень хватается за рану на втором плече. — Правду, говори мне правду.

— Я сказал вам правду! — воскликнул Хэрб, уворачиваясь от очередного выпада.

— Ответ не принят, — усмехнулся герцог и опять заскользил, вынуждая Хэрба следить за своим перемещением.

Выпад, еще выпад, Хэрб повалился на землю, но сумел подставить клинок, и сталь неприятно взвизгнула. Найяр протянул руку, предлагая юноше помощь. Тот поверил, уцепился за руку

господин и уже встал на ноги, когда получил рукоятью по лицу и снова повалился на землю, растирая по лицу кровь из рассеченной губы.

— Урок второй, тар Огал, — герцог стаял рядом, опустив меч. — Нельзя верить противнику. Воин всегда помнит, кто перед ним. И принимая помощь врага, стоит быть готовым к подлому удару.

— Как я могу сомневаться в своем господине? — не скрывая насмешки, спросил юноша, ухмыляясь разбитыми губами. — Разве мой господин мне враг?

— В данный момент, Хэрб, я твой противник, — парировал Найяр и вскинув меч, напал, не дожидаясь, пока парень поднимется с земли.

Хэрб перекатился и вскочил. Далось ему это нелегко, раны на плечах кровоточили, в голове начало мутиться, но он упрямо тряхнул головой и поднял меч.

— Гольдеры вы считаете, ваше сиятельство? — нагло спросил рыжий.

Герцог усмехнулся и стремительно атаковал, прижал Хэрба к стене дворца и снова полосонул, уже по запястью левой руки.

— Проклятье, — зашипел парень.

— Какое поручение тебе дала Сафи? — клинок взлетел к горлу юноши. — Тебе лучше ответить, Хэрб, потому что потом ты пойдешь прямиком в пыточную, там я узнаю все. И если ты, щенок, думаешь, что сможешь быть героем, ты ошибаешься. Ты будешь молить меня о смерти, готовый рассказать все, что скрывает твоя душонка.

— Поэтому она никогда вас не любила, — хрипло ответил Хэрб, глядя в глаза герцога.

— Что? — тихо спросил его сиятельство, впиваясь взглядом в лицо юноши.

Хэрб хохотнул, уже не скрывал ни ненависти, ни презрения.

— Даже зверя можно полюбить, но не чудовище. Бедный, бедный герцог, — издевательски протянул паренек и вдруг повторил с такой знакомой Найяру интонацией. — Потерял, потерял.

— Закрой пасть, тварь! — заревел Найяр, отвел руку с мечом, готовясь пронзить мальчишку, но руку его вдруг перехватили.

Герцог резко обернулся и увидел Дьола, сжимавшего запястье господина.

— Не надо, — северянин покачал головой. — Не надо.

— Как смеешь ты, наемник, притрагиваться ко мне?! — в бешенстве заорал герцог, но Дьол не пошевелился.

Ярость полностью затмила разум Найяра. Он выхватил свободной рукой, висевший на поясе нож, и вонзил его в удерживающего его мужчину. Дьол опустил голову, изумленно глядя на рукоять, торчавшую из живота. Затем снова поднял глаза на господина и спросил:

— Зачем?

— Дьол! — закричал Хэрб. — Дьол!

Северянин тяжело опустился на землю, растерянно улыбнулся юноше и обмяк.

— Дьол!

К ним уже бежали другие наемники, находившиеся неподалеку. Они оттеснили герцога и закрыли собой Хэрба, сползшего по стене на землю. Найяр смотрел на поверженного северянина, понимая, что порог доверия и преданности пройден.

— Живой, — донесся до него голос одного из наемников. — Зови наших, Тор.

Тот сорвался с места и, бросив на герцога, взгляд полненный злобы, направился к дворцу. Постепенно все воинство собралось рядом. Они переглянулись и открыли кошели. К ногам Найяра полетели монеты.

— Это то, что мы тебе не отслужили. Мы берем только то, что заработали, — сказал Сварден, старший в дружине.

Северяне подобрали Дьола, подхватили Хэрба и направились к воротам. Найяр провожал их потемневшим взглядом. Самая надежная охрана больше не служила ему.

— Проклятый щенок, — процедил сквозь зубы герцог Таргарский. — Надо было придушить тебя еще тогда, когда ты пытался убить мою женщину. Еще одна ошибка.

Окликать, уговаривать наемников вернуться он не собирался. Взглянув на монеты, тускло поблескивающие в траве, Найяр развернулся и направился во дворец, раздумывая, что ему делать дальше.

* * *

— Ублюдки! Неблагодарные твари! Предатели!

Найяр влетел в свой кабинет и хлопнул дверью с такой силой, что со стен посыпалась штукатурка. Он метался в четырех стенах, как загнанный зверь, не зная, что делать. Хотелось отомстить, уничтожить, растоптать тех, кто бросил его из-за одной ошибки.

— Господин, мы будем верны вам, — вспоминал он слова Свардена.

— Ложь! — стул взлетел в воздух, брошенный сильной рукой герцога, ударился о стену и разлетелся в щепы.

— Но наша служба закончится тогда, когда вы причините вред одному из нас…

— Он заслужил, заслужил! — Найяр смел со стола бумаги и помчался дальше. — Как смел этот пес пойти поперек моего желания? Против желания своего господина?! Я больше десяти лет кормил и поил их со своих рук! Я платил им столько, сколько даже советники не получают! Неблагодарные мерзавцы, — герцог развернулся на каблуках и уставился на чернильное пятно, расползавшееся по полу из опрокинутой чернильницы. — Нужно отобрать личную гвардию из таргарцев. Лично отберу. На стражу надеяться нечего, слабаки. Проклятье, — рыкнул он. — Даже послать следом некого, чтобы раздавили наемников. Эй, кто там!

В кабинет заглянул секретарь.

— Лирену сюда. Немедленно! — рявкнул герцог и упал в свое кресло. — К бесам, хоть так пар спустить.

Когда дверь приоткрылась, и в кабинет несмело заглянула его любовница, Найяр нервно отстукивал пальцами по столу. Он поднял взгляд на девушку и, молча, указал, чтобы она подошла. Лирена, заметив настроение своего господина, несмело приблизилась и присела в глубоком реверансе.

— Ты призвал меня, — произнесла она, бросив быстрый взгляд на герцога.

— Повернись, — велел он.

Девушка послушно повернулась спиной к любовнику и охнула, когда властная рука резко наклонила ее вперед, юбки взлетели на голову, и Лирена вскрикнула, когда мужчина вторгся в сухое лоно. Девушка закусила губу и закрыла глаза, стараясь не морщиться и не стонать от болезненных ощущений.

— Не молчи, — велел Найяр.

— Мне больно, Най, — пожаловалась любовница, и герцог усмехнулся, наращивая темп.

Но разрядка все не приходила, не смотря на то, что ствол, едва не трещал, от прилившей к нему крови.

— Проклятье, — выругался герцог и рывком покинул лоно любовницы, даря ей ощущение освобождения.

Он развернул ее к себе и впился в губы болезненным поцелуем, прикусывая губы, вырывая из груди девушки новые стоны, далекие от стонов наслаждения. Затем порвал шнуровку на платье, обнажая ее грудь. Целовал, оставляя засосы, вновь терзал губы, мял груди, сознательно причиняя боль каждым движением. Герцог пил боль своей фаворитки, пытался насытиться ею, словно упырь, пьющий кровь своей жертвы.

Усадив Лирену на стол, Найяр снова вошел в нее. Она хрипло вскрикнула. На глаза выступили слезы, и герцог зарычал, глядя на искаженное страданиями лицо, но ему все еще было мало, он все еще был голоден. Склонившись, Найяр прикусил нежную кожу на плече девушки. Она вскрикнула, и герцог неожиданно нежно поцеловал место, где остались следы от его зубов.

— Маленькая моя, девочка, — прошептал он.

— Най, — жалобно всхлипнула Лирена.

И он снова сжал зубы, прикусывая кожу, поцеловал и впился зубами.

— Най, не надо, пожалуйста, мне больно, — взвизгнула она.

— Хорошая моя, нежная, — простонал он, вонзаясь в ее лоно снова и снова.

И вновь укус и нежный поцелуй. Лирена попробовала оттолкнуть, отпрянуть, увернуться от жалящей страсти своего любовника. Он ухватил ее за руки завел их за спину и склонился к груди.

— Нет! — завизжала испуганная Лирена. — Не надо!

Но мужчина лишь, втянул в рот коричневатую тугую горошину соска, провел языком, лаская. Девушка замерла, не зная, что последует дальше.

mir-knigi.org

— Боишься, маленькая, боишься, — усмехнулся Найяр и перевернул ее животом на стол.

Лирена немного расслабилась и перестала сопротивляться. Герцог огладил ее ягодицы, усмехнулся и шлепнул, звонко, с оттяжкой. Девушка вскрикнула, и он рассмеялся. Снова огладил, размахнулся и ударил, с удовольствие рассматривая красный след от своей ладони. Еще раз и еще. Лирена дернулась, но он придавил ее ладонью к столу, поймал руки, заламывая за спину, ухватил за запястья одной рукой, в очередной раз вонзаясь в ее лоно. Вгонял свое естество резко, не щадя и стремясь доставить удовольствие женщине. И опять звонко шлепнул.

— Ох, Най, — протяжно застонала Лирена, неожиданно возбуждаясь.

Найяр опять рассмеялся и снова шлепнул. Она дернулась, подвывая и постанывая. Мужчина шлепнул еще раз, и его пальцы скользнули между аппетитных ягодиц.

— Что? — она попробовала вывернуть голову, когда почувствовала, как герцог прикасается к постыдному. К тому, что не предназначено для прикосновений. — Не надо, пожалуйста, не надо!

Возбуждение схлынуло, оставляя страх. Найяр довольно заурчал, как сытый кот, слушая ее мольбы.

— Най, любимый, ты ведь не сделаешь этого? Ты ведь не унизишь меня?

Он усмехнулся, успокаивающе погладил по спине, девушка не успокоилась, она все так же беспокойно ерзала и выворачивалась.

— Ты сама себе враг, — усмехнулся Найяр и вошел выше. — О, да, — выдохнул он, когда его плоть сжало в тесные тиски. И не слушая криков любовницы, начал двигаться…

Когда он покинул кабинет, Лирена все еще лежала на столе, вздрагивая от рыданий. Герцог кивнул головой на кабинет своему секретарю и велел:

— Лаггера позови, пусть займется. Там есть для него работа.

В этот момент к своему кабинету подошел Эбер Военор. Он остановился, слушая женские рыдания и слова господина. Болезненно поморщившись, главный казначей поспешил скрыться за дверями своего кабинета.

— Что за непочтительность, кузен, — насмешливо произнес, заметивший его Найяр.

— Доброго дня, ваше сиятельство, — поклонился Эбер, стараясь спрятать неприязненный тон.

Герцог первым прошел в кабинет казначея и кивнул головой, показывая следовать за собой. Сейчас он был более спокоен, чем полчаса назад, и даже благодушен. Найяр проследил, как Военор прошел к своему столу, разложил бумаги и некоторое время перекладывал их, не глядя на своего господина.

— Неприятен я тебе, свояк? — поинтересовался герцог.

— О чем вы, ваше сиятельство? — спросил казначей, все так же тщательно, перекладывая и перелистывая бумаги.

Найяр некоторое время следил за ним, раздражение вновь подняло голову, и герцог вытянул руку, сметая со стола документы.

— На меня смотри, Военор, — велел он.

Казначей поднял хмурый взгляд, и герцог усмехнулся.

— Смеешь порицать меня? — спросил он.

— Как можно, — ответил Эбер, скользнув взглядом поверх головы герцога.

— Я сказал на меня смотреть, — рыкнул Найяр и встал, подходя вплотную к казначею. Он некоторое время изучал своего подданного, затем вздохнул и отошел. — Если бы она была рядом, все было бы иначе, — тихо сказал его сиятельство, падая на стул.

Эбер открыл было рот, но сдержался и промолчал. Найяр не обратил внимания, он вновь погрузился в свои переживания. Казначей, молча, собирал разбросанные герцогом бумаги. Ему был неприятен тот, кто все еще правил, кто продолжал сходить с ума и тянуть Таргар в пропасть своего безумия. Впрочем, мужчина чувствовал и свою вину.

Владыка принял живое участие в уничтожении того, кто возвел его на Небесный Престол, спеша освободиться от тяготящего бремени власти Таргарского Дракона. Это юродивые Владыки бродили по городам, клевеща на жителей герцогства. Он же и подсказал Найяру идею с выявлением заговорщиков и преступников с помощью тех, чьим языком вещают боги. Далекому от благочестия герцогу идея пришлась по душе. Он увидел в этом возможность закрутить гайки и напомнить погрязшим в вольнодумии и заговорах таргарцам, кто здесь главный. Заговорщики же подливали масла в огонь людского гнева и непонимания происходящего.

По замыслу Когена и Владыки, народ должен был быть подготовлен к смене не только властителя, но и династии на герцогском троне. И этот план помогал воплощать в жизнь сам властитель Таргара, доводящий народ до истерики своими указами и преследованиями. Переворот был назначен через месяц. К этому времени столицу должны были наводнить сторонники этого тайного союза. А они были. В первую очередь обозленная знать, чьи титулы и земли отобрал герцог, те, чьих родных жестоко пытали и казнили. Сюда же относились и простолюдины, попавшие в застенки по лживым доносам. Армию постепенно обрабатывали засланные Когеном люди. Даже флот начал роптать, когда герцог вдруг велел схватить одного из командующих таргарской армадой. Просто его сиятельство усмотрел измену в дружеской беседе тарга Ланнвена и гаэлдарского купца. У беседы были свидетели, готовые подтвердить, что обсуждались цены на Лоанский шелк и Маддарскую пеньку, но они не перевесили доноса о тайном сговоре. И почитаемый матросами и офицерами тарг Ланнвен отправился в застенки. Таргу Когену едва удалось оттянуть его допрос. Таргарский Дракон усердно пилил сук на котором сидел, и ему в этом ненавязчиво помогали. Впрочем, возражать было все равно, что самих себя обвинить в измене. С некоторых пор герцог не выносил возражений вовсе.

Самого Эбера заговорщики старались держать в удалении от интриг, берегли, как зеницу ока, его роль была слишком значительна, чтобы рисковать его жизнью. Иной альтернативы на трон так и не нашли, и Военор согласился с тем, что вскоре ему предстояло. Тем более, что Шарли оказалась очень милой девушкой. Она легко сдалась на милость Эбера. Сидевшая почти в заточении девушка быстро увлеклась приятным мужчиной, умевшем красиво говорить и ухаживать. Он же, расценивая ее, как будущую жену, был особенно обходителен и нежен. Все случилось быстро и просто. Шарли, охваченная первой влюбленностью и страстью отдалась казначею в кабинете отца, чем несказанно облегчила задачу благородного тарга в его неблагородном деле, и их связь сразу же стала явной.

Старый герцог пришел в страшный гнев, он хотел требовать наказания для соблазнителя, но его дочь и будущий зять кинулись в ноги оскорбленному отцу, Коген похлопотал за них, уверяя герцога Грэима, что лучшего зятя и желать нельзя. Он же внушил отцу, что отныне его дочь — порченый товар на рынке невест, а тарг Военор влюблен и готов жениться. И ненаследный герцог сдался. Он же, оберегая честь дочери, наверное, впервые в жизни пошел на конфронтацию с правящим племянником, выбивая право на свадьбу менее знатного дворянина с кузиной Таргарского правителя.

Свадьба была негромкой, не смотря на то, что выходила замуж ненаследная герцогиня Грэим. Найяру вообще было плевать, по большому счету, он жил в своих подозрениях, видениях и тоске. Потому венчание прошло в главном храме столице, но приглашены были только самые близкие и доверенные люди. Герцог Таргарский присутствовал в сопровождении своей верной фаворитки, но их пара оставила тягостное впечатление. И когда они отбыли, остальные вздохнули с облегчением.

— Мне нужна Сафи, — услышал Эбер и поднял голову, немного удивленно взглянув на Найяра, вырвавшего его из размышлений. — Без нее ничего не получается. Все не так. Я должен забрать свое сокровище у дикарей. Проклятье, моя девочка и эти грязные свиньи…

Найяр поднялся, не глядя хлопнул казначея по плечу и направился к двери.

— Не единой минуты больше откладывать не буду. В Ледигьорд.

— А если она все-таки погибла, — произнес герцогу в спину Эбер. — Возможно, ее больше нет.

На душе стало холодно от произнесенных слов, но допустить, чтобы Дракон отправился на поиски своего потерянного сокровища, мужчина не мог. Ему нравилась его жена, возможно, он даже был увлечен. Он уважал и заботился о юной супруге, но та, что столько времени жила в душе, была по-прежнему дорога.

— Что ты сказал? — герцог развернулся и взглянул на своего казначея враждебным взглядом.

— Я сказал, что, тарганна Тиган могла погибнуть на самом деле, — повторил Эбер.

Найяр схватил казначея за грудки и встряхнул, но Военор все так же уверенно смотрел в глаза герцога.

— Она жива, слышишь, жива! — выкрикнул герцог в лицо Эбера.

— Даже если жива, оставьте ее, наконец, в покое, — ответил мужчина. — Вам лучше забыть об этой женщине.

— Ты-ы-ы, — протянул Найяр, приближая лицо к лицу казначея, — да как ты смеешь, пес, указывать мне, МНЕ?!!

Военор сбил герцогские руки со своего камзола и отошел в сторону.

— Оставьте Сафи в покое. Она никогда не была счастлива здесь, возможно, сейчас эта женщина обрела покой. Займитесь своим государством, Таргар катится в Преисподнюю, а вы хотите бросить его сейчас, чтобы гоняться за призраком утерянной любви, — он знал, что нарывается, знал, что Найяр не простит и спустит с рук, но остановиться уже не мог. Накипело.

mir-knigi.org

Герцог вновь шагнул к казначею, размахнулся, но Эбер больше не хотел изображать бессловесную овцу. Он увернулся, ускользая из-под удара, и вновь отошел на несколько шагов. Найяр, не достигнув цели, пролетел по инерции и едва не встретился со стеной. Он мгновенно развернулся, красивое лицо исказило бешенство.

— Не смей мне указывать, ублюдок, не смей! Это мое государство, моя женщина и моя воля! Я, только я решаю, что будет с Таргаром!

— Государство вы утопили в крови, ваше сиятельство, еще немного и Таргар откажется от вас. Кто вы без своего венца? Кровожадный безумец? Что касается женщины, она никогда не была вашей, и не будет впредь. Где бы сейчас не была Сафи, я желаю ей никогда больше не попадать в ваши безжалостные руки.

Рывок герцога был стремительным, он сбил с ног казначея, нанося ему удар по лицу. Военор вывернулся и вскочил на ноги, сплевывая на пол кровь. Найяр поднялся следом, он волком смотрел на того, кто посмел сказать то, о чем молчали остальные. То, о чем боялся думать даже сам таргарский правитель. Найяр уверял себя, что держит все под контролем, он свято верил в то, что знает, что делает. В крови? Да он спасает герцогство от предателей и ведьм! Не нужен Таргару? Он?! Что такое Таргар без своего Дракона? Ничто, он, он, Найяр обогатил герцогство, раздвинул его границы. Он обводил вокруг пальца послов не только других государств, но и самого Владыки. Именно он, Найяр Грэим, смог дотянуться даже до Небесного Престола! Кто они все без него? Пустышки, которые способны лишь на то, чтобы выполнять его приказания. Он их всех насквозь видит, всех! И этого червяка, который посмел раскрыть рот, тоже.

Найяр сузил глаза, склонил голову к правому плечу и осклабился:

— Ты ведь был влюблен в нее, не так ли, Военор? — спросил он, медленно подходя к Эберу. — Я видел, какими глазами ты смотрел на нее. Живьем бы проглотил, да? Хороша, ох, хороша моя Сафи. Другой такой нет. И ведь она доверяла тебе, мне не доверяла, а тебе, да. Что она поручила тебе, мой мальчик, перед тем, как решила выпить яд? — казначей дернулся при последних словах, и герцог рассмеялся. — Ты не знал, благородный тарг. Наша красавица хотела наглотаться яда, но Грэир подпортил ей планы и украл. Но что делает обычно человек, который готовится умереть? — герцог прошелся по кабинету, заложив руки за спину, развернулся на каблуках и вновь посмотрел на Военора. — Он приводит в порядок свои дела. Она не могла дать тебе поручение только насчет Габи. Что мое сокровище велела тебе сделать, Военор? Открой душу.

— Хвала Грэиру, что не дал свершится трагедии, — спокойно ответил Эбер, промакивая кровь. — Все, о чем меня просила Сафи, я вам рассказал. — И он взглянул в глаза герцога, уверенно выдержав тяжелый взгляд господина.

— Ты лжешь, я это точно знаю, — Найяр опять приблизился к казначею. — И я скоро узнаю все, что ты от меня скрываешь. Стража! — двери открылись, и Таргарский Дракон кивнул на казначея. — В пыточную.

Военор обошел герцога, заглянул ему в лицо и произнес:

— Бесы слишком долго покровительствовали тебе, герцог, но плата за их помощь всегда непомерна, и скоро Черный бог потребует свои проценты. — После развернулся и кивнул стражникам. — Ведите.

— Я сам Черный бог! — выкрикнул вслед Найяр.

— Ты даже не его тень, — рассмеялся казначей и прошел мимо застывшего тарга Когена, одарив его мимолетным извиняющимся взглядом.

* * *

— Коген, за мной, — коротко велел герцог, заметив застывшего советника.

Тот перевел растерянный взгляд на господин и очнулся.

— Одно мгновение, ваше сиятельство, — склонился он в поклоне. — Только бумаги прихвачу и буду в вашем распоряжении.

— Быстро, — Найяр отвернулся и, чеканя шаг, последовал за арестованным и его конвоем.

Его сиятельство уже не увидел перекосившееся ненавистью лицо тайного советника, как не увидел и его жеста, показанного стаявшей неподалеку страже. Так же не увидел герцог, как стражники понятливо кивнули и покинули свой пост, спеша на черную лестницу, которая вела к подземелью.

Коген подошел к кабинету своего нового секретаря и распахнул дверь.

— Боги с нами, — сказал он, и молодой мужчина вскочил, на мгновение изменившись в лице.

— Еще не все готово, — ответил секретарь.

— Через час все это не будет иметь смысла, — ответил тарг Коген, и секретарь кивнул, срываясь с места.

Тайный советник зашел в свой кабинет, подхватил ножны с мечом и направился к пыточным камерам…

— Ты ведь страдал, Военор, правда? — герцог пристроился за спиной казначея. — Смотрел, как она целует меня, и страдал? Это ведь больно, когда твоя любимая женщина с другим? — голос Найяра был наполнен ядом. — Знать, как она сгорает в объятьях более счастливого соперника, это ведь гадко, не так ли? Ответь мне, мой мальчик, как ты чувствовал себя ночами, пока она стонала подо мной?

— Ты сам можешь ответить на свой вопрос, герцог, — Эбер обернулся и окинул Найяра ироничным взглядом. — Что ты чувствуешь, когда представляешь, как она стонет в объятьях Грэира? Ревность сжигает тебя, Найяр Грэим, когда ты представляешь, что она улыбается ему и говорит, что любит? Это больно, герцог?

— Заткнись, — глухо произнес герцог, сжимая кулаки. — Она не любит его, не может любить!

— Грэир достойный мужчина. Не было ни одного скандала, связанного с его именем. Сколько его не пытались вывести из себя дворцовые дураки, он всегда был хладнокровен. Он не мог не понравиться Сафи. Надеюсь, что они счастливы, пока ты здесь подыхаешь в огне собственного яда, ревности и безумия.

— Тварь! — Найяр ухватил казначея за шиворот и рванул на себя. — Ты не смеешь называть меня безумцем! Ты не смеешь говорить мне все это, ты никто!

Военор поджал губы, сдерживая желание ударить в ответ.

mir-knigi.org

— Ну, давай же, казначей, — герцог оттолкнул от себя мужчину. — Я же вижу, ты хочешь мне врезать, дерзни.

— Меня учили, что бить женщин, детей и безумцев недостойно настоящего мужчины, — ровным тоном ответил Эбер.

— Я не безумен!!! — багровея, заорал Найяр.

Он на мгновение прикрыл глаза, втянул носом воздух и шумно выдохнул.

— Я безумец, а ты шут, который так и не познал той, о ком грезил ни один год, — язвительно произнес герцог. — Безумцу было позволено то, что не позволено шуту.

Издевательский смех был ему ответом. Военор хохотал, утирая слезы, всхлипывал и снова заходился в приступе смеха.

— Не-ет, — герцог мотнул головой, словно отгонял страшное видение. — Нет! Она не могла этого сделать! Ты лжешь, тварь, лжешь!

Он стремительно приблизился к застывшим стражникам, выхватывая меч у одного из них.

— Сдохни, скотина, — прошептал побледневший Дракон. — Сдохни!

Эбер смотрел, как взметнулся меч, как острие нацелилось ему в грудь. Он прикрыл глаза, понимая, что может только бегать по кругу, пока герцог не настигнет его, а подобного унижения он не желал. Звон стали заставил его открыть глаза. Второй стражник, сопровождавший его в пыточную, достал свой меч и отбил удар герцога. Тот в бешенстве посмотрел на мужчину, посмевшего поднять оружие против своего господина.

— Ко мне! — заорал он. — Измена!

Послышался торопливый топот множества ног, и к ним выбежали стражники с обнаженными мечами, следом появились благородные тарги, придворные кавалеры, услышавшие призыв. До подземелья Военора так и не довели. Посланные Когеном на помощь стражники еще бежали к ним.

— Взять, — велел герцог.

Несколько стражников отделились, спеша выполнить приказание господина, остальные остались на месте. Придворные переминались с ноги на ногу, не зная, что делать, их помощь была не нужна. Тарг Военор устало потер лицо, обвел взглядом собравшихся воинов и коротко произнес:

— Взять. — Тут же зазвенела, вытаскиваемая из ножен сталь. Те несколько стражников, что направились к арестованному и защитившему его воину, остановились недоуменно взглянув на своих собратьев. — Найяр Грэим, ты низложен, — сказал Эбер и повторил. — Взять, тарга Грэима.

— Что? — Найяр недоверчиво усмехнулся. Мотнул головой, рассмеялся и попятился. — Если здесь еще остались верные сыны Таргара, к бою!

Придворные кавалеры пришли в движение, стражники, опустившие было оружие тоже. Со стороны подземелья вырвались несколько воинов, они огляделись и спешно закрыли собой

mir-knigi.org

Военора. Тот мотнул головой и забрал меч.

— Благородный тарг, — начал один из подоспевших.

— Нет, — отчеканил Эбер и вышел вперед.

Найяр усмехнулся и повторил:

— К бою!

Клинки скрестились, завязалась драка. Эбер метнулся к низложенному герцогу, но тот увернулся, уходя за гущу сражающихся. Найяр не собирался ввязываться в драку, не сейчас и не здесь. Коген, прибежавший только сейчас, выхватил меч, пытаясь преградить путь герцогу.

— И ты, змей, — прошипел Найяр.

Он нанес короткий удар, откинул советника и помчался вверх по лестнице. Эбер, вырвавшийся из мешанины тел, бросил короткий взгляд на Когена, и тот махнул рукой:

— Ему нельзя дать уйти. Эбер, только смерть.

Бывший казначей кивнул и помчался следом.

— За ним! — выкрикнул тайный советник, поднялся и поспешил следом.

Часть верных заговорщикам стражников отделилась от своих собратьев и побежали наверх. Остальные разоружили придворных, много времени на это не ушло. Кто-то из кавалеров сдался сам, понимая, что царствованию рода Грэим пришел конец.

— Задержать! — закричал Эбер, когда герцог метнулся за угол.

— Что происходит? — из жилых покоев выглянул тар Лаггер.

Ему никто не ответил, лекарь обернулся назад, глядя на кого-то невидимого, и пожал плечами.

— Най! — женский вскрик настиг погоню, но никто не обернулся, они гнали зверя.

Герцог мчался к известной лишь ему одному цели. Мозг, затуманенный все это время, осознавал то, что упускал столько времени. За несколько месяцев во дворце сменились почти все прежние стражники, сменился опять начальник стражи. Появилось много новых лиц, слишком много. Коген говорил, что он укрепляет дворец, он стягивал свои силы! Проклятье! Найяр столько боролся с заговорами, а не заметил тот, что зрел под носом.

— К бесам! — выкрикнул он и резко остановился, потому что навстречу ему выбежала стража.

Герцог поднял меч и оскалился, оглядываясь. К нему приближались с двух сторон, а до цели оставался еще целый коридор. Он бежал в свои покои, потому что там… Его атаковали сразу двое. Найяр отбился, в схватках с наемниками он привык и большему числу нападающих. Он был мастер, он был воин до корней волос. Воин, который не боялся убивать, и не боялся умереть сам. Это было его преимущество, всегда было преимуществом, потому что герцог легко рисковал там, где другие были осторожны. Рисковал и выигрывал.

Вот и сейчас он рискнул. Найяр бросился на острия мечей, нанес удар, выбил меч у одного из противников, и теперь наступал сам. Ему нужно было пробиться вперед, нужно было снова

бежать, потому что впереди был шанс, там было спасение. Он не боялся смерти, но умирать не спешил.

Эбер бросился к нему, но воины не подпустили, оттеснили и напали сами. Из этой свары невозможно было вырваться. Невозможно… но Найяр смог. Он убил двоих, ранил еще одного, растолкал оторопевших стражников и бросился вперед, не оглядываясь назад, не прислушиваясь к звуку погони.

— Не упустить! — закричал за спиной Эбер Военор.

Герцога догоняли. Он увернулся, отбился и снова побежал. На ходу нанес дубящий удар незадачливому воину, выбежавшему из ближайшего коридора, перепрыгнул через упавшее тело и помчался дальше. Погоня не отставала. Они не сдавались. Герцог понимал, что ему уготовили смерть, понимал, что оставлять его в живых не рискнут, потому продолжал рваться к своим покоям.

— Стоять! — выдохнул ему в спину некогда тихий казначей.

Найяр обернулся, на его лице появилась кривая усмешка, и он еще прибавил в скорости. Дверь покоев была распахнута. Герцог ворвался туда, но понял, что дальше пройти не сможет. Вбежавшие следом за ним воины, окружали, щетинились мечами. Их лица не обещали пощады.

— Найяр Грэим, сложите оружие, — произнес Эбер, выходя вперед. — Выхода нет.

Герцог прищурился, глядя на него.

— Кого вы собираетесь возводить на трон? — насмешливо спросил он. — Моего дурака дядюшку? Кого? У трона Таргара нет наследни… — Найяр оборвал сам себя, недоверчиво посмотрел на Военора и расхохотался. Смех вышел язвительным. — Я идиот, проклятье! Я слепой идиот! Ты! — его палец уперся в Военора. — Ты женился на Шарли! Конечно, зачем вам старый дурак, Шарли — вот ключ к трону Таргара! Регент? Военор? Ты будешь регентом? — смех оборвался. Герцог нахмурился, осознавая полную картину заговора. И ведь все было у него под носом, прямо под носом, а он ничего не видел! — Армия?

— Наша, — ответил будущий герцог Таргарский.

— Флот? Флот не мог предать меня, — Найяр спрашивал, не утверждал.

— Ты сам предал флот, когда забрал в застенки их любимого командующего армадой, — сказал Эбер. — Владыка тоже с нами. Ты один, Грэим. Сдавайся.

Выхода не было. Герцог затравленно огляделся и снова поднял оружие, готовый дорого продать свою жизнь. И в первую очередь прихватить предателя, который столько лет прикидывался тихой овцой, этого ублюдка Военора.

— Сафи была с тобой? — спросил Найяр.

— Это имеет значение? — Военор изумленно поднял бровь. — Ответа ты не услышишь. Сложи оружие.

Атака Дракона была стремительной, но безрезультатной.

— Все назад, — велел Эбер, парируя удар. — Тебя ждет сюрприз, тарг Грэим, — усмехнулся он

и сделал выпад.

— Буду рад убить тебя, казначей, — усмехнулся бывший правитель Таргара, и схватка закипела.

Сквозь толпу пробилась Лирена. Она замерла, в ужасе глядя, как Военор теснит Найяра.

— Не надо! — вскрикнула она. — Пожалуйста, не надо!

— Уведите ее, — велел Эбер, смахивая с лица прядь волос, упавшую на глаза.

Девушку попробовали увести, но она вырвалась и бросилась к сражающимся. Прижалась к Найяру и, захлебываясь слезами, воскликнула:

— Как вам нестыдно, это же ваш господин, вы присягали ему на верность! — обернулась к любовнику и заглянула ему в глаза. — Най, они ведь одумаются? С тобой ведь ничего не случится?

— Ну, что ты, маленькая, конечно, со мной все будет хорошо, — он осторожно стер ее слезы, приобнял и сдвинулся чуть в сторону.

Военор закрывал Найяру то, к чему он стремился, за спиной предателя была цель, и герцог собирался ее достигнуть. Он сделал еще один шаг.

— Ты ведь поможешь мне, Лирена? — спросил Найяр.

— Я умереть ради тебя готова, — ответила она, выворачивая голову и доверчивая глядя на любовника.

На губах герцога появилась жесткая усмешка.

— Это очень кстати, девочка, — сказал он и оттолкнул ее.

Эбер, не ожидавший этого, не успел убрать меч, и Лирена налетела на острие.

— Проклятье! — воскликнул будущий герцог, подхватывая девушку.

Герцог оттолкнул его, метнулся к нише, в которой стояла статуя обнаженной женщины. Никто не успел среагировать, никто не успел понять, что происходит, когда раздался скрип потайного механизма, и за бывшим правителем Таргара закрылась провернувшаяся плита. Заговорщики так и стояли, тяжело дыша и глядя на то место, где исчез Таргарский Дракон.

— Он хороший, — прошептала Лирена. — Просто он очень несчастный.

Глаза ее закрылись, и девушка затихла. Эбер медленно поднялся на ноги, посмотрел на труп у своих ног.

— Бесы уже наступают тебе на пятки, Найяр. Будет ты проклят, кровожадная тварь! — тихо произнес он и в бешенстве швырнул меч, который извлек из тела бывшей фаворитки.

Тарг Коген пробился к Военору. Посмотрел на тело девушки, обвел взглядом собравшихся и зычно провозгласил:

— Да здравствует Эбер Военор, герцог Таргарский!

— Слава герцогу! — грянули воины.

Эбер медленно осмотрел своих сторонников и устало усмехнулся.

— Слава мне.

Глава 11

Харчевня "Три веселых пастуха" была наполнена народом. Впрочем, здесь всегда было много народа, особенно под вечер, потому что стояла она недалеко от главной площади одного из приграничных таргарских городов — Валора. В самом углу приютился высокий мужчина, не пожелавший скинуть с головы капюшон плаща, не смотря на духоту харчевни. Он задумчиво покручивал в руках большую кружку с пенистым элем и слушал разговоры завсегдатаев.

— Говорят, сам Владыка прибудет в Таргар на коронацию, — говорил лысоватый мужчина в потертой дорожной куртке. — А с ним послы из нескольких государств. Из Бриатарка тоже будут, они вроде как богатые дары везут.

— Герцогиня молодая больно уж хороша, — отозвался худой сосед плешивого. — Сейчас портреты новой правящей четы много, где развешаны.

— Еще бы, она же Грэим, эти всегда славились своей красотой, — ответил плешивый.

— Жаль души красота не добавляет, — вздохнул тощий. — Последний-то герцог совсем лютый был.

— Так его ведьма та сглазила, — заговорил третий, коротышка с водянистыми глазками. — Душу-то из него выпила, вот и обезумил.

Мужчина в капюшоне сжал кружку так сильно, что, казалось, еще немного, она разлетится в его руках.

— Да что вы ерунду говорите, — к ним обернулся мужчина с соседнего столика. — Тарганна Сафиллина была добрейшей души женщиной. Как она этого драконы выдерживала, непонятно.

— А что ты ее защищаешь? — коротышка нахмурил брови. — Всем известно…

— Всем известны сплетни, а я в столице прожил несколько лет, она мальчишку моего на ноги поставила, когда его телегой пьяный лавочник переехал. Лекарей согнала, даже дворцового позвала. Думали, отдаст богам душу малец, а она велела не отходить, пока в себя не придет. Сейчас мой парень, может, и не бегает, но живой и при ногах. Ходит, пусть пока с клюкой, но не овощем в постели гниет. Я тогда за нее свечки по всем храмам поставил, да молебны заказал во славу. И сейчас в своих молитвах поминаю. И семья вся моя. Ведьма… Если есть на свете боги, они не позволили ей сгинуть. Больно уж светлая женщина была, ласковая.

Он махнул рукой на троих мужчин и отвернулся. Те некоторое время смотрели в спину неожиданному защитнику, но вскоре вернулись к своему разговору.

— Новый-то герцог всех, кто в темницах сидел по доносам, отпустил. Земли дворянам вернул и титулы. А тех, кого пытать успели, сейчас лекари лечат. Всем пострадавшим обещали гольдеров отсыпать. — Возобновил прерванный рассказ плешивый.

— Пусть будут милостивы к нам боги, может, с его сиятельством, герцогом Военором,

вздохнем, наконец, свободно, — коротышка сложил руки в молитвенном жесте.

— Так герцогиня же… — начал тощий.

— Да, кто бабу-то к власти подпустит? — усмехнулся плешивый. — Муж ее будет править, как пить дать. Говорят, он казначеем раньше был, мужик толковый, порядочный.

— Это казначей-то? — хохотнул тощий. — Где вы видели порядочных казначеев? Не растащил бы Таргар по гольдеру.

— А уж лучше он, чем безумец, — вновь обернулся тот, кто защитил Таргарскую Ведьму. — Я видел Военора. У него глаза добрые, спокойный, разумный. Сколько дворян не обсуждали по харчевням, а его никогда. Если сменится династия герцогов, я не заплачу. За Таргар! — он поднял свой стакан с вином.

— За Таргар! — подняли свои стаканы и кружки все, кто услышал тост, а вскоре подхватила и вся харчевня.

Люди выпили, и в питейном заведении вновь потек неспешный разговор. Мужчина в плаще сделал большой глоток эля и снова прислушался.

— А что со старым-то герцогом стало? Убили или в монастырь, как его сумасшедшего прадеда отправили? — спросил коротышка.

— А бесы его знают, — пожал плечами плешивый. — Никто не говорит, но слышал, воины и стражники прочесывают герцогство, словно преступника ищут. Должно быть, сбежал.

— Ох, лихо, — вздохнул тощий. — Лишь бы войны не было, только намек на продых появился.

— Все в воле богов, — философски ответил плешивый.

Одинокий мужчина допил эль, стукнул дном кружки об стол и встал, собираясь покинуть харчевню, но остановился у стола трех сотрапезников и склонился, уперев руки в столешницу.

— Неужели так плохо при прежнем герцоге жилось? — спросил он.

Мужчины переглянулись и посмотрели на нового собеседника, тут же поежились под ледяным взглядом синих глаз и опустили головы.

— Да и неплохо, пока он ведьмой своей занят был, до других ему дел не было, — наконец, ответил плешивый. — Сколько он у власти был? Почитай лет десять?

— Тринадцать, — ответил синеглазый мужчина. — Тринадцать лет правил Таргаром.

— Вот я и говорю. Тринадцать лет у власти, из них почти десять он вокруг той тарганны вился, никуда нос не совал, нормально жили. А как пропала она, так и полилась кровь по улицам, да закоулкам. Вот уж воистину, лучше бы она при нем осталась, а мы-то, дураки, все проклятья ей слали.

— И все? Это все, что вы можете сказать о Найяре после тринадцати лет его правления? — мужчина горько усмехнулся. — А ведь, благодаря ему, Таргар богаче стал, территории увеличились. Войн несколько лет избегал, мир был.

— Ага, как раз, когда он тарганну Сафиллину к себе во дворец притащил, — мужчина с

соседнего столика обернулся и посмотрел на того, кто так и снял капюшона. Мужчина слегка нахмурился, рассматривая волевой подбородок, видневшийся из-под черной ткани. Чуть нагнулся, улавливая небольшую часть профиля. — Мил человек, а где я тебя мог видеть?

— Понятия не имею, — синеглазый резко отпрянул от стола, развернулся на каблуках и стремительно покинул харчевню.

— Да ну-у-у, — недоверчиво протянул тот, что встревал в беседу трех мужчин и отвернулся, поверить, что он сейчас разговаривал с самим Таргарским Драконом, было сложно.

Найяр гневно вышагивал по улицам Валора, не обращая внимания на вечернюю суету горожан. Отмахнулся от продажной женщины, вклинился между двумя почтенными тарами, о чем-то оживленно споривших посреди улицы, и только грозно рыкнул, когда они выразили свое недовольство.

Как? Как эти смерды смели говорить такое? Двенадцать лет у власти, а им нечего вспомнить? Только Сафи и все?! Сколько раз он крутился, как уж на сковородке, вытаскивая герцогство из лап наглеющих чужеземцев! Сколько всего сделал, а они могут сказать только про то, что он не мешал им жить?!

"А что ты сделал, Най?" — вернулся тот самый голос, который бывший герцог не слышал уже столько лет. — "Чем ты прославился?".

— Брат, — прошептал Найяр, останавливаясь. — Это ты, брат.

Голос опять исчез, и мужчина тяжко вздохнул. Неил всегда умел ставить его в тупик своими вопросами. Чем прославился? Ну, хотя бы… Найяр вскинул глаза к все более темнеющему небу. Та война, после которой Таргар увеличился на богатую рудой землю, после которой… Мужчина усмехнулся и побрел дальше, уже гораздо медленней и спокойней. Ту войну он проиграл, вчистую проиграл. Если бы не желание Бриатарка влезть в самое сердце Таргара, то не было бы рудных шахт, которые принесла ему в приданое покойная супруга.

Аниретта не оправдала чаяний своей родни, потому что дома была та, ради которой он презрел мораль и всяческие правила, та, от которой готов был отказаться в момент подписания соглашения и не смог. Принцесса Бриатаркская не смогла влезть ни в сердце, ни в душу, ни в доверие супруга, потому что там уже безраздельно царила малышка Сафи. Но ведь земли были присоединены и остались за герцогством! Что могут знать эти простолюдины? Ничего они не знают, ни-че-го! Он был хорошим господином, хорошим, просто… Просто он остался один и все пошло наперекосяк.

Бывший герцог Таргарский тяжело вздохнул и поднял взгляд к звездам. Еще год назад жизнь имела смысл, была цель, и он шел к ней. И ведь ступень за ступенью Найяр поднимался к желанной вершине. Он все положил к маленьким ножкам неблагодарной феи: свою жизнь, честь, герцогскую корону. И ведь требовалось от Сафи так мало, просто быть рядом, потом взойти на престол, и они бы вдвоем прославили Таргар и свое правление. Столько планов было на будущее, когда должен был осуществиться этот. И все, все рухнуло в ту минуту, когда эта глупая стерва понесла…

"Тебя тошно слушать", — голос Неила стал брезгливым. — "Снова ищешь виноватых, брат. Всегда искал того, на кого можно списать свои грехи. Всегда умел мастерски прикрываться чужой спиной, лгать и уходить от ответственности".

Ладно, хорошо, он готов взять на себя часть вины. Он не должен был тогда беситься и выгонять ее, тогда бы Сафи не связалась с ублюдком…

"К бесам, Най, сколько можно?!"

— Тогда объясни мне, брат, я не понимаю, что ты от меня хочешь! — воскликнул Найяр и сердито взглянул на пожилую женщину, стоявшую перед своим домом.

Она шарахнулась в сторону, и мужчина прибавил шаг. Он пересек городские ворота, оглянулся на Валор и понял, что его конь остался возле харчевни. Найяр криво усмехнулся, потуже стянул полы плаща и направился дальше пешком. Так думалось лучше. А подумать стоило. Он уже слышал, что Владыка лично коронует Военора, так же не было сомнений, что герцогский титул перейдет новой династии, так же с одобрения Энлера. Девчонку просто использовали, чтобы предъявить от ее имени права на трон, но править будет он.

— Проклятье, да какой он правитель?! — зло воскликнул Найяр. — Что эта денежная крыса понимает в политике?

"А ты много интересовался теми людьми, что служили тебе?"

— Я достаточно знал о том, кто отвечает за мои деньги, — отмахнулся бывший герцог.

"Да, конечно, брат, прости", — иронично произнес невидимый Неил. — "Ты знал много. Род, его знатность и древность. В мотовстве не замечен. Честен, благороден, хорошо воспитан, достоин доверия".

— Доверия… — Найяр рассмеялся. — Вот оно доверие.

"Ты сам вырыл эту яму".

— Да, нужно было давить эту старую крысу, Когена, когда хотел и не ждать, что он споется со слюнтяем Военором. Ты так не считаешь, брат?

Неил промолчал. Найяр снова вздохнул и направился в сторону границы. У него было желание вернуться в столицу и убить на коронации Военора, Когена и Владыку, но он откинул эту мысль, решив, что сначала нужно заручиться поддержкой своего вечного союзника, небольшого королевства — Роген. Найяр всегда поддерживал Рогенского короля, тот оказывал помощь Таргарскому герцогу. Они поддерживали приятельские отношения, еще год назад, по крайней мере. И теперь Дракон рассчитывал на рогенца. Вторгнуться в Таргар, пройти беспощадным вихрем по собственным землям. Вернуть трон, а там уже наказать всех, кто принял участие в перевороте.

— Но без Сафи мне не будет удачи, — сказал сам себе Найяр.

"Время упустишь, надо бить, пока не встали на ноги", — заговорил вдруг объявившийся отец. — "Не будь идиотом, сначала прижать к ногтю ублюдков, выпустить им кишки и вздернуть на них. И пусть так повисят, напоминая своим смрадом, что ждет каждого, кто посягнет на Грэимов. Ты же Грэим, сын, ты воин. Воин не прощает предателей".

— Ты прав, отец, — согласился бывший герцог. — Нужно выдавить этот нарыв с трона Таргара.

"И много пользы тебе принесла его наука?" — Неил насмешливо усмехнулся. — "Воин — высшее существо. Воин берет, что захочет", — передразнил невидимый призрак. — "Что тебе

это дало, Най?"

— Мою женщину, мою единственную женщину, — уверенно ответил бывший герцог, и его умерший брат расхохотался.

"Женщину дикаря ты тоже взял, потому что захотел, каков итог? Он забрал твою. К бесам, брат, признай, что наука отца — пустышка. Религия рода Грэим — пустышка! Воин защищает, а не карает тех, кто встал на его пути".

— Что ты хочешь от меня, брат? Ну, скажи же прямо! — воскликнул Найяр.

"Ты еще не готов меня услышать. Я буду ждать".

И он замолчал совсем.

"Всегда был слабаком и слюнтяем. Не то, что ты, мой любимый сын", — произнес отец.

— Оставьте меня все! — закричал Найяр и сорвался на бег, стремясь убежать от раздиравших его голосов. И они оставили. Только один голос несся вслед:

"Потерял, потерял, все потерял", — пропел Руэри Тиган и издевательски расхохотался в спину поверженному Дракону.

Он вернет, все вернет! Таргар, корону, Сафи и свой покой, где не будет голосов, где не будет проклятого смеха мертвеца, ни одного мертвеца вообще! Если только брат, его Найяру не хватало все эти годы. Но он не хочет разговаривать со своим младшим братишкой, потому что он не готов.

— К чему? Бесы тебя задери, Неил, к чему я должен быть готов?! — закричал мужчина, сгибаясь пополам и вскидывая руки в черноту ночного леса.

Ответа не было, и бывший герцог вновь побежал, как бежал больше недели назад из собственного дворца, из своей столицы, так теперь он спешил покинуть свою страну, где остался склеп рода Грэим, мечты и надежды. Где все принадлежало ему. Бежал, потому что был зверем, которого гнали все это время. Не так давно, меньше года назад он так же гнался за Грэиром, укравшим его главное сокровище, а теперь те, кто когда-то подчинялся ему, гнались за ним. Он их господин, он…

— Проклятье, — Найяр остановился и тяжело выдохнул.

Он столько лет показывал своим людям, что не доверяет им. Собственная наемная гвардия, он предпочел северян своим таргарцам. Таргарские воины были лишь мясом, которое он бросал в бой, но озолотил лишь наемников. Найяр ожесточенно потер лицо и зло хохотнул.

— Мстительные твари.

Он присел на поваленное дерево, через которое едва не полетел в темноте, и прикрыл глаза, вспоминая, как покидал герцогский дворец. Про тот тайный ход он узнал случайно, когда искал другой, через который ушел Грэир. Вернувшись во дворец после безуспешных поисков утерянного сокровища. Тогда, очнувшись от черной тоски, скрутившей его, он просмотрел старые планы дворца. Просмотрел и уничтожил, потому что открыл несколько потайных ходов, о которых не знал никто. О тех, что были ему известны, знал и Коген, о ходе из жилых покоев не знал никто. Там когда-то жил его прадед, но он сошел с ума, так и не сказав деду, иначе

почему старый Грэим, после восшествия на престол не воспользовался этими покоями? Как и отец, как и он, пока не взглянул на пожелтевшие от времени документы. Найяр сразу же переехал туда, тщательно обследовал и заготовил факелы, оружие, деньги, одежду и воду, на случай спешного побега. Как же он радовался, что оказался столь дальновидным в своем… безумии.

Мужчина усмехнулся и встал с дерева, продолжая свой путь. Ход вывел его за стены города, и свергнутый правитель сразу направился заранее продуманным маршрутом, достигнув села, где купил лошадь и дальше дело пошло веселей. Но буквально через два дня его нагнали. Не нашли, но пришлось спешно уносить ноги из городка, где он остановился на ночлег. Так и бежал все это время, стремясь к границе с Рогеном. Заговорщики просчитали, куда он может направиться, и преследователи отставали совсем не намного. Но теперь цель близка, и вскоре можно будет вздохнуть спокойно. В отличие от Таргара, в Рогене его в лицо знали очень немногие. Добраться до столицы, стоявшей на берегу моря, и можно будет совсем расслабиться. Найяр Грэим поджал губы и продолжил путь, до вожделенной границы оставалось уже немного.

* * *

Рогенар — столица Рогена встретил его мирной суетой. Здесь переворотов не устраивали, правителей не свергали, и самозванцы не лезли на чужой трон. Найяр въехал на новой лошади через кованные витые ворота, чувствуя душевный подъем. Он очень хотел верить в то, что вскоре сможет помыться в душистой воде, которой наполнят большую лохань, надеть чистую рубашку и нормальную одежду, потому что весь его запас уже давно пришел в негодность, и пришлось в дороге покупать простой костюм, исходя из того, что деньги не вечны, а слепо верить в поддержку недавнего союзника он не мог.

Найяр доехал до дворца, недолго постоял, глядя на стражу, стоявшую в воротах, на себя и насмешливо хмыкнул. Помниться, он был здесь лет восемь назад, приезжал с коротким визитом. Герцог ехал в простом костюме из дорогой ткани, из украшений только герцогская цепь и родовой перстень. Он сам был себе украшением. Рогенцы высыпали встречать его на улицы городов и сел, восхищенно перешептываясь, когда глядели на гордый профиль, на правильные черты лица, женщины плавились под ироничным взглядом синих глаз. Он был господином даже в чужом королевстве. Особенно это почувствовалось, когда они вместе с Теонианом Рогенским вышли к его народу. Высокий, широкоплечий, красавец герцог и щуплый, сутулый король с обычной неприметной внешностью. Найяру хватило такта сделать вид, что он не замечает, что все взгляды прикованы к нему, а не к Рогенскому королю.

— Тео, Тео, — прошептал беглец, — как же мне теперь до тебя добраться?

Спорить со стражей на воротах он не собирался. Развернув лошадь, Найяр отправился искать постоялый двор. Что будет делать дальше, мужчина уже решил. Для начала привести себя в порядок, это было основное желание. Бывший правитель Таргара быстро нашел искомое и, заплатив хозяину постоялого двора, велел принести ему горячую воду. Хозяин поклонился и послал своего прислужника выполнять приказание. То, что новый постоялец, не смотря на простое платье, не из простого люда, мужчина понял сразу, уж больно величаво держался, да и приказы отдавал умело.

Тем временем бывший герцог поднялся в свою комнату, скинул плащ и ничком повалился на кровать, нырнув лицом в подушку, стиснул ее руками, подминая под себя, и затих, прислушиваясь к звукам, доносившимся из коридора. За дверью слышались голоса, женский смех, затем голоса стали приглушенными, и послышался довольный мужской смех. Найяр

перевернулся на спину, догадавшись, что возня — это следствие заигрываний неизвестных мужчины и женщины. А затем в дверь постучали.

Найяр встал с кровати.

— Войдите.

Это был прислужник, он притащил ведро горячей воды, следом вошла молодая девушка с большим тазом, который должен был заменить постояльцу лохань.

— Холодную воду сейчас принесу, — поклонился прислужник, подмигнул девушке и вышел.

Найяр понял, что недавние звуки шли от этой парочки. Мужчина взглянул на девушку и усмехнулся. Она краем глаза наблюдала за ним, не спеша уйти. Он медленно подошел к девушке и приподнял ее голову, поддев пальцем подбородок. Она смущенно зарделась.

— Как тебя звать, прелестное дитя? — спросил Найяр.

— Лали, — ответила она и стрельнула озорным взглядом в постояльца.

— Лали, — повторил мужчина и обвел большим пальцем по контуру ее губы. — Занеси мне полотно, Лали, не сейчас, чуть позже. Принесешь?

Он ласково улыбнулся, и девушка вновь потупилась, но кивнула.

— Тогда иди за полотном, — подмигнул Найяр и слегка шлепнул ее по заду.

Девушка хихикнула и выскочила за дверь.

— Еще одна шлюха, — произнес мужчина. — И слава богам, что их не меньше, чем недотрог.

Вскоре вернулся прислужник с ведром холодной воды и ковшом в нем. Найяр дождался, пока он выйдет, взглянул на таз с ведрами и скривился.

— Это не мытье, это издевательство, — проворчал он, беря со дна таза кусок простого мыла.

Но деваться было некуда, и мужчина, приноравливаясь, занялся собой. Когда он уже заканчивал, в дверь постучались.

— Это я, Лали, — услышал он и усмехнулся.

— Заходи, ты вовремя.

Девушка скользнула в комнату, потупилась, но глазки то и дело стреляли в постояльца, оценивая его ладное тело. Найяр поманил ее к себе.

— Что же ты застыла, вытирай, — и развернулся к ней лицом, являя уже оживший орган.

Лали приблизилась, приложила к мужскому телу полотно и начала осторожно стирать влагу. Она подняла голову, ища в синих глазах одобрения, увидела легкую улыбку и улыбнулась в ответ. Найяр вдруг прерывисто вздохнул, сгреб ее в объятья и склонил голову.

— Согрей меня, Лали, — прошептал он и завладел губами девушки.

mir-knigi.org

Поцелуй был мягкий, даже нежный, и она ответила, без страха оплетая шею мужчины руками. Найяр подхватил случайную любовницу на руки и направился к кровати.

— Только… — Лали опять смущенно потупилась, когда ее спина коснулась узкого ложа.

— Что? — спросил бывший правитель Таргара, нависая над ней на вытянутых руках.

— Я девственница и хочу ею остаться для будущего мужа, — пролепетала девушка. Мужчина нахмурился, и она поспешила произнести. — Меня научили этим заниматься в другое место, если не побрезгуете.

Найяр мгновение смотрел на Лали, затем откинул голову и рассмеялся. Девушка зарделась, но он тут же опять склонился к ее лицу.

— Ты унесешь отсюда свое девство нетронутым, — пообещал Таргарский Дракон. — Мы используем все возможные местечки, их мне вполне хватит…

Когда Лали убежала от него, пряча в руке золотую монету и довольную улыбку на румяном лице, пообещав еще заглянуть, Найяр быстро ополоснулся остывшей водой и накинул припасенную чистую рубашку и штаны, побрезговав ложиться на сероватые простыни обнаженным телом. Затем опять растянулся на постели, блаженно улыбнулся и заснул. К вечеру он собирался кое к кому наведаться, а пока хотел хоть немного выспаться в постели, прежде чем заняться своим будущим.

Сон был тяжелым и тревожным. Бывший герцог увидел себя совершенно обнаженным, привязанным к позорному столбу. Хохочущая толпа кидала к него гнилые овощи и комья грязи. Найяр метнул в толпу яростный взгляд, откуда какой-то шут все орал:

— Потерял, потерял, все потерял! Растяпа!

— Заткнись! — заревел поверженный Дракон и рванул всем телом, но путы крепко держали его у позорного столба.

А потом народ расступился, и вперед вышла его сокровище, такая же красивая, такая же нежная, только глаза ее были затянуты бельмами, и это было страшно. И все же это была Сафи, и Найяр облегченно застонал, улыбаясь ей.

— Ты вернулась, любимая, — произнес мужчина. — Помоги мне, Сафи, развяжи меня.

Сафи склонила голову к правому ключу, рассматривая его пустыми глазами, а после осклабилась и протянула тем самым мерзким голосом:

— Потерял, потерял, все потерял! Растяпа!

— Любимая, — потрясенно прошептал Найяр.

Она рассмеялась смехом своего покойного мужа, черты начали оплывать, и вскоре перед бывшем герцогом стоял Руэри Тиган в женском платье и паясничал, кривляясь и скаля гнилушки зубов на бескровных деснах.

— Нет! — закричал Найяр и сел на кровати.

Руки его дрожали, а тело было покрыто противным липким потом. Мужчина прижал к груди ладонь, вдруг испугавшись, что бешено колотящееся сердце вот-вот пробьет грудь.

— О, боги, — выдохнул он, падая обратно на подушку.

— О богах вспомнил, — послышался из угла голос покойной герцогини. — Нет у тебя богов, убийца. Я святая, мне видней. — И она разразилась противным хихиканьем.

— Растяпа он, — хохотнул Тиган.

Найяр резко повернул голову и увидел призрака, сидевшего на подоконнике. Голова лежала рядом и довольно скалилась, а сам покойный тарг беззаботно болтал ногами.

— Что тебе еще от меня надо? — зло прошипел бывший герцог.

— Хочу насладиться твоим полным падением, Най, — голова облизала серые губы белесым языком и снова хохотнула.

Призрак почесал коленку, затем почесал макушку своей голове, и Найяр вскочил с постели, не в силах больше выносить жуткое зрелище. И стоило его ногам коснуться пола и почувствовать его холод, как Аниретта и Тиган исчезли. Дракон тяжело осел на кровать и сжал руками голову.

— Я устал, — прошептал он. — Я так устал…

Он долго сидел, продолжая сжимать голову и монотонно покачиваться, пока в дверь не постучали, и в комнату не просунулась голова прислужника.

— Воду можно уносить? — спросил он.

— Что? Воду? — Найяр поднял на прислужника рассеянный взгляд. — Да, сейчас.

Мужчина прошел к остаткам холодной воды и умыл лицо, стараясь смыть следы ночного кошмара и своих невеселых дум. Стимула не было, он вдруг исчез. Появилось желание уйти туда, где его никто не знает, где все можно начать сначала, только…

"Не отомстив предателям?" — возмутился отец. — "Ты же Грэим, сын!"

— Да, ты прав, — устало прошептал бывший герцог Таргарский.

Он кивнул ожидавшему прислужнику и натянул сапоги. Не те, которые знал весь Таргар, от них пришлось быстро избавиться, слишком уж известными были его драконы. Теперь на ногах Найяра были обычные сапоги, каких можно было встретить тысячу на одну округу. Мужчина оделся, бросил взгляд на окно, за которым сгущались сумерки, накинул плащ и направился к двери.

— Там тепло, — подал голос прислужник, тащивший ведра с вычерпанной из таза водой.

Но тут же осекся, встретившись с ледяным взглядом постояльца. Найяр спустился вниз, заметил Лали, заулыбавшуюся при его появлении, но равнодушно отвернулся и покинул постоялый двор. Уточнив у встречного горожанина, где находится дом советника Тонвела, направился в том направлении.

Расчет был прост. Советник Тонвел чаще всех бывал в Таргаре, он много общался с герцогом, получая от него знаки дружеского расположения. Он же был посредником и сторонником Таргара в делах, связывавших два государства. Найяр был почти уверен, что сможет уговорить провести его во дворец на аудиенцию к королю Рогена. В любом случае, попытаться стоило.

— К бесам, — глухо выругался Найяр, сжимая кулак в бессильной злости.

Превратили его, блистательного властителя Таргара, не пойми в кого. Он привык двери ногой вышибать, а не просить, чтобы его выслушали. С шестнадцати лет Найяр никого не просил, разве что, отца и брата. Но брата он любил и уважал, а отца боялся и уважал, в шестнадцать лет еще уважал. И вот ему тридцать шесть, а он вынужден бежать, прятаться, унижаться…

Мысли об усталости исчезли под натиском ярости и ветра, поднявшегося вскоре после того, как мужчина покинул постоялый двор. Найяр запахнул полы плаща, поглубже натянул капюшон и прибавил шаг. Мысли опять носились по кругу. Как, как можно было это допустить? Как можно было докатиться до такой глубины поганой выгребной ямы? Сафи, глупая стерва, если бы ты не исчезла, все было бы иначе! Если бы удавил вовремя Когена, если бы просчитал Военора, если бы, если бы, если бы…

— Проклятье, — зарычал мужчина и с силой пнул камешек, лежавший на дороге.

Он отскочил в стекло, по которому зазмеилась трещина, Найяр заметил это, хмыкнул и немного успокоился, в который раз прося прощения у своего сокровища за очередное оскорбление. Только бы рогенец не отказал, а там он вернет трон, женщину, накажет всех предателей и все наладится. Шумно втянув носом воздух, бывший герцог остановился перед богатым особняком, перед дверями которого стояла стража. Найяр выругался про себя, решительно направился к дверям. Перед его носом скрестились алебарды

— Куда? — грубо спросил один из стражей.

— К рогерду Тонвелу, — ответил Найяр, изо всех стараясь сохранять на лице невозмутимое выражение, не смотря на обжигающую ярость, кипящую в крови. — Гонец из Таргара по срочному делу.

Его смерили испытующим взглядом, и Найяр скинул с головы капюшон. Первый страж кивнул второму, и тот исчез за дверями. Вскоре он вернулся и произнес:

— Проходите, благородный тарг.

Найяр вошел в дом, скинула на руки слуги плащ, поморщился, но отдал меч и нож. Он не любил оставаться без оружия, чувствовал себя едва ли не голым, однако за голенищем сапога был припрятан еще один нож, это немного примирило с тем, что условием посещения хозяина дома было полное разоружение. Да и не в том положении был бывший правитель Таргара, чтобы диктовать свои условия.

Тонвел находился в своем кабинете, он не поднял головы, когда посетитель вошел, только указал на край стола:

— Положите послание сюда, о вас позаботятся.

— У меня слишком личное послание, — ответил Найяр, подходя к столу.

Советник рогенского короля вздрогнул и поднял голову. Глаза его округлились, и мужчина медленно поднялся, машинально склоняя голову.

— Ваше сиятельство…

— Рад, что проделки моих подданных вас не смутили, рогерд Тонвел, — ответил Найяр,

усаживаясь на кресло для посетителей. — Доброго вечера, друг мой.

— Доброго вечера, — с легкой запинкой произнес советник, усаживаясь на свое место. — Но как?..

— Вовремя принял меры и смог уйти из-под носа заговорщиков, — усмехнулся бывший правитель Таргара. — Как себя чувствует его величество?

Тонвел некоторое время рассматривал недавнего союзника, отмечая его потрепанный и уставший вид. Но не мог не отдать должного, глаза герцога Таргарского смотрели по-прежнему уверенно, лицо было спокойно, и сила Дракона все еще была при нем. Как и раньше хотелось почтительно склонить голову, только это был Роген, и изгнанник являлся не официальным лицом, а всего лишь незваным гостем. Тонвел немного расслабился, откинулся на спинку своего кресла и уцепился пальцами за край стола.

— Вы ведь не в гости заглянули, ваше сиятельство? — осторожно поинтересовался советник.

— Разумеется, — усмехнулся Найяр. — Да, вы правы, не будем расшаркиваться и распыляться в пустоту. Мне нужна аудиенция у его величества. Вы поможете мне пройти во дворец? Как сами понимаете, меня в таком виде туда не пустят, а спорить со стражей мне как-то претит. — Он снова усмехнулся, теперь, скорей, нервно.

Советник Тонвел молчал. Он думал. Рогенский монарх благоволил Таргару, герцогству, не конкретному правителю. Хотя с Найяром Грэимом король Теониан умудрился сохранять достаточно дружеские отношения на протяжения всего правления герцога Таргарского, не смотря на заносчивый норов его сиятельства. То, что король может поддержать своего союзника, нельзя было скидывать со счетов.

На данный момент к власти в Таргаре пришел человек, который Рогену был мало знаком и понятен. Что ожидать от смены правителя в соседнем герцогстве, как изменятся прежние договоренности? Надолго ли задержится тот, кто до сегодняшнего дня не имел никаких прав на герцогский трон? Не начнутся ли смуты под боком у Рогена? И, главное, как это может отозваться в их маленьком королевстве? Как известно, дурной пример заразителен, не захочет ли кто-нибудь повторить опыт таргарских заговорщиков и здесь? Возможно, помочь герцогу вернуть свое государство проще, чтобы сразу показать вольнодумцам, что подобные деяния жестоко наказуемы, чем потом бороться с дурным примером…

Все это проносилось в голове советника Тонвела. Он подался вперед, положил ладони на стол, но опять ничего не ответил, продолжая думать. Найяр не мешал. Он готовил доводы, но сейчас не спешил их приводить, наблюдая за хозяином дома. Тем временем советник, постучал ладонями по столешнице, снова откинулся назад и приветливо улыбнулся.

— Ну, разумеется, ваше сиятельство, разумеется, — произнес Тонвел. — Завтра его величество будет свободен с утра, думаю, вы не откажитесь отправиться со мной во дворец.

— Ни в коем случае, рогерд Тонвел, я в вашем полном распоряжении, — радужно улыбнулся Найяр.

— Где вы остановились, ваше сиятельство? — вежливо поинтересовался мужчина.

— На постоялом дворе, — с милой улыбкой ответил бывший герцог.

Советник всплеснул руками и поднялся из-за стола.

— Ну, что вы, ваше сиятельство, как можно?! Вы и этот клоповник. Надеюсь, вы не откажитесь остановиться у меня? Покои вам сейчас подготовят.

Найяр сдержанно склонил голову в знак благодарности. А через час уже по-настоящему нежился в большой лохани, наслаждаясь ароматами травяных настоев, мыслью о вкусном ужине и сне на чистых простынях. Почин был неплохим, это давала определенную надежду на будущее.

* * *

— Утро, тарг Рэин, — Найяр открыл глаза и непонимающе посмотрел на вежливого холенного слугу, согнувшегося возле его постели и осторожно тормошившего за плечо. — Утро, тарг Рэин, — повторил мужчина. — Рогерд Тонвел ожидает вас на завтрак.

Таргарский Дракон кивнул и сел на кровати, усердно растирая заспанные глаза. Тарг Рэин… Найяр невесело усмехнулся и встал. Они вчера придумали ему это имя с советником, чтобы скрыть истинное. Так было нужно, пока нужно, но потом он вернет свое, данное правом рождения, имя. Еще немного унижений, и мерзавцам за все воздастся. И его скитания, и унижения, и лишения — все. Не хотелось верить в иной исход. Это было бы слишком невыносимо.

Тонвел упорно избегал делать прогнозы и, подобно змею, плавно огибал эту тему. Найяр не винил. Он и сам не мог четко сказать, чтобы сделал он сам в такой ситуации, слишком много факторов влияло на решение. Пока хотелось верить и надеяться, что посуленные им новые договора и послабления прежних перевесят сомнения рогенского властелина. Впрочем, Найяр никогда не был сторонником гаданий, не собирался этим заниматься и сейчас. Ждать. Иного выхода не оставалось. И он набрался терпения.

Ночь прошла спокойно, призраки вдруг решили его пощадить, даже Тиган не хихикал мерзко в тишине опочивальни. Только перед самым сном явился отец и красочно расписывал, как надо наказать смутьянов. Никаких путных советов он не дал, потому Найяр спокойно уснул под его бормотание. И кошмаров не было, да и снилось ли вообще что-нибудь, мужчина не помнил.

Умывшись и переодевшись в новую чистую одежду, которую ему преподнесли вчера, бывший таргарский властелин отправился в столовую, где его уже дожидался Тонвел.

— Дорого утра, рогерд Тонвел, — поздоровался Найяр.

— Доброго утра, тарг Рэин, — ответил советник, в столовой присутствовали слуги. — Как вы почивали?

— Благодарю, сказочно, — сказал Найяр, приступая к завтраку.

Они разговаривали мало, в основном, о незначительных мелочах. Лишние уши не способствовали откровенности. Таргарский Дракон держался уверенно, ничем не выдавая некоторого смятения, появившегося когда мужчины встали из-за стола и направились на выход из дома.

Внизу их ожидала карета советника. Только в ее сумрачном нутре Тонвел заговорил об их деле.

— Ваше сиятельство, думаю, вы меня поймете, если я проведу вас черным ходом и оставлю в уединенном кабинете. Обнародовать ваше появление в Рогене преждевременно и неразумно. Вы и сами должны это понимать, — Найяр кивнул, соглашаясь с советником, но неприятный

осадок после этой фразы остался. — Я сразу же отправлюсь к его величеству и сообщу о вас. Как только он будет готов вас принять, я явлюсь за вами лично.

— Быть по сему, — не стал спорить бывший герцог.

Советник заметно расслабился. Норов и взрывной темперамент Найяра Грэима были известны в Рогене. Впрочем, это было общей, так сказать, фамильной чертой представителей рода Грэим. Злопамятные, мстительные, жестокие, хитрые, коварные, но бесстрашные, не боявшиеся рискнуть всем, способные к принятию неожиданных, даже нестандартных решений. И, как насмешка богов, практически все имели необычайную красоту, как женщины, так и мужчины. Словно специально для того, чтобы внушать одним только видом своим жертвам доверие с первой минуты.

Тонвел прекрасно знал, каким обаятельным и милым может быть свергнутый правитель Таргара, и каким холодом могут обжигать его глаза, внушая трепет тем, кому не посчастливилось впасть в немилость. Сейчас его гость был светел ликом, спокоен и дружелюбен, всем своим видом излучая благодушие. Так и хотелось улыбнуться ему в ответ, потрепать по плечу и сказать, что все будет хорошо. Более того, хотелось даже, чтобы у него все было хорошо. Сочувствие так и просилось в душу. Только опытный придворный и политик все еще помнил, кто перед ним, как помнил все слухи и донесения о царившем в Таргаре последний год кровавом ужасе. Потому этот великолепный мужчина напротив больше пугал самого советника, чем трогал за живое. Но Тонвел ободряюще улыбался время от времени, пряча за внешней любезностью свою настороженность. Непредсказуемость Грэимов так же была хорошо известна. То, что творилось у них в голове, знали только сами Грэимы, больше никто.

Карета остановилась неожиданно для обоих мужчин, погруженных в свои мысли. Дверца открылась, и внутрь заглянул старший в смене стражи на воротах. Он поклонился советнику и вопросительно взглянул на его спутника.

— Тарг Рэин по срочному делу к его величеству, — пояснил Тонвел. — Это мой гость.

Задержав подозрительный взгляд на неизвестном мужчине, стражник закрыл дверцу и махнул, разрешив открыть ворота. Найяр одобрительно хмыкнул, охрана ему понравилась. Карета проехала до парадной лестницы, но Тонвел велел кучеру ехать дальше, и вышел только у черного хода, которым пользовалась, в основном, прислуга.

— Следуйте за мной, ваше сиятельство, — склонил голову советник, и мужчины вошли на узкую лестницу, пропахшую сыростью.

Найяр, молча, поднимался за советником чужого правителя, раздумывая, а смог бы Тонвел предать так же, как Коген. Мог, решил мужчина. Все они псы, которые готовы вцепиться в кормившую их руку.

"Верность людей достигается не личностью того, кому они служат, а его поступками", — неожиданно произнес Руэри Тиган, объявившийся по правую руку, сейчас он выглядел так же, как и при жизни.

Тебе ли говорить о верности, насмешливо подумал Найяр. Призрак повернул голову в сторону своего палача и усмехнулся.

"Мне, Най, мне", — ответил Тиган и исчез, от чего Дракон облегченно вздохнул.

Советник Тонвел провел бывшего герцога на второй этаж, они некоторое время петляли по лабиринту переходов и галерей, и, наконец, вошли в небольшую комнатку. Кабинет был явно редко посещаем, здесь-то и оставил благородный рогерд своего гостя. Он склонил голову и вышел, пообещав быстрей добиться желанной Найяру встречи.

Герцог согласно кивнул и присел на край стола, как только остался в одиночестве. Задумчивый взгляд устремился в окно, вид из которого открывал панораму на дворцовый парк. Он мало походил на парк в его дворце, и все же это всколыхнуло воспоминания, в которых опять царила его маленькая фея. Найяр поднялся со стола и приблизился к окну.

Его взгляд зацепился за одинокую фигурку молодой женщины, бредущей по цветущим аллеям. Рядом с ней бежала маленькая собачка, забавно подпрыгивала, вставала на задние лапы и крутилась, выпрашивая лакомство. Женщина смеялась и кидала ей кусочки чего-то, что собачонка подхватывала на лету, заливалась радостным лаем и повторяла свои маневры. Мужчина, ставший свидетелем, невольно улыбнулся, пропитываясь этой умиротворяющей атмосферой, веявшей от представшей ему сцены.

А у Сафи не было питомца, она подкармливала дворцовых сторожевых псов, потому не боялась вечером покидать каменные стены дворца и спокойно гуляла по парку. Огромные кобели бежали к ней с радостным повизгиванием, и его сокровище иногда бегала с ними, кидая палки, которые ей охотно возвращали. Но такие поздние прогулки были редки, потому что Найяр редко выпускал ее из своих рук в это время.

Он вспомнил одну из их размолвок. Герцог ушел, громко хлопнув дверью. Но злость не прошла, и он напился. Потом выхватил одну из фрейлин герцогини, выплеснул в нее свое раздражение и вернулся в их с Сафи покои. Открыл дверь, вошел, придерживаясь за стену, а ее не было. Покои оказались пусты. Что он тогда пережил? Одни боги знают. Хмель моментально покинул буйную голову, и Найяр бросился на поиски своего сокровища. Бестолково метался больше часа, ставя на уши прислугу, стражу и попавшихся на пути придворных. А она все это время гуляла по парку, играя со сторожевыми псами, ластившимся к ней, словно неразумные щенки. Кто-то сказал, что видел, как тарганна Тиган вышла в парк, и герцог помчался туда. Он быстро услышал ее заливистый смех и топот огромных лап. Его сокровище вылетела на него, а следом выбежал кобель и чуть не загрыз герцога, который от испытанного волнения слишком громко вскрикнул и бросился к девушке. Угомонили разъяренную махину Сафи и подоспевшие стражники, а потом маленькая фея серьезно отчитывала кобеля за неподобающее поведение, грозила пальцем и называла невоспитанным псом. Самое забавное, что кобель скулил и виновато опускал морду, словно понимал ее.

Найяр отвернулся от окна и прошел к креслу, уселся в него, положил руки на стол и опустил сверху голову. Опять навалилась усталость и желание просто прижаться к теплому плечу своего сокровища и замереть, ни о чем не думая. А лучше всего уехать с ней куда-нибудь подальше и наслаждаться уединенной жизнью и ее нежностью.

"Ты все еще веришь, что можешь получить ее нежность?" — Тиган сидел на краешке стола, там, где недавно сидел сам бывший правитель Таргара.

— Однажды почти получилось, значит, получится снова, — уверенно ответил Найяр.

Призрак не успел ответить, лишь насмешливо взглянул и растаял в воздухе, когда открылась дверь, и в кабинет вошел Тонвел. Найяр поднялся со своего места.

— Идемте, ваше сиятельство, король ожидает вас, — сказал советник, пропуская вперед себя

таргарца.

— Как отреагировал его величество на известие о моем появлении? — спросил бывший герцог не из праздного любопытства.

— Был удивлен, — ответил Тонвел. — Но согласился принять сразу же, как только освободился от срочных дел.

Найяр кивнул и больше ни о чем не спрашивал. Он снова не стал гадать, что скрывается за реакцией короля Рогена, положившись на простую удачу. Мужчины вновь попетляли, обходя оживленные коридоры, и вошли в рабочий кабинет короля, тут же поднявшегося навстречу таргарскому союзнику, бывшему союзнику. Его величество, король Теониан, протянул руки, принимая в объятья Найяра, сжал его плечи и отступил.

— Доброго дня, друг мой, — сердечно сказал он и кивнул советнику, чтобы тот оставил их наедине. Как только дверь за Тонвелом закрылась, Теониан указал на удобное кресло, а сам присел на угол стола. — Сочувствую, Най, — сказал его величество, опуская прочие любезности и этикет. — Как же ты не заметил?

— Не сыпь мне соль на рану, — отмахнулся поверженный Дракон. — Я слишком увлекся поисками заговоров и не заметил того, что плелся у меня под носом, — мужчина невесело усмехнулся. — Теперь наказан за свою беспечность.

— Я бы не назвал беспечностью то, что у вас происходило в Таргаре, — король укоризненно покачал головой. — Нельзя так со своим народом, Най. Если слишком долго бить человека по голове, он или сойдет с ума, или даст сдачи. Ты слишком закрутил гайки, оставив людям только кнут, но лишил сладкого.

— Тео, мы можем обойтись без поучений, — скривился Найяр.

— Разумеется, — улыбнулся рогенец. — Я догадываюсь о цели твоего визита. Ты желаешь сразу перейти к делу?

— Это было бы очень мило с твоей стороны, — кивнул бывший герцог, сразу почувствовав неприятный озноб.

Теониан поднялся со стола и прошелся по кабинету, заложив руки за спину. Найяр напряженно наблюдал за ним, готовый задушить, затянувшего паузу монарха. Его величество остановился и посмотрел на бывшего таргарского правителя.

— Я не смогу тебе помочь, Найяр, — наконец, сказал он. — Объяснить, или ты понимаешь, почему я вынужден тебе отказать?

— Объясни, — сухо ответил тот.

Теониан вздохнул, прошел к своему месту и уселся, положив руки на стол и сцепив пальцы в замок.

— На стороне Таргара Владыка. Он официально принял произошедшие перемены. Династия Грэим признана низложенной, лишена герцогского титула и отстранена от трона на вечные времена. — Король подвинул Найяру свиток. — Прочти. — Бывший герцог взял свиток и быстро пробежал его глазами, затем поджал губы и откинул обратно на стол. — Стало быть, пытаясь помочь тебе, я иду против церкви. Как только Роген вторгнется в Таргар, нам ответят не только

таргарцы, но и их ближайшие соседи. И даже, если мы успеем вернуть тебя во дворец, в Таргар вторгнутся войска из Адоха и союзники Владыки, то есть все остальные. Ты пойми, мой Роген слишком мал, чтобы противостоять всему свету. Сколько ты знаешь своих сторонников, тех, кто будет готов выслать тебе и Рогену помощь? Я могу насчитать единицы. А ты готов после платить по счетам? А их предъявят, ты это сам знаешь. Что будешь делать после, избавляться от прежних союзников и наживать новых врагов? Твое возвращение на трон будет называться узурпированием. Ты и твои потомки, как и другие представители династии Грэим, отныне не имеете никаких прав на Таргарский престол. Тебе не может быть неизвестно, что означает подобное решение Владыки — все, кто угодно, только не Грэим. Грэим на престоле — заведомо преступники. Любое поползновение вашего рода будет караться, а узурпатор будет казнен без права на защиту и помилование. Время династии Грэим окончено, теперь наступает время династии Военор. Не знаю, что ждет союз Рогена и Таргара, но, на данный момент, все прежние договоренности остались в силе. — Теониан ненадолго замолчал, пристально глядя на Найяра. — Друг мой, ты понимаешь, что это значит?

Дракон заметно вздрогнул. Когда-то Роген и Таргар обязались выдавать преступников, скрывающихся на их землях. Это был удар, это был настолько ощутимый удар, что Найяр рванул на груди камзол. Теониан с сочувствием смотрел на него.

— Я даже укрыть тебя не могу у себя. Я обязан выдать тебя, потому что тебя официально объявили преступником. Най, ты везде под угрозой. Твое спасение лишь в том, чтобы оказаться, как можно дальше от Таргара и государств, где тебя хорошо знают. И я ничего не могу сделать. Если я пойду против соглашения, в Роген вторгнуться войска Владыки, с ними придет Бриатарк, Аквинтин и прочие. Роген не выстоит, а это не та цена, что я готов заплатить за твою свободу.

Теониан поднялся с места, подошел к Найяру, нервно теребившему порванный воротник, и положил ему руку на плечо.

— Беги, друг мой, это единственное, что тебе остается. Я помогу тебе. Ты получишь деньги, коня, слуг, оружие. Но это все. Больше я ничего не могу для тебя сделать. И уходить тебе нужно быстро, потому что скоро здесь будут таргарцы, мне сообщили об их приближении. Если они зададут вопрос о тебе, я отвечу, потому что не имею права промолчать.

Найяр откинул руку рогенского монарха и поднялся на ноги. Он слепо посмотрел перед собой, но затем тряхнул головой и перевел взгляд на короля.

— Благодарю, ваше величество. От денег не откажусь, остального не надо, — глухо произнес мужчина.

— Ты волен злиться, Най, — понимающе ответил Теониан. Он вытащил из стола два увесистых кошеля и положил на стол. — Здесь достаточно, чтобы убраться подальше отсюда и не нуждаться ни в чем необходимом. Думаю, такой далеко не глупый человек, как ты, сможет разобраться со своим будущим.

Найяр взял оба кошеля, кивнул и, молча, направился к дверям. Но, уже взявшись за ручку двери, он обернулся и горько усмехнулся:

— Бойся проклятий мертвецов, Тео, они сбываются. — И хохотнул. — Не прошло и года, как я потерял все. Все. Ничего не осталось.

После этого развернулся и покинул королевский кабинет, за дверями которого его ждал советник Тонвел.

Глава 12

Олкан — городок, стоявший на побережье Аганора, был наполнен запахом рыбы, руганью моряков, смехом продажных женщин и суетой купцов и клерков. Городская стража бродила по улицам, лениво переругиваясь с уличными торговками, выставившими посреди дороги корзины со свежей рыбой и прочими дарами щедрого моря. На прохожих стража мало обращала внимания, потому что к некоторым прохожим цепляться было себе дороже. В Олкане стояли не только военные корабли, но и купеческие, среди которых можно было встретить и пиратские суда, отдававших проценты с добычи королю Аганора. Это давало им право стоянки в аганорских портах.

Стражники обычно обходили таких моряков стороной, стычки с ними несли доблестным воинам урон, как физический, так и моральный. Только в случае, когда лихие ребята совсем распоясывались, стража вступала с ними в схватку. Но пока в городе было спокойно, пираты и стража не замечали друг друга.

Вот и сейчас мужчины в кирасах и с отличительными знаками на груди предпочли не заметить высокого путника с пронзительными синими глазами. Лицо его украшала благородная бородка, придававшая солидности и веса. Мужчина прошел мимо стражей, не обратив на них внимания. Его конь брел сзади, время от времени всхрапывая и прядя ушами. Мужчина остановился, потрепал вороного и подмигнул ему.

— Добрались, Демон, скоро отдохнешь.

И мужчина с конем направились дальше. Стражники потеряли к ним всякий интерес и накинулись на следующую торговку. Мужчина остановился и огляделся. Он заметил вывеску постоялого двора, там же находился трактир.

— Отсюда и начнем, дружище, — он обнял коня за морду, потрепал по шее и направился к постоялому двору.

Мужчина кинул повод босоногому мальчишке, следом монету. То и другое пацан поймал без труда, щербато улыбнулся, поклонился и повел коня в стойло. Мужчина тряхнул сильно отросшими волосами и вошел в двери постоялого двора. К нему тут же поспешил хозяин. Он окинул оценивающим взглядом нового постояльца и расплылся в улыбке.

— Вам комнату, добрый путник?

— Да. Комнату, горячую воду и что-нибудь поесть, тоже в комнату, — ответил незнакомец и кинул монету, которую хозяин подхватил не хуже мальчишки на улице. Попробовал ее на зуб и расплылся совсем уж в счастливой улыбке.

Мужчина указал взглядом в сторону лестницы, желая скорей отдохнуть. Томить его дольше не стали, и вскоре новый постоялец уже сидел на подоконнике, ожидая, когда ему принесут все, что он потребовал. Первой была еда, постоялец спорить не стал. Он уселся за стол с единственным шатким стулом и жадно накинулся на ужин. Пока он ел, наполнили небольшую лохань, стоявшую в углу комнаты. Мужчина кивнул, закрыл дверь на ключ, как только остался один, и вернулся к столу, щедро плеснув в кружку вина.

— За тебя, любимая, — провозгласил он в пустоту. — Скоро я верну себе свое сокровище, мое единственное и настоящее сокровище. Жаль, что я не понял этого раньше, — и залпом осушил кружку.

mir-knigi.org

Неил Рэин поднялся из-за стола, вернулся к окну и выглянул на улицу. В его душе были покой и твердая уверенность, что он наконец-то делает все верно. Свое прошлое он старался не вспоминать, как и данное при рождении имя. Бывший блистательный герцог Таргарский вздохнул, провел ладонью по бородке и усмехнулся. Новый образ ему нравился. Мужчина сел на подоконник, дохнул на стекло, написал женское имя и улыбнулся.

— Уже скоро, — прошептал он.

Мысль, что та, за кем Неил Рэин собирался отправиться на другой конец света, может быть мертва, или находиться в другом месте, мужчина старался не допускать. Она там, и он ее заберет. Поговорит, попросит прощение, выслушает все ее требования, и все будет хорошо, теперь уже точно будет хорошо. А Таргар… Они вместе забудут, как страшный сон.

— Почему ты не оставишь ее в покое?

Неил-Найяр обернулся и взглянул на Руэри Тигана, развалившегося на постели. Призрак рывком сел и подтянул колено к груди, с интересом разглядывая бывшего господина.

— Она моя, — отчеканил Найяр.

— Не-а, моя, — усмехнулся Ру Тиган. — Но ты не захотел с этим считаться. Зачем тебе тянуть к себе прошлое. Почему не начнешь полностью новую жизнь? Мое сердечко не единственная женщина на земле.

— Это моя женщина, всегда была моей, — мужчина отвернулся к окну.

— Ты не допускаешь мысли, что Сафи может быть счастлива без тебя, а ты хочешь вновь ворваться в ее жизнь и все разрушить? Най, перед тобой весь мир, выбирай любую дорогу, зачем упорно цепляешь за прошлое, в котором плохо было всем. — Призрак поднялся с кровати и подошел к ему, устраиваясь напротив. С некоторых пор между этими двумя установились мирные отношения. В одинокие ночи они даже спорили до хрипоты, но каждый оставался при своем.

— Почему ты не уйдешь? — раздраженно спросил Найяр.

— Ты не отпускаешь меня, — пожал плечами Ру. — Аниретте хватило твоего свержения, мне нет. Год еще не прошел. — Призрак подмигнул и прошел к столу. — М-м-м, отдал бы Вечность за глоток доброго вина. — Затем уселся на стул и вновь обратился к Таргарскому Дракону. — Измени свою жизнь, Най, я уйду.

— Изменю. Верну ее и изменю, — упрямо тряхнул головой Неил-Найяр и вышел из комнаты, услышав за спиной смешок призрака.

Озарение случилось где-то через полторы недели после посещения Рогена. Как прожил те дни, Найяр затруднялся сказать. Королевский дворец он покидал, что называется, не в себе. Тонвел отвел бывшего герцога в конюшню, там он увидел черного жеребца и уже не сводил глаз. Советник кивнул, и беглецу отдали Демона, так его назвал сам Найяр, переименовав из Ворона. Конь был почти точной копией его, убитого стрелой Хэрба Огала, жеребца. И норов под стать новому хозяину. Пожалуй, конь был единственным существом, которого замечал изгнанник. Остальное было, словно в тумане. Где был, что делал, бывший герцог не помнил. Сознание будто окуталось тьмой отчаяния.

Очнулся он в какой-то деревушке, на соломе в сарае. Просто открыл глаза, сел и рассмеялся.

— Неил, Неил! — позвал он. — Я понял, я все понял.

"Что же ты понял, брат?" — отозвался голос невидимого брата.

— Неил, я понял, почему все это со мной произошло. Трон никогда не был моим, он был твоим, но тебя убили, и мне пришлось занять твое место. Я тринадцать лет был не тем, кем должен был стать. Только Сафи оказалась тем, что принадлежало мне. Она моя ценность, она мое все. Власть — пустое, она опьянила и ослепила меня. А эта женщина делала лучше. Рядом с ней был свет. Я верну мою душу, и все будет хорошо и правильно! Я стану таким, каким ты хотел меня видеть. — Мужчина вскочил на ноги, вновь полный сил. К нему вернулась уверенность в себе. У него появилась цель.

"Ты ничего не понял, Най, ты все еще не готов", — и брат исчез.

— Нет-нет, теперь я понял! — не согласился Найяр, взял за повод Демона и вывел из чьего-то сарая.

Встала проблема, как добраться до Ледигьорда, и мужчина вспомнил, что дикарь мог прибыть на землю Таргара вместе с купцами. Точней, до Аганора, оттуда чаще всего ходили торговые корабли к Свободным Землям, а от Аганора по морю до Таргара. И бывший герцог отправился в королевство, с которым никогда не дружил. Но, к бесам, сейчас на это было плевать! Он больше не таргарский правитель, даже не таргарец, по сути. Просто человек, для которого домом могла стать любая страна, главное, подальше от Таргара, Бриатарка и Адоха.

Найяр хотел наняться на купеческое судно, которое пойдет в Ледигьорд, и там искать свою Сафи. Когда он понял, зачем жить дальше, жизнь стала легче и проще. К Найяру вернулась его ирония, его хитрость, его отвага и сила. Теперь он опять не боялся ни Владыки, ни бесов, ни самого Черного бога. Уверовав, что путь избран верно, мужчина приступил к воплощению своего плана. И вот он а Аганоре, осталось лишь посидеть, послушать, задать вопросы и найти корабль, который отвезет его за единственной женщиной, сумевшей покорить сердце грозного Дракона.

Найяр — Неил спустился вниз, прошел в трактир и выбрал уединенный столик. Затем заказал эль и начал слушать. Разговоры велись о разном. Обсуждали новый налог, возвращение какой-то шхуны "Черная Птица", неизвестного Найяру пирата, вздернутого на виселицу на прошлой неделе. Ничего, что заинтересовало бы мужчину. Он лениво потягивал эль, разглядывая местную разношерстую публику, сохраняя на лице безразличное выражение, но в мыслях отметил, кого бы он повесил, не сходя с места. Отребья в трактире было немало.

Потом его взгляд зацепился за двух мужчин, державшихся, как и он, особняком. Они о чем-то оживленно разговаривали. Найяру стало любопытно, и он перебрался ближе, заняв единственное свободное место. Мужчины говорили о торговле, о планах, о порченном товаре и убытках. Это Найяру было неинтересно, и он разочарованно вздохнул, отпил эль и решил брать разговор в свои руки.

— Доброго вечера, достопочтенные мастера, — заговорил он, приветливо улыбаясь.

Мужчины взглянули на него, хотели отвернуться, но пронзительные синие глаза излучали такое дружелюбие и открытость, что они невольно улыбнулись в ответ и кивнули. Бывший правитель Таргара подсел к ним, пожелал удачи в делах и меньше убытков, неожиданные собеседники приняли пожелания, и беседа потекла. Сначала ни о чем, но Найяр не спешил. Он давал мужчинам развязать языки, похвалиться, восхитился ими, окончательно обаял и приступил к нужной ему теме.

— А бываете ли в Ледигьорде, уважаемые мастера? — поинтересовался Найяр.

— Бываем, знатные шкуры обратно везем, — ответил мастер Грив. — Только в этом году торговля не заладилась. Мы-то сами не были в этот раз, а с цеха нашего мастера уже побывали.

— Были? — растерянно переспросил Дракон.

— Да, в конце весны. — Важно кивнул мастер.

— А еще пойдут туда купеческие корабли? — как можно более беззаботно поинтересовался Найяр.

— Да, зачем же? — ответил второй мастер Каерг. — Мы туда раз в год ходим, чаще делать нечего. Шкур за год дикари накопят, мы их за одно плавание собираем и до следующего года. Правда, в этот раз убыток вышел, — покачал головой уважаемый купец.

Найяр уже не слушал, обдумывая, что ему теперь делать, и как добраться до цели, а когда опомнился, говорил по-прежнему мастер Каерг, и то, что он говорил…

— Дикарь разбирается в мечах, это кто бы такое мог подумать?! — возмущался мужчина с широкой окладистой головой. — Он как нос сунул, так в несколько шатров вообще перестали заходить. Лишь наконечники для стрел только и продали. Еще и драку затеял и охранника ранил. Может, и убил бы, да, говорят, с его бабой что-то случилось. Он охранника ранил по быстрому и убежал.

— Это ту, что в ткани нос свой длинный запустила? — подхватил мастер Грив. — Слышал-слышал. Там-то дикарь и взбеленился.

Таргарский Дракон превратился в слух, жадно ловя каждое слово.

— Знаешь, что почтенный Ларбус заметил? — произнес мастер Каерг. — У дикаря были сапоги, как в наших государствах носят.

— Может, снял с кого? — пожал плечами Грив.

— Не знаете, как выглядел этот дикарь? — спросил Найяр и затаил дыхание. — Любопытно, какие они.

Мужчины переглянулись и пожали плечами, но тут мастер Грив, сидевший лицом к дверям, радостно улыбнулся.

— А вот и сам Ларбус, он сейчас расскажет, — и замахал рукой. — Баг, иди к нам!

Мастер Ларбус подошел к их столику, окинул внимательным взглядом троицу собутыльников, но незнакомец внушал доверие, даже располагал к себе с первых же минут, и мастер присел, сразу заказав себе стаканчик вина. Обменявшись любезностями, обговорив новости и сегодняшнюю торговлю, мастер Грив, наконец, задал вопрос, который не давал покоя Найяру.

— Помнишь, ты говорил про дикаря из Ледигьорда? — Ларбус важно кивнул. — Неил спрашивает, как он выглядел.

— Да, как выглядел, обыкновенно, тварь дикая, — поморщился купец. — Ростом с тебя где-то, — он тыкнул пальцем в Найяра. — Да и в летах тех же. Глазищи почти черные, как и волосы. Выправка знатная, правда. Статью молодец. Мечом махал так, словно в гвардии короля

не один год отслужил. Да и осматривал оружие, как опытный воин. Все барахло, которое мы сбыть хотели запорол. Еще баба его…

— Как? Как выглядела женщина?! — воскликнул Найяр, хватая купца за руку.

— Да ты не в себе, братец, — Ларбус отпрянул, глядя в лихорадочно сверкающие синие глаза.

— Говори! — рыкнул бывший герцог.

Трое купцов замолчали, но Найяр не отступил. Скрипнув зубами, он выдавил:

— Прошу, умоляю, скажи, как она выглядела?

— Как-как, — ворчливо ответил Ларбус. — Пигалица. Ну… хорошенькая, даже красавица. Глазищи серые, черты тонкие, как у аристократки, совсем не похожа на других дикарок. Темноволосая. Хрупкая такая, а живот на нос уже лез. Вроде рожать начала, пока мужик ее мечом махал. Говорили, что ее другой дикарь на руки подхватил, да потащил куда-то. После этого ее муж закончил бой и умчался следом.

— Рожать? — почти шепотом переспросил Таргарский Дракон, сильнее стискивая руку купца. — Ты сказал — рожать?

— Ну, да, беременная же, я же говорю — пузо на нос лезло. На сносях уж была, видать, — ответил Ларбус, пытаясь отодрать пальцы, вцепившиеся в него стальной хваткой. — Да отпусти ты меня!

— Эта? — Найяр сунул руку за пазуху и вытащил миниатюрный портрет. Изображение женщины было немного попорчено, но узнать ее было можно.

— Она, ей-ей, она! — воскликнул купец. Грив и Каерг с любопытством взглянули на портрет.

— Красавица, — одобрительно кивнул Грив.

И они перевели взгляд на Найяра.

— Беременная, — прошептал тот, забрал портрет и поднялся из-за стола.

— Ты куда, Неил? — Каерг протянул руку, но Ларбус дернул его:

— Пускай идет, не в себе мужик. Ты его глаза видел?

И больше таргарца никто не останавливал. Покачиваясь, он вышел на улицу и закрыл глаза, подставляя лицо прохладному морскому ветру. На улице уже было темно. Мужчина оперся рукой о стену и глухо застонал.

— А я говорил, забудь уже о ней, — Руэри Тиган прижался к стене спиной и скрестил руки на груди. — Больно? Вот и мне больно было, но кого это волновало.

Найяр поднял на призрачного мужчину глаза, в которых блеснула, влага, зло смахнул неожиданные слезы и произнес:

— Это ничего не меняет. Ничего.

Оттолкнулся от стены и, чеканя быстрые шаги, направился вперед, не имея никакой цели. Но

душу жгло огнем боли, ревности, злости и разочарования, и мужчине нужно было хоть чем-то успокоить себя.

— Ты же уничтожишь ее! Най!

— Там видно будет, — бросил бывший герцог, не оборачиваясь.

Казалось, уже целую вечность он не ощущал в крови этот яростный поток лавы, сжигающей душу дотла. Беременная… Беременная от грязного дикаря, от этой мстительной твари! Сука, подлая мерзкая сука! Готова была сдохнуть, чтобы не быть с ним…

— Да, лучше бы ты сдохла на самом деле! — воскликнул Найяр в черноту ночного неба. — Поганая тварь!

Кого он хотел просить о прощении? Кому он хотел пойти на любые уступки? О ком он грезил дни и ночи? Об этой лицемерной гадине, вползшей в сердце коварной змеей, отравившей сладким ядом, обвившей кольцами душу, лишив возможности делать вдох полной грудью? Каждый новый глоток воздух отзывался болезненным спазмом, и Найяр метался по улицам Олкана, моля богов, бесов, мерзких тварей из Огненной Бездны, чтобы они дали ему возможность забыть, выкинуть из головы и из сердца эту лживую суку, посмевшую презреть его любовь, но так быстро отдавшую свое тело другому мужчине, словно последняя площадная девка.

— Проклятье, — простонал Найяр, сжимая кулаки, раня собственные ладони впившимися в кожу ногтями. — Почему так больно? Зачем мне эта боль?!

Он вновь застонал, вцепившись в волосы, после сорвался на короткий надрывный вскрик и помчался бегом, не разбирая дороги. А если бы она была во дворце во время переворота, первая вонзила бы нож ему в грудь? Перед глазами встал тот вечер, когда сжигаемая горем от потери ребенка, которого он вырвал из ее чрева, Сафи занесла над любовником меч.

— Лучше бы тебе хватило сил и решимость убить меня тогда, — прошептал бывший герцог, останавливаясь и опираясь рукой на стену чьего-то дома. — Лучше бы ты вонзила в меня клинок.

Найяр прикрыл глаза, шумно втягивая воздух сквозь стиснутые зубы.

— Тиган, — позвал он. — Тиган, ты здесь? Чего ребенка она носила? Тиган, ты ведь знаешь, да? Мертвые знают больше, чем живые. В ее чреве был твой или мой ребенок?

Призрак не ответил и не появился. Таргарский Дракон замер, все еще ожидая ответа, а затем с облегчением выдохнул, потому что услышать ответ был страшно.

— Мой, — с уверенностью прошептал Найяр. — Я был первым, я всегда был первым, и то дитя было моим, я знаю. Мое семя наполнило ее. — И тут же рассмеялся, издеваясь над самим собой. — К бесам, родила все равно дикарю.

— Ты не дал ей родить того младенца, — хмуро произнес, объявившийся призрак. Он стоял за спиной Найяр и осуждающе смотрел на него.

— Так было нужно, бесы тебя задери, тогда ребенок был ненужным, — ответил бывший герцог, ожесточенно мотнув головой.

mir-knigi.org

— Он нужен был ей. — Тиган укоризненно покачал головой. — Ты не дал того единственного, что она готова была принять от тебя, что примиряло ее с тобой. Ты сам лишил себя даже тех крупиц доверия, что были между вами. Сам сжег мост, соединявший тебя и мое сердечко. На что ты теперь злишься? Что нашелся тот, кто оказался готов просто любить и принять ее любовь без всяких условий, кто подарил ей покой и вернул улыбку, которую ты так старался стереть с ее лица?

— Да, я ждал этой улыбки, я на голове стоял, лишь бы увидеть ее! — воскликнул мужчина и сердито взглянул на мертвеца. — Если бы ты отошел в сторону и освободил ее, все могло быть иначе.

— Ну, да, конечно, — на губах призрака появилась ироничная усмешка. — Ты сам себе веришь? Ты никогда не был нужен женщине, которую опрометчиво назвал своей, ты всегда это знал.

— Я все для нее делал! Я ухаживал, столько лет пытался добиться ее расположения…

Тиган, уже не скрывая издевки, расхохотался:

— Подавлял красиво, не спорю. Душу вытягивал, выжимал соки, не давал свободно вздохнуть. Да, это были прекрасные ухаживания.

— Да я жизнь двора подстроил под нее. Балы…

— На которые вытаскивал лично, не считаясь с ее желанием остаться дома.

— Охоты…

— Которые она ненавидела.

— Подарки…

— Которые она принимала из страха перед тобой.

— Наши переписки…

— На которые ты вынуждал ее шантажом?

— Заткнись, заткнись, заткнись! — заревел Найяр. — Ты мертвец, ты пустое место, тебя нет!

— Ну, да, ты же сам убил меня, — Тиган пожал плечами и снял с плеч голову, словно шляпу, отсалютовав ею.

— Оставь меня! — Дракон и вновь сорвался на бег.

Призрак вновь рассмеялся, провожая бывшего господина насмешливым взглядом. А Найяр опять бежал, от воспоминаний, от мыслей, от себя самого. Лава все еще бушевала в крови, испепеляя нутро яростными всполохами. Сафи… Последний якорь, который мирил его с произошедшим, последний лучик света, согревавший среди ледяного холода отчаяния. Зачем, за что, почему?! Найяр вдруг остановился и упрямо поджал губы, повторив слова, сказанные им призраку:

— Это ничего не меняет, ничего.

Он до боли сжал рукоять меча и ухмыльнулся.

mir-knigi.org

— Я накажу ее, накажу того ублюдка, что посмел мне мстить. А их щенок… Пусть живет, но на берегах Ледигьорда. Пусть она живет с сознанием, что за упрямство я всегда могу вернуться туда и свернуть его тонкую шейку. Ребенок станет отличным рычагом давления. Она мне за все заплатит.

— Велика же твоя любовь, — усмехнулся за его спиной Тиган. — Я вот смог простить и сохранить нежность к этой женщине, а ты?

— Ненавижу, — поцедил сквозь зубы уязвленный мужчина. — Ненавижу, так же сильно, как люблю, она будет на коленях вымаливать прощение. Я привяжу ее к себе. Любое неповиновение, и ее щенок сдохнет. Нет, ребенка нужно забрать с нами! Я стану ему отцом, настоящим отцом, воспитаю по своему подобию, и это тоже будет моей местью. Плевать, что от дикаря, вытреплю, выращу, воспитаю, и он будет с гордостью называть меня отцом. А Сафи придется подчиняться, придется стать той, кем я хочу. И больше никаких соплей. Решено, дикарь сдохнет, эта стерва станет послушной собачонкой, а у меня будет моя копия. Разве можно придумать лучшую месть, а Тиган?

— Ну, ты и… — Призрак криво усмехнулся, — животное.

Найяр отмахнулся. Он легко рассмеялся и глубоко вдохнул. Стало легче, немного, но не сильно. Что-то внутри кричало голосом Неила: "Опомнись, Най!", — но бывший герцог предпочел не прислушиваться, не желая менять свои намерения. Найяр вновь побрел по улице, уговаривая себя, что теперь он может успокоиться, но кровь все еще кипела, и звон стали, который он услышал в темноте переулка, прозвучал, как лучшая музыка на свете. Плевать, кто там сражается, это отличный повод выпустить пар. И, вытащив меч из ножен, Таргарский Дракон шагнул за угол.

Пятеро мужчин нападали на одного. Высокий, чем-то даже похожий на Найяра, мужчина, держал ожесточенную оборону, но было ясно, что его смерть всего лишь дело времени, и мужчина явно решил продать свою жизнь, как можно дороже. Быть шестым бывший герцог не пожелал, это было скучно, он выбрал одиночку. Напал сзади, сразу убив пятого. И нападающие, и обороняющийся на мгновение опустили мечи, изумленно уставившись на столь наглое вторжение чужака.

— Рот закрой и дерись, — холодно велел Найяр защищающемуся мужчине. — Я возьму двоих, ты не против?

— Да, бери, там где-то еще были, — широким жестом разрешил мужчина.

— Отлично, — расплылся в широкой улыбке Дракон. — И, главное, как вовремя.

Бой был коротким и даже скучным. Найяр быстро расправился со своими противниками, заметно уступавших в мастерстве первому мечу Таргара, привыкшему сражаться с несколькими противниками сразу. И ему было мало, кровь все еще бурлила в жилах, ярость требовала выхода.

— К бесам, это не воины, это дети малые, — выругался он. — Поумелей нет? — спросил Найяр у мужчины, насадившего на меч одного из двоих оставшихся нападающих.

— Ну, знаешь, тут не лавка, какие есть, — возмутился тот. — Грэйг, — представился мужчина, уходя из-под выпада последнего противника.

— Неил Рэин, — ответил Найяр. — Ты еще обещал, — напомнил он, глядя, как новый знакомый

нанес рубящий удар и теперь утирает пот.

— Там где-то, — неопределенно махнул рукой Грэйг. — В засаде ждут.

— Ну, так чего мы ждем? — воодушевился Таргарский Дракон.

— Я вообще рассчитывал их обойти, — усмехнулся мужчина. — Безумец или настроение паршивое?

— Все вместе, — с ответной усмешкой произнес Найяр. — Хотя бы скажи, где засада.

Грэйг взлохматил короткие волосы, вздохнул и широко улыбнулся:

— Ну, ладно, идем, я тоже на взводе. Но их должно быть много. Градоправитель любит шумные компания.

— О, как, — бровь бывшего герцога поползла вверх.

— Имеются возражения? — поинтересовался Грэйг.

— Никаких, абсолютно, — решительно заявил Найяр. — Веди.

Грэйга ждали недалеко от порта. Мужчина чуть приостановился, прислушиваясь, и уверенно повел к чернеющим амбарам, в которых хранились купеческие товары, ждавшие отправки на их склады. Нападение было стремительным и бестолковым. Найяр уловил движение краем глаза и первого нападающего принял на острие меча раньше, чем тот успел замахнуться. Грэйг восхищенно поцокал языком, и новая драка началась. Запах крови заполнил воздух, вынуждая Дракона шумно втягивать его в себя, наполнять легкие, пьяня и подчиняя сознание жажде новых стонов боли. Как же ему этого не хватало! Найяр с упоением ввязался в бой сразу с четырьмя нападающими. В его руках было уже два меча, и мужчина с удовольствием вспоминал давние тренировочные бои с наемниками. Правда, нынешний противник северянам и в подметки не годился, но давали возможность удовлетворить жажду крови, позволяя на время притупиться боли, терзавшей его.

— Из-за чего градоправитель так тебя не любит? — спросил Найяр, оказавшись недалеко от пыхтящего, но отбывающегося Грэйга.

— За мои вкусы, — весело ответил мужчина. — Я ценитель красоты.

— Ясней, — потребовал Дракон, чуть кривясь от полученной раны.

— Жена у градоправителя красивая, я оценил, — хохотнул Грэйг.

— А он не понял, что ты воздал его жене честь, — рассмеялся Найяр.

— Совершенно неблагодарный тип, — подтвердил Грэйг, хватаясь за бок, по которому полоснули мечом. — Проклятье, я уже жалею, что пошел у тебя на поводу.

— Воин не боится боли, воин не ведает страха, воин не боится умирать, воин не боится уивать, — с ледяной усмешкой ответил бывший герцог Таргарский. — Будь воином и не жалей ни о чем.

— Ты безумный сукин сын, Неил, — весело выкрикнул Грэйг. — К бесам, ты мне нравишься, иди ко мне в команду!

Найяр проглотил новый стон умирающего, отмахнулся от нового противника, как от надоедливой мухи, и с интересом посмотрел на нового знакомого.

— Пират?

— Грэйг — Счастливчик, — отсалютовал тот мечом. — Имею честь командовать бравыми ребятами на шхуне "Красный Дракон".

Найяр расхохотался и чуть не пропустил удар. Сталь звякнула, и он отбился.

— Мне подходит, — ответил он. — Рад знакомству, Счастливчик.

— Взаимно, Неил Рэин, — ответил пират и уже не отвлекался.

Это ли не перст судьбы? Само провидение решило, что он все делает правильно. Найяр криво усмехнулся и вернулся к схватке.

* * *

Ленивый плеск волн о деревянный борт корабля будил меланхолию, перекрикивание команды раздражало, но Неил Рэин не хотел уходить с носа шхуны, на котором стоял уже больше двух часов. Штиль приводил его в отчаяние, злил, заставлял кровь быстрей течь по венам, но внешне он выглядел совершенно спокойным. И вряд ли бы кто-то мог сказать, что мужчина готов убить любого, кто решится тронуть его сейчас.

Вот уже три недели "Красный дракон" бороздил морские просторы, неся его к вожделенной цели, в Ледигьорд. Боги, будто смилостивившись над скитальцем, наполняли паруса попутным ветром, уверенно ведя "Дракон" по нужному курсу. Но вчера ветер стих, и до сегодняшнего дня на мачты нельзя было смотреть без слез и проклятий. Это бесило до крайности, но об этом знал только Грэйг.

— Не переживай, дружище, — пират подошел сзади и хлопнул Найяра по плечу. — Они от нас никуда не денутся, добудем мы тебе твою женушку и вспорем брюхо ее любовнику.

— Скорей бы, — буркнул бывший герцог. Счастливчик подмигнул ему и отошел.

Найяр искоса проследил за ним и снова устремил взгляд на море, моля богов и бесов послать ветер. Доверчивость пирата и собственный хорошо подвешенный язык сыграли Найяру на руку. В ночь, когда он спас капитана пиратской шхуны, тот привел самозваного Неила Рэина на свой корабль. Они пили до рассвета, и Найяр рассказал свою историю. Он ни словом не упомянул о том, кто он на самом деле, но про Сафи говорил много, долго и горячо. Он выплескивал свою боль, стремясь хоть так облегчить душу. Правда, в его изложении история выглядела несколько иначе. В ней не было ни его жены, ни ее мужа, а была счастливая пара и большая любовь. Найяр с упоением рассказывал, как они жили, наслаждаясь друг другом, как он каждый день встречал с улыбкой и засыпал, благодаря богов, что рядом она, его единственная любимая женщина. Бывший герцог поделился, как был готов на все, лишь бы Сафи улыбалась.

— Я верил ей, Счастливчик, я верил, что это навсегда, но лицемерная тварь только пользовалась мной, — с надрывом восклицал он, осушая залпом кружку с вином.

И однажды она сбежала, и сбежала не одна. Тот, кто служил ему, Неилу Рэину, соблазнил и увел его жену. Сафи ушла, разбив его сердце и растоптав душу.

— Я искал ее, — глухо говорил Найяр. — Не нашел, только недавно узнал, где она может быть. А вчера услышал про то, что она действительно на берегах Ледигьорда. Беременная, Грэйг, беременная! Не от меня, а от этого предателя.

Грэйг внимательно слушал, мрачно глядя на своего спасителя. Сейчас он тоже ненавидел ту шлюху, что посмела предать доверие своего мужа, и так же готов был растерзать ее любовника. Он допил вино прямо из горла бутылки и встал, сверля взглядом Неила.

— Мы найдем их, — сказал Счастливчик. — Я обязан тебе жизнью раз пятнадцать, столько мечей было против меня этой ночью? Так вот, я не люблю быть в должниках. Мы идем в Ледигьорд. Ты сможешь наказать змею и ее хахаля. Это я тебе обещаю.

И он покинул свою каюту. Найяр проводил его совершенно трезвым взглядом и улыбнулся. Если бы Грэйг в тот момент вернулся в каюту, то, наверное, побыстрей избавился от нового друга, потому что та кровожадная гримаса, исказившая лицо Найяра, могла принадлежать только Черному богу.

"Красный Дракон" покинул порт Олкана в ту же минуту, как только капитан взошел на борт, а утром взял курс на Ледигьорд. Команда ждала легкой поживы и развлечений с дикарками, потому никто не возражал против этого похода. Тем более, все устали от сидения без дела. Да и отношения у Найяра с командой сложились доброжелательными, он умел располагать к себе, особенно, когда собирался использовать кого-то. А пираты ему были необходимы. Один он бы не рискнул сунуться в лапы дикарей.

Оставался вопрос, где найти Сафи. То, что она живет недалеко от берега, казалось, логичным. Во-первых, Грэира с его бабой молодой герцог увидел в прибрежном лесу. Во-вторых, торги всегда проходили на берегу, и, скорей всего, на них вряд ли приезжали из глубины Свободных Земель. Найяр помнил, что они всегда подходили к Ледигьорду в месте, которое было удалено от первого поселения, чтобы, не ввязываясь в бой, набить дичи, набрать воды и уйти. А где же находилось то поселение?

Мужчина потер лоб, вспоминая. Перед глазами встала карта на столе капитана его флагмана. Память не подвела и в этот раз. Найяр развернулся и махнул Грэйгу, призывая спуститься с мостика, куда он поднялся. Счастливчик дал указания матросу и легко сбежал к новому приятелю по деревянному трапу.

— Что, дружище?

— Карта Ледигьорда у тебя в каюте? — спросил бывший герцог.

— Я присмотрел удобную бухту для высадки, — ответил Грэйг.

— Я хочу посмотреть карту, — упрямо произнес Найяр.

Пират пожал плечами и повел за его за собой. В каюте капитана Таргарский Дракон надолго завис над картой, сравнивая ее с картой таргарцев. Он взял грифель и нанес обозначения, которых не было у Счастливчика. После потер подбородок, стараясь сопоставить воспоминания о высадках на берег и карту.

— Здесь, — говорил он самому себе. — Да, здесь.

— Что здесь? — спросил Грэйг, склоняясь над плечом Найяра.

Тот покосился на пирата и отошел, оставляя себе свободное пространство.

— Объясню, только оставь меня пока одного, — скрывая раздражение, попросил Дракон.

Счастливчик пожал плечами и покинул свою каюту. Найяр подождал, пока дверь закроется, после упер руки в стол и уже не отрывал взгляда от карты.

— Так, — тихо говорил он, — вот гора. Где-то здесь было то поселение, где же? А, примерно тут. А второе должно быть за горой, то есть тут. Мы подошли… — его пальцы скользнули по карте и указательный уперся в обозначение прибрежного леса. — Здесь. Грэир бежал со своей рыжей…

Воспоминания, посетив его один раз, уже не меркли, сохраняя четкость, словно мужчина побывал на Свободных Землях совсем недавно. Его феноменальная память была так же отличительной чертой его рода. Отец мог в деталях рассказать о событиях из своего детства, когда был в том возрасте, из которого обычно выносят смутные образы, короткие обрывки, но не насыщенные картины. И теперь Найяр, пользуясь этим, накладывал воспоминания на карту.

— Они бежали сюда, — палец постучал по изображению горы. — Не сюда, — он накрыл ладонью поселение под горой, а сюда. Значит, они жили здесь, значит, там живет и сейчас, с моей Сафи.

Найяр отпрянул от карты и сел, взлохмачивая волосы, которые ему укоротили на корабле.

— Попались, — констатировал он и рассмеялся. — Вот, где ты спряталась, мое сокровище, сюда мы и пойдем, избегая внимания дикарей с берега, оно нам не нужно.

План действий уже сложился в его голове. Действовать придется быстро. Наскок, удар и откат сил, уносящих с собой добычу. То, что пираты решат задержаться, Найяр не сомневался, но это могло только помешать. А могут и потащиться к первому поселению. Это могло доставить определенные трудности. Впрочем, проблемы пиратов его мало волновали. Чтобы они не задумали, он заберет Сафи с ее сосунком…

— Нет. Это мой ребенок, — усмехнулся бывший герцог. — Нужно приучаться любить его, иначе я не достигну своей цели. Она родила мне дитя, мне! Это мой ребенок, взамен того, которого мне пришлось убить. Будем считать, что его душа живет в теле отродья дикаря. Да, именно так.

Он встал и прошелся по каюте, пытаясь представить, что это он ожидал рождения, что это его семя дало всходы. Выходило плохо. Вместо младенческого плача, в ушах зазвучали проклятья Сафи, когда Лаггер избавлял ее от приплода. Вспомнил ее крики, вспомнил рыжего, который вытирал ее слезы и все твердил, что боги воздадут ей за страдания. "Будь ты проклят, Найяр, будь ты проклят!", — кричала она. — "Ненавижу тебя и никогда не прощу!".

— Меня у тебя больше нет, — так сказала она, когда все закончилось.

— Будешь! Никуда ты не денешься, — рыкнул мужчина, пытаясь отогнать ужас тех дней.

Никого и никогда он не боялся так, как любимую женщину после сотворенного им. Боялся ее ненависти и презрения, боялся обвинений и сопротивления. Боялся разозлиться и не сдержать звериную ярость, которая могла охватить от ее отказа быть с ним. И страшно было смотреть на замкнувшуюся в себе женщину. Ни криков, ни новых проклятий, ни истерики, только мертвая тишина, когда она лежала на кровати и смотрела в потолок или закрывала глаза.

Сколько он выпил вина за те дни, чтобы заглушить свой страх и свою боль? Винный погреб был значительно опустошен, это точно. Найяр задохнулся, вдруг ощутив все то, что чувствовал тогда.

— Я всегда знал, что ты извращен, Най, — мужчина обернулся и увидел Руэри Тигана, стоявшего у двери. — Нравится мучиться? Хочешь повторить и усилить?

— Зачем явился? — глухо спросил Дракон, падая на стул.

— Да, куда же я от тебя, господин, — призрак склонился в шутовском поклоне.

— Почему не приходит Неил? — задал новый вопрос Найяр.

— А ты готов разговаривать со своей совестью? — изумился Тиган, подходя ближе. — По-моему, она у тебя крепко спит.

— А ты кто? — усмехнулся бывший герцог.

— А я твои страхи и сомнения, — ответил Руэри и посмотрел на карту. — Уже близко, да, Най? Екает сердечко? Нет мыслишки вернуться в Олкан, сесть на брошенного жеребца и ускакать подальше от прошлого?

— Демон — отличный конь, он не останется без хозяина, — сказал Найяр, слегка нахмурившись. — Да, екает. Нет, мыслишки нет.

— Врешь, — хмыкнул призрак. — Я насквозь тебя вижу.

— Что ты там видишь? — насмешливо спросил мужчина. — Ты мертвец, ты…

Призрак стремительно приблизился, его лицо оказалось так близко, что Найяр ощутил, казалось, само дыхание Смерти. Он вздрогнул и вскочил со стула. Но Тиган все так же был рядом, заглядывая в глаза своего бывшего господина. Найяр разглядел в зрачках призрака всполохи огня. Во рту вдруг пересохло, вернулся тот животный страх, который так долго мучил его. Тиган удовлетворенно осклабился и нырнул в тело мужчины. Голова упала на пол. Рот Таргарского Дракона изломился в безмолвном крике, когда из его живота высунулось тело с обрубком вместо шеи, склонилось и подобрало голову.

— Видишь, что ты наделал? — пожаловалась голова бескровными губами.

И Найяр сорвался с места. Он выбежал на палубу, остановился и окинул тех, кто находился здесь, безумным взглядом. Холодный пот покрывал лицо и тело мужчины. Он зажмурился и постарался взять себя в руки. Ветер ударил в лицо, взметнув волосы, и заставляя дрожать всем взмокшим телом.

— Ветер, — крикнул один из матросов.

— Вижу, — донесся до Найяра голос Счастливчика. — По местам, сукины дети, морской бес решил проявить свою милость.

Таргарский Дракон открыл глаза и поднял голову. Паруса надулись, матросы забегали по палубе, полезли на реи, спеша взяться за работу. Найяр отошел к борту, чтобы не мешать. Он не принадлежал к команде "Красного Дракона", являясь всего лишь временным гостем на пиратском корабле.

— Я все равно сделаю так, как считаю нужным, — упрямо прошептал он, постепенно отходя от пережитого ужаса.

А позже начался шторм, но он почему-то больше успокаивал. Вплетаясь в канву переживаний изгнанника, даря отдохновение и покой. Найяр снова стоял на палубе, держась за канаты, и ловил холодные брызги. Глаза мужчины были закрыты. Он слушал яростный рев волн, ощущал кожей силу морской стихии, а на его губах застыла почти счастливая улыбка. Впервые с того момента, как он узнал о беременности Сафи, Дракону было хорошо на душе.

— Неил, безумный бес, убирайся с палубы! — донесся до него крик Грэйга.

— Катись в Преисподнюю, Счастливчик, — рассмеялся Найяр. — Я хочу это чувствовать!

Ответ он так и не расслышал, только громче расхохотался, когда волна, взметнувшаяся над бортом, окатила его холодной водой.

— Вот это мощь, Грэйг! Вот она первозданная и нерушимая сила! — кричал бывший герцог. — Вот то, перед чем стоит преклонять колени!

— А боги, Неил? — поинтересовался капитан, останавливаясь рядом.

— Боги? — Найяр криво усмехнулся. — Ты видел богов, Счастливчик? Хоть одного? Может, ты видел чудеса? Хоть что-то, кроме того, что говорят лицемерные святоши? А эту силищу можно увидеть, услышать, ощутить.

— Ты богохульствуешь, не к добру это, — нахмурился пират. — Да еще и в шторм.

Таргарец развернулся к нему и насмешливо рассматривал несколько мгновений.

— Ты веришь в то, что боги управляют нашей жизнью, Грэйг? — с любопытством спросил он.

— Верю, — кивнул тот. — Суди сам. Кто, как не боги послали тебя мне на помощь?

— Проведение, Грэйг, провидение, — усмехнулся бывший герцог. — Удача, судьба, назови это, как хочешь. Я оказался в нужное время в нужном месте. Я помог тебе, ты помогаешь мне. Поверь мне, я точно знаю, что боги не имеют к этому никакого отношения.

— Язычник, — скривился пират.

— Может и так, — рассмеялся Найяр, хлопнул капитана "Красного Дракона" по мокрому от волн и ливня плечу и направился прочь с палубы.

— Таргар! — крикнул ему вслед Грэйг.

Найяр Грэим вздрогнул и остановился. Он медленно развернулся и тут же уцепился за деревянные перила борта, потому что очередная волна набросилась на шхуну, словно злобный пес.

— Таргарское чудо! — снова крикнул пират, и бывший герцог шумно выдохнул. — Это было совсем недавно. Ты не мог не слышать о чудесном вознесении святой Аниретты, покойной герцогини Таргарской. Говорят, ее муж, этот закоренелый грешник — Найяр Таргарский, после вознесения сошел с ума. Он-то все с ведьмой путался, а рядом жила чистая женщина. За мучения ее боги призвали, а его наградили безумием.

Тот, о ком только что говорил Счастливчик Грэйг, молча, выслушал пирата, затем хмыкнул, пытаясь сдержать рвущийся из груди истерический смех. Снова хмыкнул и расхохотался в полный голос.

— Что? — капитан "Дракона" исподлобья рассматривал хохочущего мужчину.

А Найяр не мог остановиться. Он согнулся пополам, бил себя по коленям и подвывал, все повторяя:

— Таргарское чудо… А-а-а, святая Аниретта…

— Что ты гогочешь, как рыцарский конь?! — наконец, оскорбился Грэйг.

— Не обижайся, — простонал между приступами смеха создатель "Таргарского чуда". — Это все из-за нервов. Я спущусь в каюту.

Пират, все еще обиженно глядя на своего спасителя, кивнул, и тот поспешил покинуть палубу. Только в каюте капитана Найяру удалось взять себя в руки, но и там он все еще посмеивался, пока апатия не накрыла его, и мужчина устало погладил виски кончиками пальцев.

— Вот так, ты им создаешь чудеса, а они все равно считают тебя безумцем… Святая Аниретта, — бывший герцог усмехнулся в последний раз и упал на узкую койку, закрывая рукой глаза. — Заснул он моментально, не страшась ни шторма, ни будущего, ни самого Черного бога.

К утру шторм прекратился. Грэйг вернулся в каюту, посмотрел на спящего спасителя и нахмурился. Было что-то в его госте такое… То, что ему рассказали только часть правды, пират понял, когда хмель прошел, но вопросов не задавал. Как не интересовался, как дикарь со Свободных Земель мог оказаться на их берегу. И еще он понимал, что Неил Рэин напичкан тайнами, которыми делиться не собирался. Впрочем, чужие тайны мало интересовали Грэйга Таннета, прозванного Счастливчиком за потрясающее везение, как на море, так и на берегу. У пирата своих тайн хватало, а отблагодарить спасителя требовала честь. К тому же… а почему, собственно, не Ледигьорд? Возможно, их команда найдет там, чем поживиться. Он упал на соседнюю койку и моментально заснул.

Найяр открыл глаза, прислушался к ровному дыханию капитана и попытался снова уснуть.

— Земля! — этот крик разорвал утреннюю тишину, заставив сердце Таргарского Дракона забиться в два раза быстрей.

— Ну, вот и все, добрались, — прошептал он и поспешил на палубу, чтобы увидеть землю Ледигьорда.

* * *

Ледигьорд. Территория племени Белой Рыси.

— Даиль, — жаркий шепот в шеи вызвал улыбку и приятные мурашки. — Моя голубка.

— Ур, — я попыталась изобразить голубиное урканье и перевернулась на спину, сразу попав в плен прохладных губ моего обожаемого мужа. — Р-р-рысик, — мои руки оплели его шею. — Мой р-р-рысик.

— На веки вечные, — прошептал он, прокладывая дорожку из поцелуев от мочки уха, через шею, к груди.

Я подалась ему на встречу и всхлипнула. Флэй поднял голову и улыбнулся, глядя в мои затуманившиеся страстью глаза. Его рука огладила мое бедро и накрыла средоточие желания. Тихий стон был ему ответом, и задохнувшийся Рысь вновь завладел моими губами, в который раз утверждая свое право на меня, мое тело и душу.

— Хочу чувствовать тебя, — прошептала я, поглаживая его, налитое силой естество.

— Твое желание — закон, — и он наполнил меня, вызывая очередной стон наслаждения…

С тех пор, как родился Конган, мы с Рысем наверстывали упущенное за мою беременность. Правда, маленький тиран не хотел считаться с тем, что мама и папа слишком сильно соскучились друг по другу, и предъявлял на меня права зачастую тогда, когда эти права пытался предъявить его отец. Флэй притворно хмурился, грозя пальцем нашему воину, но Конгана мало трогали отцовские внушения, и его крик снова и снова врывался в наше уединении.

— Мы его обманули, — хмыкнул муж, блаженно потягиваясь и глядя на сопящего сына.

— Он нам этого не простит, — тихо рассмеялась я. — Рысь не любит упускать добычу.

— Истинный Рысь, — гордо произнес Флэйри, глядя на малыша. — Великий охотник растет.

— Только его добыча пока мы, — я поцеловала мужа в щеку и направилась за ширму, спеша умыться и позавтракать, пока Конган досматривал сны.

Рысик уже успел побывать там, потому первым покинул наш закуток. Сегодня мужчины отправлялись на большую охоту, и Флэй, уже достаточно окрепший, собирался пойти с ними. В общем-то, он уже давно вернулся к привычной жизни. Но его вылазки в лес раз за разом вызывали мой трепет и затаенный страх. Уж больно ярки еще были воспоминания о той охоте, которая чуть не забрала моего мужчину. Но вслух не говорила, Рысь должна быть сильной и бесстрашной. Мы не кличем беду своими страхами, которые обретают форму и плотность через слова. Мы храним их в душе, чтобы там похоронить и забыть, как ненужный мусор. Гаммель все понимала и только одобрительно кивала, глядя на то, как упрямо поджимаю губы и молчу, глядя вслед уходящему мужу.

Вскоре после возвращения от Медведей, когда Конган пожелал явить себя этому миру, Флэй взялся за постройку нашего дома, ему помогали оба брата и еще несколько Рысей, но мама попросила его остановиться. Мой муж считал, что должен дать мне все, чего я заслуживаю, по его мнению. Я считала, что у меня уже все это есть. И мы начали с Гаммель полномасштабное наступление на упертого Рыся. Я уверяла, что еще не все знаю и умею, и что мама очень помогает с нашим сыном. Старая Рысь жаловалась на несуществующие болезни, немочь и твердила, что я еще очень слаба и нуждаюсь в помощи. И Флэйри, сын Годэла, сдался, ворча про женский альянс и его варварское давление на мужчину. Мы со свекровью обменялись торжествующими взглядами и вернулись к своим делам.

Мои маленькие друзья по-прежнему прибегали ко мне, только теперь я могла уделять им гораздо меньше внимания. Они забегали ко мне в течение дня, если нужно было срочно рассказать о чем-то очень важном, и вечером, чтобы послушать свою законную историю. У старших Рысей это тоже вошло в привычку, и теперь я была кем-то вроде местного сказителя. Мама занималась Конганом, отпуская меня к моим слушателям.

Флэй тоже любил пристроиться рядом и послушать. Он все так же обучал молодых Рысей ратному делу, но после торгов к ним присоединились и более взрослые и опытные. Стали заходить даже Медведи. Рысик учил их, объяснял, показывал. Ледигьордцы были отличными лучниками, они великолепно владели ножом, но меч всегда был их слабой стороной. И мастерство Флэя вызвало у них восхищение. Рысь не жадничал, делясь всеми своими секретами. Узнала и некоторые приемы наемников, которые перенял внимательный тарг Грэир, наблюдая за их тренировками. Но это он показывал не всем, оставляя за Рысями возможность иметь свои секреты и преимущество.

— Голубка, — я уже оделась и вышла к мужу и свекрови, — мне пора, — Флэй ласково посмотрел на меня и поцеловал в губы.

— Возвращайся скорей, — улыбнулась я. — Мы ждем тебя.

— Моя душа с вами, любимая, — ответил он.

Уже дошел до двери, но обернулся и быстро пересек дом, вновь приближаясь ко мне.

— Береги себя, — сказал муж, жадно вглядываясь в мое лицо.

— Хорошей охоты, Рысь, — ответила я, обнимая его лицо ладонями и нежно целуя. — Пусть Пращуры и Великая Мать не оставят тебя своей заботой.

— Пусть их забота будет с вами, — произнес Флэй, отчего-то хмурясь.

— Что тебя тревожит, любимый? — спросила я, заглядывая в темную глубину его глаз.

— Не знаю, — он отвел глаза. — На душе тяжело, сам не понимаю. Может, мне лучше остаться? — спросил муж, скорей, себя, чем меня.

— А потом Бэйри будет издеваться над тобой, — я улыбнулась. — Иди, с нами все будет хорошо. В конце концов, за нами присматривает мама.

Рысик расслабился и улыбнулся.

— Матери нравится, как ты ее называешь, — шепнул он, — только она виду не показывает.

— Я знаю, — тоже шепнула я.

Мы снова обменялись поцелуями, и мой мужчина присоединился к своим соплеменникам. А вскоре объявил о своем пробуждении Конган, и мне стало не до размышлений и предчувствий, тем более, меня они не мучили. Мама Гомель достала из люльки маленького Рыся, развернула его и одобрительно хмыкнула:

— Могучий воин.

Я рассмеялась, забирая грязные пеленки. Мы намыли сына, переодели, и я села его кормить. День катился привычно. Свекровь убиралась, я, уложив малыша обратно в колыбель, взялась за готовку. Вскоре прибежала Шоли, она и две ее подруги, утащили Конгана гулять. Они с удовольствием возились моим мальчиком, используя его, как предлог, чтобы завладеть и моим вниманием.

Флэй соорудил вторую колыбель, ее мы выставляли под солнышко, туда же отправлялся Конган и его няньки. Они присматривали за малышом, играя рядом в куклы, которые мы с

ними сооружали. Между делом я выбегала проверить сына и перекинуться несколькими словами с девочками. А когда освобождалась, то присоединялась к ним, и мы что-нибудь мастерили для их кукол. Я рассказывала про балы, иногда мы даже танцевали танцы таргарского двора. Девочки слушали меня, раскрыв рот, и я весело посмеивалась над их изумлением. Для них все это было сродни сказке. И описание охот, и правила этикета. То, что для меня когда-то являлось тяжелой повинностью, для них окружалось ореолом чуда.

Мои подружки даже начали вести себя немного иначе. Однажды они очень удивили меня и развеселили, присев при приветствии в реверансе, как я показывала. Они чопорно поздоровались, подобрали двумя пальчиками подолы своих платьев и сели, благопристойно сложив ручки на коленях, как полагалось благородным тарганнам. И вроде неплохие знания, но мне больше нравилась живая непосредственность юных Рысей. Потому я радовалась, осознавая, что это всего лишь очередная игра.

А еще мой поклонник, тот самый юноша, который ходил за мной по пятам, решил изучить язык чужаков. Он пришел ко мне, но занимался с ним рысик, однажды обнаружив маленького поклонника своей жены в собственном доме. Флэй грозно зыркнул на паренька и увел его. Я выбежала следом, но обнаружила их недалеко от дома. Рысь писал на земле таргарский алфавит, сам взявшись за обучение любознательного юноши. Вскоре у него прибавилось учеников. Сынам Белой Рыси очень не нравилось, что они не понимают того, что говорят между собой торговцы, потому в поселении появились свои толмачи. Мой поклонник тяжко вздохнул, но принял условия моего мужа, и ко мне больше не подходил, общаясь только с Флэем.

— Мама, — я разогнулась и потерла уставшую спину. — Может, пирогов с грибами напечем?

— А что, можно, — кивнула Гаммель.

— Я тогда сбегаю в лес, пока Флэй не вернулся? Присмотришь за Конганом? — я улыбнулась, глядя на пожилую женщину. Просто не верилось, что еще не так давно мы с ней были чуть ли не врагами.

— Только далеко не заходи, ты лес плохо знаешь, — сказала она, подавая мне корзину. — Грибов много, не слушай лесных духов, они любят пообещать большую добычу и заманить.

— Не буду слушать, — пообещала я.

Я вышла из дома, подмигнула девочкам и направилась к воротам. Уже отойдя от ворот, я услышала шорох шагов. Обернулась и не удержалась от смешка. Это был Бальд, тот самый юный поклонник, который вроде бы не должен был приближаться ко мне.

— Хей, Бальд, — улыбнулась я.

— Хей, Даиль, — мальчик смущенно опустил глаза, но тут же их вскинул, придав лицу гордое выражение. Ну, как же, Рыси не ведают страха.

Он пристроился рядом и, молча, шел, время от времени стреляя в меня глазами. Юноша был с меня ростом, даже немного превосходил. Бальд имел, как и большинство рысей темно-карие глаза, но пшеничные волосы составляли с ними яркий контраст. Мальчик был очень симпатичным, и в будущем должен был вызывать интерес у девушек.

— Ты со мной? — спросила я, демонстративно замечая, что Бальд не сворачивает и не отходит.

— В лесу звери, ты одна, я присмотрю, — ответил он.

— А как же Флэйри? — прищурилась я.

— Он про лес не говорил, только про ваш дом и поселение, — нагло заявил парнишка, и я рассмеялась.

На поясе моего защитника висел большой охотничий нож, и Бальд периодически любовно поглаживал его рукоять. Я остановилась и огляделась. Грибов действительно было много рядом с поселением, Гаммель знала, о чем говорила. Я присела, заметив коричневую шапочку, выглядывающую из-под первых желтых листочков, единичными кляксами покрывавших еще сочный ковер зелени. Бальд тоже заметил гриб, и мы с ним начали вместе наполнять мою корзину.

— В эту зиму я тоже пойду на Большую Охоту, — сказал парнишка. — Осенью я стану взрослым, и на меня был брошен взгляд, наполненный тайным смыслом. Я спрятала улыбку, чтобы не провоцировать юношу на иные заявления.

Он вздохнул и продолжил помогать мне. Лесные духи все-таки смогли увлечь меня и моего неожиданного спутника, потому что закончили мы, прилично удалившись от поселения. Разогнувшись, я огляделась и хмыкнула.

— Все-таки духи коварны, — произнесла я вслух.

Лесные духи, по поверьям ледигьордцев, маленькие и странные существа. Они, как вредят, так и помогают. Они прокладывают дорожки грибов и ягод, увлекая все дальше от дома, и внушая, что там можно найти больше, чем здесь. И глупый человек позволяет себя заманить, а потом ищет путь домой. И с охотниками они любят играть, крича голосами зверей и птиц. Но бывает, что лесные духи проявляют сочувствие и выводят на дорогу домой отчаявшегося путника. Могут и дар какой-нибудь сделать, но редко.

— Они хитрые, — улыбнулся Бальд. — Хочешь, покажу лесное озеро?

— Надо домой, меня Конган ждет, — ответила я и потрепала расстроенного юношу по плечу. — И мужчины уже, наверное, вернулись с охоты.

Мальчик что-то проворчал себе под нос, но забрал у меня потяжелевшую корзину с грибами, и мы направились в сторону дома.

— Даиль…

Я обернулась к нему. Парень вдруг смущенно потупился:

— А я скоро взрослым стану, — повторил он уже известное мне.

— Это хорошо, — я важно кивнула. — У Рысей будет еще один славный воин.

— И могу выбрать себе женщину, — продолжил Бальд, отчаянно краснея.

— В племени много красивых девушек, они будут рады иметь такого мужа, — ответила я, уже зная, к чему клонит этот паренек.

Бывали случаи, когда женщины покидали своих мужей, выбирая нового. Если Великая Мать одобряла, то соплеменники принимали этот выбор.

mir-knigi.org

— Я хочу просить Великую Мать разрешить забрать…

— Бальд, — я остановилась и серьезно посмотрела на него. — Флэйри — мой огонь, и я только с ним я пылаю. Ты славный юноша, будешь сильным воином и славным сыном Великой Матери, но я не та, кто тебе нужен. — Парнишка взглянул на меня исподлобья. — Многие Рыси смотря на тебя с интересом и нежностью, а я буду смотреть, как на младшего брата. Я стара для тебя, но главное, что моя душа принадлежит Флэйри, сыну Годэла.

— Но ты же меня не знаешь!

— Зато я знаю своего Рыся. Разговор окончен, Бальд.

С этими словами я развернулась и направилась к поселению. Юноша догнал меня. Он сердито сопел, бросая на меня упрямые взгляды, но я не позволила себе не остановиться, ни улыбнуться. Мальчик должен видеть, что шансов у него нет. Ничего, первая любовь тоже проходит. Поболит и перестанет, а потом мы еще будем гулять на его свадьбе и выкрикивать всякие пошлости, провожая молодых в их дом, чтобы оставить для полного воссоединения.

Мы так и шли, молча, не нарушая тишину леса, когда услышали голоса. Я замерла, чувствуя, как кровь отливает от лица. Бальд тоже прислушался, взглянул на меня и взял за руку.

— Пришлые, — прошептал юноша, я потрясенно кивнула.

Мы осторожно приблизились, выглядывая из-за пышных кустов, и я зажала себе рот, чтобы не закричать от ужаса. ОН! Мой кошмар и проклятье. Он все-таки нашел меня, пришел, чтобы вновь разрушить мою жизнь, чтобы украсть мое солнечное счастье, чтобы уничтожить все, что мне дорого. Он вел неизвестных мне мужчин. То, что это были не таргарские воины, я поняла сразу, не были это и наемники. К бесам! Мне все равно, кого вел герцог Таргарский, главное, что он нашел нас. Мой сын, Великая Мать, он так мал и беззащитен!

— Даиль, — почти одними губами произнес Бальд.

Я сжала его руку так сильно, что ногти вспороли кожу юноши, но он сохранил на лице все то же встревоженное выражение, не обращая внимания на неожиданную боль. Я попятилась, увлекая его за собой. План родился в голове молниеносно. Они не должны приблизиться поселению. Чем бы это не обернулось для меня, но мой сын будет жить! Я не позволю зверю забрать его у меня, как не позволю отнять жизнь у моего племени, моей новой семьи, такой большой, что уже от этого чувствуешь себя настоящим богачом.

— Бальд, — зашептала я, — ты должен опередить их и предупредить Рысей.

— А ты? — спросил он, до боли стискивая мое запястье, словно я прямо сейчас готова исчезнуть.

— Я уведу их, — ответила я и мрачно усмехнулась. — Это за мной, Бальд.

— Я не оставлю…

Но я оборвала его, зло сверкнув глазами.

— Ты сейчас же помчишься до поселения, быстрее ветра, Бальд, слышишь? Они не должны попасть внутрь. Прошу тебя, — на мгновение паника отразилась в моих глазах, но я не позволила ей взять верх. Скажешь Флэю, что пришел дракон. Запомни это слово — дракон.

Повтори.

— Даракон, — выговорил парень.

— Пойдет, — я кивнула.

— Я не оставлю тебя.

Мгновение я смотрела на него, затем обхватила лицо ладонями и приникла к губам, даря единственный поцелуй, как плату за послушание. Бальд охнул, попытался обнять меня, но я отпрянула и шагнула в сторону.

— Спаси моего сына, Бальд, — прошептала я.

— Даиль…

— Чем быстрей ты добежишь, тем быстрей расскажешь, и тем быстрей спасут меня. Убивать меня точно не будут, я знаю. Только спаси племя, сын Белой Рыси.

Он неуверенно кивнул, поставил на землю корзину и сделал несколько шагов в сторону поселения.

— Быстрее ветра, мой мальчик, — улыбнулась я, и он сорвался на бег, бесшумной тенью исчезая за деревьями.

Я закрыла глаза, прося помощи у богов, у Белой Рыси, у Пращуров и просто удачи. Затем тихонечко прошла за спинами мужчин, двинулась параллельно и замерла. Сердце колотилось так, словно готово было выпрыгнуть из груди. Было ли мне страшно? Было, до колики в животе, но там спал мой сын, суетилась по дому мама Гаммель, играли во дворе Шоли с подругами, ждали своих мужчин женщины — Рыси. Втянув побольше воздуха, я вышла из-за дерева, посмотрела на удаляющих мужчин и закричала:

— Най!

И они остановились. Послышался шорох травы, треск сухого сучка, и в мою сторону стремительно вышел Найяр. Он замер, рассматривая меня. Лицо вдруг побледнело, в глазах зажегся лихорадочный блеск, и губы беззвучно произнесли:

— Сафи. — И тут же вскрикнул. — Сафи!

Стоять и ждать я не хотела, потому развернулась и побежала прочь, что было сил.

— Сафи! — заорал мне в спину Найяр и сорвался следом.

— Великая Мать, помоги! — вскрикнула я, несясь вперед, не разбирая дороги.

— Неил, Неил! — прокричал неизвестный голос.

Я только на мгновение обернулась и увидела, что у меня два преследователя. Остальные ждут? Пошли дальше? Бальд, успей, только успей, умоляю! Чтобы не ждало меня, как бы не решил наказать герцог, но пусть Рыси будут живы, пусть никто не пострадает от этого чудовища!

— Сафи, остановись, Сафи! — снова закричал Найяр, но я не слушала, я бежала, пока хватало сил.

mir-knigi.org

Это теперь моя земля, и она не может предать меня. Позади выругался второй мужчина, запнувшись за корень, взвыл Найяр, когда его по лицу хлестнула ветка, и я рассмеялась. Помимо воли рассмеялась. Моя земля, моя! Белая Рысь хранит своих детей! Лес расступился, и я выбежала на открытое место. В боку уже кололо, дышала я тяжело. Каждый новый вдох обжигал легкие, но сдаваться я не собиралась.

— Попалась!

Это прозвучало, как проклятие. Земля вдруг сместилась, и я упала, увлекаемая сильными руками. Мы покатились по траве, смешивая хриплое дыхание и ожесточенно борясь. Наконец, Найяр подмял меня под себя, но я умудрилась наотмашь ударить его, оставляя на щеке следы от ногтей. Ответный удар не заставил себя ждать. Голова мотнулась, кровь наполнила рот, и я выплюнула ее в красивую рожу Таргарского Дракона. Он утерся локтем, перехватил мои руки, заведя их наверх и замер, жадно разглядывая меня.

— Сафи, — простонал он, — нашел.

— Я — Даиль, жена Флэйри, — произнесла я на языке Рысей. — Я не понимаю тебя, пришлый.

— Нашел, — повторил герцог, — боги, нашел!

И он впился в мои разбитые губы. Я отчаянно задергалась, пытаясь вырваться, но вес мужского тела придавил меня к земле, не давая возможности вывернуться. Он терзал меня, жадно глотал мои возмущенные стоны, покрывал лицо бесконечными поцелуями, и все говорил, как ему было плохо, и какая я неблагодарная тварь, которая посмела бросить его.

— Неил, — позвал второй мужчина. — Ты хотел дойти до поселения. Думаю, твоя жена не откажется отвести нас.

— Плевать, на всех плевать, на все, что хотел плевать, нашел! — и герцог расхохотался. — Моя, всегда моя!

Затем поднялся с земли, рывком поднимая меня следом и прижимая к себе, все так же удерживая руки:

— Делайте, что хотите, я забираю свое сокровище на корабль, у нас накопилось много дел, так ведь, любимая? — герцог недвусмысленно потерся об меня возбужденным естеством.

Я скривилась от ощущения гадливости, собрала все силы и дернулась, отскакивая в сторону.

— Никогда, слышишь, Найяр, никогда больше ты не будешь насиловать ни мое тело, ни мою душу! — выкрикнула я. — Можешь убить меня прямо сейчас, но я больше не буду принадлежать тебе, жестокий ублюдок! Я не вернусь с тобой в Таргар, я не стану твоей герцогиней, не рожу тебе наследников и не разделю ложа.

На обрыве вдруг воцарилась тишина. Второй мужчина округлил глаза, слушая меня. Его взгляд остановился на герцоге Таргарском. Я перевела взгляд на Ная, он стоял спиной к мужчине, губы его искривила холодная усмешка, а пальцы огладили рукоять ножа.

— Таргар? Герцог? — повторил он и усмехнулся. — Найяр Таргарский, значит?

— Уже подсчитываешь награду, Счастливчик? — спросил Най, полуобернувшись, и длинные аристократические пальцы сжали рукоять.

— Двести тысяч гольдеров неплохая замена шкурам дикарей, — ответил тот, кладя руку на рукоять меча.

— Осторожно! — вскрикнула я, но смертоносная сталь, сверкнув в лучах дневного солнца, вошла в горло Счастливчика.

— Вот и все твое везение, пират, — криво усмехнулся герцог и подошел к захлебывающемуся кровью мужчине. — А она Таргарская Ведьма. А герцогиня не святая, это я создал то чудо, чтобы отвадить святош от настоящей причины смерти моей супруги. Уф, даже легче стало, — хмыкнул он и обернулся ко мне. — А теперь ты, мое сокровище.

Я перевела потрясенный взгляд на Ная и попятилась, отчаянно мотнув головой. Силы вдруг оставили меня, и я не успела увернуться от рук ненавистного мне мужчины. Он притянул меня к себе и нагнулся, заглядывая в глаза:

— Ты бросила меня, — произнес герцог ледяным тоном. — Ты предпочла мне грязного дикаря, — радость на глазах менялась на жгучую ненависть. — Ты — моя душа, моя единственная ценность, хотела сдохнуть, так?!

— Лишь бы больше не видеть тебя, — ответила я, ощущая, как меня захлестывает огненная волна такой же жгучей ненависти, что сверкала в синих глазах Таргарского Дракона.

— Как быстро ты отдалась этой твари? Отвечай, — и меня жестко встряхнули.

— Сразу же, Най, как только покинула дворец, — я выплевывала ложь ему в лицо, наслаждаясь, как его гримасой боли. — Тебе не сравниться с ним, Най. Он во всем лучше. И даже, если ты утащишь меня, он все равно останется для меня первым и единственным. А ты всего лишь ненавистный и презренный зверь.

— Заткнись! — новый удар обрушился на мою щеку.

Голова дернулась, словно готова была сию же минуту расстаться с телом, но настроение герцога вновь стремительно поменялось. Я полетела на траву, он накрыл меня собой, придавливая к земле. Мужская рука метнулась под подол, стремясь добраться до моего естества. Я закричала, вцепилась зубами в его губу, прокусила и ощутила солоноватый вкус на языке. Удар по лицу и ожесточенный поцелуй. Это было, как кошмарный сон, из которого не выбраться. Я рыдала, извивалась, кричала, кусала, била, тут же получала новый удар, но продолжала сопротивляться.

Наконец, устав от борьбы, Найяр замер, приподнялся надо мной и с такой болью в глазах взглянул на меня, что я поперхнулась очередным проклятьем.

— Пойми, ты единственное, что у меня осталось. Без тебя мне жить не за чем, — прошептал он окровавленными припухшими губами. — Я не оставлю тебя здесь. И если ты меня вынудишь, я перережу всех, кто станет между нами.

— Найяр! — долетел до нас крик Флэйри.

Герцог отпустил меня и поднялся на ноги. Я вскочила следом и закричала:

— Флэй!

— Сам пришел, — удовлетворенно осклабился Найяр.

Он подошел к мертвецу, снял с его плеча лук и колчан со стрелам и усмехнулся:

— Не люблю незаконченные дела.

— Нет! — взвилась я и бросилась к нему, повисла на руках, не давая вскинуть лук. — Не смей!

Найяр откинул меня, словно брехливую собачонку, вскинул лук и натянул тетиву. Флэй стремительно приближался к нам. Он уже покинул укрытие из деревьев, и теперь нигде не мог спрятаться, но, кажется, мой муж и не собирался это делать. Он не свернул, лишь чуть отошел в сторону, и первая стрела пролетела мимо. Я вновь кинулась к бывшему любовнику, но он опять откинул меня, даже не оглядываясь. Вторая стрела настигла Рыся, впившись ему в плечо. Флэй упрямо приближался. Найяр вновь наложил стрелу.

Казалось, кошмар никогда не прекратиться. Я затравленно посмотрела, как стрела срывается со звякнувшей тетивы и влетает в бедро моего мужа. Еще одна вспарывает ткань рубахи, царапая бок, и я не выдержала. Подбежала к обрыву, взглянула вниз, гулко сглотнула и зажмурилась от собственной решимости, когда морская волна в яростном порыве разбилась о скалы.

— Най, если ты пустишь еще хоть одну стрелу, я прыгну, — пообещала я.

— Сокровище мое, я не слушаю шантажистов, — насмешливо произнес герцог, бросив на меня косой взгляд. — Да и слаба ты для такого прыжка.

Стрела сорвалась с тетивы, мерзко свистнула и впилась Флэю под ребра. Он дернулся, кажется, выругался, но вновь двинулся к Таргарскому Дракону. В этот момент я поняла, что Найяр сознательно дает подойти моему Рысю ближе, чтобы сделать уже прицельный и последний выстрел. Стрела легла на тетиву.

— Найяр! — истерично выкрикнула я. Он обернулся, и я горько усмехнулась. — Гори в огне Преисподней, Найяр Грэим.

Раскинула руки, оттолкнулась и полетела в водяную пропасть…

Он смотрел, как маленькая женщина, в которой сосредоточилось все, что было в его душа: любовь, ненависть, желание и сжигающей огонь тоски — раскинула руки и исчезла из глаз. Сделала? Она это сделала? Она это, действительно, сделала? Найяр мотнул головой, неуверенно хохотнул и сделал шаг в сторону обрыва.

— Даиль! — рев за спиной вырвал из оцепенения.

Бывший герцог откинул лук, ставший вдруг ненужным, и бросился к обрыву, надеясь… К бесам, да, на чудо! Если есть боги, если только они есть…

— Сафи! — крик вырвался из груди, помчался вслед за исчезающим в волнах телом и растаял, так и не вернув ту, ради которой он все еще жил. — Сокровище мое… — прошептал он и тяжело осел на землю, судорожно пытаясь сделать хоть один глоток воздуха.

Рядом остановился Грэир. Его хриплое дыхание вынудило обернуться, но ни желания мстить, ни даже кинуть в лицо обвинения у Найяра не возникло. Ему вдруг стало безразлично все, что волновало еще пять минут назад. Месть, злость, ненависть — пустое. Все пустое и ненужное, потому что:

— Это конец, — прошептал Найяр, поднимаясь с колен. — Дышать больше не для кого.

И он побрел, не разбирая дороги, не глядя под ноги, покачиваясь и оступаясь.

— Ты все-таки добил ее, — Руэри Тиган окинул его презрительным взглядом.

— Я… я просто хотел… боги, — он вцепился в волосы и повалился на землю. — За что? Что я сделал не так? Почему?!

И он завыл, страшно, подобно раненному зверю, загнанному в ловушку, из которой уже нет выхода.

— Ты хочешь найти ответы? Я помогу их найти, — Неил опустился рядом.

— Сафи, — простонал мужчина, — Сафи…

Перед глазами пронеслась фея в голубом платье, опутанная солнечным светом, смущенная девушка на балу, чужая невеста в храме, затравленная лань в его опочивальне, ненавидящий взгляд матери, лишенной своего ребенка, бледная тень, глядящая на казнь своего мужа, отчаянно сражающаяся за свою свободу дикарка, несчастная женщина…

— Несчастная? — потрясенно спросил бывший герцог у брата.

— Он только понял, — усмехнулся Тиган.

— Но я любил…

— И убил, — отчеканил Руэри. — Чудовища не умеют любить.

Призрак обдал поверженного мужчину ледяным призрением и исчез. Остался Неил. Он ждал, пока его брат поднимет на него глаза.

— За все приходит расплата, брат, — произнес призрак. — Ты уже платишь по счетам…

— Даиль! — собственный грудной рев оглушил его.

Флэйри, сын Годэла, протер глаза, все еще надеясь, что ему все это снится, что сейчас он проснется… Боль от стрелы прошедшей навылет между ребрами, подсказала — не спит.

— Нет, нет, нет, — прошептал он и сорвался с места, уже не обращая внимания на раны.

Желание вцепиться в глотку Таргарского правителя исчезла в тот же миг, как он увидел свою жену, безвольной куклой мелькнувшей в волнах. Пальцы до боли сжали каменный край обрыва, мужчина стиснул зубы и глухо застонал.

— Не-ет, Даиль, нет! — крик разбил грудь. — Зачем? Зачем?!

Боль от потери была так сильна, что затмила боль от кровоточащих ран, глаза жгло, но Флэй зло смахнул слезы, резко обернулся, но не смог выдавить из себя не слова, глядя на искаженное лицо Таргарского Дракона. Рысь смотрел, как герцог поднялся на ноги и побрел прочь, ссутулившись, словно из него выдернули стержень. Найяра мотало из стороны в сторону, и Флэй сразу потерял к нему интерес. И надрывный крик, неожиданно упавшего на землю тирана и убийцы не задел ни одной струны в душе мужчины, следившего взглядом за

mir-knigi.org

волнами, уносившими тело его жены.

Флэйри поднялся на ноги, огляделся и направился вниз, машинально вырывая из своего тела застрявшие стрелы. Он не замечал боли, не замечал ничего, стремясь на берег, чтобы… Зачем? Он не знал, просто хотелось быть ближе к ней, хотя бы так…

— Сафи! — долетел до мужчины крик того, кто второй раз отнимал у него любимую женщину.

— Чтоб тебя бесы жрал, — горько усмехнулся Флэй и поднял лицо к небу, пытаясь сдержать слезы.

Когда-то он думал, что, потеряв свою голубку, уже не сможет жить. Но за спиной остался маленький Конган, который так мало знал свою мать.

— Великая Мать, почему? — простонал Флэйри, опускаясь на влажную гальку.

Волны набегали на берег, окатывали его холодной водой, смывая сочившуюся кровь. Но мужчина не обращал внимания, полностью уйдя в свое горе.

— Боги, может вы мне ответите, за что вы так поступили с нами? — глухо спросил Флэй, вновь вскидывая лицо к небу.

Боги молчали, лишь волны продолжали накатывать. Мужчина опустил взгляд на море и замер. Недалеко от него лежало тело его жены. Флэй вскочил с места и помчался к ней, пока море не забрало этот дар — возможность взглянуть на нее в последний раз, прижать к себе, коснуться холодных губ…

Флэй упал на колени, подхватил Даиль за руки и подтянул к себе, перевернув лицом к верху. Мгновение рассматривал ее и задохнулся, потому что… она застонала. Тихо-тихо, едва слышно, но это был стон, а значит…

— Живая, — выдохнул, Флэй, не веря себе. — Мать, спасибо!

Мужчина поднял свою жену на руки и понес подальше от воды. Раны все-таки дали знать о себе. Голова Флэйри закружилась, и он снова упал.

— Ну, нет, не сейчас, — упрямо произнес он, снова поднимая маленькую женщину на руки.

Но несколько шагов, и он опять споткнулся. Флэй в отчаянии вскинул голову и увидел, как сверху смотрят Аргат и его брат Бэйри.

— Держись, брат! — крикнул Медведь и помчался вниз.

Бэйри поспешил следом. Флэй сел на песок, прижал к себе Даиль, прислушался к слабому дыханию и тихо рассмеялся. Теперь все будет хорошо, теперь уж точно. На веки вечные.

Эпилог

Фагарат. Мадельгарский мужской монастырь.

Серые тени бесшумно скользили по сумрачным коридорам, здесь были неприняты громкие звуки, даже разговоры не приветствовались. Никто не интересовался мирской жизнью монахов, творя лишь молитвы и обмениваясь короткими фразами. Братья шли к заутренней

mir-knigi.org

молитве, ежась от промозглого воздуха. Среди них, так же безмолвно, шел высокий, превышавший в росте многих, мужчина. Его некогда красивое лицо пересекал уродливый шрам, который он нанес себе сам, как знак того, что он отсек свое прошлое, что больше его не интересуют прежние забавы и радости, что отныне его лицо больше не должно пленять женские сердца, потому что перестало биться то единственное сердце, ради которого он хранил в себе силы.

Найяр Грэим, некогда блистательный герцог Таргара, бесстрашный Дракон и кровавый безумец, наконец, обрел свой покой в стенах монастыря, в который заточил себя самостоятельно, придавленный грузом своих деяний, про которые ему рассказывал покойный брат. Неил Грэим оставался единственным, как это было с самого детства, кого слушал синеглазый мужчина. Слушал он его и сейчас, слушал и ужасался. А потом простаивал подолгу на коленях, моля богов о прощении. Никто из братьев не догадывался, что в одинокой келье обитает не один, а два постояльца: живой и мертвый. Найяр оберегал эту тайну.

Днем он молился, работал в саду, помогал в деревушке при монастыре, как и остальные братья. А ночь стоял на коленях и слушал своего брата, все сильней опуская голову, когда груз обвинений достигал предела. А в краткие часы сна он видел маленькую фею, которая все кружилась и кружилась в переплетениях солнечного света.

Одинокий безумец, сменивший чужую кровь на собственные слезы, больше не искавший успокоения в чужой боли, находя в своей, он больше ни к чему не стремился и не мечтал. Только, пожалуй, иногда скучал по одному потустороннему существу, казненному им мужу своей возлюбленной фаворитке — Руэри Тигану. Почему? Найяр не мог объяснить, но их беседы, надо признаться, бывшему герцогу нравились. Но Тиган больше не приходил, и отныне с Найяром был только его брат. И это давало ощущение, что он не одинок.

— Ты должен искупить зло, которое принес в мир, брат, — поучал Неил.

— Да, брат, я дожжен искупить, — покорно соглашался сломленный Дракон.

— И тогда ты увидишь свет, — подбадривал его старший брат.

— Что такое свет? — Найяр вскинул голову и посмотрел на призрака.

— Свет — это добро, мой мальчик, — услышал он и обернулся.

Его мать стояла за его спиной и улыбалась той самой доброй и лучистой улыбкой, которую он так часто искал на устах Сафи.

— Матушка, — всхлипнул Найяр. — Только не уходи!

— Теперь мы будем вместе, Най, — ответила она.

— Всегда, — поддержал Неил, подходя к матери.

— И я увижу свет, — прошептал монах, закрывая глаза. — Однажды я обязательно увижу свет и Сафи.

Призраки переглянулись и истаяли, оставляя Найяра Грэима в его грезах.

* * *

— Р-рыси-ик…

— Что? — муж повернулся на бок, подпер голову кулаком и посмотрел на меня.

— Я хочу-у-у, — заныла я.

— Я тебя совсем перестану видеть, — возмутился Рысь.

— Ну, Ры-ысь, — канючила я, подбираюсь ко мне поближе.

— Голубка, я хочу видеть свою жену, — проворчал он и прикрыл глаза, когда моя рука завладела его естеством, а губы скользнули по шее. — Это нечестно, — прошептал Флэй.

— В достижении цели все средства хороши, — сообщила я, закидывая ногу ему на бедро.

Рысь перевернулся на спину, и я оседлала его. Положила руки на грудь, прикрыла глаза и двинула бедрами, скользя по его возбужденной плоти. Ладони мужа накрыли мою грудь, пальцы поиграли с тугими сосками, и я откинула голову, хрипло вздохнув.

— Хочу тебя, — глухо произнес он, но я продолжала свое упоительное скольжение. — Даиль…

— Скажи — да, — простонала я.

— Голубка… Да, — выдохнул Флэй, и позволила ему заполнить мое лоно. — Ты будешь еще и учителем.

— Да-а-а, — застонала я и впилась ему в губы…

Пока я и Флэй лечились под строгим надзором мамы, полностью захватившей нас, нашего сына и хозяйство, я все-таки доделала свой алфавит, опробовала и пришла к выводу, что нужно нести грамоту Рысям. Флэй, от нечего делать, помогал мне, мы даже с ним провели испытания, начав писать друг другу послания на дощечках. Рысь обещал подумать над моими устремлениями и благополучно забыл, как только нас признали здоровыми. Но я работала над этим вопросом и вот… добилась.

Кроме того, когда я пришла в себя после своего падения в море, муж довел меня до истерики, то жарко целуя, то отчитывая за мой поступок.

— Мы ведь были уже рядом! Если бы ты прибежала вместе Бальдом, ничего бы этого не было, любимая, — говорил мне рысик, сжимая мои пальцы горячими ладонями. — Нас было больше, чем пиратов, одних Рысей, но там были еще и Медведи, это была совместная охота, ты знала. Зачем, глупая?

— Я не могла рисковать нашим сыном, — отвечала я. — И если бы это повторилось, я бы повторила свой поступок.

— Задушу своими руками, — пообещал мой любимый мужчина и надолго приник к моим губам, избавляясь от своей боли и страха потерять наше счастье.

Он рассказал, что Бальда они увидели, когда подходили к поселению. Взволнованный парень не сразу смог объяснить, только все твердил:

— Даракон, даракон!

Понял его только Флэй. Муж не стал говорить, что он почувствовал в этот момент. Бальд повел мужчин туда, где видел пиратов. Их обнаружили быстро, ватага отклонилась от нужного направления. Пока Рыси и Медведи гнали разбойников, Флэй помчался на мои поиски, не дожидаясь никого. Он так же умолчал о своих чувствах, когда увидел, как меня терзает Найяр, и когда я прыгнула с обрыва в море. Но мне это было ненужно, я и так все видела по глазам и тихо плакала, впитывая в себя его переживания.

— Прости, — прошептала я.

— Живи для меня, — попросил он в ответ, и я поклялась, вырвав у него ответную клятву.

Пиратов, точней, тех, кто уцелел, гнали до берега. Уже уходя, мужчины увидели, как туда же спустился высокий мужчина, слепо шедший к морю, спотыкающийся чуть ли не на каждом шагу. Пираты, отошедши от берега на оставленной ими лодке, вернулись за ним. Рыси и Медведи позволили им забрать полоумного, как сказал Дэйри. То, что Найяр уплыл с верой мою смерть не могло не радовать. На этом мы забыли о его появлении, как о страшном сне. И услышать крик…

— Пришлые! Пришлых ведут! — в дверь просунулась голова Шоли. — Там пришлых ведут!

Мы с Флэем одновременно вздрогнули и вскочили с места.

— Я посмотрю, — сказал муж, стискивая рукоять охотничьего ножа.

Я кивнула, но все же направилась к двери и застыла, когда над поселением пронесся крик:

— Госпожа! Скажите, что вы здесь, госпожа! Госпожа моя!

— Не может быть, — выдохнула я и выбежала на улицу, оттолкнув остолбеневшего Рыся.

Дозор из нескольких воинов вел двоих мужчин. Они были связаны, и церемониться с ними никто не собирался. Рыси остановились и повалили пленников в пыль, ожидая появления старейшины.

— О, боги, — хрипло произнесла я сорвалась со своего места.

Растолкала воинов, упала на колени рядом с ними.

— Хэрб! Дьол! Вы! Здесь! Великая Мать, но как?! — от волнения я говорила на языке Ледигьорда, и они меня не поняли.

— Госпожа, я знал! — вскричал Хэрб, и его рыжая голова уткнулась мне в грудь.

— Девочка, живая, — тихо сказал великан-северянин и шмыгнул носом, вызвав этим мой счастливый смех.

— Развяжите их, развяжите! — потребовала я, вскакивая на ноги. — Это друзья!

— Это пришлые…

— Это свои, — произнес Флэй, стоя за моей спиной. — Доброго дня, — поздоровался он на таргарском.

— Тарг Грэир, — Хэрб поднялся на ноги, растирая освобожденные руки, — или как вас

называть?

— Флэйри, — усмехнулся рысик.

Я горячо обняла своих друзей.

— Как вы нашли нас?

— Его сиятельство, герцог Эбер Таргарский сказал, — ответил рыжик, хитро блестя глазами.

— Кто?! — одновременно переспросили мы с мужем.

— Эбер Военор, герцог Таргарский. Он же дал указание отвезти нас сюда и передать вам это, — Хэрб вытащил свиток. — И мы никуда не уйдем, — тут же упрямо сказал мой помощник. — Мы хотим остаться с вами.

— И останемся, — не менее упрямо поддержал Дьол.

Я кивнула, просто сил на слова не осталось, их поглотили эмоции. И услышать подробности, как Эбер стал Таргарским герцогом, я решила позже. Впрочем, коротко мужчины мне рассказали, пока мы шли до дома. Дьол был тяжело ранен и наемники не рискнули тащить его в дальний путь. Их с Хэрбом оставили у лекаря. Приглядывать и охранять раненных остались трое северян. Они готовились к обороне, а узнали, что Найяра свергли.

Мой помощник попался на глаза новому правителю спустя несколько месяцев. Тогда-то Военор и рассказал о подозрении, что я здесь. Хэрб загорелся желанием добраться до меня. Эбер подумал и решил дать указание доставить до Ледигьорда Хэрба и Дьола, решившего остаться с пареньком, "чтобы рыжий не натворил дел". Герцог написал письмо и передал его для меня. В общем-то, так они здесь и оказались. Корабль все еще ждал их, но утром он отчалит и отправиться к берегам Таргара.

— Это кто? — Дьол указал пальцем на колыбельку с Конганом, рядом с которой стояла мама Гомель.

— Наш сын, — ответил Флэй. — Конган, сын Флэйри, из племени Белой Рыси.

Моя большая нянька присел на корточки и широко улыбнулся:

— Настоящий воин, — сказал он.

— Рысь, — гордо ответила я. — Истинный сын Великой Матери.

— Как все чудно и диковинно, — улыбнулся мне Хэрб, разглядывая меня, поселение и Рысей. — А кто та рыженькая? — прошептал он, поймав взглядом ту девушку, которую когда-то прочили в невесты Флэйри.

Я рассмеялась, потрепала его по волосам и подтолкнула к дому:

— Вот в бане напаришься, переоденешься, тогда и на девушек смотреть будешь. Иди-иди.

Гаммель ушла в дом, чтобы накрыть стол для гостей, Флэй хотел услышать обо всем, что случилось в Таргаре за время нашего отсутствия. Шоли с подругами заняли свой пост возле колыбели, прислушиваясь к речи пришлых. Я улыбнулась мужчинам, погладила по головам девочек, поцеловала сына и зашла за дом, стремясь остаться наедине с собой. Тут я достала из

рукава свиток, сломала печать и начала читать…

"Уважаемая тарганна Сафиллина.

Сафи… Проклятье, я даже не знаю, как теперь называть тебя. Впрочем, какое бы имя ты сейчас не носила, главное, чтобы ты была живая и счастлива с тем, кто спас тебя из лап кровожадного чудовища. Я молюсь о том, чтобы ты, наконец, обрела счастье. Такая светлая душа, как твоя, заслуживает радостного смеха, а не слез.

Я не буду тебе рассказывать о событиях, которые привели меня на герцогский трон, о них тебе расскажут мои посланники и твои друзья. Хочу лишь сказать, что родители твои в добром здравии. Они горевали, узнав о твоей смерти, но я успокоил их, сказав, что ты можешь быть жива, и теперь они молятся за твое здоровье. Так же шлет тебе сердечное пожелание добра тарг Коген, мой добрый друг и советник. К бесам, так много хочется сказать, а слов не найти.

Я женат на очаровательной девушке, Шарли Грэим, это чистое создание заслуживает уважения и счастья, это я и стараюсь ей дать. Недавно Шарли осчастливила меня известием, что носит под сердцем ребенка, так что скоро у меня будет наследник, маленький герцог Таргарский…

Смешно, я все еще привыкаю к своему новому титулу, но власть берет в свои цепкие лапы. Пока Таргар купается в мире и покое, надеюсь так и будет дальше. Да, хочу тебя уверить, что твои начинания не пропали даром. Лекарское училище, наконец, набрало первых студентов. Моя супруга переняла твою науку и занялась благотворительностью. Она и еще несколько тарганн возродили комитет, который занимается строительством школ, столовых и лазаретов. Все, как ты когда-то хотела.

И за своих подопечных ты можешь не волноваться. Они прекрасно провели прошедшую зиму. Взрослых ребят я забрал в столицу, теперь они получают образование и хорошие места, кто пожелал сразу работать. Я слежу за их судьбой и хочу уверить, что тебе не о чем беспокоиться. Фон пречистой Сафиллины, основанный мной и моей супругой, собирает средства для создания новых приютов. Твое имя больше не пачкают. Пусть не сейчас, не сразу, но Таргар узнает, какая на самом деле была их Ведьма.

Что еще сказать… Сафи, милая, надеюсь, ты не будешь злиться, но я так долго держал это в себе… Я помню тебя, маленькая тарганна. Помню и буду помнить, сохраняя в душе то тепло, что ты дарила одной своей улыбкой. Наверное, я слишком долго тайно любил тебя, раз сердце до сих пор не хочет до конца отпустить это чувство. И те мгновения, что ты подарила мне, они останутся со мной до конца. Но я не страдаю, я счастлив знать, что ты есть, что жива и счастлива.

Если тебя не затруднит, передай хотя бы устно через капитана корабля, что ты все еще смотришь на одно со мной небо.

Преданный тебе добрый друг

Эбер Военор, волею судьбы,

герцог Таргарский."

Я свернула свиток и прикрыла глаза, стремясь сохранить тепло, что подарили строки этого удивительного мужчины. Я обязательно спущусь на берег и напишу ответное письмо для Эбера. Взглянув на письмо, я усмехнулась и оторвала последний абзац, чтобы мой обожаемый Рысь не выпустил когти. После этого спрятала оторванный кусочек, чтобы сжечь его, и направилась в дом. Я остановилась на пороге, глядя на шумного Дьола, веселого Хэрба, свекровь, натянувшая на лицо деланную строгость, а потом перевела взгляд на мужа, державшего на руках нашего сына. Флэй обернулся к двери и улыбнулся мне.

— Жарче огня, — тихо произнесла я.

— И ярче солнца, — ответил мой любимый, не сводя с меня сияющего нежностью взгляда.

Наконец-то, я могу сказать, что мы оплатили все наши счета. Мы выстрадали и заслужили наше общее и светлое счастье, что греет жарче огня и светит ярче солнца.

Конец.

mir-knigi.org